

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

Non multa, sed multum

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 1 (75), Том 11
Весна 2005**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Сергей Э. Приходько
Роланд М. Тимербаев
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков

ISSN 1026-9878

PIR CENTER
Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР
Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Учредитель

ПИР-Центр политических исследований:

Елена В. Арбекова, стажер
Мэтью Булдин, стажер
Владимир З. Дворкин, генерал-майор, консультант
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Даниил О. Кобяков, научный сотрудник
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., консультант
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Надежда В. Медведева, секретарь
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Елена Д. Полидова, руководитель информационно-консультативного отдела
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Роланд М. Тиммербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Виталий В. Федченко, координатор образовательных проектов
Андрей Л. Фролов, научный сотрудник
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра, директор образовательных проектов
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

Издатель

ООО «Триалог»

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>

Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка

Подписка и распространение (подробнее см. с. 197)

В России:

- «Роспечать». Подписной индекс в каталоге – 79280, с. 589
- «Триалог». Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный купон вместе с квитанцией об оплате направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог», тел: +7-095-764-9896; <http://www.trialogue.ru>

За рубежом:

- Swets Blackwell: тел: +31-252-435-111; факс: +31-252-415-888; e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com; <http://www.swetsblackwell.com>
- East View Publications, Представительство в России, тел: +7-095-777-6558; факс: +7-095-318-0881; <http://www.eastview.com>

№ 1 (75), Том 11
Весна 2005

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Андрей Л. Фролов, выпускающий редактор
[frolov@pircenter.org]
Даниил О. Кобяков, корреспондент
[kobyakov@pircenter.org]
Юлия Ю. Таранова, технический редактор
Наталья С. Маркарова, литературный редактор
Маргарита М. Крючкова, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 11/13, стр. 1, офис 025
Редакция *Ядерного Контроля*
Телефон редакции:
+7-095-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-095-234-9558

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 27 января 2005 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- 9 **Группа высокого уровня свое дело сделала – «процесс пошел»** – Генеральный секретарь ООН К. Аннан сильно рисковал, создавая Группу высокого уровня. Однако риск оправдался: подготовленный «16 мудрецами» доклад, посвященный оценке актуальных угроз и легитимности применения силы при их разрешении, представляет собой разумный компромисс интересов, при этом являясь весьма убедительным и полезным, так как содержит рекомендации, как сделать ООН более эффективным инструментом совместного решения глобальных проблем.

ИНТЕРВЬЮ

- 13 **«Как можно говорить о развитии атомной энергетики и при этом накладывать ограничения на это развитие? – вот дилемма, стоящая перед участниками ДНЯО»** – **Серхио Дуарте** – Каковы перспективы Общей Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия 2005 г. и что является основным вызовом режиму нераспространения, – эти вопросы поднимаются в интервью председателя Конференции С. Дуарте главному редактору журнала Владимиру Орлову. Одним из возможных механизмов укрепления режима является придание обязательного статуса положениям Дополнительного протокола, которые являлись бы обязательными для всех неядерных государств.
- 23 **«Вопросы борьбы с терроризмом займут центральное место в новой Концепции национальной безопасности России»** – **Николай Спасский** – Об особенностях разрабатываемой Концепции, или Стратегии национальной безопасности, ее отличиях от Концепции 2000 г., о мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом, перспективах адаптированного Договора об ограничении во-

оруженных сил в Европе, отношениях Россия – НАТО и российско-иранском сотрудничестве в ядерной области рассказывает в своем интервью Владимиру Орлову заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н.Н. Спасский.

А Н А Л И З

- 29 **Безопасность ядерного оружия – приоритет России на долгосрочную перспективу – Владимир Верховцев** – На примере учений «Авария-2004» автор рассматривает практические шаги по охране российского ядерного арсенала и приходит к выводу, что российские меры защиты соответствуют принятым в ядерных державах критериям ядерной безопасности, не уступают мировым стандартам, а по некоторым показателям (в частности, по критериям устойчивости к несанкционированным действиям) и превосходят их. В статье отмечается, что для обеспечения надежной охраны ядерного оружия Россия на протяжении многих лет сотрудничает в том числе и с зарубежными партнерами, опираясь при этом на знания иностранных специалистов, имеющих большой практический опыт работы в этой области – как на самом высоком политическом уровне, так и на уровне специальных вопросов.
- 41 **К вопросу о ядерной доктрине Индии – Раджеш Басрур** – Насколько ядерная стратегия Индии оказалась сбалансированной и добилась ли Индия поставленных целей с появлением у нее ядерного оружия (ЯО)? По мнению автора, будущее ядерно-оружейного арсенала страны выглядит неопределенно, в первую очередь из-за рискованной стратегии применения ЯО как элемента политики по отношению к Пакистану, которая на практике показала свою неэффективность и опасность. Вследствие этого, считает автор, в будущем ЯО, вероятно, будет занимать относительно скромное место в политике безопасности Индии.
- 51 **Противоракетная оборона после Договора по ПРО – Павел Подвиг** – Сегодня невозможно предвидеть все позитивные и негативные последствия решения США о начале развертывание противоракетной обороны. Однако, утверждает автор, развертывание системы ПРО не сможет обеспечить решения стоящих перед ней задач и не окажет существенного влияния на внешнюю политику США. В итоге система ПРО скорее всего займет место, аналогичное тому, которое занимают системы противовоздушной обороны – важного компонента вооруженных сил, способного оказать существенное влияние на ход того или иного конфликта, но не способного изменить стратегический баланс в отношениях между странами.

- 65 **Станет ли ИБОР действенным инструментом политики контрраспространения? – Александр Калядин** – Каково место и роль Инициативы по безопасности в области распространения (ИБОР) в предотвращении дальнейшего расползания ОМУ в «арсенале» нераспространения? Автор полагает, что существенное расширение международной поддержки ИБОР отразило новые тенденции в сфере нераспространения, в частности изменения в отношении государств, которые не соблюдают нормы режима нераспространения ОМУ. Так, Россия присоединилась к ИБОР, так как этого требуют ее жизненные интересы в сфере безопасности. Став членом «ядра» ИБОР, Россия сможет активно участвовать в процессе принятия конкретных решений, способствовать более эффективному использованию коллективных возможностей для укрепления режима нераспространения.
- 81 **Большая игра в Центральной Азии – Винсен де Китспоттер** – Действия США в регионе после 11 сентября 2001 г. были направлены не только на решение проблем безопасности в краткосрочной перспективе, но и объективно способствовали установлению определенной стабильности в Центральной Азии. Однако, по мнению автора, участие США в проблемах региона прежде всего преследует долгосрочные стратегические задачи, которые, вероятно, могут привести к дестабилизации обстановки из-за появления новых вызовов безопасности в странах Центральной Азии и в регионе в целом.

П О Л Е М И К А

- 103 **Взаимное гарантированное уничтожение: возможна ли альтернатива? – Алексей Обухов** – В статье рассматривается современный статус ключевой составляющей доктрины ядерного сдерживания – концепции «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ). Автор выступает против попыток вернуться к ядерной конфронтации времен холодной войны, а применительно к сегодняшнему дню вводит понятие «неконфронтационного сдерживания/устрашения» и предлагает, чтобы США и Россия заменили опасную концепцию ВГУ широкой договоренностью о взаимной безопасности.
- 117 **Северокорейский ядерный кризис и международные отношения в Северо-Восточной Азии – Ёсинори Такэда** – Какое влияние Северная и Южная Корея, Китай, Россия, США и Япония оказывали на кризисную ситуацию вокруг Корейского полуострова? Автор приходит к выводу, что большую часть 1990-х гг. США, наряду с КНДР, являлись фактически единственным субъектом, влияющим на развитие северокорейского кризиса. Причина «монополизации» корейской проблемы Вашингтоном прежде всего заключалась в том, что КНДР не уделяла должного внима-

ния отношениям с другими государствами и организациями. К тому же остальные игроки не проявляли большой активности в процессе урегулирования проблем на Корейском полуострове, в том числе разработке ракетно-ядерной программы.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 133 **Угроза использования ЭМИ-оружия в военных и террористических целях – Владимир Белоус** – В скором времени вероятны террористические акции с использованием оружия, воздействующего на различные объекты с помощью мощного электромагнитного импульса (ЭМИ). Автор полагает, что для нейтрализации этой угрозы необходимо объединить усилия ученых разных стран с целью обнаружения и нейтрализации устройств, которые могут быть использованы для реализации подобных сценариев, а также с целью разработки методов противодействия и защиты объектов от нанесения ударов с помощью ЭМИ-оружия. Не исключено, что по своей значимости для обеспечения национальной безопасности такие работы уже в недалеком будущем станут не менее актуальными, чем создание системы ПРО, и важность этой программы с течением времени будет только возрастать.

- 141 **Атомное надводное судостроение в начале XXI века – Михаил Барабанов** – В статье дается краткий исторический очерк, современное состояние и перспективы атомного военного и гражданского надводного судостроения. Автор отмечает, что в настоящее время происходит снижение энтузиазма военных флотов относительно применения ядерных установок на эскортных боевых кораблях и крейсерах. В статье анализируются причины продолжающегося применения атомной энергетики на авианосцах ВМС США.

О Б З О Р

- 149 **О распространении химического и биологического оружия в странах Ближнего Востока и Северной Африки – Валентин Юрченко** – Страны региона проводят работы по созданию и производству химического и биологического оружия в условиях максимальной закрытости, в том числе вопреки официально взятым на себя международным обязательствам. При этом, по мнению автора, относительная доступность данных видов ОМУ, наличие необходимой инфраструктуры и специалистов, а также средств доставки способствуют овладению химическими и биологическим оружием ближневосточными и североафриканскими государствами.

- 159 **Новые направления программы Глобального партнерства – Алексей Шитиков** – Меняющиеся условия, в которых должна выполняться программа Глобального партнерства (ГП), могут внести коррективы в сроки начала реализации проектов и структуру взаимодействия, отмечается в статье. По мнению автора, России необходимо определить те новые направления сотрудничества, которые будут реализованы в рамках ГП и видятся наиболее значимыми с точки зрения нераспространения и защиты национальных интересов. Принципиально важно, чтобы все новые проекты соответствовали основополагающим принципам ГП, а также чтобы весь потенциал сотрудничества использовался для решения конкретных задач в области нераспространения и ликвидации угроз, связанных с использованием ОМУ в террористических целях.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 171 **Уроки четвертой Обзорной конференции по ДНЯО 1990 года – Роланд Тимербаев** – Автор на основе своих дневниковых записей восстанавливает события завершающего этапа консультаций по выработке заключительного документа конференции, затрагивающего вопросы о ядерных испытаниях. В статье отмечается, что Конференция 1990 г. завершилась без принятия заключительной декларации, но это никак не снизило значение ДНЯО и не снизило его эффективности. При этом ее результаты послужили отрезвляющим и в определенной степени мобилизующим фактором для США. Несмотря на исторический характер описываемых событий, они не теряют своей актуальности и сегодня.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 177 **Разоружение Ирака – Геннадий Евстафьев** – На страницах воспоминаний главы Комиссии ООН по Ираку Х. Бликса подробно рассказывается о потраченных годах и миллионах долларов в погоне за призраком, которого автор мемуаров метко окрестил «оружие массового исчезновения» в Ираке.
- 181 **Книжные новинки – Даниил Кобяков** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

П И С Ь М А Р Е Д А К Т О Р У

- 183 **Махмут Гареев** – Автор предлагает определиться с будущим ядерного сдерживания в отношении США и России, так как нынешняя ситуация, при которой слова («ракеты ни на кого не нацелены») сильно отличаются от реального положения дел.

185 S U M M A R Y

189 O Б А В Т О Р А Х

193 Э К С П Е Р Т Н О - К О Н С У Л Ъ Т А Т И В Н Ы Й С О В Е Т

197 О П О Д П И С К Е

ГРУППА ВЫСОКОГО УРОВНЯ СВОЕ ДЕЛО СДЕЛАЛА – «ПРОЦЕСС ПОШЕЛ»

В 2004 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан создал так называемую «Группу высокого уровня» для оценки характера перемен, произошедших в мире, новых вызовов и угроз, с которыми сталкивается человечество. Перед Группой была поставлена цель – попытаться найти согласованное мнение относительно перспектив и, в ряде наиболее критических ситуаций, возможных путей их разрешения, в том числе по одному из самых злободневных современных вопросов-условий и вообще уместности применения силы в международных отношениях для нейтрализации угроз стабильности и безопасности всех народов.

Сейчас, когда доклад Группы уже представлен, стало очевидным, что К. Аннана удалось создать достаточно объективную и неплохо сбалансированную команду из 16 видных политических и государственных деятелей различных стран, в состав которой президент России В.В. Путин предложил Е.М. Примакова. Группа создала интеллектуально насыщенный стостраничный документ, ставший, естественно, компромиссным, но весьма убедительным и полезным, содержащим совет, как сделать Организацию Объединенных Наций более эффективным инструментом совместного решения глобальных проблем. Доклад, представленный 16 «мудрецами», как их теперь окрестили, называется «Более безопасный мир: наша общая ответственность». Уже в своем названии он содержит главное послание странам – участницам ООН – односторонние, а тем более силовые действия для устранения общих угроз в современном мире неприемлемы и чреваты тяжелыми политическими, морально-психологическими, экономическими и другими последствиями для всех без исключения.

На базе «Доклада 16» Генеральный секретарь ООН собирается в марте 2005 г. представить свое видение путей, с которых можно начать преодоление упадка авторитета этой международной структуры. Сейчас главное – не допустить, чтобы известная своей уникальной политической изворотливостью ооновская штабная бюрократия не выхолостила оценки и выводы, а в то же время не размыла рекомендации Группы высокого уровня в предстоящем, ключевом для судьбы этой организации, Докладе – теперь уже докладе самого К. Аннана. В этом смысле очень хорошо, что «Доклад 16» полностью опубликован.

В чем видится основное достижение документа Группы высокого уровня? Конечно, он многоплановый. Но принципиально важно то, что в нем предпринята коллективная попытка подвести итоги развития мира за последние 60 лет – с 1945 по 2005 гг., и показано, что сегодня все мы живем в другом мире по сравнению с тем, который существовал в 1945 г., когда создавалась ООН и закладывались основы существующего миропорядка. В Докладе отмечается, что сегодня наряду с привычными и традиционными угрозами мы сталкиваемся с хитросплетением новых вызовов и угроз, с которыми еще не научились эффективно бороться и которые зачастую весьма усложняют «старые, мягкие» угрозы и придают им более жесткий характер.

Думается, что основной заслугой авторов является то, что они отважились дать четкое определение этим новым угрозам и вызовам и в основном справились с поставленной перед собой задачей. Они не поддались искушению построить некую, столь любимую политологами западного мира иерархическую конструкцию угроз и вызовов, а показали взаимосвязанный – отнюдь не в примитивной трактовке – характер современных угроз безопасности для всего мира. В конце концов, если для одной части планеты приоритетной является угроза терроризма и распространения оружия массового уничтожения, то, например, для Африки, где живут такие же люди и где за последние годы от СПИДа и похожих заболеваний погибло около 30 млн. человек, приоритетность угроз носит, видимо, несколько иной характер. Но и чтобы этот эпидемический вал не захлестнул всех нас и не вызвал крушения нашего миропорядка, мы должны нести взаимную ответственность за безопасность друг друга.

Очевидно, что такое страшное проклятие современного мира, как терроризм, вырастает не из бедности, или не столько из бедности, сколько из несправедливости. Общеизвестно, что организаторами нынешней волны терроризма являются достаточно обеспеченные и образованные люди, особенно из Саудовской Аравии, которые в ряде регионов мира поставили широкое недовольство населения на службу своим политическим, конфессиональным и даже экономическим интересам и преуспели в этом.

Группа высокого уровня попыталась наконец дать описание и определение «терроризма», естественно, в дополнение к уже существующим в соответствующих конвенциях и известной Резолюции 1566 (2004 г.). Принципиально своевременным является вывод о том, что террористы наносят удар по основополагающим ценностям: по правам человека и верховенству закона. Поэтому в борьбе против них не следует «целиком и полностью концентрироваться на военных, полицейских и разведывательных мерах», которые грозят привести к отчуждению больших групп населения мира и тем самым ослабить потенциал коллективных действий против терроризма. Борьба с терроризмом требует денег, и в целом идея создания целевого фонда при Исполнительном директорате Контртеррористического комитета ООН может оказаться приемлемой, но при условии, если это действительно «предоставит государствам (реально страдающим от последствий терроризма) доступ к эффективным правовым, административным и полицейским инструментам для предотвращения терроризма».

Весьма обоснованно Группа высокого уровня уделила в Докладе повышенное внимание вопросам распространения оружия массового уничтожения и связанных с ним технологий и материалов. Нет возражений и против основного вывода «16 мудрецов» – «режим нераспространения ядерного оружия в настоящее время находится под угрозой. [...] Мы приближаемся к такой точке, после которой размывание режима ядерного нераспространения может стать необратимым и приведет к лавинообразному распространению». Вместе с тем многие специалисты могут счесть такой вывод излишне алармистским. Думается, однако, что наряду с предотвращением краха Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) именно Организация объединенных наций должна активно ставить также и задачу скорейшего придания ДНЯО универсального характера, иначе повиснут в воздухе и некоторые далеко идущие идеи перестройки Совета Безопасности ООН.

В свое время в рамках Женевской конференции по разоружению работал, под председательством представителя канувшей в историю ГДР, подкомитет по радиологическому оружию. По инициативе наших западных коллег он был ликвидирован, однако возвращение Группы высокого уровня в своем Докладе к этой проблеме показывает, что все мы поспешили. Представляется исключительно точным следующий вывод «мудрецов»: «Прямую угрозу создает радиологическое оружие, которое скорее является *Оружием массовой дезорганизации*, чем оружием массового уничтожения». Именно в симбиозе терроризма и радиологического оружия лежит одна из самых страшных новых угроз миру и безопасности. Обозначив четыре вектора стратегии по предотвращению распространения, Группа высокого уровня впервые четко зафиксировала свое положительное отношение к «принудительным мерам, принимаемым Советом Безопасности и опирающимся на *Совместный* сбор и анализ достоверной информации». Мы потому так выде-

ляем здесь некоторые слова, поскольку считаем, что в них содержится согласованный и достойный ответ на большинство аспектов иракского кризиса.

Нельзя также не обратить внимания на ряд других нюансов, содержащихся в заключениях «мудрецов», прежде всего относительно выполнения обязательств по статье VI ДНЯО, т.е. продвижению по пути ядерного разоружения. Не секрет, что в последнее время вопросы сокращения стратегических вооружений в повестке дня российско-американских переговоров как-то незаметно отошли на задний план, и это, конечно, будет отмечено на предстоящей в мае 2005 г. Обзорной конференции по рассмотрению ДНЯО. В п. 121 Доклада предлагается реализация давно разрабатываемой в Департаменте разоружения ООН идеи поэтапного снятия стратегических ядерных боеголовок с боевого дежурства. Следует, однако, отметить, что при всей внешней привлекательности этой идеи и ее полезности как меры некоторого укрепления доверия и безопасности, она вряд ли может рассматриваться как разоруженческая мера. А тот факт, что при выполнении этой меры на одну доску ставятся, фактически уравниваются и официально признанные ядерные державы и «неофициальные», де-факто ядерные страны, причем последние – без принятия на себя каких-то дополнительных обязательств, не сулит этому предложению «легкого плавания». Весь комплекс вопросов, связанных с МАГАТЭ и Дополнительным протоколом, понятен, но хотелось бы при этом убедиться в международной поддержке усилий по разработке реакторных технологий, устойчивых к распространению военных технологий.

И наконец, последнее и, пожалуй, самое главное. В своем интервью в декабре 2003 г. К. Аннан сказал, что ООН нуждается в ответах на многие животрепещущие вызовы современной политической жизни: когда и при каких условиях оправданно применение силы, правомочно ли одностороннее применение силы, когда и какие санкции оправданы, что такое национальный суверенитет в современных условиях, какой ответ следует давать геноциду, как относиться к «выплескиванию» внутренних конфликтов на международные отношения и т.п. Создав Группу высокого уровня, К. Аннан сознательно рискнул. Сейчас уже можно ответить, что риск оправдался. Группа высокого уровня достойно выполнила свою миссию и дала взвешенные ответы на эти и другие вопросы.

Прежде всего, альтернативой набирающему ход унилатерализму в международных делах являются коллективные действия государств – членов ООН, в особенности постоянных членов Совета Безопасности. Национальный суверенитет должен быть сохранен, но он не должен становиться препятствием для осуществления превентивных действий со стороны мирового сообщества по решению СБ ООН в тех исключительных случаях, которые будут им сочтены необходимыми. При рассмотрении вопроса о том, санкционировать ли применение военной силы, СБ ООН должен всегда учитывать, независимо от других соображений, по крайней мере пять базовых критериев легитимности, включая серьезность угрозы, обоснованность цели и то, что военная сила – это крайнее средство, соразмерность планируемых средств масштабу угрозы, просчитанный учет последствий применения силы. Вот эти и, возможно, некоторые другие руководящие принципы применения силы должны быть закреплены в соответствующих резолюциях СБ и Генеральной Ассамблеи.

Всего в Докладе Группы высокого уровня содержится более ста предложений и рекомендаций по организации своевременного и эффективного реагирования на вызовы и угрозы XXI в., включая развитие международного потенциала принуждения, постконфликтного миростроительства, а также рекомендации по реорганизации самой Организации Объединенных Наций, ее Совета Безопасности и Секретариата этой организации. Это огромные и долгосрочные самостоятельные задачи, требующие отдельного детального рассмотрения.

Группа высокого уровня свое дело сделала – запустила процесс. Теперь дело чести Генерального Секретаря ООН и его сотрудников правильно осмыслить и применить полученный интеллектуальный импульс на пользу общего дела.

СТАНЬ АВТОРОМ НОВОГО НАЗВАНИЯ ДЛЯ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели!

Журнал *Ядерный Контроль*, который в 2004 г. отпраздновал 10-летний юбилей, повзрослел, и ему становится тесно в его нынешних «ядерных» одеждах. Как вы заметили, в последние годы список тем журнала постоянно расширяется, и наряду с вопросами собственно ядерной проблематики и нашей традиционной проблематики по нераспространению ОМУ в журнале стали появляться статьи и по иным вопросам международной безопасности: информационной, энергетической, экологической. Опубликованы или готовятся к выходу в свет статьи по вопросам будущей архитектуры европейской безопасности, борьбы за влияние в Центральной Азии, военно-технического сотрудничества России с другими государствами, развития авиационной и морской техники в XXI веке...

Такое разнообразие неизбежно привело нас к мысли о том, что обложка с заслуженным и, конечно, привычным для всех нас логотипом *Ядерный Контроль* невольно вводит читателей, особенно новых – а наша читательская аудитория заметно расширяется вместе с расширением проблематики, – в заблуждение. Поэтому Редколлегия издания приняла принципиальное решение о смене названия журнала. Смена эта будет плавной: *Ядерный Контроль* просуществует под старым названием весь 2005 г., продолжая курс на расширение проблематики, а вот начало 2006 г. (кстати, это будет год саммита «восьмерки» на российской земле) ознаменуется сменой названия, и вы получите наш журнал в прежнем формате и с прежней периодичностью, но уже под новым заголовком...

И вот здесь мы пока сделаем паузу. Ведь, как рассудили члены редколлегии, сами читатели журнала, как никто другой, могут наилучшим образом охарактеризовать динамику нашего развития и дать журналу новое имя. Именно по этой причине редакция журнала *Ядерный Контроль* объявляет сегодня конкурс на название для его преемника. Причем, конечно, на двух языках: русском и английском. **Автор победившего варианта будет награжден годовой подпиской-2006 на соответствующем языке.** Подпиской на российский журнал по вопросам международной безопасности.

Редакционная коллегия журнала *Ядерный Контроль*

Серхио Дуарте | КАК МОЖНО ГОВОРИТЬ О РАЗВИТИИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И ПРИ ЭТОМ НАКЛАДЫВАТЬ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ЭТО РАЗВИТИЕ? – ВОТ ДИЛЕММА, СТОЯЩАЯ ПЕРЕД УЧАСТНИКАМИ ДНЯО¹

Посол С. Дуарте (Бразилия) в течение многих лет отстаивал позицию своей страны по вопросам международной безопасности, разоружения и развития. Он традиционно симпатизировал взглядам неядерных государств – критиков слишком медленного, по их мнению, процесса сокращения ядерных вооружений государствами – обладателями ядерного оружия.

В мае 2005 г. послу С. Дуарте предстоит нелегкая задача: не поступаясь собственными принципами, дистанцироваться от позиции собственной страны, от позиции Коалиции за новую повестку дня (КНПД), в которую входит Бразилия, попытаться «встать над схваткой» в качестве Председателя Конференции 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). А точнее, задача в том, чтобы как раз не допустить «схватки», использовав весь свой дипломатический талант, пройти между Сциллой и Харибдой. Это будет особенно не просто, учитывая, какой хаос оставило в наследство послу Дуарте последнее (2004 г.) заседание Подготовительного комитета (Препкома) к Конференции.

Посол Дуарте приступает к серии консультаций с представителями наиболее весомых сил на Конференции 2005 г. В сентябре 2004 г. он посетил Москву, в феврале 2005 г. планирует приехать снова.

Для ознакомления с взглядами различных государств на наиболее острые проблемы ядерного нераспространения С. Дуарте в ноябре 2004 г. приехал в Гавану (Куба) по приглашению ПИР-Центра и Института международных отношений при МИД Кубы. В Гаване он отметил свое 70-летие.

Главный редактор Ядерного Контроля Владимир Орлов беседует в Гаване с послом Серхио Дуарте о предстоящей Конференции по рассмотрению действия ДНЯО.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каковы основные проблемы, которые вы могли бы отметить сегодня, и что должно быть сделано для их разрешения до начала работы очередной конференции по ДНЯО?

ДУАРТЕ: Мы сталкиваемся как со старыми проблемами, которые пока еще не решены, так и с новыми, которые нам еще предстоит решать – все это является срочным, важными и необходимым.

К старым проблемам относится вопрос о трех основополагающих положениях настоящего Договора. Государства, не обладавшие ядерным оружием, обязались согласиться на нераспространение, приняли на себя соответствующие ограничения, в обмен на это призвав ядерные державы перейти к ядерному разоружению и признать за

ними право на развитие исследований и использование ядерной энергии в мирных целях. Для этой проблемы решения еще не найдено. Большинство участников ДНЯО придерживаются принятых на себя обязательств и не обзавелись ядерным оружием. Но необходимо отметить, что некоторые государства его все же создали – это Индия, Пакистан и Израиль, хотя все они и не являются участниками данного Договора.

Кроме того, мы отмечаем достаточно скромный прогресс в ядерном разоружении, заметно весьма ограниченное стремление делом подтвердить свою приверженность этому. Есть государства, которые не только пытаются навсегда сохранить свои арсеналы, но и занимаются их обновлением. При этом, снимая с вооружения ранее созданные системы оружия, к настоящему времени устаревшие, они одновременно разрабатывают новые ядерные комплексы; эти страны действуют так, словно ДНЯО навсегда дал им право обладать таким оружием и как бы легитимизировал его. Таковы существенные противоречия в плане соблюдения положений Договора сегодня, они для нас не новы, но их следует разрешить или же, как минимум, выработать соответствующий план действий.

Но появляются и новые проблемы. Некоторые государства – к счастью, их пока еще не много – пытаются использовать свое законное право на ведение работ по мирному использованию ядерной энергии, как минимум, не вполне точно или же не должным образом. В этой связи в ходе предстоящей конференции нам необходимо дать четкое определение такого права. Заметим, что само данное право неотъемлемо. Оно признано в самом Договоре, его невозможно отменить и необходимо сохранять. Итак, как же можно способствовать развитию атомной энергетики, одновременно накладывая ограничения на выполнение работ в этой области? Это непростая дилемма, но мне представляется, что на конференции будет найден определенный подход и к ее решению.

Наконец, мы столкнулись с совершенно новой проблемой – возможностью ядерного терроризма. Как предотвратить попадание ядерного оружия в руки террористов из так называемых негосударственных групп? Считаю, что хотя напрямую в сферу действия ДНЯО эта задача и не входит, но этот документ весьма полезен – определенные решения можно принять в рамках самого Договора или же доработать его положения так, чтобы охватить и эту новую проблему. Это вполне возможно сделать. Вот в целом те основные проблемы, с которыми мы сталкиваемся на сегодня – не все они новы, о существовании многих из них известно достаточно давно.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Ряд экспертов и некоторые официальные лица утверждают, что в настоящее время имеются новые механизмы для противодействия распространению, включая американскую Инициативу по безопасности в области распространения (к ней присоединилось вот уже более 60 стран), а также Резолюцию 1540 Совета Безопасности ООН по негосударственным преступным группам. По их мнению, не ДНЯО, а именно эти механизмы адекватны современным угрозам. А соответствует ли сам Договор столь сильно изменившейся обстановке?

ДУАРТЕ: ДНЯО вполне соответствует требованиям современной обстановки. То, о чем вы упомянули выше, является инициативным решением или срочным, вынужденным ответом на явления кризисного характера. Ни в коем случае не хотелось бы делегитимизировать ни решения Совета Безопасности, ни упомянутую американскую инициативу.

Механизм, предложенный в рамках Резолюции 1540 СБ ООН, является вполне законным. Непосредственно в Уставе ООН прописана обязанность Совета Безопасности решать вопросы по обеспечению мира и безопасности на планете. Нам необходимо лишь перевести уже принятые решения (имею в виду те, которые недавно были одобрены Советом Безопасности) в практическую плоскость, обеспечить их поддержку и выполнение всеми государствами – членами Организации Объединенных Наций.

В случае же американской инициативы дело совсем иное. Как мне представляется, она является предложением отдельной группы государств, добровольно объединившихся для действий в рамках определенной процедуры. Повторюсь, я не хочу делегитимизировать такой подход, но полагаю целесообразным, чтобы действия, выполняемые по линии упомянутой инициативы, были должным образом кодифицированы, согласованы и стали приемлемы для всего международного сообщества, образующего Объединенные Нации. В данном случае мы имеем дело с коалицией из малого числа государств – пусть даже весьма могущественных, но немногочисленных, при этом их действия ставят под сомнение не столько действенность ДНЯО, сколько все усилия ООН, что значительно осложняет дело. Полагаю, что данная инициатива, пожалуй, имеет свою ценность, и для нее вполне можно найти определенное приложение, однако она не представляет собой единственно возможный подход к решению проблемы, причем не хотелось бы, чтобы предусмотренные в этой инициативе методы нашли последователей среди членов международного сообщества. В этом же плане следует оценивать и деятельность Группы ядерных поставщиков, объединяющей небольшое число государств, совместно решающих определенную задачу; к подобного же рода объединениям следует отнести и Комитет Цангера.

Итак, перечислив все упомянутые явления, вновь хочу подчеркнуть, что я не рассматриваю их как нелегитимные – они отвечают определенному восприятию угроз, существующих в международной обстановке, но будет полезно, чтобы инициативы и механизмы преобразовались в соглашения более широкого характера, которые найдут гораздо большее признание среди международного сообщества. На мой взгляд, упомянутые моменты отнюдь не противоречат основной линии ДНЯО, а при должном подходе они могут даже усилить этот документ. Но в чем они действительно отходят от основной линии Договора, так это в том, что они применяются не должным образом и не контролируются со стороны ООН.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вернемся к вопросу о выполнении обязательств, ведь вполне естественно, что и сам Договор, и сопровождающие его документы обязательны для выполнения, иначе Договор становится неэффективным. В случае ДНЯО существует ряд вопросов, касающихся неправильного выполнения его условий, причем эти нарушения не ограничиваются положениями, изложенными в Статье I и Статье II. Речь идет также о вопросах, касающихся положений Статьи VI Договора – соответствующие документы были рассмотрены в 1995 и 2000 гг. Это Принципы и Цели, обсуждавшиеся в 1995 г., а также Итоговый документ конференции 2000 г., включающий 13 шагов по ядерному разоружению. Очевидно, что упомянутые документы по существу носят декларативный характер, а ведь они задумывались отнюдь не как обычные заявления о «безусловной приверженности» делу ядерного разоружения. Ожидаете ли вы от Конференции 2005 г. поддержки в решении этих проблем, проявившихся ранее, или же мы столкнемся с тем, что такой подход окажется не вполне релевантен?

ДУАРТЕ: Следует различать эти моменты. Договор – это юридический документ, обязательный для исполнения. Решения же конференции, которые иногда называют декларативными, являются по сути дела рекомендациями. Да, они представляют собой принятые нормы поведения, но при этом не налагают каких-либо обязательств и формально не являются юридическими документами. Поэтому те страны, которые в 1995 и 2000 гг. сочли возможным согласиться с упомянутыми рекомендациями, для того, чтобы решить свои собственные задачи, сегодня могут относиться к выполнению этих решений весьма свободно.

Нередко идет дискуссия в том ключе, что времена изменились, что в настоящее время мы сталкиваемся с иными реалиями, а поэтому нам следует обращать внимание на эти новые реалии, а не на то, с чем сталкивались в прошлом. Полагаю, укрепление такой тенденции может представить определенную опасность. Надеюсь, что все участники ДНЯО понимают, что соответствующие обязательства не просто юридически связывают их, налагая определенные обязанности по выполнению этих норм: по сути своей они больше чем моральные обязательства – обладая политическим характером, они

показывают мировому сообществу, как и в каком направлении хотели бы продвигаться в будущем участники Договора, число которых, по сути, равно всей совокупности государств мира.

Поэтому если некоторые государства сначала каждые пять лет делают политические заявления и принимают определенные обязательства по Договору, а затем еще через пять лет объявляют, что более не придерживаются их – полностью или частично, то итоговый результат имеет весьма негативный и серьезный характер для международного сообщества.

Итак, я надеюсь, что в период до начала конференции все государства-участники осознают следующее: если они соглашаются на реализацию определенного курса, то должны и далее действовать в этом направлении, не допускать отклонений от него. Безусловно, вносить определенные коррективы необходимо – ведь реальность есть реальность, изменения происходят постоянно, поэтому нам необходимо предпринимать определенные шаги для адаптации к новым реалиям. Однако ни в коем случае это не означает, что мы можем забывать об обязательствах, которые были выработаны нами совместно.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: На конференции 2000 г. участники Коалиции за новую повестку дня (КНПД) проявили весьма высокую активность, в том числе при формулировании положений Итогового документа. Ожидаете ли вы, что в мае 2005 г. государства – участники КНПД сыграют такую же роль, что и на конференции 2000 г., и, если это так, будет ли это полезно для вас как Председателя предстоящей конференции?

ДУАРТЕ: Я не только ожидаю, что эти государства займут активную позицию в ходе проведения конференции, но также надеюсь, что они будут действовать в этом духе и в дальнейшем. Действительно, я полагаю, что они внесли весомый положительный вклад – заявляю это не только потому, что моя страна входит в КНПД, но и как Председатель конференции.

Полагаю, что данная группа создана рядом государств, где преобладает серьезный подход к вопросу и которые привержены основополагающим принципам ДНЯО. Эти страны имеют значительное влияние в своих регионах, а нередко и более широкое, причем такое влияние расширяется при совместных их действиях, так как они представляют различные регионы и предлагают различные подходы. Я даже ожидаю, что ряд других государств, скорее всего, присоединится к странам КНПД с тем, чтобы избежать конфронтации, обострения обстановки и исключить создание нездоровой атмосферы на конференции. Выбирая более умеренный подход, не ожидая получения результатов с помощью некоего чуда, но стремясь продвигаться вперед по пути развития и нераспространения со всей серьезностью и ответственностью, они стремятся найти сбалансированные подходы к решению возникающих проблем и занимать хорошо взвешенную позицию.

Полагаю, что все это успешно осуществлялось КНПД в прошлом, ее участники работают в этом направлении сейчас, и надеюсь, что все они будут так же действовать и в дальнейшем. Если мы посмотрим на результаты работы Первого комитета ООН в Нью-Йорке в 2004 г., то увидим, что участники КНПД попытались придать работе свежий импульс, выработать новое видение вопроса и, как мне представляется, им это удалось, а это является хорошим предзнаменованием для будущей конференции. Повторюсь при этом, что КНПД не сможет решить все вопросы своими силами, нам необходима поддержка основных государств-участников Договора.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Со времени предыдущей конференции мы наблюдали, как один из участников ДНЯО – неядерное государство подверглось нападению под предлогом того, что оно якобы осуществляло программу создания ядерного оружия, а также вело иные разработки ОМУ, причем военные действия были начаты без согласия Совета Безопасности ООН, не использовались какие-либо механизмы в рамках ДНЯО, все происходило вне рамок соответствующего мандата СБ ООН. Но после войны ничего

опасного в этой стране не было обнаружено – ни собственно ядерного оружия, ни техники или программ по его срочному созданию за нескольких лет, а сейчас мы знаем об этом намного лучше, чем даже из данных доклада Дульфера. Итак, есть упомянутый прецедент в отношении Ирака, вот его-то я и считаю действительно опасным для режима нераспространения. Не является ли проблемой для участников ДНЯО тот факт, что эти государства не ощущают, что Договор защищает их?

ДУАРТЕ: Ряд государств, пожалуй, чувствуют свою незащищенность, но давайте вспомним один момент. Сам термин «приверженность» применялся почти исключительно в отношении выполнения или невыполнения обязательств по нераспространению, но нам не следует забывать о том, что в Договоре имеются также и иные обязательства. В нем предусмотрены положения о ядерном разоружении, и они относятся к тем положениям, которые также необходимо выполнять. Этот момент весьма важен для всего состава участников Договора, в особенности для тех неядерных государств, которые хотя бы уверены в том, что выполнение обязательств надо рассматривать именно в широком контексте. Теперь о невыполнении обязательств в отношении нераспространения, что имело место. Безусловно, внушает беспокойство тенденция, когда неядерное государство сначала использует защиту, обеспечиваемую ему согласно положениям Статьи IV о праве стран на выполнение мирной атомной программы, а затем вдруг в последнюю минуту заявляет о создании ядерного оружия и своем выходе из Договора – как это мы наблюдаем в случае с Северной Кореей. Кроме того, существует опасение – я не могу говорить об этом более уверенно, так как не имею достаточно достоверной информации, – что и другие участники Договора могут пойти по этому же пути. Все это, безусловно, не может не внушать серьезные опасения. Вот почему в начале нашей беседы я упомянул о необходимости обеспечить определенный баланс между достаточной свободой действий для проведения разработок в области мирной ядерной энергетики и опасностью распространения в этой области. Совершенно очевидно, что существующих положений Статьи III для этого недостаточно, поэтому мы обязательно должны ее усилить.

Безусловно, односторонняя интервенция, или – здесь я вновь возвращаюсь к тому, что было сказано ранее, – действия коалиции «активных» государств, которые «более могущественны, чем другие», не приносят много пользы на международной арене, их не приветствуют другие страны. Если же такие явления будут повторяться, если они станут нормой, то пострадают все основы международного права, включая и ООН, которой и так уже нанесен немалый ущерб из-за недавних событий. Повторюсь, мы говорим о наиболее сильных государствах, которые не только обладают военной мощью, но и располагают арсеналом средств массовой информации, поэтому противостоять им весьма трудно. Полагаю, что всем нам – членам международного сообщества – вместо новой конфронтации, рассуждений о преступности и наклеивания ярлыков следует попытаться привлечь упомянутые государства на нашу сторону, составляющую все мировое сообщество в целом. Следует добиться, чтобы эти государства действовали в строгом соответствии с принятыми нормами международного права. Это нелегкая задача, но это именно то, чем должны заниматься дипломаты, а поэтому надеюсь, что конференция по ДНЯО даст шанс поддержать именно принципы международного права, но не тот образ действий, которому нет места в международно-правовом поле.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы только что упомянули, не называя конкретно, ситуацию вокруг Ирана, равно как и опасения, высказываемые в связи с тем, что эта страна имеет «весьма развитую ядерную программу» – это признано как МАГАТЭ, так и самой иранской стороной. Отметим, что однажды Иран может перевести свои усилия по выполнению мирной ядерной программы в совершенно иную плоскость, если только руководство страны примет соответствующее политическое решение. основополагающим вопросом является следующий: можем ли мы в рамках действующих норм ДНЯО запретить какой-либо стране осуществление ее национальной ядерной программы, в частности, как в данном случае, удержать страну от продолжения работ по обогащению урана?

Есть мнение, что запретить все это невозможно, но зато можно предложить соответствующему государству достаточно привлекательные стимулы – с тем чтобы оно заморозило выполнение своей ядерной программы или даже полностью отказалось от нее, перейдя на импорт соответствующих ядерных материалов. Является ли реалистичной такая система поощрения, сработает ли она?

ДУАРТЕ: Полагаю, что упомянутая система может оказаться вполне действенной в течение некоторого времени. Считаю при этом, что любое из государств, не имеющих ядерного оружия, но выполняющее интенсивную программу мирных атомных исследований, может в короткий срок перенести акцент в своих усилиях, нацелив их в ином направлении – на разработку ядерного оружия. Мне не известно, сколько стран поддерживают такую позицию, но вполне допускаю, что большинство так называемых промышленно развитых государств, не имеющих ядерного оружия, могут ее придерживаться – и они способны стать ядерными державами за очень короткий период времени.

Поэтому здесь проблема не только в Иране. Меня всегда сильно удивлял подход, по которому если какая-либо из развивающихся стран обнаруживала рост своих возможностей в этом плане, то это немедленно подавалось как огромная угроза для всего человечества! Всегда интересно наблюдать за одним из наиболее ярких примеров двойных стандартов – то, как одним развивающимся странам в таких случаях немедленно наклеивается ярлык опасных государств, а для других все тихо сходит с рук.

Полагаю, что вопрос тут не в дополнительных ограничениях – ведь можно одобрить соответствующие новые положения, выработать Дополнительный протокол, даже задействовать иные формы контроля работ в области ядерной энергетики, но невозможно вступать в противоречие с самой сутью Договора, если только вы не собираетесь пойти на изменение его основы – а это весьма сложное дело. Далее, в Договоре указано, что его участники имеют неотъемлемое право на использование и развитие ядерной энергетики в мирных целях. Таким образом, необходимо еще доказать, что цели обсуждаемых государств не являются мирными – если вы намерены заявить, что такие государства не выполняют условий Договора, причем собрать такие доказательства – дело весьма непростое.

По линии МАГАТЭ в отношении Ирана был проведен ряд соответствующих проверок, при этом были выявлены определенные неясности. Однако Иран, во всяком случае до настоящего времени, не пошел на нарушение важнейших положений Договора – он не стал создавать ядерного оружия. А ведь только такой факт рассматривается как серьезнейшее нарушение ДНЯО. Возможно, что благодаря усилиям ряда ядерных государств и их союзников Иран откажется от создания ядерного оружия, не исключая, что именно такие усилия приведут к успеху. Однако же действительным ответом на этот вызов – реальным решением, действенной мотивацией для какого-либо государства не создавать ядерного оружия – является, на мой взгляд, повышение безопасности этой страны. Ведь почему современные ядерные державы стали таковыми, включая сюда и те, что не подписали ДНЯО?

Хотя некоторые из них пошли на такой шаг и по соображениям престижа, но в большинстве своем они приняли такое решение из-за того, что, по их представлениям, оно обеспечивало повышение безопасности страны, они считают, что безопасность обеспечивается именно благодаря наличию у них ядерного оружия. И именно сейчас, когда обладание ядерным оружием рассматривается как угроза для всех остальных, не следует питать иллюзий в отношении этого аспекта. Каждое из этих государств заявляет, что имеющееся у него ядерное оружие предназначено лишь для обороны, только для защиты от терроризма или для каких-либо иных благородных целей. Но ведь обладание ядерным оружием, сам факт существования такого оружия в стране является угрозой для всех иных государств. Однако же, если вначале предпринять шаги по уменьшению ядерных арсеналов, а затем последовательно избавляться от них, действуя убежденно и целенаправленно, а не фрагментарно, вот тогда нам удастся

выполнить все это, тогда и ослабится стремление некоторых государств заполучить ядерное оружие.

Считаю, что ответы в данной области следует искать не просто в выработке ограничений, в наложении санкций или даже в применении военных средств; все они тесно увязаны с движением к укреплению стабильности через ядерное разоружение. При этом, я полагаю, к такому пониманию могут прийти все, и данный подход в конечном счете вполне может быть реализован на практике.

Мы видим, что ядерные страны продолжают совершенствовать свои оружейные арсеналы. Нам также известно, что в их военных доктринах указывается, что таковые арсеналы необходимы для целей сдерживания. В этой ситуации неядерные страны ожидают от ядерных держав вполне определенных разъяснений по их нынешней позиции в отношении обязательств по ядерному разоружению, ранее взятых на себя этими державами.

Не сомневаюсь, что в ходе проведения конференции в 2005 г. со стороны неядерных стран прозвучит требование, чтобы ядерные государства сделали более прозрачными свои программы ядерных разработок. Например, Россия и США недавно представили в первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН совместный документ о шагах на пути ядерного разоружения. Была принята соответствующая резолюция, а Генеральная Ассамблея признала важность и ценность таких совместных шагов России и США. При этом возникла проблема, которая заключается не в оценке того, насколько важными и ценными являются такие шаги, а в том, что все остальные участники ДНЯО не имеют возможности достоверно убедиться в реализации этих мер на практике, в их необратимости, равно как и в том, не осуществляются ли секретным образом программы создания новых, более совершенных типов ядерного оружия.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Когда вы упоминаете государства, не являющиеся участниками Договора, но де-факто являющиеся ядерными, возникает вопрос об универсальности ДНЯО. От одной конференции к другой мы слышим заявления и обсуждаем документы с призывами придать Договору универсальный характер. Вопрос в том, наблюдался ли какой-либо прогресс со времен конференции 1995 г. и конференции по продлению срока действия ДНЯО? Вне ДНЯО до сих пор остаются три государства (Индия, Пакистан и Израиль), а кроме того, есть и четвертая страна – Северная Корея, недавно вышедшая из Договора. Какого-либо ощутимого прогресса во взаимодействии с ними не отмечается. Вопрос в том, реалистично ли способствовать присоединению к ДНЯО трех упомянутых государств, лишь повторяя, как заклинание, тезис о необходимости придать Договору универсальность? Может быть, здесь нам следует перейти к программе малых шагов – попытаться создать безъядерную зону на Ближнем Востоке и снизить напряженность в ядерной сфере между Индией и Пакистаном. Ведь вполне допустимо не ставить перед собой амбициозных задач, а последовательно делать небольшие реальные шаги, неуклонно продвигаясь вперед.

ДУАРТЕ: ДНЯО появился в то время, когда в мире было ограниченное число ядерных держав; все они надеялись таким образом удержать под контролем ситуацию, существовавшую тогда – чтобы лишь эти пять государств обладали ядерным оружием, а больше никто, ведь именно для этого и был создан данный Договор. Его целью было «заморозить» число стран, располагающих ядерным оружием, это была главная идея ДНЯО, и нам не следует заблуждаться по этому поводу – именно так были выработаны все его положения.

Что следует делать сейчас, когда несколько стран, не присоединившихся к Договору, стали новыми ядерными державами? Следует ли попытаться тем или иным образом заставить их подписать Договор в качестве неядерных государств, на что они, вполне вероятно, не пойдут – ведь первые пять ядерных держав не намереваются отказаться от своей военно-ядерной мощи? Попытаемся ли мы действовать таким образом, или же нам следует принять их в число участников ДНЯО, а для этого придется внести изменения в положения Договора, так как там совершенно четко сказано, что есть

государства, обладающие ядерным оружием, и что есть неядерные государства? Итак, мы наблюдаем здесь политическое и юридическое противоречие. Что следует предпринять в этой связи? Мы всегда побуждали упомянутые страны войти в состав участников ДНЯО в качестве неядерных государств – ведь это, безусловно, является единственной возможностью осуществить такой шаг без изменения положений Договора.

В отношении упомянутой политики малых шагов – ряд из таких шагов был предложен ранее, некоторые весьма интересны; но все они, насколько мне известно, предусматривают меры поощрения этих государств за создание ими ядерного оружия, и своеобразной наградой будет политическое и юридическое признание их ядерного статуса. Отметим, что существует целый ряд участников ДНЯО, которые ранее вполне могли сделать выбор в пользу создания ядерного оружия, но тогда не пошли на это; теперь же они весьма озабочены, что вознаграждение за отказ от ядерного оружия предлагается тем странам, которые в свое время приняли совершенно иное решение.

Первоначально я не принимал участия в обсуждении данного вопроса, но затем присоединился к нему и осудил такое предложение – ведь немало стран вполне могли бы создать ядерное оружие по соображениям престижа, для обеспечения безопасности, для сдерживания, для каких-либо иных целей, а вот теперь предлагается вознаградить политическим и юридическим признанием именно те государства, которые не присоединились к Договору, но занимались созданием ядерного оружия. Я не вижу простого решения данной проблемы и сомневаюсь, что кто-либо знает, как ее можно разрешить, – ведь найти подходы здесь будет весьма сложно. Придется весьма тщательно оценить и развитие событий в будущем, а, честно говоря, я не думаю, что мировое сообщество готово к этому прямо сейчас.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В сообщениях средств массовой информации Бразилия часто упоминалась в связи с Дополнительным протоколом к соглашению о гарантиях МАГАТЭ, кроме того, обсуждалось, что было продемонстрировано МАГАТЭ в Бразилии, а что нет. Считаете ли вы, что Бразилия вскоре подпишет Дополнительный протокол? Как вы думаете, будет ли Бразилия искать тропинку в области разработок ядерных технологий, пролегающую между их использованием в мирных целях и созданием возможностей для обеспечения безопасности. Может быть, Бразилия и не будет обсуждать данный вопрос на международном уровне?

ДУАРТЕ: В настоящее время моя работа связана с обеспечением ДНЯО и подготовкой соответствующей конференции. Хотелось бы отметить, что Бразилии потребовалось достаточно много времени для присоединения к ДНЯО, причем это продолжалось столь долго в основном из-за дискриминационного характера данного документа. С точки зрения Бразилии, Договор не решает главной проблемы, он не может остановить процесс распространения. Тем не менее Бразилия в итоге решила присоединиться к ДНЯО, так как в целом мы полагаем, что безопасность Бразилии лучше будет обеспечена благодаря присоединению к данному Договору, нежели вне его.

Другой момент, на котором мне хотелось бы остановиться, заключается в том, что Бразилия добросовестно выполняет все свои международные обязательства, причем как согласно Договору, так и по ранее подписанным региональным соглашениям. Сюда относятся заключенное нами с Аргентиной соглашение, обязательства перед МАГАТЭ и, безусловно, выполнение всех положений ДНЯО.

В Бразилии МАГАТЭ не были показаны лишь те объекты, о которых не шла речь при переговорах с этой организацией, поэтому не следует искать тут некую вину бразильской стороны.

Еще десять лет назад Бразилия объявила о намерении построить завод по обогащению. Сейчас Бразилия ведет переговоры с МАГАТЭ о деталях применения соответствующих гарантий. Бразилия не уклоняется от своих международных обязательств, а лишь ведет переговоры для выработки соответствующего соглашения.

Насколько я понимаю, переговоры находятся на завершающей стадии, причем Бразилия и МАГАТЭ успешно договорились, что данная организация положительно относится к бразильской программе, а Бразилия вполне удовлетворена возможностью использовать новейшие промышленные технологии, представляющие собой «ноу-хау». Дело в том, что секретной является не сама программа, а именно технологии, физические методы обогащения, как это подчеркивается бразильскими официальными лицами. До настоящего времени Бразилия и МАГАТЭ обсуждали в основном не Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях, а вопросы применения ядерных гарантий, предусмотренных в Статье III Договора.

Бразилия может присоединиться и к Дополнительному протоколу, но это ее суверенное право – ведь этот Протокол, как мы знаем, не является обязательным документом. Отметим, что некоторые страны ведут пропаганду в том духе, что присоединение к Протоколу обязательно для каждой страны. Повторю еще раз, что ядерная программа Бразилии является ограниченной по масштабу, ведь и уровень угрозы для нее весьма невелик по сравнению с тем, с которым сталкиваются другие государства. Кроме того, кое-кто достаточно легко делает резкие заявления и выдвигает обвинения, не подтвержденные реальными фактами. Итак, Бразилия может присоединиться к Дополнительному протоколу, тут лично я не вижу каких-либо противопоказаний, но в целом же следует смотреть шире – и не только на сам этот документ, но и на любые другие соглашения, подписываемые страной, с учетом того, как такие международные обязательства могут повлиять на ее безопасность. Следует оценить, поможет ли все это национальным интересам страны или же повредит им. Наконец, мне хотелось бы отметить, что Дополнительный протокол, а также любой другой документ, ограничивающий право на ведение работ в области ядерной энергетики, должен увязывать это ограничение с определенным прогрессом в ядерном разоружении: ведь для государства невозможно в течение длительного времени – не нанося ущерба своей безопасности – ничего не предпринимать в той обстановке, когда одни державы имеют все, а другим запрещается иметь средства, которыми они хотели бы располагать. Полагаю, что дополнительные ограничения, принимаемые на себя одной стороной, должны соответствовать и адекватному прогрессу, должным действиям другой стороны, – это я утверждаю в качестве представителя Бразилии, а не как Председатель конференции.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Планируется ли в ближайшие несколько месяцев провести встречи на официальном уровне для обсуждения того, что Россия могла бы сделать как до созыва конференции по ДНЯО, так и в ходе ее? Что бы вы хотели передать руководству России, а также довести до сведения состава российской делегации на предстоящей конференции по Договору? На ваш взгляд, как можно достичь успеха конференции и что следует предпринять для обеспечения ее созыва и проведения?

ДУАРТЕ: Россия является великой державой. Я посетил Россию осенью 2004 г. для рабочей встречи по ДНЯО, а вскоре я планирую приехать вновь. Надеюсь обсудить в ходе переговоров ряд серьезных вопросов, причем у представителей российских властей я всегда отмечал наличие огромного интереса и большое желание внести свой позитивный вклад в общее дело. У меня нет сомнений в том, что Россия будет и впредь делать это при решении соответствующих вопросов.

В мои обязанности не входит давать какие-либо рекомендации государствам. Единственное предложение, которое мне хотелось бы сделать, следующее: желательно, чтобы российские власти проработали различные аспекты предстоящей конференции по ДНЯО так, чтобы найти правильный баланс и получить хорошо взвешенные результаты, отвечающие российским взглядам на проблемы, но при этом приемлемые и для всех других участников процесса. Для успеха переговоров весьма важна гибкость, и я вполне убежден, что Россия будет способна ее проявить – безусловно, в рамках соблюдения своих законных интересов.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Помимо названных вами проблем, таких, как, в частности, ядерное разоружение и хрупкий баланс между развитием ядерной энергетики и развитием военных ядерных программ, что, как вы думаете, будет в центре внимания участников Конференции в мае? К чему вы готовитесь?

ДУАРТЕ: Если честно, то на сегодняшний момент главная моя головная боль – процедурные вопросы. Но именно это может застопорить всю конференцию. Судите сами. На последней Подготовительной конференции в Нью-Йорке не была утверждена повестка дня конференции. Так что у меня вместо повестки дня пока только чистый лист.

А что значит обсуждать в рамках конференции повестку дня, начать с этого вопроса конференцию? Это значит, что можно потерять очень ценное время для обсуждения действительно принципиальных проблем. То есть я пытаюсь сейчас в своих консультациях найти пути согласия по поводу повестки дня конференции.

Далее, серьезный вопрос связан с исполняемостью решений предыдущих конференций и самого Договора. Каковы здесь механизмы? В свое время Канада предложила создание постоянного секретариата, но это предложение не получило большой поддержки со стороны ядерных стран.

Ожидаю, что могут прозвучать предложения о модификации процедур ДНЯО в части, касающейся выхода из него. Эта тема стала особенно актуальной после выхода КНДР из ДНЯО.

Вообще, вопрос по КНДР может стать отдельным на конференции. Как соотносится обсуждение в рамках конференции по ДНЯО и шестисторонние переговоры? Как сделать так, чтобы конференция способствовала продвижению прогресса вокруг статуса КНДР, в том числе в рамках шестисторонних переговоров?

Вероятно, будет поднят в Нью-Йорке и такой вопрос, как, каким образом ДНЯО может внести вклад в борьбу с ядерным терроризмом. Естественно, этот Договор применим к государствам, а не к негосударственным игрокам. Но наверняка будут предложения, направленные на то, чтобы ДНЯО был направлен на предотвращение ядерных террористических актов.

Не исключаю, что прозвучат соображения и о том, как бы сделать так, чтобы Дополнительный протокол МАГАТЭ стал обязательным для неядерных стран. Или, иначе, чтобы Дополнительный протокол был признан как стандарт для системы гарантий в развитие Статьи III ДНЯО. Но при этом надо ясно понимать, что делать это через поправки к Договору было бы нереалистично. Переписывать Договор никто не собирается.

Честно говоря, у меня сейчас ощущение, что такого успеха (принятия Заключительного документа. – В.О.), как на Конференции 2000 г., в мае 2005 г. достичь будет очень трудно. Но, может быть, благодаря конференции в 2005 г. удастся по крайней мере сохранить прогресс, достигнутый в 2000 г. или хотя бы не потерять целостность ДНЯО.

Примечание

¹ Перевод – В.К. Бычков. © ПИР-Центр, 2004.

Николай
Спасский

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ ЗАЙМУТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ МЕСТО В НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Заместитель Секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н.Н. Спасский ответил на вопросы главного редактора журнала В.А. Орлова.

КОНТРОЛЬ: Террористические акты лета–осени 2004 г. вновь и с особой остротой поставили вопрос об адекватности Концепции национальной безопасности России тем вызовам, с которыми приходится сталкиваться стране в настоящее время. Каким образом это учитывается при выработке новой Концепции национальной безопасности? В чем состоят особенности нового документа по сравнению с Концепцией 2000 г., налажен ли диалог с общественностью при работе над документом?

СПАССКИЙ: В соответствии с поручением президента В.В. Путина в настоящее время аппарат Совета безопасности во взаимодействии с заинтересованными министерствами и ведомствами ведет работу над новой Концепцией национальной безопасности. Необходимость этого очевидна: за прошедшие пять лет со времени принятия действующей Концепции в нашей стране и в мире произошли кардинальные перемены. Появились новые угрозы и вызовы, на которые необходимо дать адекватный ответ. Главная опасность, угрожающая сегодня и международному сообществу в целом, и нашей стране конкретно, – терроризм. Реальность предельно жесткая. Как неоднократно подчеркивал президент В.В. Путин, терроризм по сути объявил России войну. Соответственно, проблематика борьбы с терроризмом должна занять центральное место в новой Концепции.

Если же в более широком плане – в процессе работы над новой Концепцией мы ориентируемся на то, что это должен быть очень конкретный документ. По существу этот документ должен стать политическим стержнем всей программы деятельности российской государственной власти на предстоящий исторический период. Мы стремимся к тому, чтобы новая Концепция была написана простым понятным языком. Этот документ должен быть воспринят и принят российским гражданским обществом. При подготовке новой Концепции мы рассчитываем на самое широкое участие научных кругов. Пока работа идет неплохо. Интересно, продуктивно прошли первые круглые столы по новой Концепции национальной безопасности России в МГУ и Президиуме РАН, активно идет обсуждение в режиме Интернет-конференции на сайте Совета безопасности.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какими, по вашему мнению, должны быть основные приоритеты РФ в борьбе с терроризмом? Какова роль Совета безопасности РФ в разработке системы предупреждения о террористической угрозе? В каком ключе, на ваш взгляд, необходимо проводить реформу силовых структур для повышения эффективности анти-террористических мер?

СПАССКИЙ: С учетом серьезности угрозы перед нами сегодня стоит задача капитального переосмысления наших подходов к постановке всего дела борьбы с терроризмом – и на международной арене, и внутри России. Что касается нашей страны, В.В. Путин очень точно сформулировал задачу в своем выступлении на расширенном заседании правительства 13 сентября 2004 г. Речь действительно должна идти о создании в России целостной антикризисной системы управления. Только при таком жестком подходе можно переломить ситуацию. Это не односторонняя задача, но и затягивать с отработкой назревших мер нельзя. Первые шаги уже осуществлены. Следующий шаг на очереди – проработка и принятие закона о противодействии терроризму. Кстати, мы здесь не открываем Америку. Наш законопроект, даже в своей первой редакции, весьма созвучен американскому «Патриотическому акту», принятому после трагедии 11 сентября 2001 г. Только американское антитеррористическое законодательство, в том числе в части ограничения демократических свобод, на поверку оказывается построже нашего.

Однако, принимая меры на национальном уровне, важно помнить, что терроризм по своей природе – опасность глобальная. Успех в борьбе с ним возможен только при объединении усилий всего международного сообщества. Россия играет активнейшую роль в антитеррористической коалиции. Более того, мы знаем, что надо делать, чтобы радикально повысить эффективность международного антитеррористического взаимодействия. На первое место я бы поставил необходимость преодоления двойных стандартов, потому что по-старому продолжаться не может. Президент В.В. Путин абсолютно правильно заостряет этот вопрос. Западные партнеры под нашим воздействием постепенно меняют свое отношение, но очень медленно. Серьезным прорывом стала принятая по инициативе России Резолюция Совета Безопасности ООН 1566. Далее, стоит ряд оперативных задач. Это: дополнительные меры по пресечению финансирования терроризма, в том числе конкретно – бандформирований в Чечне; расширение практического взаимодействия спецслужб на антитеррористическом направлении; принятие российского и индийского проектов антитеррористических конвенций; наращивание антитеррористического взаимодействия в рамках Совета Россия–НАТО, в том числе по Афганистану (принятый план действий по борьбе с терроризмом – хорошая основа); налаживание антитеррористического диалога и сотрудничества НАТО и ОДКБ.

Причем все эти практические шаги должны дополняться политическими усилиями по стимулированию диалога между различными частями света, диалога цивилизаций. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы борьба с терроризмом обернулась расколом мира на религиозной почве.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Важным вопросом международной политики является реформирование Совета Безопасности ООН в целях придания ему большей представительности и повышения эффективности принимаемых этим органом решений. Какой формат СБ ООН наиболее полно отвечал бы интересам России? Как вы оцениваете представленный К. Аннату доклад Группы высокого уровня?

СПАССКИЙ: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, так называемой «Группы мудрецов», – серьезный и интересный документ. Естественно, на его проработку требуется время. Нередко вся проблематика реформы ООН сводится к одному вопросу – о расширении Совета Безопасности. Тема реформы, конечно, значительно шире. Тем не менее вопрос композиции СБ ООН действительно имеет принципиальное значение. Российская позиция на этот счет достаточно хорошо известна и особых изменений в последнее время не претерпевала. Россия готова рассматривать любые разумные варианты расширения при том понимании, что для принятия решения потребуются вначале сформировать максимально широкое согласие внутри ООН, по возможности близкое к консенсусу. Для нас главное – чтобы расширение не привело к снижению эффективности Совета Безопасности. Поэтому мы исходим из необходимости сохранения компактности и дееспособности состава Совета.

Для России непреложно сохранение в полном объеме статуса нынешних постоянных членов Совета Безопасности, и прежде всего их права вето. Относительно права вето для новичков целесообразно определиться позднее, когда будет известен поименный список новых постоянных членов. К тому же в докладе «Группы мудрецов» вообще рекомендуется не распространять право вето за пределы нынешней пятерки.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Возникновение в последние годы на глобальном и региональном уровнях новых острейших вызовов и угроз международной безопасности предопределили появление у России и США множества новых точек соприкосновения и сфер реального сотрудничества. В то же время, вопреки имевшимся ожиданиям, прогресс решения целого ряда вопросов и проблем, тормозящих развитие двусторонних отношений, продолжает оставаться в тупике. Что, на ваш взгляд, является причиной того, что потенциал двусторонних отношений по-прежнему остается во многом нереализованным? В каких областях скрыт наибольший потенциал для расширения российско-американского сотрудничества?

СПАССКИЙ: Россия и США – две огромные державы со своими интересами, распространяющимися по всему земному шару. Определение «сверхдержавы» – не самое удачное, но тем не менее верное. И оно справедливо и применительно к сегодняшней России, несмотря на все колоссальные внутренние проблемы, прежде всего экономического плана, с которыми нам приходится сталкиваться. Понятно, что интересы таких держав не могут быть тождественными всегда, везде и во всем. Превалируют общие интересы – поддержание стабильности в мире, нейтрализация террористической опасности, предотвращение распространения ОМУ, нахождение скоординированных ответов на другие вызовы современности. Более того, в борьбе с международным терроризмом мы выступаем как самые настоящие союзники. Однако при всем том есть и противоречия. Причины разные. Есть и вполне нормальные противоречия, связанные с расхождением интересов двух великих держав. Далее, ни для кого не секрет, что в сегодняшних США весьма сильны настроения в пользу односторонних подходов к решению международных проблем, в том числе в внутри администрации. Нет ничего удивительного в том, что это сказывается и на наших отношениях.

Наконец, во многих странах Запада, включая США, сохраняется инерция недоброжелательного, а то и откровенно враждебного отношения к России, перекочевавшего из эпохи «холодной войны». Эта инерция мешает и налаживанию международного сотрудничества, и строительству двусторонних отношений с этими странами. До сих пор нам приходится сталкиваться с тем, что за нами с огромным трудом, со скрипом признается право на законные интересы безопасности. Присутствует предвзятость, что проявляется в том числе в антироссийских кампаниях по любому поводу в западной прессе. Здесь, правда, надо оговориться. Нам самим нужно на порядок активнее разъяснять западному общественному мнению на понятном ему языке и в привычных ему формах наши решения и подходы. Тем не менее, суммируя, можно сказать, что мы оцениваем наши отношения с нынешней администрацией США достаточно позитивно. Об этом, кстати, говорил и президент России на своей пресс-конференции по итогам года. Мы считаем, что с администрацией Дж. Буша можно работать. И в целом с оптимизмом смотрим в будущее российско-американских отношений.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как происходит координация работы Совета безопасности и президента России? Налажены ли контакты между Советом безопасности РФ и соответствующими структурами других великих держав?

СПАССКИЙ: В соответствии с положением о Совете безопасности России этот орган готовит предложения президенту Российской Федерации по всем вопросам обеспечения национальной безопасности. Для реализации этой функции аппарат Совета безопасности поддерживает международные контакты – в строгом соответствии со своими полномочиями. Наиболее тесные контакты, в том числе в многостороннем формате, сложились с аналогичными структурами стран СНГ. Но не только. Поддерживаются ра-

бочие связи с родственными президентскими структурами и в других странах, включая Совет национальной безопасности США.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какова позиция России в отношении операции США и их союзников в Ираке? Какие пути выхода из кризиса предлагает Совет безопасности России?

СПАССКИЙ: Наши оценки американского вторжения в Ирак не изменились. Мы по-прежнему считаем, что была совершена трагическая ошибка. В результате этой ошибки сложилась та ситуация, с которой мы имеем дело сегодня. Урегулировать эту ситуацию нам предстоит всем вместе. Потому что мы все – и Россия, и европейские государства, и США – при всем различии в наших позициях заинтересованы в стабилизации обстановки в Ираке, чтобы Ирак не превратился по аналогии с Афганистаном при талибах в рассадник терроризма и религиозного экстремизма. Ситуация очень тяжелая. Оптимизм американских оценок, на наш взгляд, неоправдан. Реального улучшения мы не видим. При этом в 2004 г. состоялся ряд серьезных решений. Была принята Резолюция Совета Безопасности 1546, состоялась международная встреча в Шарм-эль-Шейхе. Постепенно, хотя и с огромным трудом, пробивает себе дорогу наша концепция урегулирования через активный политический процесс с неперенным участием ООН, соседей Ирака и внутрииракской оппозиции, не скомпрометировавшей себя соучастием в террористических актах. По нашему мнению, альтернативы такому подходу нет.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Трагические события 11 сентября 2001 г., казалось бы, заставили пересмотреть Россию и Европейский союз свое отношение к сотрудничеству в области безопасности и обороны и сняли большинство препятствий на пути развития этого сотрудничества. Однако если посмотреть на результаты сотрудничества, то большинство из них не выходят за пределы политических деклараций? В чем, на ваш взгляд, причина пробуксовки практической реализации этих деклараций?

СПАССКИЙ: Завершившийся год был непростым для наших отношений с ЕС. Совместными усилиями нам удалось развязать несколько узлов. Своевременно, до 1 мая 2004 г., мы распространили Соглашение о партнерстве и сотрудничестве Россия – ЕС на новых членов Евросоюза. Пути урегулирования российских озабоченностей были зафиксированы в подписанном 27 апреля 2004 г. в Люксембурге Совместном заявлении о расширении ЕС и отношениях Россия – ЕС. Состоялся, хотя и с переносом, традиционный осенний саммит России – ЕС. Однако у нас остаются серьезные вопросы к Евросоюзу. Мы рассчитываем на более активную работу по ключевой задаче формирования общих пространств. Рассматриваем эту модель как весьма перспективную. Ждем ответных конкретных шагов, в том числе по обеспечению прав русскоязычных меньшинств в Латвии и Эстонии и по калининградскому транзиту. Россия готова пойти очень далеко по всем направлениям сотрудничества с ЕС. Готовы мы и к взаимодействию в формировании пространства внешней безопасности. Но для достижения прогресса требуется адекватная встречная заинтересованность и с другой стороны. В последнее время такой заинтересованности не хватало. Иногда складывается впечатление, что Евросоюз не вполне пришел в себя после расширения и никак не может определиться, какие отношения с Россией он хотел бы построить. Сказывается, что греха таить, и инерция предвзятости, о которой я говорил применительно к США.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Для Индии, Китая и России борьба с терроризмом является не просто частью международной кампании, а насущной национальной задачей. Как вы оцениваете возможную роль треугольника Россия – Индия – Китай в антитеррористической коалиции?

СПАССКИЙ: Россия, Индия и Китай являются влиятельными членами антитеррористической коалиции. Наши государства непосредственно сталкиваются с террористической угрозой, что предопределяет их общий интерес к укреплению антитеррористичес-

кого фронта. Немалое значение имеет и факт географической близости трех стран. С Индией и Китаем у нас существует высокая степень взаимопонимания по целям и методам борьбы с террором. В контактах с этими государствами нет проблемы применения двойных стандартов в оценках террористических актов. В основном сотрудничаем по двусторонней линии, но присутствует и собственно трехсторонний формат. Так, тема борьбы с терроризмом была одной из центральных на переговорах министров иностранных дел России, Китая и Индии, состоявшихся в Алма-Ате 21 октября 2004 г.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Российско-иранские отношения играют весомую роль в деле обеспечения интересов национальной безопасности России, поддержания мира и стабильности в регионе, граничащем с южными рубежами СНГ. В этой связи в России не может не вызывать озабоченность отсутствие ясности в отношении исследований, ведущихся в Иране в ядерной области. Насколько серьезным сдерживающим фактором является «иранское ядерное досье» в российско-иранских отношениях? Каковы, на ваш взгляд, перспективы двустороннего сотрудничества при условии закрытия данного вопроса в рамках МАГАТЭ?

СПАССКИЙ: Мы продолжаем с Тегераном регулярный политический диалог, в том числе по линии советов безопасности двух стран. Поощряем Иран к более активному участию в международных и региональных делах с особым акцентом на борьбу с терроризмом, экстремизмом, наркобизнесом, вопросы нераспространения и экспортного контроля. Главное для нас, как и для США и других ведущих государств мира, состоит в том, чтобы в Иране не появилось ядерное оружие. Эта принципиальная позиция отвечает интересам нашей национальной безопасности. В то же время Россия поддерживает право Ирана как государства – участника ДНЯО на мирное использование ядерной энергии и намерена продолжить строительство атомной станции в Бушере. Перспективы и масштаб такого сотрудничества будут определяться с учетом выполнения Тегераном международных обязательств перед МАГАТЭ, а также решения вопроса о возврате в Россию отработанного ядерного топлива с АЭС в Бушере. Россия имеет серьезные экономические интересы в Иране и будет развивать взаимовыгодное сотрудничество во всех областях, где это не противоречит нашим международным обязательствам.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Насколько реальным, на ваш взгляд, является вступление в силу адаптированного ДОВСЕ? Каковы перспективы его ратификации странами НАТО? Прорабатывается ли альтернативный договор в области сокращения обычных вооружений?

СПАССКИЙ: Нам необходима определенность с проблемой ДОВСЕ – материальной основы отношений между Россией и НАТО. Россия свой выбор сделала. Мы ратифицировали Соглашение об адаптации ДОВСЕ и тем самым выполнили ключевое стамбульское обязательство. Дело с мертвой точки, однако, не сдвигается. Все уже смогли убедиться в том, что затянувшиеся политические маневры вокруг ДОВСЕ бесперспективны и лишь осложняют работу по остающимся элементам стамбульских договоренностей на двусторонней основе. Нынешняя политика увязок, которую проводят страны НАТО, только подталкивает власти Молдавии и Грузии к заведомо неконструктивному подходу к таким переговорам. Тем не менее мы не считаем ситуацию с адаптированным ДОВСЕ безнадежной. У нас нет намерения продвигать идею какого-либо альтернативного договора в области сокращения обычных вооружений.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: На каком этапе в настоящий момент находятся отношения между Россией и НАТО? Какова их роль для поддержания безопасности в Европе?

СПАССКИЙ: Отношения России с НАТО имеют важное значение для европейской и международной безопасности. В целом они развиваются неплохо. Практически завершена реализация задач, поставленных Декларацией Римского саммита Россия – НАТО, в том числе по сотрудничеству в отражении новых вызовов. Теперь в повестку дня вста-

ет вопрос о переходе к следующей фазе – оперативного сотрудничества. В числе приоритетов – антитеррористическое взаимодействие, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, борьба с афганской наркоугрозой. Предусмотрено участие России в операции «Активные усилия». Продолжится работа и по обеспечению военной совместимости Россия – НАТО. Перспективы весьма внушительные. Почему так ощутима потребность в дополнительных мерах доверия, транспарентности и предотвращения инцидентов, связанных с военной деятельностью вдоль линии соприкосновения Россия – НАТО. Нам нужна твердая уверенность, что предусмотренные Основопологающим актом обязательства о военной сдержанности будут выполняться применительно к Прибалтике.

ИЗМЕНИЛСЯ ПОЧТОВЫЙ АДРЕС

ПИР-Центра и редакции журнала «Ядерный Контроль»

с 1 февраля 2005 г. письма и рукописи в редакцию
следует направлять
по адресу:

**РОССИЯ, 123001, МОСКВА,
ТРЕХПРУДНЫЙ ПЕР., 11/13, СТР. 1, ОФИС 025.**

Номера телефонов и факсов остались прежними:

Тел. (095) 234-0525

Факс: (095) 234-9558

Старый почтовый адрес

*Россия, 123001, Москва, Трехпрудный пер., 9, стр.
1Б, офис 011*

будет оставаться в силе по 28 февраля 2005 г.
включительно.

Владимир
Верховцев

БЕЗОПАСНОСТЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ – ПРИОРИТЕТ РОССИИ НА ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ

С подписанием в 1997 г. на высшем политическом уровне основополагающего акта «О взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между организацией Североатлантического договора и Российской Федерацией», целью которого является укрепление взаимного доверия и сотрудничества, началось сотрудничество России и НАТО во многих областях, представляющих взаимный интерес. Это, например, предотвращение распространения оружия массового уничтожения, вопросы ядерной безопасности и контроля над вооружениями, в том числе ядерными.

Новый импульс этому сотрудничеству придала принятая в мае 2002 г. «Римская декларация», открывшая новую страницу в отношениях Россия – НАТО с целью создания в Европе общей и всеобъемлющей безопасности, основанной на приверженности общим ценностям, обязательствам и нормам поведения в интересах всех государств. Однако, если вспомнить историю начала и развития сотрудничества Россия – НАТО в области ядерного оружия, необходимо отметить, что это сотрудничество трудно зарождалось и проходило не всегда гладко.

В немалой степени этому процессу ранее не способствовало и сейчас мешает конструктивно двигаться вперед негативное отношение ряда организаций и должностных лиц, ставящих под сомнение способность России обеспечить безопасность своего ядерного оружия. Однако необходимо отметить, что они, как правило, не являются специалистами в этой области, и зачастую их утверждения базируются на недостаточной информированности.

Тем не менее на протяжении уже многих лет Россия проводит большую работу с зарубежными партнерами по решению проблем ядерной безопасности, опираясь при этом на знания иностранных экспертов, имеющих большой практический опыт работы в этой области – как на самом высоком политическом уровне, так и на уровне специальных вопросов.

В связи с этим уместно вспомнить об оценках, которые высказывались различными иностранными политическими и военными деятелями в ходе посещения российских ядерных объектов (сенатором США Р. Лугаром, главнокомандующим Стратегических ядерных сил США в 1998 г. генералом Ю. Хэбигером, исполнительным секретарем Подготовительной комиссии Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний В. Хоффманом). Их оценка, которую они дали состоянию безопасности ядерноопасных объектов в России, наиболее объективна и отражает истинное состояние дел.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ОЦЕНКИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Так, например, в 1998 г. в ходе посещения Саратова американской делегацией во главе с генералом Ю. Хэбигером гостям было показано национальное хранилище ядерных боеприпасов, в пяти складских помещениях которого хранятся не только стратегические, но и тактические боезаряды.

«Они были очень открыты практически во всех отношениях, и не было случая, когда на мой вопрос я бы не получил исчерпывающий ответ. [...] У меня нет никакой серьезной тревоги по поводу безопасности российских программ ядерных вооружений. Одна из причин наших хороших взаимоотношений с русскими состоит в том, что наши отношения, по крайней мере на моем уровне, основываются на вполне открытом, очень искреннем диалоге и это не та ситуация, когда вы пытаетесь что-то разведать, получить ответы на технические вопросы. У нас никогда не было доступа к кому-либо, кто когда-либо работал на одном из этих объектов. И поэтому для них было новшеством допустить меня туда [...] и провести меня внутрь национальных хранилищ – все это является революционным событием», – заявил генерал Ю. Хэбигер на пресс-конференции по итогам поездки в Россию 16 июля 1998 г.

В письме В. Хоффмана по итогам его визита в Российскую Федерацию в 2003 г., адресованном заместителю министра иностранных дел России, дана высокая оценка добросовестному выполнению Россией своих обязательств по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, отмечается открытость российской стороны в вопросах ядерного разоружения и констатируется, что проводимые на Центральном полигоне РФ работы не выходят за рамки Договора. Экспертами НАТО по ядерным вопросам, принимавшим непосредственное участие в качестве наблюдателей в учениях «Авария-2004», проходивших в августе 2004 г., также даны высокие оценки обеспечения безопасности ядерного оружия в России.

«Большое впечатление произвел уровень подготовки российских специалистов. Они показали высокий профессионализм. Мы увидели различные виды работ с ядерным оружием. Мы благодарны российской стороне за возможность присутствовать на этих учениях. Надеемся на то, что такого уровня мероприятия станут регулярными», – сказал руководитель делегации НАТО на учениях «Авария-2004» помощник заместителя Генерального секретаря НАТО по оружию массового уничтожения Р. Ирвин.

«Если говорить о применяемой технике в учениях «Авария-2004», то хочется отметить, что она очень схожа с техникой, применяемой в США для подобных целей. Кроме того, видно большое сходство в тактике контроля за ситуацией, технология действий тоже примерно на одинаковом уровне» – так участник учений «Авария-2004» М. Ходькин, начальник отдела по ликвидации ядерных аварий Минобороны США, отреагировал на увиденное.

Сегодня можно констатировать: сотрудничество в рамках Совета Россия – НАТО в ядерной области, и в первую очередь в области безопасности ядерного оружия, приносит реальные практические результаты.

УЧЕНИЯ «АВАРИЯ-2004»: ИТОГИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В этом ряду действий России по реальному углублению открытости при сотрудничестве с нашими партнерами учения «Авария-2004» явились поистине беспрецедентным событием, и не только потому, что в них приняли участие в качестве наблюдателей 48 представителей от 17 стран – членов НАТО.

На этих крупных полномасштабных учениях Вооруженных Сил Российской Федерации и Федерального агентства по атомной энергии, связанных с обеспечением безопасности ядерного оружия, был отработан и продемонстрирован перед мировым сообществом

практически весь комплекс мероприятий и работ, осуществляемых при решении данной проблемы.

Именно на этих учениях началась практическая отработка мероприятий в рамках Совета Россия – НАТО в очень «чувствительной» и закрытой области, связанной с ядерным оружием и обеспечением его безопасности.

Учения проводились в августе 2004 г. в Мурманской области под условным наименованием «Авария-2004». Основная цель, которая ставилась перед участниками учений, – это еще раз отработать вопросы, связанные с обеспечением надежной охраны ядерного оружия на базах хранения и на маршрутах транспортирования. Кроме того, проводилась отработка совместных действий при ликвидации последствий возможных инцидентов (аварий) с ядерным оружием.

Подготовка к учениям проходила под пристальным вниманием министра обороны Российской Федерации, министра иностранных дел Российской Федерации и руководителя Федерального агентства по атомной энергии Российской Федерации.

Непосредственное руководство ходом учений было возложено на начальника 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации генерал-полковника И.Н. Валинкина.

План учений был детально проработан в Генеральном штабе ВС РФ и утвержден начальником Генерального штаба ВС РФ генерал-полковником Ю.Н. Балевским.

В учениях было задействовано более 2000 человек и более 500 единиц техники – от Минобороны России и Федерального агентства по атомной энергии России.

На учениях присутствовали министр обороны Российской Федерации С.Б. Иванов, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации С.И. Кисляк, командующий Ленинградским военным округом генерал армии В.С. Бобрышев и командующий Северным Флотом вице-адмирал М.Л. Абрамов.

На «Аварии-2004» было отработано взаимодействие разных видов и родов войск Вооруженных Сил России по задачам обеспечения охраны и обороны ядерных боеприпасов, а также ликвидации возможных инцидентов с ядерным оружием при размещении в хранилищах и на этапах транспортирования по территории России автомобильным и железнодорожным транспортом.

В соответствии с замыслом учений Вооруженные Силы Российской Федерации в условиях мирного времени, выполняя требования Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, осуществляют снятие части стратегических ядерных зарядов с ракет-носителей для последующей их отправки на базы хранения и утилизации.

Этапы учений «Авария-2004»

Красной нитью через все этапы учений проходила логически выстроенная цепь возможных угроз и аварийных ситуаций и адекватных ответных действий личного состава и соответствующих мероприятий:

- ☐ перемещение различными видами транспорта ядерных боеприпасов, снятых с боевого дежурства;
- ☐ отражение нападения террористов на специальную тактическую группу;
- ☐ проведение комплекса специальных мероприятий с ядерными боеприпасами, подвергшимися аварийному воздействию;
- ☐ проведение комплекса специальных мероприятий по извлечению аварийных ядерных боеприпасов.

Исходя из поставленных задач, учения осуществлялись в следующей последовательности.

Тактическая группа перемещает ядерные боеприпасы по проселочной дороге. Охране этих тактических групп уделяется особое внимание. Маршрут, которым они передвигаются, предварительно рекогносцируется, по маршруту проводятся разведывательные действия, охрана групп обеспечивается стационарными блокпостами. Кроме того, внутри колонны на боевых бронированных машинах (ББМ) следуют специально обученные подразделения охраны Главного управления с различным вооружением.

Таким образом, в состав тактической группы – кроме транспорта с ядерными боеприпасами – входят специально подготовленные подразделения охраны на бронетехнике.

В головной части тактической группы находится боевой разведывательный дозор. Вслед за ним передвигается передовая группа охраны, которая находится в постоянной готовности при необходимости поддержать дозор огнем.

С воздуха тактическую группу прикрывают вертолеты огневой поддержки, на борту которых находится десант, в задачу которого входит наблюдение с воздуха и, в случае нападения, участие в отражении атаки.

По условиям учений тактическая группа подверглась нападению террористов.

Подразделения охраны вступают в бой с террористическими группами. Основная тактика действий террористов – подрыв головного и последнего автомобилей с последующим расстрелом автомобилей, блокированных ими.

В этих условиях основной задачей командира тактической группы является вывод группы из-под удара.

Вертолеты огневой поддержки выбрасывают десант, перед ним ставится задача обойти террористов с флангов. Высадка десанта осуществляется за 150–200 метров от места нападения. Основные усилия десанта сосредоточивает на прочесывании местности и физическом уничтожении террористов.

Затем вертолеты огневой поддержки обеспечивают отражение нападения огнем и маневром.

Две группы охраны ведут бой с террористами. Подразделения разворачиваются в боевой порядок. На рубеже развертывания проводится спешивание подразделений охраны с боевых бронированных машин.

Согласно условиям учений, огневому поражению подвергаются четыре автомобиля с ядерными боеприпасами. Данный элемент учений отрабатывался без применения боевых средств поражения. Здесь были использованы только имитационные средства. На этом этапе в основном отрабатывалось взаимодействие сил охраны.

Однако для проведения научных и технических исследований, связанных с вопросами стойкости ядерных боеприпасов к огневому и взрывному воздействию, каждый из четырех автомобилей (с загруженными в них учебными ядерными боеприпасами) были подвергнуты различным воздействиям: подрыву и обстрелу боевыми средствами.

- ☐ Первый автомобиль был подорван с применением двух противотанковых мин.
- ☐ Второй автомобиль был подожжен, на нем была смоделирована ситуация, когда ядерный заряд оказывается в центре объемного пожара.
- ☐ Третий автомобиль был обстрелян из гранатомета и стрелкового оружия, что привело к быстрому возгоранию химического ВВ ядерного заряда с условным радиологическим загрязнением местности.

- Четвертый автомобиль также был обстрелян из гранатомета и стрелкового оружия.

Все это происходило в присутствии наблюдателей НАТО.

Иначе говоря, были смоделированы различные (из всего спектра возможных) аварийные ситуации, максимально приближенные к тому, что может произойти с ядерными зарядами при их обстреле и пожаре в реальных условиях.

Все транспортируемые в Российской Федерации ядерные боеприпасы заблаговременно переводятся в специальную степень готовности, которая со стопроцентной вероятностью исключает их активный подрыв.

После каждой учебной операции специалисты Министерства обороны и Федерального агентства по атомной энергии проводили анализ результатов воздействия, чтобы в последующем составить основу конструктивно-технического совершенствования защитных свойств реальных ядерных зарядов.

В ходе учений головной автомобиль – с находящимся в его кузове суперконтейнером, в котором был закреплен учебный ядерный боеприпас, упал в небольшую речку. Наблюдатели НАТО лично увидели и смогли оценить состояние ядерных боеприпасов после взрывного и огневого воздействия на них.

Ликвидацию очага пожара аварийного автомобиля осуществлял пожарный расчет, в состав которого вошли специалисты, прошедшие подготовку в специальных центрах 12-го Главного управления МО РФ и Федерального агентства по атомной энергии. Все специалисты имели допуск к тушению пожаров, в очаге которых находятся ядерные материалы. Для снижения уровня теплового воздействия осуществлялось длительное и обильное орошение водой контейнера с загоревшимся боеприпасом.

После тушения пожара профессионально подготовленные специалисты провели оценку тепловых нагрузок на заряд, оценили состояние системы автоматики и степень взрывоопасности заряда в данный момент.

Следует отметить, что вопросам исследования боеприпасов в условиях различных аварийных воздействий специалисты Министерства обороны и Федерального агентства по атомной энергии уделяют постоянное внимание.

Проведенный в результате учений анализ лег в основу решения руководства учений по порядку и методам работы с боеприпасами в аварийном состоянии.

К месту аварии вызывается специальный вертолет для оценки радиационной обстановки на местности в районе инцидента.

Для ведения воздушной радиационной разведки на борту вертолета располагается специально подготовленный персонал с необходимой аппаратурой. Аппаратура, установленная на вертолете, позволяет определить факт и масштабы радиационной аварии. Для определения факта аварии вертолет зависает над взорванным автомобилем на установленной высоте, затем осуществляет облет места аварии по траектории раскручивающейся спирали. Далее вертолет продолжает движение галсами в направлении распространения следа радиоактивного облака. Результаты разведки передаются в информационно-аналитический центр, который находится на объединенном пункте управления Министерства обороны и Федерального агентства по атомной энергии.

Информация, которая поступает в пункт управления, используется для дальнейшего прогнозирования масштабов аварии и принятия решения по проведению соответствующих мероприятий по ликвидации последствий аварии.

Для проведения наземной радиационной разведки к месту аварии прибывает специальный вертолет. На борту вертолета находятся специально подготовленные группы Мини-

стерства обороны и Федерального агентства по атомной энергии России, оснащенные необходимым оборудованием и аппаратурой.

На учениях были отработаны и продемонстрированы представителям НАТО два варианта десантирования специалистов:

1-й вариант – с использованием специальных устройств, если местность не позволяет осуществить посадку вертолетов;

2-й вариант – с посадкой вертолета.

Расчеты радиационной разведки двигаются по определенным маршрутам, с помощью специальных приборов измеряют фактические уровни радиологического загрязнения и определяют границы зараженных зон, обозначают их на местности. Результаты наземной радиационной разведки оперативно передаются в пункт управления для оценки масштабов аварии.

Для оказания медицинской помощи раненым выдвигаются специально подготовленные к действиям в условиях радиоактивного загрязнения мобильные медицинские группы.

После оказания первой помощи на месте аварии предпринимается эвакуация раненых в специализированные медицинские учреждения.

Для проведения работ непосредственно с ядерными боеприпасами, повергшимися аварийным воздействиям, к месту аварии прибывают профессионально подготовленные подразделения Министерства обороны России, оснащенные специальными автомобилями «Помощник».

В каждом таком автомобиле располагается подготовленный расчет специального аварийного формирования Главного управления, а также современное оборудование, позволяющее проводить весь комплекс работ по ликвидации последствий аварии.

Реального радиоактивного загрязнения местности на проводимых учениях не предусматривалось.

В соответствии с планом учений:

- ☐ был проведен анализ сложившейся ситуации и выработаны предложения руководству учений для принятия решения по дальнейшим работам в области усиления охраны ядерных боеприпасов и ликвидации последствий аварий;
- ☐ «поврежденные» ядерные боеприпасы были погружены в железнодорожный эшелон и отправлены для соответствующей обработки на завод Федерального агентства по атомной энергии (ФААЭ);
- ☐ железнодорожный эшелон, который начал движение с места аварии на завод ФААЭ, подвергся нападению террористов.

Наблюдателям НАТО был непосредственно продемонстрирован подрыв полотна железной дороги, на которой стоит вагон, а также комплекс работ по извлечению аварийных боеприпасов из специальной автомобильной и железнодорожной техники, подвергнувшейся нападению:

- ☐ разворачивание и приведение в «боевое» состояние специальных автомобилей «Помощник»;
- ☐ оценка состояния (проверка крепления суперконтейнера в автомобиле, измерение температуры на его поверхности, оценка состояния боеприпаса с помощью видеоэндоскопа) аварийных боеприпасов и их извлечение с применением специальной техники.

Одним из важнейших мероприятий при авариях с ядерным оружием является комплекс работ по радиационной и химической защите, выполняемый войсками радиационной, химической и биологической (РХБ) защиты. При ликвидации последствий радиационной аварии, условно созданной в ходе учений, была проведена специальная обработка (дезактивация) войск, участков местности, дорог, военных объектов и сооружений. Дезактивация указанных объектов проводилась для ликвидации радиоактивного заражения в целях исключения поражения личного состава в результате контакта с зараженными техникой, материальными средствами и объектами.

Для организации дезактивации техники, вооружения, средств индивидуальной защиты, санитарной обработки (гигиенической помывки) личного состава развертывается целый район специальной обработки, одним из элементов которого является пункт специальной обработки (ПуСО), предназначенный для проведения полной специальной обработки вооружения и военной техники, средств индивидуальной защиты, санитарной обработки личного состава.

ПуСО был развернут на незараженной местности и включал в себя участок местности, на котором были развернуты подразделения РХБ-защиты и проводилась дезактивация вооружения и военной техники, стрелкового оружия, средств индивидуальной защиты и других материальных средств, а также санитарная обработка личного состава.

На данных учениях возможности развернутого ПуСО были следующие:

- ☐ по обработке военной техники — 60–80 ед. в час;
- ☐ по обработке личного состава — 50–60 чел. в час.

Представителям НАТО была показана организация работы ПуСО по обработке подразделения, прибывшего из района ликвидации радиационной аварии.

В соответствии с планом учений производилась отработка способов поиска, обследования и подъема упавшего в воду вместе с автомобилем (после его подрыва) суперконтейнера с ядерным боеприпасом.

Глубина затопления 5 метров.

Здесь на первом этапе был отработан поиск затопленного автомобиля с помощью вертолета, на борту которого находится аппаратура контроля и обнаружения.

При обнаружении в районе акватории озера ядерного боеприпаса по его физическим признакам с вертолета был сброшен буй.

Впоследствии был проведен окончательный поиск и обследование реки водолазами, которые были доставлены на место аварии вертолетом.

Правила водолазной службы ВМФ позволяют производить спуски водолазов с вертолетов различными способами (посадки на воду в режиме зависания, в исключительных случаях высадка на ходу вертолета на малой скорости с высоты не более 5 метров при глубине затопления не менее 3 метров).

В рассматриваемом случае было принято решение спустить водолаза на берег с использованием роликового спускового устройства типа *СУ-Р* – для обеспечения безопасности водолаза в условиях отсутствия видимости под водой и наличия затопленных деревьев.

После определения местонахождения затопленного автомобиля и краткого его обследования (положение на грунте, состояние дна), оценки состояния суперконтейнера с ядерным боеприпасом и надежности его крепления к платформе автомобиля водолаз закрепил буй на затопленный автомобиль для точного обозначения его расположения.

Затем была проведена радиационная разведка водного участка места аварии при помощи погружных детекторов расчетом выездной группы счетно-аналитического центра. Эта разведка проводилась с целью определения повреждений. Если обнаружено превышение естественного радиационного фона воды, это значит, что корпус ядерного боеприпаса имеет повреждения, через которые проникает вода и идет вынос частиц ядерного материала.

Одновременно была организована охрана затонувшего автомобиля.

В ходе учений на этой точке отрабатывалась организация действий по подъему суперконтейнера с помощью мягких судоподъемных понтонов с привлечением подразделений Инженерных войск (пontonного парка).

В связи с тем, что затопленный автомобиль находился на значительном удалении от береговой черты, было принято решение о разворачивании водолазной станции на пароме, состоящем из двух речных и одного берегового звена понтонного парка Инженерных войск общей грузоподъемностью 50 т.

Водолазная станция и водолазный пост разворачивались на базе передвижной рекомпрессионной станции.

Одновременно проводилась установка и фиксирование парома рядом с затонувшим автомобилем.

Далее проводилось обследование и осмотр:

- ☐ акватории и грунта в районе затопления автомобиля;
- ☐ грунта на наличие посторонних предметов в районе затопления, толщина донных отложений, глубина, на которую автомобиль погрузился в донные отложения;
- ☐ затопленного автомобиля, его положения на грунте, определялись наличие повреждений шасси, платформы, состояние тента, кабины (с целью обеспечения доступа к суперконтейнеру проводится вырезание отверстия в тенте автомобиля);
- ☐ затопленного контейнера на предмет определения его повреждений.

По результатам осмотра было принято решение по порядку подъема контейнера из воды.

По результатам обследования затопленного автомобиля было определено, что автомобиль стоит на колесах с погружением в донные отложения до полутора метров.

Принимается решение поднимать контейнер с использованием мягких судоподъемных понтонов грузоподъемностью по 10 т (отрыв контейнера от грунта и подъем к поверхности воды), буксировка к урезу воды, подъем и установка на подготовленное место автомобильным краном.

В данном случае метод подъема был обусловлен наличием большого слоя донных отложений (в районе затопления толщина донных отложений достигала трех метров).

Все работы с ядерным боеприпасом под водой выполнялись прошедшими специальную подготовку офицерами аварийно-специальных формирований 12-го Главного управления МО России.

Работы по подъему контейнера осуществляются в несколько этапов:

- ☐ водолаз удаляет тент с автомобиля, при необходимости срезает его;

- ❑ водолаз удаляет все стяжки, крепящие суперконтейнер к платформе автомобиля, при необходимости осуществляется их срезание гидравлическим инструментом, входящим в состав аварийно-спасательной машины;
- ❑ водолазы осуществляют подготовку и крепление надувных понтонов к суперконтейнеру, производят наддув понтонов и подъем суперконтейнера к поверхности воды;
- ❑ производится буксировка поднятого суперконтейнера к месту извлечения его из воды и последующий подъем и установка контейнера на подготовленное место. Извлечение суперконтейнера производится с применением автокрана, после чего с помощью видеоэндоскопа производится осмотр внутренних полостей контейнера и оценка состояния ядерного оружия. Затем расчетом специальной аварийной команды проводится эвакуация контейнера к месту окончательных работ и осуществляется подъем суперконтейнера.

Руководство учениями осуществлялось с объединенного пункта управления Министерства обороны и ФААЭ. Этот пункт управления (ПУ) являлся основным центром анализа и принятия решений по ликвидации аварии.

РУКОВОДСТВО УЧЕНИЯМИ

Руководил объединенным ПУ заместитель начальника 12-го ГУМО, при этом имелось четкое разделение функциональных обязанностей между Минобороны и ФААЭ.

На силы Министерства обороны была возложена задача по выполнению в основном более тяжелых работ, связанных с организацией и управлением силами и средствами, действующими в районе аварии.

ФААЭ проводило более тонкий, детальный анализ поврежденных ядерных зарядов и выработывало рекомендации специалистам Минобороны России по порядку дальнейших действий при ликвидации аварии и выдвигало предложения, необходимые для принятия решений.

Объединенный ПУ, как и все ПУ МО РФ, имел традиционную схему построения. Основными его элементами являлись оперативный зал и полевой узел связи. Кроме того, были развернуты и оборудованы элементы боевого (охранение, караул) и тылового (пункт хозяйственного довольствия, места для отдыха личного состава) обеспечения.

Особенностью работ по ликвидации последствий аварии является то, что на первоначальном этапе (неусугубление последствий аварии) в них от МО принимают участие только аварийно-спасательные формирования 12-го ГУМО. В дальнейшем круг задач, в зависимости от характера аварии, может быть значительно расширен и тогда может потребоваться привлечение дополнительных сил и средств.

С целью организации взаимодействия, оперативного сбора информации и устойчивого управления силами и средствами МО, других министерств и ведомств, привлекаемых к работам в случае необходимости, на пункте управления были развернуты и обеспечены всем необходимым места для работы оперативных групп.

Совместная работа пункта управления МО и оперативной группы ФААЭ позволили в тесном взаимодействии, в минимальные сроки организовать и провести работы на различных этапах ликвидации последствий аварии: неусугубление ее последствий; категорирование аварийных ядерных боеприпасов; проведение первоочередных работ по снижению взрывоопасности; транспортирование к местам хранения или утилизации и другие.

На учениях отрабатывалось использование пунктом управления различных сторонних источников информации (кроме поступающих докладов и донесений): видеoinформа-

ция с места аварии с использованием специальной аппаратуры, наработанные на основе научных исследований материалы группы расчетно-аналитического сопровождения, а также развернутые учебные образцы ядерных боеприпасов (палатка), которые позволили проводить анализ повреждений ядерных боеприпасов, определить методику работы и подготовить рекомендации аварийно-спасательным формированиям.

Развернутая группа расчетно-аналитического сопровождения (ГРАС), мобильное подразделение информационно-аналитического центра поддержки принятия решений при чрезвычайных ситуациях с ядерными боеприпасами 12-го ГУМО, осуществляла научно-методическое и расчетно-аналитическое обеспечение работ.

Группа решала следующие задачи:

- ☐ прогноз возможных сценариев развития аварийной ситуации, оценка масштаба ее последствий, в том числе прогноз и оценка радиационной обстановки в районе аварии и разработка предложений по мерам защиты населения и режиму работы персонала;
- ☐ проведение спектрометрических исследований проб грунта, воды, идентификация осколков взорвавшихся специзделий;
- ☐ проведение других оперативных расчетов по указанию руководства ликвидаторов последствий аварии (ЛПА).

Личный состав частей и подразделений, принимавших участие в учении, был размещен в полевом лагере. Разбивка и оборудование полевого лагеря были осуществлены в соответствии с требованиями нормативных документов, регламентирующих пребывание войск в полевых условиях.

Полевой лагерь состоял из:

- ☐ *палаточного городка*, предназначенного для размещения личного состава прибывших частей и подразделений и элементов хозяйственного назначения;
- ☐ *полевого парка*, предназначенного для хранения, технического обслуживания, ремонта и приведения в готовность к применению по предназначению вооружения и военной техники оперативно-мобильной группы и приданных ей сил и средств в районе ликвидации последствий аварии.

Для обеспечения регламентированной работы личного состава был предусмотрен и разработан распорядок дня, который включал в себя утренние и вечерние мероприятия, направленные на закаливание военнослужащих, повышение физической устойчивости организма к резким изменениям физических факторов окружающей среды и условиям выполнения боевых задач, на соблюдение правил личной и общественной гигиены.

Охрана и оборона полевого лагеря осуществлялась силами временного караула и подразделениями усиления.

Для восстановления психического и физического состояния, снятия нервного напряжения личного состава был развернут пункт психологической реабилитации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе учений было показано, что методическое обеспечение российской стороны к решению такой сложнейшей проблемы, как ликвидация аварии с ЯО, отработано на очень высоком научном уровне, имеет системный подход, учитывающий все до мелочей.

По официальным отзывам наших партнеров, учениям дана очень высокая оценка. Российская сторона надеется, что сделан первый серьезный шаг в деле укрепления сотрудничества и что последуют новые шаги в этом направлении. Тому есть все основания.

Согласно предварительной договоренности в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, первые учения подобного рода проводятся на территории Российской Федерации. В последующем, начиная с 2005 г., они будут проводиться и на территории стран – членов НАТО, обладающих ядерным оружием, и на территории одной из стран НАТО, где размещено американское ядерное оружие. На всех этих учениях стороны примут участие в качестве наблюдателей.

Этот шаг, сделанный Российской Федерацией в столь «чувствительном» направлении, был призван развеять сомнения и одновременно укрепить уверенность наших партнеров в отношении безопасности хранения и транспортировки ядерного оружия в России, а также готовности к немедленным действиям в случае инцидентов с ним.

В дальнейшем стороны планируют перейти от формата наблюдения на учениях к формату совместных действий специалистов стран-участниц, естественно, соблюдая при этом условия Договора о нераспространении ядерного оружия.

Участие в учениях представителей НАТО в качестве наблюдателей – это первый этап сотрудничества. На этом этапе очень важен обмен опытом, который накопили страны, обладающие ядерным оружием, в этой области деятельности. Делать это необходимо с максимальной степенью открытости, как это сделала Россия на учениях «Авария-2004».

В дальнейшем на втором этапе сотрудничества можно было бы перейти к совместным действиям специалистов разных стран, обладающих ядерным оружием, при ликвидации последствий инцидентов (аварий) с ядерным оружием.

По мнению специалистов – это очень трудоемкая работа, без права на ошибку, требующая полного взаимопонимания, отчетности в действиях.

Здесь крайне важно взаимодействие личного состава бригад по ликвидации последствий, которые будут совместно действовать в аварийных ситуациях.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что первоочередной задачей, стоящей перед специалистами ядерного оружейного комплекса Российской Федерации, является реализация комплекса научно-технических и организационных мер, которые бы максимально предотвращали возможность возникновения инцидентов с ядерным оружием на всех этапах его жизненного цикла.

Могу также вполне ответственно заявить, что уровень безопасности российского ядерного боезапаса по всем принятым в ядерных державах критериям не уступает мировым стандартам, а по некоторым показателям (в частности, по критериям устойчивости к не санкционированным действиям) и превосходит их.

Если Вы профессионально занимаетесь и интересуетесь вопросами международной безопасности, имеете опыт редакторской работы и хотите работать, стать частью научно-исследовательской организации с международной репутацией, то эта информация для Вас.

**ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансии
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛА
ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**

Должностные обязанности:

- ☐ научное редактирование рукописей, принятых к публикации;
- ☐ постоянная координация с научными рецензентами;
- ☐ осуществление взаимодействия с авторами журнала как по поручению Главного редактора, так и самостоятельно, включая ведение переговоров, заказ статей и контроль над их подготовкой, доведение замечаний рецензентов до сведения авторов, согласование текста статьи и графических материалов с автором перед подписанием номера в печать;
- ☐ участие в выработке редакционной политики журнала, ведение плана текущего номера журнала и стратегического плана редакции;
- ☐ участие в формировании портфеля и развитии журнала по поручениям Главного редактора, Редакционной коллегии и инициативно. Последнее особенно важно с учетом того, что в текущем году планируется значительное расширение проблематики журнала и в связи с этим ставится задача освоения тем, ранее не затрагивавшихся в журнале, и привлечения новых авторов;
- ☐ осуществление взаимодействия с Редакционной коллегией журнала на постоянной основе, подготовка заседаний Редакционной коллегии;
- ☐ координация работы редакции журнала с издательством;
- ☐ самостоятельная подготовка статей и материалов для ряда разделов журнала по заданному плану;
- ☐ участие в научных мероприятиях, проводимых ПИР-Центром, наравне с научными сотрудниками.

Требования:

- ☐ высшее образование (предпочтительно: международные отношения, политология, международная журналистика);
- ☐ опыт научного редактирования рукописей;
- ☐ наличие опубликованных собственных научных работ по проблематике международной безопасности и(или) международных отношений;
- ☐ свободное владение английским языком (знание других языков приветствуется, но не является обязательным);
- ☐ знание компьютера на уровне опытного пользователя: Internet Explorer, Word, Excel, Outlook Express, программы редактирования (основная работа с текстом в Редакции осуществляется в электронном формате);
- ☐ активность, аналитический склад ума, широкий кругозор, желание и умение обучаться, ответственность, обязательность, умение работать в команде, умение работать в цейтноте.

Условия:

- ☐ вакансия выпускающего редактора журнала открывается 1 марта 2005 г.;
- ☐ полный рабочий день, 40 часов в неделю, пятидневная рабочая неделя (выходные в субботу и воскресенье);
- ☐ работа в штате на контрактной основе;
- ☐ предлагается привлекательная заработная плата (по результатам собеседования).

Резюме с указанием вакансии следует направлять на имя Главного редактора журнала В.А. Орлова по адресу: orlov@pircenter.org или по факсу (095) 234-95-58

Раджеш
Басрур

К ВОПРОСУ О ЯДЕРНОЙ ДОКТРИНЕ ИНДИИ¹

Ядерная доктрина Индии представляет собой в некотором роде головоломку. Несмотря на все попытки объяснить, почему в 1998 г. Индия официально решила стать ядерным государством, не многие смогли понять причины, по которым Индия воздерживалась от ядерного статуса на протяжении двадцати с лишним лет после испытания в 1974 г. первого ядерного заряда. Более того, нередко критики связывают проведение ядерных испытаний 1998 г. с политикой консервативного национализма Индийской Народной партии, возглавлявшей в то время коалиционное правительство. Однако возможность для создания ядерного потенциала была заложена Индией еще в 1974 г., в годы правления И. Ганди, лидера партии Индийский Национальный Конгресс. А в конце 1980-х гг. под руководством Р. Ганди, принадлежавшего к той же партии, была создана первая ядерная бомба. В дальнейшем ядерный потенциал постепенно развивался при последующих правительствах, представлявших разные политические партии – от левого Индийского Национального Конгресса до правоцентристской Бхаратия джаната парти. Таким образом, ядерная политика Индии не может быть ассоциирована с определенными идеологическими или политическими приоритетами.

После получения независимости в 1947 г. в основу национальной безопасности Индии легли три равные по своей значимости задачи: создание устойчивой внутренней политической системы, достижение стабильного экономического роста, обеспечение безопасности границ и расширение стратегического пространства государства. Первое подразумевало постепенное развитие демократической политической структуры в условиях социального неравенства и распространения террористического движения – как в Кашмире, так и в северных и северо-восточных областях страны. Экономический рост происходил сначала за счет развития государственной экономики с постепенным переходом в начале 1990-х гг. к частному бизнесу. Третья задача – военная безопасность – включала в себя обеспечение безопасности границ с использованием обычных вооруженных сил. За первые 25 лет независимости Индия пережила четыре войны, из них три с Пакистаном (1947–1948 гг., 1965 г., 1971 г.) и одну с Китаем (1962 г.). Необходимо отметить, что все войны происходили до того, как Индия стала ядерной державой. Что касается отношений с другими странами, то здесь Индия активно поддерживала движение неприсоединения, избрав для себя роль «лидера региональной безопасности»². Участие в движении отнюдь не означало изоляции. Политика безопасности Индии предусматривала поддержание тесных связей с СССР, который оказывал стране политическую поддержку, а также служил основным поставщиком военной техники. Во всем этом ядерное оружие (ЯО) играло минимальную роль. Действительно, руководство Индии с самого начала критически относилось к ЯО, продолжая настаивать на необходимости глобального разоружения.

По-разному объясняются причины, побудившие Индию провести ядерные испытания в 1998 г.³ Очевидно, что для этого существовали веские стратегические обоснования. Рост

пакистанского ядерного потенциала и китайско-пакистанские связи вызывали серьезную обеспокоенность индийского руководства. Но основными решающими факторами все же стало давление со стороны США и Конференции по разоружению в Женеве, где проходили переговоры по ДВЗЯИ, поставившие Индию перед вопросом «или сейчас или никогда». Однако все эти объяснения дают лишь частичное описание картины. И все же остается нерешенным главный вопрос: что вынудило Индию стать ядерным государством – сначала только символически в 1974 г., а позднее, хотя и довольно неохотно, официально? Почему Индия продемонстрировала свои ядерные возможности, но не приступила к развертыванию ядерных вооружений? Для понимания мировоззрения и практических действий Индии в отношении ЯО необходимо рассмотреть отличительные особенности, комплексный характер и абсолютную несхожесть ядерной доктрины Индии с доктриной и стратегическим поведением ядерных держав в холодной войне⁴.

ЭВОЛЮЦИЯ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ

Медленный процесс наращивания ядерного потенциала Индии отражает взаимодействие структурной реальности международной системы (возникающие угрозы) и внутренних приоритетов безопасности (усложняемых наличием ЯО). После получения независимости первый премьер-министр Индии Дж. Неру заложил основы ядерной политики. С одной стороны, он категорически отвергал ЯО из-за его огромной разрушительной силы, но, с другой стороны, не торопился от него окончательно отказываться, признавая, что «в случае возникновения необходимости всегда должно существовать неотъемлемое преимущество в обороноспособности»⁵. Такая смесь идеализма и реализма задавала тон будущей ядерной политике. В 1964 г., когда Китай продемонстрировал свой ядерный потенциал – всего лишь через два года после поражения в пограничной войне с Индией, премьер-министр Л.Б. Шастри одобрил дальнейшие исследования по подземным ядерным испытаниям, но не одобрил проведение самих ядерных испытаний. Через десять лет, на фоне растущей угрозы изоляции, когда казалось, что холодная война подходит к концу, в 1974 г. И. Ганди было санкционировано проведение ядерных испытаний, которые, однако, не вылились в военную ядерную программу. В то же время была инициирована комплексная программа создания управляемого ракетного оружия различных категорий, благодаря которой сегодня Индия наращивает ядерные и обычные вооружения.

По причинам, описанным выше, в конце 1980-х гг. снова возникла необходимость в программе ЯО. Последующие премьер-министры Р. Ганди и Н. Рао от партии Индийского Национального Конгресса, Х.Д. Деве Гоуда и И.К. Гуджрал от коалиции Объединенного фронта продолжали поддерживать растущий интерес к ядерному вооружению в 1990-х гг., пока А.Б. Ваджапай от Бхаратия джаната парти в 1998 г. не принял судьбоносного решения о проведении ядерных испытаний. Несомненно, наблюдалась определенная медлительность в наращивании вооружений – отчасти из-за опасений навлечь на себя международные санкции. Перед испытаниями 1974 г. таких опасений просто не существовало. Знаменательно то, что, получив статус ядерной страны и преодолев проблемы санкций, Индия все же не видела необходимости разворачивать вооружения, не говоря уже о принятии стратегической программы вооружений. И хотя Индия и сегодня продолжает наращивать свой ядерный потенциал, особенно против Китая, делается это безо всяких признаков спешки⁶. Индия скорее придерживается политики соблюдения ограничений, нежели стремительного увеличения арсенала, несмотря на возникновение таких серьезных угроз, как испытание ЯО Китаем в 1964 г. и создание китайско-пакистанского альянса в 1980-х гг. Несмотря на высокий уровень напряженности с Пакистаном, Индия не прибегает к развертыванию боеголовок и, более того, средства доставки отделены от боеголовок, которые, в свою очередь, находятся в разобранном состоянии. В этом смысле контраст с холодной войной поразителен. Для того чтобы понять особенности политики сдерживания Индии, необходимо разобратся в основных понятиях стратегической культуры Индии в отношении ЯО.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ

Стратегическая культура Индии определяется моделью мышления и поведения в отношении ЯО и может быть охарактеризована как «ядерный минимализм»⁷. Основными чертами ядерного минимализма являются:

Низкий уровень приоритетности ЯО. ЯО не является основным средством обеспечения национальной безопасности. Несмотря на потенциальные угрозы, возникавшие в связи с проведением ядерных испытаний в Китае, Индия никогда не проявляла поспешности в отношении дальнейшего наращивания ядерного потенциала. Тот факт, что Индия не построила ядерного арсенала после испытаний 1974 г. и не приняла программы ядерных вооружений после испытаний 1998 г., говорит о том, что Индия не проявляет склонности к резкому увеличению запасов ЯО.

Политический, а не военный подход в отношении ЯО. При таком подходе ЯО рассматривается как политический инструмент, непригодный для использования в целях иных, кроме как сдерживание. Такой взгляд полностью противоположен оперативному подходу, при котором ЯО рассматривается как дополнение к обычным вооружениям. Концепция ядерной войны не популярна даже среди военного командования. Стратегия безопасности в целом и ядерная стратегия в частности полностью находятся под контролем гражданского руководства.

Упор на минимальное сдерживание. Основывается на убежденности, что сдерживание противника не требует большого количества и сложности вооружений. Сразу после испытаний 1998 г. правительство Индии, поддерживаемое учеными-ядерщиками, объявило о том, что в дальнейших испытаниях ЯО нет необходимости. Следовательно, Индия не обеспокоена по поводу гораздо более мощного ядерного арсенала Китая. Такая позиция позволит избежать рискованной и дорогостоящей гонки вооружений. При этом отпадает необходимость в создании излишнего ядерного арсенала, что позволяет сэкономить значительные средства, которые могут быть использованы на нужды экономического развития.

Строгие обязательства по контролю над вооружениями. Это является логическим продолжением давнего убеждения, что ЯО – такой же источник опасности, как и безопасность. Индия выступает за всеобъемлющее, недискриминационное и многостороннее разоружение, однако ее более ранние нереалистичные ожидания осуществимости такого разоружения не оправдались. На сегодняшний день двусторонний, как и многосторонний (недискриминационный) контроль над вооружениями считается приемлемым. Индия уже имеет ряд договоренностей по мерам укрепления доверия с Китаем и Пакистаном⁸. В отличие от США и СССР Индия и Пакистан договорились о подобных мерах еще до объявления своего ядерного статуса, подписав в декабре 1988 г. соглашение о ненападении на ядерные сооружения друг друга. В результате проведения ядерных испытаний в 1998 г. подписанный в Лахоре Меморандум о взаимопонимании (февраль 1999 г.) предусматривал взаимное уведомление сторон при проведении ракетных испытаний. В настоящее время Индия продолжает переговоры с Пакистаном.

Несмотря на все вышесказанное, существует ряд проблем, не решенных должным образом. Основные из них – отсутствие взаимосвязи между различными уровнями конфликта и четкой доктрины – рассматриваются ниже.

ЯДЕРНАЯ И СУБЪЯДЕРНАЯ СВЯЗЬ

Одна из основных проблем ядерного мировоззрения Индии – отсутствие способности различать разные уровни и взаимосвязь вооруженных конфликтов – конвенциональных, субконвенциональных и ядерных. Изначально появление ядерного сдерживания рассматривалось как достаточное условие для прекращения всех форм физических конфликтов между Индией и ее противниками. Правительство Индии было убеждено, что Пакистан отныне прекратит все попытки захвата власти в спорном штате Джамму и Каш-

мир вооруженными методами. А поскольку Индия и Пакистан установили взаимное ядерное сдерживание, благоразумное поведение противника должно стать нормой. Пакистан не сможет больше рисковать в Кашмире, политический статус-кво будет восстановлен, и Индия будет решать проблему повстанцев в рамках внутренней политики⁹. Последствия ошибок стратегического мышления Индии вылились в Каргильский конфликт 1999 г. Поддерживаемые повстанцами пакистанские силы, замаскированные под гражданское население, оккупировали территорию с индийской стороны так называемой Линии контроля в Кашмире. Целью акции было создание кризиса при отсутствии факта пересечения Линии контроля официально – то есть получение военных преимуществ в отсутствие факта нарушения. Целью террористов было вызвать всеобщий страх эскалации конфликта от слабой интенсивности до обычного и далее до ядерного, надеясь, таким образом, спровоцировать международное вмешательство и вынудить Индию пойти на переговоры.

Однако эта попытка дала обратные результаты по двум причинам. Во-первых, Индия смогла нанести массированный артиллерийский удар и отбросить оккупационные войска, в то время как Пакистан не мог в ответ открыто пересечь индийскую границу из боязни превратить конфликт в полномасштабную войну. Во-вторых, акция Пакистана вызвала серьезное недовольство мирового сообщества, особенно со стороны США, заставивших Пакистан объявить об унизительном прекращении военных действий. Однако конфликт в Каргиле продемонстрировал правительству Индии проблему под названием «парадокс стабильности-нестабильности»: наличие трений между ядерными противниками приводит к возникновению между ними конфликтов слабой и средней интенсивности¹⁰. Действие «парадокса стабильности-нестабильности» вызвало некий стратегический паралич, который правительство Индии восприняло как в высшей степени разочаровывающий. Несмотря на провал в Каргиле, Пакистан продолжал поддерживать свои малозатратные кампании по поддержке террористических группировок, таких, как «Хизб-Уль-Муджахеддин», «Лашкар-э-Тойба», «Джайш-э-Мухаммад».

Индийское руководство ломало голову в поисках путей реагирования. Рассуждения политиков постепенно смещались от поиска политического решения в пользу применения силовых методов воздействия на Пакистан. Высказывались мнения о необходимости преследования террористов в глубь пакистанской территории, нанесения ограниченных ударов или проведения спецопераций против лагерей террористов в Пакистане, выдвигалась также размытая концепция ведения «ограниченной войны». В январе 2000 г. министр обороны Дж. Фернандес заявил, что ЯО «может сдерживать только применение ядерного оружия, но не всё и не всякую войну», и что конфликт в Каргиле продемонстрировал, как индийские вооруженные силы «могут воевать и победить в ограниченной войне во время и в месте, выбранных агрессором»¹¹. Признавая наличие «определенных ограничений, необходимых для избежания пересечения ядерного порога», Дж. Фернандес заявил, что «обычные войны не ушли в прошлое с приходом ЯО»¹². Однако существовала вероятность, что участие в вооруженном конфликте повлечет за собой неблагоприятный исход в виде акций противодействия со стороны международной общественности.

Террористическая акция 11 сентября 2001 г. в США изменила ситуацию. Американская интервенция в Афганистане подготовила благоприятный климат для решительных действий Индии против пакистанского пособничества трансграничному терроризму. К тому же террористические действия Пакистана с целью установления контроля в штате Джамму и Кашмир в октябре 2001 г. и нападение на индийский парламент в декабре того же года ускорили принятие решений руководством Индии, которое освободилось от пут смиренной рубашки бездействия и обернуло «парадокс стабильности-нестабильности» против Пакистана, прибегнув к дипломатии принуждения. Индия начала массовое развертывание сил вдоль пакистанской границы, угрожая начать необъявленную войну, если Пакистан не прекратит содействие террористам. Несмотря на то, что о применении ЯО речи не шло (нет свидетельств того, что какая-либо из сторон имела ЯО в боевой готовности), мобилизация вооруженных сил имела сильный ядерно-стратегический компонент. Индийская стратегия имела двойственный характер¹³. Индия выбра-

ла метод прямого принуждения с целью вынудить Пакистан отступить перед нарастающей угрозой перерастания конфликта в полномасштабную войну и даже ядерный конфликт. Одновременно были предприняты усилия по оказанию непрямого давления, вынуждая США, опасаящихся регионального холокоста, заставить Пакистан отказаться от пособничества террористам.

Таким образом, мобилизация обычных вооружений привела к образованию связи конфликта средней интенсивности с ядерным конфликтом. Индия заявила, что если Пакистан задействует ЯО, то понесет гораздо больший урон. 29 декабря 2001 г. Дж. Фернандес заявил, что «Пакистан не будет использовать ЯО, несмотря на то, что он не имеет обязательств по неприменению ЯО первым в отличие от Индии. Мы можем выдержать ядерную атаку, выжить и нанести массированный контрудар. С Пакистаном будет покончено. У меня нет опасений, что ядерный вопрос встанет в ходе конфликта»¹⁴.

Фактически то, о чем говорил министр, означало, что ядерный баланс все-таки имеет значение, а это полностью противоречило индийской доктрине минимального сдерживания, которая утверждает обратное. Кроме того, высказывание о возможности несения некоторого ядерного ущерба серьезно подрывает философию сдерживания.

В конце концов все усилия оказались напрасными. Несмотря на значительное давление со стороны ВС, обещания Пакистана прекратить поддержку террористических формирований, орудующих в Кашмире, оказались временными и тактическими, и перед лицом пакистанской ответной мобилизации Индия вынуждена была отозвать войска в октябре 2002 г. через десять месяцев после развертывания сил. Индия не смогла принять риска незначительного ядерного поражения как практически приемлемого, несмотря на все высказанные доводы. Сдерживание оказалось главным принуждением. Несмотря на то, что правительство Индии не исключает возможности других форм ограниченных боевых действий, очевидно, что урок получен. Эпизод обнаруживает трудности, связанные с попытками создания стратегического пространства для ограниченного вооруженного конфликта в ядерной среде. Это также объясняет, почему правительство А.Б. Ваджапай в октябре 2003 г. приняло решение возобновить переговоры с Пакистаном.

ОТСУТСТВИЕ ЧЕТКОЙ ДОКТРИНЫ МИНИМАЛЬНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

На каком этапе находится Индия сегодня? Картина окончательно не ясна. Доктрина «максимально убедительного минимального сдерживания» не сформулирована полностью и претерпела значительные изменения между 1999 г. и 2003 г. После испытаний 1998 г. премьер-министр А.Б. Ваджапай выступил с кратким заявлением в парламенте относительно основополагающих элементов ядерной доктрины. Он заявил, что для создания убедительной доктрины дальнейшие исследования не нужны, что Индия будет продолжать следовать принципам неприменения ЯО первой и что контроль над вооружениями остается главным вопросом национальной безопасности¹⁵. При этом он не упомянул об источниках угрозы, характере развертываний, типе и количестве необходимых вооружений, объектах нападения и многих других вопросах, которые обычно рассматриваются в качестве основных составляющих стратегии сдерживания. Основой общественного понимания доктрины ядерного сдерживания Индии являлся до сих пор проект национальной доктрины, опубликованный в августе 1999 г.¹⁶. Проект предусматривает «убедительное минимальное сдерживание», основанное на способности «нанесения ответного ядерного удара, неприемлемого для агрессора». Для осуществления этого необходимы «достаточные, могущие выжить и нанести ответный удар боеготовые ядерные силы», а также организованность и намерение развернуть ядерное оружие, если стратегия сдерживания потерпит неудачу. Министр заявил о ненападении Индии первой и о неприменении ЯО против стран, не имеющих ЯО и не являющихся союзниками ядерных стран. Он призывает к усилению обычных вооружений, с тем чтобы повысить ядерный порог. Индийские ядерные силы сдерживания будут представлять собой триаду: средства доставки воздушного, наземного и морского базирования, в которых «выживаемость будет обеспечиваться системами безопасности, мобильностью, рас-

средоточением и труднодоступностью». При этом существует различие между численностью ядерных сил «мирного времени» и «полностью отмобилизованными силами» в случае возникновения конфликта. Здесь делается упор на уверенность – «противник должен знать, что Индия может и будет наносить ответный удар», а также на эффективность, основывающуюся на «надежности, своевременности, точности и мощности атаки». В документе содержатся требования по управлению и контролю, охране и безопасности, исследованиям и разработке ЯО и заканчивается он выводами о необходимости контроля над вооружениями и глобального разоружения. Проект был подвергнут критике за отсутствие ясности и за его незаконченность¹⁷. Концепция триады средств доставки и упор на выживаемость и эффективность идет вразрез с идеей минимального сдерживания, так как они отражают подход времен холодной войны, когда США и Советский Союз раздули непомерный ядерный арсенал, руководствуясь подобной аргументацией. В проекте изложен скорее не политический, а оперативный аспект сдерживания.

Однако, как позднее в своем интервью сообщил министр иностранных дел Я. Сингх, данный отчет был опубликован с целью вызвать общественные дебаты и не является официальным политическим документом правительства Индии¹⁸. Данное выступление Я. Сингха проливает свет на политическую сторону ядерного мировоззрения Индии. Естественно, существует ряд общих элементов в интервью и в проекте доктрины. В обоих случаях говорится о том, что Индия не будет использовать ЯО первой; что позиция ответного удара будет основываться на мобильности и распределении ядерных ресурсов так же, как на необозначенном уровне избытков; о необходимости делать различие между боевыми и мирными развертываниями, когда ядерные заряды хранятся отдельно от систем доставки ЯО; что управление арсеналом контролируется гражданскими структурами.

Однако точка зрения министра по ряду важных вопросов не совпадает с проектом доктрины. Признавая, что ядерные ресурсы должны обладать выживаемостью, он не поддерживает упора на создание «многократно избыточных систем» как необходимых для выживаемости. Последнее вызывает дискомфорт из-за тенденции к скатыванию к гонке вооружений, так как в данном случае будут руководствоваться оперативными характеристиками арсенала противника. Я. Сингх четко указывает, что «паритет не является необходимым для сдерживания», что Индия не станет ввязываться в гонку вооружений и что ядерное сдерживание – это вопрос «достаточности», а не определенного количества – позиция, не отраженная в проекте доктрины. Я. Сингх также говорит о том, что ответный удар не обязательно должен быть мгновенным. Последствия с точки зрения стабильности очевидны; нет необходимости держать ядерные силы в состоянии повышенной боевой готовности для мгновенного контрудара. Это способствует относительно стабильной ядерной позиции, и этот вопрос также не рассматривался в проекте. В то время как проектом не рассматриваются вопросы выбора целей, Я. Сингх поясняет, что «мы отказались от стратегии ведения войны, которым руководствовались страны во времена холодной войны», и что «мы не рассматриваем ЯО как орудие ведения войны», что явно выражает отказ от доктрины балансирования сил. Другое отличие состоит в отношении развития ядерной триады. Проект подразумевает создание ядерной триады – Я. Сингх считает, что разработка различных средств будет продолжаться, но пока о триаде говорить преждевременно и, что более важно, триада не является необходимой предпосылкой создания убедительной доктрины. Общая цель интервью – подтверждение стремления Индии следовать доктрине ядерного сдерживания, придерживаясь позиции ненаращения арсенала. В этом отношении Я. Сингх более убедителен, чем принципы проекта. Его видение ядерной доктрины соответствует модели стратегических предпочтений, которые соотносят применение ЯО с позицией предусмотрительности. Это помогает понять причины, побудившие премьер-министра Индии в феврале 1999 г. (менее чем через год после проведения ядерных испытаний) прибыть в Лахор, чтобы попытаться установить стратегическую стабильность в регионе.

Краткое выступление по ядерной доктрине и организации Национального органа безопасности Индии в январе 2003 г. помогают понять, в каком направлении развивается ядерная доктрина Индии¹⁹. Вкратце ее положения могут быть сведены к следующему:

- ☐ Индия намерена создавать и развивать потенциал минимально разумного сдерживания;
- ☐ Индия провозглашает принцип неприменения ядерного оружия первой – ядерное оружие может быть применено только в качестве ответа на ядерное нападение на территорию страны или индийские вооруженные силы где бы то ни было;
- ☐ ответный ядерный удар, который может быть нанесен только с санкции гражданского политического руководства страны, будет массированным, с расчетом нанести непоправимый ущерб;
- ☐ ядерное оружие не может быть применено против неядерного государства;
- ☐ в случае широкомасштабного военного нападения на Индию или индийские вооруженные силы где бы то ни было с применением химического или биологического оружия Индия оставляет за собой право ответа ядерным ударом;
- ☐ Индия продолжает строго придерживаться международных режимов в сфере контроля над экспортом ядерных и ракетных материалов и технологий;
- ☐ Индия подтверждает свое участие в переговорах по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов, продолжает придерживаться объявленного ею моратория на проведение ядерных испытаний и вновь подчеркивает свою приверженность цели всеобщего и полного ядерного разоружения.

Несмотря на то, что данные обязательства в известной мере раскрывают индийскую стратегическую политику сдерживания, ни одно из них прямо не определяет центрального характера *минимального* сдерживания. Принцип неприменения ЯО первыми рассматривается скорее как обещание, нежели гарантия, поэтому маловероятно, что противники будут всерьез оценивать риски. К тому же, в сравнении с ранними заявлениями, ядерная доктрина ослабляется оговорками в отношении химического и биологического оружия. Массированное возмездие как угроза в любом случае будет рассматриваться противником как угроза применения ядерного оружия, что неизбежно будет способствовать наихудшим предположениям. Возможно, заявление, наиболее близкое к выражению обязательств по минимальному сдерживанию, – это обязательство не проводить испытания, поскольку сложное многовариантное вооружение и «надежное» оружие требовали бы испытаний. Не упомянуты в заявлении и критические аспекты минимального сдерживания: не изложено понимание того, что сдерживание может быть достигнуто и с небольшим количеством оружия, с оружием относительно незначительного разнообразия и изощренности и с оружием, которое не развернуто или даже не собрано. Если бы данные аспекты минимального сдерживания были четко объяснены, то и действительная доктрина минимализма получила бы ясную формулировку. Однако то, что официально указанные аспекты не были заявлены, не означает, что доктрины сдерживания нет. Совершенно очевидно, что она существует. Это показывает практика. Однако продолжающаяся разработка различных средств доставки наземного, воздушного и морского базирования говорит о непоследовательности концепции минимального сдерживания. Единственный аргумент в пользу триады – это уменьшение уязвимости, что является стандартом холодной войны. Достаточность должна быть определена в терминах риска возмездия, перед которым стоит противник при выборе применения ядерного оружия, но не собственно риска быть опустошенными первым ударом.

Этот краткий обзор показывает недостаточность ясности и последовательности в понимании Индией минимального сдерживания. Если раздвоенность сохранится, то способность ядерного мышления и практики, направленной к открытой действительной концепции сдерживания, увеличится. По мере того как ядерная инфраструктура Индии будет развиваться и приобретет более определенную форму, существующее давление военных, работа которых, в конце концов, состоит в том, чтобы относиться к ядерному оружию как к оружию, пригодному для применения, будет также возрастать. Вопросы об уязвимости и надежности – и прежде всего «вероятности» – будут подняты в поисках

«лучшего» оружия. Если минимальное сдерживание не будет понято четко и полностью, всегда остается возможность, что некоторая комбинация интеллектуального движения, организационного давления и поддержание угроз выдвинет доктрину к открытому расширению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данный анализ позволяет сделать вывод о значительной несогласованности в понимании Индией проблемы ядерного оружия. С одной стороны, политическая концепция ядерного оружия привела к рискованной попытке использовать его как инструмент политики, косвенно попытавшись принудить Пакистан изменить его стратегическое поведение. С другой стороны, неуверенность в том, что именно составляет понятие минимального сдерживания, открывает вероятность того, что индийская стратегия будет направлена на расширение процесса, управляемого чрезмерно функциональным представлением о ядерном оружии. Во всяком случае, будущее грозит стать проблематичным.

Тем не менее некоторая доля оптимизма все еще сохраняется. Важным вопросом является вопрос о понимании индийскими лидерами смысла отказа от наступательного сдерживания. Есть вероятность положительного ответа. После того как Индия отменила массированное развертывание войск, насилие в Кашмире осталось на высоком уровне, но индийские лидеры не ответили на это угрозой возобновления наступательного сдерживания или переговорами об ограниченной войне. Вместо этого премьер-министр А.Б. Ваджапайи преподнес сюрприз в октябре 2003 г., выступив с предложением восстановить транспортные линии с Пакистаном. Очевидно, из урока были сделаны выводы. Более того, новая коалиция, ведомая партией Конгресс при премьер-министре Н. Сингхе, который принял узды правления в мае 2004 г., подчеркнула свою приверженность этой инициативе. Есть также и вторая причина для надежды. Поскольку Индия имеет строго политический взгляд на ядерное оружие, ей легче согласиться на контроль над вооружениями, чем на доминирование чисто функциональных соображений. Последние создали бы главные препятствия к усилиям по стабилизации, потому что арсенал, который продолжает развиваться, станет устойчивым к техническим ограничениям.

Контроль над вооружениями, который влечет скорее политические обязательства (как, например, Соглашение 1988 г. между Индией и Пакистаном о ненападении на ядерные установки), более реален, чем принятие договоренностей по условиям их эксплуатации. Третий положительный аспект заключается в том, что существует основополагающее соответствие между индийскими и пакистанскими положениями по проблемам ядерного оружия. Хотя их доктрины различны (Пакистан не поддерживает позицию Индии по принципу неприменения ядерного оружия первыми), обе страны придерживаются стратегии минимального сдерживания и, что еще более важно, воздерживаются от развертывания, несмотря на высокий уровень напряженности.

Наконец, устойчиво развивающееся взаимодействие Индии с Китаем показывает ее способность контролировать отношения с ядерным соседом. Аналитики часто не в состоянии признать значимость данных взаимоотношений. Конкуренция Индии и Китая имеет глубокие корни, во многом подобные отношениям Индии и Пакистана. Китай с самого начала был тем первичным фактором, который мотивировал распространение ЯО в Индии. После войны 1962 г. сохранились подозрения и недоверие, так же как и главная нерешенная проблема границ. Напряженные отношения на границе со временем ухудшались. Наибольшая конфронтация наблюдалась в 1986–1987 гг. в долине Самдунг-Чу на северо-востоке Индии и в той же области в 2003 г., но в этих и других случаях после политических переговоров напряженные отношения улучшались. Несмотря на нерешенную проблему границ и беспокойство Индии, вызванное поддержкой Китаем ядерных и ракетных программ Пакистана, отношения Индии и Китая значительно улучшились, особенно благодаря расширению торговли. Таким образом, в данном контексте

те следует также отметить интерес Индии в преобразовании отношений Китая с Пакистаном.

Хотя пока свет в конце тоннеля не виден, попытки продвигать принятие осуществимого решения не были прекращены, несмотря на повторяющиеся провалы и серьезную напряженность. Индийские лидеры осознают, что стабильное будущее заставляет сфокусироваться на экономическом развитии и внутренней политической стабильности. Экономическое развитие реализуется посредством процесса либерализации, в то время как последнее реализуется усилиями в переговорах по поводу многолетних споров в Нагальенде и Кашмире.

По всей вероятности, недавний эксперимент по демонстрации обычных вооружений с опорой на «превосходящий» ядерный потенциал был отклонен в политических целях и более не повторится. Ядерное оружие, вероятно, будет занимать относительно скромное место в будущей индийской стратегии безопасности.

Примечания

¹ Перевод – И.В. Неврова. © ПИР-Центр, 2004.

² Bouton Marshall. Foreign Relations: Elusive Regional Security. *India Briefings*. 1987. P. 160.

³ Ganguly Sumit. India's Pathway to Pokhran II: The Prospects and Sources of New Delhi's Nuclear Program. *International Security*. 1999, Spring. P. 148-177; Jha Prem Shanker. Why India Went Nuclear. *World Affairs*. 1998, July-September. P. 80-96; K. Subrahmanyam. Nuclear India in Global Politics. *World Affairs*. 1998, July-September. P. 12-40.

⁴ Тот же вопрос можно и следовало бы рассмотреть и в отношении Пакистана.

⁵ Kapur Ashok. India's Nuclear Option: Atomic Diplomacy and Decision Making. New York: Praeger, 1976. P. 194.

⁶ George Andrew. The World's Nuclear Arsenals. 2004, April 27.
http://www.cdi.org/program/document.cfm?DocumentID=2187&StartRow=1&ListRows=10&appendURL=&Orderby=D.DateLastUpdated&ProgramID=32&from_page=index.cfm

⁷ Basrur Rajesh. Nuclear Weapons and Indian Strategic Culture. *Journal of Peace Research*. 2001. Vol. 38, No. 2, March. P. 181-198.

⁸ Krepon Michael. A Handbook of Confidence Building Measures for Regional Security. Washington, DC: Henry L. Stimson Center, 1998. P. 189-210.

⁹ Inderjit Sabina. Advani Tells Pakistan to Roll Back Its Anti-India Policy. *Times of India*. 1998, May 19.

¹⁰ Krepon Michael and Gagne Chris. The Stability-Instability Paradox: Nuclear Weapons and Brinkmanship in South Asia Washington, DC: Henry L. Stimson Center, 2001, June; Snyder Glen. The Balance of Power and the Balance of Terror; Paul Seabury. The Balance of Power. San Francisco: Chandler. 1965. P. 194-201.

¹¹ Mohan Raja. Fernandes Unveils «Limited War» Doctrine. *Hindu*. 2000, January 25.

¹² Ibid.

¹³ Basrur Rajesh. Coercive Diplomacy in A Nuclear Environment: The December 13 Crisis; Dossani Rafiq and Rowen Henry. Prospects for Peace in South Asia. Stanford. CA: Stanford University Press.

¹⁴ We Could Take A Strike and Survive. Pakistan Won't: Fernandes. *Hindustan Times*. 2001, December 30.

¹⁵ Nanda Prakash. PM Unveils Doctrine of Minimum Credible Deterrence. *Times of India*. 1998, August 5.

¹⁶ Government of India, Ministry of External Affairs. Draft Report of National Security Advisory Board on Indian Nuclear Doctrine. 1999, 17 August. <http://meadev.nic.in/govt/indnucl.d.htm>

¹⁷ Chari P. R. India's Nuclear Doctrine: Confused Ambitions. *Nonproliferation Review*. 2000, Vol. 7. No. 3, Fall-Winter. P. 123-135.

¹⁸ India Not to Engage in A Nuclear Arms Race: Jaswant. *Hindu*. 1999, November 29.

¹⁹ The Cabinet Committee on Security Reviews Operationalization of India's Nuclear Doctrine. Press Release, Ministry of External Affairs, Government of India. 2003, January 4. <http://meadev.nic.in/news/official/20030104/official.htm>

Павел
Подвиг

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА
ПОСЛЕ ДОГОВОРА ПО ПРО

В конце июля 2004 г. программа создания противоракетной обороны (ПРО), осуществляемая Соединенными Штатами, перешла в стадию практической реализации – на военной базе на Аляске в шахтной пусковой установке был размещен первый перехватчик будущей системы ПРО. Планы США предусматривают, что развертывание системы будет продолжено – к концу 2004 г. количество перехватчиков планировалось довести до пяти, к концу 2005 г. – до 10. Кроме перехватчиков, число которых планируется увеличивать и дальше, в состав системы уже в 2005 г. будут введены специализированные радиолокационные станции (РЛС) распознавания целей и существующие РЛС раннего предупреждения, которые после модернизации смогут обеспечивать систему ПРО информацией об атакующих баллистических ракетах.

Перспективные планы развития системы противоракетной обороны предусматривают развертывание передовых систем ПРО морского и воздушного базирования, а в дальнейшем – создание космического компонента системы. На первых этапах размещенные в космосе средства будут исключительно информационными, но уже сегодня идет работа над созданием ударных космических компонентов системы ПРО. Конкретный состав системы будет уточняться по мере ее развития и совершенствования противоракетных технологий, поэтому сказать, какие элементы войдут в ее состав, сегодня очень сложно. Одно можно утверждать определенно – система противоракетной обороны, призванная обеспечить защиту территории США от ракетной атаки, будет создана и речь сегодня идет только о масштабах развертывания системы.

Еще несколько лет назад такое развитие событий было бы невозможно, так как создание системы обороны территории страны было запрещено советско-американским Договором об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО). Этот Договор, заключенный в 1972 г., на протяжении почти тридцати лет являлся одним из ключевых элементов стратегических взаимоотношений Советского Союза и США и системы международной безопасности в целом. Но, как известно, ограничения Договора по ПРО перестали действовать в июне 2002 г., после того как Соединенные Штаты вышли из него в одностороннем порядке, преодолев возражения России и проигнорировав практически единогласное осуждение такого шага со стороны международного сообщества.

Прекращение действия Договора по ПРО стало очень важным этапом в процессе изменения содержания российско-американских взаимоотношений и одним из наиболее наглядных следствий изменения представлений о характере угроз для безопасности в современном мире и о способах противостояния этим угрозам. Но если в оценке важности значения одностороннего выхода США из Договора по ПРО сегодня сходятся практически все наблюдатели, то в отношении причин, сделавших возможным разрушение режима ограничения систем противоракетной обороны, и последствий этого шага спектр мнений гораздо более широк. Сторонники создания противоракетных систем утвержда-

ют, что отказ от Договора по ПРО стал ключевым элементом процесса построения новой системы международной безопасности, противники предупреждают о возможных негативных долгосрочных последствиях прекращения действия Договора. Сегодня, наверное, невозможно предвидеть все последствия, будь то негативные или позитивные, которые повлечет за собой решение США начать развертывание противоракетной обороны. В то же время, проанализировав обстоятельства возникновения нынешней программы ПРО и эволюцию взглядов на ее предназначение, можно составить представление о тех процессах, которые будут сопровождать ее дальнейшее развитие.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОЛИ ПРО

Сегодняшние представления о роли противоракетной обороны в стратегических взаимоотношениях России и США невозможно понять, не ответив на вопрос о том, почему Соединенные Штаты при решении вопроса о выходе из Договора по ПРО не приняли во внимание общепризнанную взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. Объявляя о выходе из Договора, США сочли возможным проигнорировать как возражения со стороны России, открыто угрожавшей возможностью наращивания своего стратегического наступательного арсенала, так и призывы союзников, предупреждавших о возможности дестабилизации российско-американских отношений и международной обстановки в целом. Причины такого решения можно понять, проследив, как менялись взгляды США на программу создания ПРО и как эти взгляды отражались на процессе становления российско-американских взаимоотношений.

Нынешняя противоракетная программа США организационно и технически во многом восходит к работам, которые велись еще в 1980-х гг., во время существования программы Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Более того, существует точка зрения, согласно которой США никогда не отказывались от намерения реализовать заложенную в основу программы СОИ идею о достижении стратегического превосходства за счет создания противоракетной обороны. Причину появления такой точки зрения можно понять, так как задачей программы ПРО США сегодня действительно является создание стратегической обороны территории страны. Но в то же время нельзя не видеть, что до того, как вернуться к идеям времен СОИ, противоракетная программа испытала очень серьезную эволюцию, которая принципиальным образом изменила как содержание программы, так и ее восприятие в США и за их пределами.

Основной чертой идеологии программы создания противоракетной обороны, существовавшей в США в 1980-х и начале 1990-х гг., была ее ориентация на отражение ракетного нападения со стороны Советского Союза. Первоначально речь шла о создании системы стратегической обороны страны, способной отразить массированный ракетный удар, но уже в конце 1980-х гг. перед системой ПРО была поставлена гораздо более скромная задача – обеспечить перехват ограниченной стратегической атаки, вероятном результате случайного или несанкционированного пуска ракет. Такое изменение задач стало результатом действия как минимум двух факторов. Во-первых, в конце 1980-х гг. начался процесс реального сокращения ядерных вооружений, который снял значительную долю напряженности в советско-американских отношениях и лишил программу СОИ заметной части общественной и политической поддержки. Во-вторых, было убедительно продемонстрировано, что предлагаемые противоракетные системы не смогут обеспечить решения и малой части тех задач, которые изначально были перед ними поставлены. Продолжение работ над стратегической противоракетной обороной в этой ситуации не могло принести результатов, которые были бы способны оправдать связанные с ним политические издержки. Попытки США заручиться согласием Советского Союза и России на продолжение своей противоракетной программы, предпринятые в начале 1990-х гг., не были в полной мере успешными, несмотря на высказывавшийся обеими сторонами энтузиазм в отношении сотрудничества в области ПРО.

В целом к началу 1990-х гг. ориентация на отражение стратегического ракетного удара стала одной из наиболее серьезных проблем американской программы ПРО, поскольку в таком виде она не могла получить серьезной поддержки, необходимой для продолжения работ. Сохранение программы требовало нахождения новых источников политической поддержки и постановки новых задач – таких, которые находились бы в пределах досягаемости для существующих технологий. Контуры нового подхода начали оформляться уже в конце 1980-х гг., когда перед системой ПРО была поставлена задача защиты от случайного и несанкционированного пуска. Но решающим событием в судьбе противоракетной программы США стала война в Персидском заливе 1991 г., по итогам которой роль противоракетной обороны была коренным образом переосмыслена.

Одним из уроков войны 1991 г. стало понимание того, что прекращение советско-американского противостояния времен холодной войны сделало возможным непосредственное военное вмешательство США в региональные конфликты. Вторым его уроком стала наглядная демонстрация угрозы, которую могут представлять собой баллистические ракеты в такого рода конфликтах, а также потенциальной роли противоракетных систем в отражении этой угрозы. Несмотря на то, что военная ценность предпринятых Ираком ракетных атак на города Израиля была минимальна, они представляли собой реальную угрозу единству антииракской коалиции и, как результат, могли оказать самое непосредственное влияние на исход конфликта. Аналогично, несмотря на то, что противоракетные системы *Patriot*, развернутые в зоне конфликта, не смогли обеспечить перехвата иракских ракет, они оказались в состоянии решить возложенную на них политическую задачу, удержав Израиль от вовлечения в военные действия.

События войны в Персидском заливе не могли не сказаться на программе ПРО США. Уже вскоре после окончания войны большее внимание стало уделяться разработке систем, призванных осуществлять перехват ракет малой и средней дальности, а остальные программы стали корректироваться с целью придания им способности противостоять нестратегическим ракетам. Эта тенденция была окончательно закреплена вскоре после смены администрации США в 1993 г. Новая администрация объявила о своей приверженности положениям Договора по ПРО в его традиционном толковании и провела реорганизацию противоракетной программы, переориентировав ее на противостояние нестратегическим ракетным угрозам.

Решение о переориентации противоракетной программы позволило США не допустить ее свертывания – отказ от противостояния стратегическим силам России теоретически устранил возможность вовлечения США в новый цикл наращивания наступательных и оборонительных вооружений, а ориентация на перехват ракет малой дальности означала заметное упрощение технических требований к создаваемым системам ПРО по сравнению с теми, которые предъявлялись бы в случае необходимости осуществлять перехват межконтинентальных ракет. Кроме этого, поскольку системы ПРО предполагалось задействовать в ходе региональных конфликтов с третьими странами, характер угрозы, которой эти системы должны были противостоять, мог быть сформулирован таким образом, чтобы максимально облегчить задачу обороны. Так, считалось, что страны, которые смогут представлять угрозу США, будут способны произвести и развернуть лишь ограниченное количество сравнительно примитивных ракет, не оснащенных средствами преодоления противоракетной обороны. В рамках таким образом сформулированной угрозы техническая возможность создания систем ПРО практически не вызывала сомнений, что, конечно же, способствовало росту поддержки противоракетной программы.

Пересмотр ориентации программы ПРО сопровождался формированием представлений о том, какую роль системы противоракетной обороны могут и должны играть в системе обеспечения безопасности США. Ключевым аргументом в этой дискуссии было утверждение о том, что угрозы ответного удара не сможет удержать предполагаемых противников США в будущих региональных конфликтах от применения ракетного оружия или оружия массового поражения. США, таким образом, исходили из того, что политика сдерживания, которая была основой политики США в отношении Советского Союза, в

отношении этих стран работать не будет. В то же время, считалось, что потенциальные противники смогут удержать США от вступления в конфликт с помощью относительно незначительных усилий, например угрожая нанести ракетный удар по союзникам США или по их военным объектам.

Подобная «асимметрия сдерживания», вне всякого сомнения, вела к ограничению возможностей США по оказанию военного давления в ходе региональных конфликтов, не говоря уже о прямом военном вмешательстве. В этой ситуации создание противоракетной обороны выглядело как единственный способ в полной мере восстановить эту возможность и лишить противника потенциала сдерживания.

Другим ключевым моментом в процессе формирования взглядов на роль противоракетных систем, происходившем в начале 1990-х гг., стало укоренение представлений о требованиях к эффективности ПРО. Сформулированные в то время, эти представления впоследствии оставались практически неизменными, несмотря на существенные изменения задач, которые ставились перед противоракетными системами. Поскольку первоначально считалось, что непосредственная угроза исходит, прежде всего, от ракет малой и средней дальности, было логично предположить, что объектом нападения будут в первую очередь военные объекты и места сосредоточения войск, расположенные в пределах театра военных действий. Такая постановка задачи позволяла рассматривать варианты, в которых система ПРО не обладает 100%-й эффективностью, так как в контексте военных операций допускался определенный уровень потерь. Другим возможным объектом атаки могли стать гражданские цели на территории союзников США, но опыт Израиля в ходе войны в Персидском заливе давал основания предположить, что сама попытка отразить ракетную атаку в этом случае будет адекватным ответом на ракетную угрозу, даже если система ПРО будет не способна обеспечить гарантированную защиту населения.

В целом в такой постановке задача создания систем ПРО нашла поддержку практически у всех политических сил США. Более того, принципиальных и категорических возражений против подобной миссии противоракетной обороны не высказывали союзники США, а также и Россия. Нестратегический характер создаваемых систем ПРО должен был гарантировать, что они не смогут повлиять на стратегический баланс между Россией и США, а, следовательно, их создание не подорвет процесс сокращения наступательных вооружений. Кроме того, с точки зрения России, ориентация программы ПРО на третьи страны подчеркивала новый, неконфронтационный характер российско-американских отношений и открывала определенные возможности для сотрудничества.

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Таким образом, можно видеть, что в 1993–1994 гг. как в США, так и за их пределами сложилось общее понимание в отношении целесообразности создания систем ПРО для противостояния ракетной угрозе, которую могли представлять ракеты малой и средней дальности. Оценивая последующие события, можно утверждать, что именно такое понимание стало основой для всей последующей политики США в области противоракетной обороны, равно как и для отношения к ПРО со стороны союзников США и России. В то же время оставались нерешенными как минимум две проблемы, ставшие источником большинства разногласий, которые были неизменной чертой дискуссии о противоракетной обороне в последующие годы. Первая касалась опасений России по поводу возможного влияния противоракетной обороны на российско-американский стратегический баланс, а вторая – необходимости придания создаваемым системам ПРО способности противостоять межконтинентальным баллистическим ракетам.

Проблемы влияния противоракетной обороны на российско-американские стратегические взаимоотношения первоначально предполагалось решить с помощью заключения специального соглашения о разграничении. Соглашение должно было установить критерии, которые позволили бы отделить системы противоракетной обороны, способные

противостоять межконтинентальным баллистическим ракетам и, следовательно, подпадавшие под ограничения Договора по ПРО, от нестратегических систем, на которые ограничения не должны были распространяться. Логика такого подхода заключалась в признании того факта, что взаимное сдерживание остается основой взаимоотношений между Россией и США и, следовательно, следует избегать любых действий, которые могли бы поставить под вопрос потенциал сдерживания сторон. Поскольку создание систем стратегической противоракетной обороны теоретически могло относиться к такого рода действиям, идея соглашения о разграничении нашла поддержку как в США, так и в России.

Несмотря на первоначальное одобрение идеи переговоров о разграничении, вскоре после их начала они превратились в одну из серьезных проблем российско-американских отношений. Основное препятствие заключалось в том, что, как очень быстро выяснилось, удовлетворительного технического решения проблемы разграничения не существует. Ограничения, направленные на то, чтобы нестратегические системы не могли осуществлять перехват межконтинентальных баллистических ракет, неизбежно ограничивали и их возможности по перехвату нестратегических ракет. Не менее, а возможно, и более существенным было то, что создание нестратегических систем требовало развертывания информационной инфраструктуры поддержки их операций, которая впоследствии могла бы быть использована как база для создания системы стратегической противоракетной обороны.

Подход США к решению проблемы на переговорах также не способствовал достижению компромисса. На протяжении всего переговорного процесса США настаивали на самом минимальном ограничении на нестратегические системы ПРО – любая система, которая не была испытана против межконтинентальной баллистической ракеты, должна была считаться нестратегической вне зависимости от ее реальных возможностей. Россия возражала против такого расширительного толкования, опасаясь, что оно открывает возможности для создания системы ПРО, направленной против российских стратегических сил.

Нельзя не отметить, что опасения России в отношении американской программы ПРО были во многом обусловлены очень сложным положением, в котором оказались российские стратегические силы в 1990-х гг. Организационные сложности, связанные с необходимостью реформирования вооруженных сил и оборонной промышленности после распада Советского Союза, а также постоянное недофинансирование оборонных программ привели к тому, что Россия не могла более поддерживать стратегический паритет с Соединенными Штатами. В этой ситуации для России особую важность, пусть даже в основном символическую, приобрел вопрос о сохранении формальной структуры соглашений об ограничении стратегических вооружений и разоружении, которые являлись одним из элементов стратегического паритета. Поскольку Договор по ПРО являлся если не основным, то одним из наиболее важных двусторонних соглашений, Россия приложила максимум усилий для его сохранения.

Подход Соединенных Штатов к Договору по ПРО существенно отличался от российского. С точки зрения США, одной из основных задач Договора, в традиционном его понимании, было предотвращение наращивания советского наступательного потенциала. В условиях 1990-х гг. эта задача в основном была решена с помощью действовавшего Договора СНВ-1. Теоретическая возможность выхода России из этого договора в ответ на создание США противоракетной обороны, конечно же, существовала, но состояние российских вооруженных сил и промышленности давали все основания полагать, что даже в этом случае существенного наращивания российского наступательного потенциала не произойдет. В итоге США не придавали сохранению Договора по ПРО того значения, которое ему придавалось в России.

Различие в подходах США и России к вопросу о сохранении Договора по ПРО не могло не сказаться на ходе переговоров о разграничении и на состоянии российско-американского диалога по сокращению вооружений. Переговоры шли очень сложно и после

ряда компромиссов завершились подписанием в сентябре 1997 г. нескольких протоколов, которые были призваны решить вопрос о разграничении систем стратегической и нестратегической противоракетной обороны, а также вопрос о правопреемственности в отношении Договора по ПРО. В России этим соглашениям придавалось очень большое значение, так как считалось, что они способны предотвратить выход США из Договора по ПРО или обойти его ограничения.

В действительности, протоколы, подписанные в 1997 г., уже не могли способствовать сохранению режима ограничения противоракетной обороны, так как к тому времени вопрос о сохранении этого режима вышел далеко за рамки проблемы разграничения стратегических и нестратегических систем ПРО. Логика развития программы ПРО в США неизбежно вела к необходимости создания системы противоракетной обороны, которая была бы способна защитить территорию страны от межконтинентальных баллистических ракет. Поскольку такая система неизбежно противоречила бы условиям Договора по ПРО, США были вынуждены искать способ изменения Договора или полного отказа от него, и именно эти вопросы стали центральными для российско-американского диалога по вопросам ПРО в конце 1990-х гг.

Ориентация противоракетной программы на противостояние угрозе со стороны межконтинентальных баллистических ракет была естественным продолжением американской политики опоры на системы ПРО в противостоянии угрозам, связанным с возможностью попадания ракетного оружия в распоряжение потенциально враждебных США государств. Как можно было видеть, акцент на нестратегические системы ПРО в первоначальных планах делался исключительно по той причине, что в тот момент у потенциальных противников США не существовало ракет, способных достичь их территории. Но никакого принципиального ограничения, которое не позволило бы этим странам в перспективе приобрести межконтинентальные баллистические ракеты, не существовало и не могло существовать. Более того, если исходить из представления, что угроза ракетного нападения может быть использована для недопущения военного вмешательства США в конфликты в различных регионах, межконтинентальные ракеты должны были бы стать одним из наиболее эффективных способов такого сдерживания, так как они угрожали бы непосредственно территории США. Соответственно, постановка задачи противостояния межконтинентальным ракетам была исключительно вопросом времени.

Существенным аспектом дискуссии в отношении будущего противоракетной обороны в США стало наличие политической силы, которая выступала за ничем не ограниченное развитие систем ПРО, – уже в 1994 г. это требование стало одним из элементов платформы республиканской партии США. Сторонники более осторожного подхода к развитию ПРО не могли противопоставить такому подходу принципиальных возражений, поскольку, как уже упоминалось, относительно основной цели создания противоракетных систем разногласий в США не наблюдалось. Аргументы противников ПРО в основном сводились к тому, что непосредственной угрозы появления у враждебных США режимов межконтинентальных баллистических ракет нет и что, если такая угроза возникнет, США будут иметь достаточно времени, чтобы принять необходимые меры. Вторым аргументом против немедленного начала работ по созданию стратегической противоракетной обороны территории страны была возможная негативная реакция со стороны России или Китая.

Пытаясь найти способ противостоять давлению сторонников скорейшего создания ПРО, демократическая администрация США в 1996 г. предложила компромиссный вариант, получивший известность как план «3+3». Этот план предусматривал начало работ в области создания стратегической ПРО, но решение о развертывании системы (и, соответственно, о необходимости выхода из Договора по ПРО) откладывалось как минимум на три года. По истечении этого срока предполагалось провести оценку ракетной угрозы и технических возможностей создаваемых противоракетных систем – с тем, чтобы либо принять решение о начале развертывания системы ПРО (считалось, что этот процесс займет не меньше трех лет) либо продолжить работу по ее дальнейшей разработке.

Предложенный в 1996 г. план должен был, с одной стороны, удовлетворить сторонников создания ПРО, а с другой – дать возможность избежать принятия какого-либо решения в отношении будущего Договора по ПРО. Эти задачи удалось решить лишь отчасти. Внутри США не ослабевало давление на администрацию с требованием начать скорейшее развертывание противоракетной системы, а Россию не устраивала постановка вопроса о принципиальной возможности отказа от Договора по ПРО.

Поскольку в программе, сформулированной в 1996 г., действия в отношении ПРО были поставлены в зависимость от наличия непосредственной угрозы со стороны межконтинентальных баллистических ракет, именно этот вопрос стал центральным вопросом дискуссии вокруг ПРО. В 1997 г. в США была создана специальная комиссия Конгресса (комиссия Рамсфелда), перед которой была поставлена задача оценки угрозы, которую представляют собой для США баллистические ракеты. Из заключения комиссии, обнародованного в июле 1998 г., следовало, что потенциальные противники США в состоянии создать межконтинентальные баллистические ракеты в течение примерно пяти лет после принятия решения о начале таких работ. Эта оценка была несколько меньше существовавшей на тот момент официальной оценки разведывательных органов США, которая была принята за основу при составлении плана «3+3». Но наиболее важным заключением комиссии было утверждение, что работа по созданию ракет сможет осуществляться скрытно и, значит, у США может не оказаться времени на развертывание противоракетной системы. Примерно через месяц после опубликования доклада комиссии ее выводы довольно неожиданно и наглядно подтвердились – Северная Корея в августе 1998 г. произвела испытание баллистической ракеты, которая при определенных условиях могла быть использована для достижения территории США. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что после этой последовательности событий вопрос о судьбе Договора по ПРО в США был окончательно решен, и не в пользу Договора. Через несколько месяцев Конгресс практически единогласно одобрил закон, который объявлял скорейшее создание национальной ПРО (НПРО) политикой Соединенных Штатов.

Позиция администрации Соединенных Штатов также претерпела коренное изменение. В январе 1999 г. США уведомили Россию, что они больше не являются противником изменения Договора по ПРО и предложили внести в него поправки, которые позволили бы США осуществить развертывание системы национальной ПРО. В целом предложения США исходили из существовавшей в тот момент программы «3+3» (которая к тому времени превратилась в «3+5»), предусматривавшей развертывание первой очереди системы ПРО на Аляске, но в проекте протокола, предложенного США, предусматривалось, что уже в марте 2001 г. стороны обсудят внесение в Договор по ПРО новых поправок, по всей видимости, призванных обеспечить дальнейшее расширение системы. Предложения США были отвергнуты Россией по принципиальным соображениям, они вряд ли смогли стать основой для договоренности об изменении Договора по ПРО, даже если бы Россия проявила заинтересованность в таком изменении.

Россия также предпринимала попытки использовать отсутствие реальной ракетной угрозы как аргумент в споре о целесообразности создания национальной системы ПРО. При этом, с точки зрения России, вопрос имел еще одну очень важную сторону – неспособность США указать конкретный источник ракетной угрозы, а это воспринималось в России как свидетельство того, что действительной целью создаваемой США системы ПРО являются российские стратегические силы. В результате вопрос о наличии (а точнее, отсутствии) ракетных угроз стал очень существенной частью российской позиции в отношении Договора по ПРО. Так, например, в 2000 г. Россия приложила заметные усилия к тому, чтобы продемонстрировать готовность Северной Кореи свернуть свою программу создания межконтинентальных ракет, которая широко использовалась США для оправдания работ в области ПРО. Предложение о сотрудничестве в области оценки потенциальных ракетных угроз было также центральным элементом пакета, предложенного в том же году Соединенным Штатам и их европейским союзникам как альтернатива пересмотру положений Договора по ПРО.

Нельзя не признать принципиальную правоту подхода к анализу ракетных угроз, предлагавшегося Россией и другими противниками противоракетной программы США. Состояние ракетных программ, ставших оправданием работ в области ПРО, не давало оснований считать, что они смогут в обозримом будущем привести к созданию баллистических ракет, способных угрожать территории США. Кроме того, оставался открытым вопрос о том, насколько создание противоракетной обороны является наиболее адекватным способом нейтрализации угрозы, которую могли представлять собой эти программы. И в то же время, несмотря на правоту критиков программы ПРО, нельзя не отметить, что аргументы, основанные на анализе угроз, не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на ход этой программы.

Как уже отмечалось, усилия США в области ПРО были принципиально направлены на то, чтобы лишить предполагаемых противников потенциальной возможности проводить политику сдерживания в отношении США. Таким образом, создание систем противоракетной обороны воспринималось не как конкретный ответ на конкретную угрозу, а как часть более широкой стратегии, направленной на обеспечение максимальной гибкости в выработке внешнеполитической стратегии, которая могла предусматривать и возможность военного вмешательства. Соответственно, система противоракетной обороны была призвана обеспечивать отражение любых возможных угроз, в том числе и таких, которым только еще предстоит материализоваться. В такой ситуации в подходе к построению системы неизбежно должен был реализоваться принцип, в соответствии с которым требования к ее компонентам определяются не столько конкретной угрозой, сколько имеющимися в распоряжении разработчиков техническими возможностями. Поскольку именно этот принцип был положен в основу американской системы ПРО, отсутствие определенности в отношении конкретных угроз практически никак не сказывалось на ее реализации.

После того как вопрос о наличии непосредственной угрозы был решен, основным препятствием на пути создания системы национальной ПРО стала позиция России, настаивавшей на безусловном соблюдении Договора по ПРО. Поддержка этого Договора практически неизменно являлась ключевым элементом российской политики в области стратегических вооружений, а по мере расширения масштаба американских работ в области ПРО эта поддержка только усиливалась. Соблюдение Договора по ПРО и недопущение обхода его ограничений были основными условиями ратификации Договора СНВ-2 и продолжения сокращений стратегических наступательных вооружений. Официальная российская позиция заключалась в том, что в случае выхода США из Договора по ПРО Россия оставит за собой право выйти из Договора СНВ-2, в частности отказавшись от одного из основных его условий – уничтожения ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). В неофициальных выступлениях упоминались и более серьезные меры, такие, например, как возврат к развертыванию в Европе ракет средней дальности, уничтоженных в соответствии с Договором РСМД от 1987 г.

Позиция России не могла не стать существенным фактором в американской дискуссии о целесообразности развертывания системы ПРО, тем более что традиционный взгляд на взаимосвязь наступательных и оборонительных вооружений исходил из того, что наличие ограничений на противоракетную оборону является фактором, сдерживающим наращивание наступательных вооружений противника. Но на практике возможности России по наращиванию своего стратегического потенциала были весьма ограничены, так как состояние оборонной промышленности и вооруженных сил не позволяло рассчитывать на осуществление сколько-нибудь масштабных программ развертывания новых систем стратегических вооружений. Кроме того, при любом варианте развития событий России не удалось бы изменить стратегический баланс в свою пользу, так как США сохраняли гораздо большие возможности по сохранению и наращиванию состава своих стратегических сил. Как результат, несмотря на то, что теоретически Россия могла выйти из режима сокращения стратегических вооружений в ответ на развертывание системы ПРО, практические последствия такого шага были бы невелики. Нельзя не отметить также, что в дополнение к объективным проблемам, с которыми приходилось иметь де-

ло российским стратегическим силам, заметную роль в ослаблении позиции России в дискуссии о сохранении Договора по ПРО сыграли решения о реформировании вооруженных сил, принятые российским руководством весной 2001 г. Эти решения фактически предусматривали проведение односторонних сокращений российских стратегических сил, а это, конечно же, говорило о том, что Россия не будет предпринимать радикальных мер в ответ на выход США из Договора по ПРО.

В то же время было бы неверно полностью отрицать влияние российской позиции на процесс принятия решений в области создания противоракетной обороны США. Так, например, возражения России были очень существенным (хотя и не единственным) фактором, заставившим США в сентябре 2000 г. отложить решение вопроса о начале развертывания национальной ПРО. Реальный ответ России на выход США из Договора по ПРО также был вполне осозаемым – Россия отказалась от намерения добиваться вступления в силу Договора СНВ-2, что означало отказ от курса на уничтожение баллистических ракет наземного базирования, оснащенных РГЧ ИН. Было объявлено о продлении сроков службы тяжелых ракет и сохранении их в составе российских стратегических сил, а также о намерении дополнить состав ракетных войск стратегического назначения ракетами, которые были вывезены с Украины. В принципе не исключалось и оснащение новой баллистической ракеты комплекса *Тополь-М* боеголовками индивидуального наведения.

Если исходить из традиционной логики противостояния в российско-американских отношениях, предпринятые меры были достаточно серьезным ответом на выход США из Договора по ПРО. Баллистические ракеты наземного базирования с РГЧ ИН, и особенно тяжелые ракеты, принято считать наиболее дестабилизирующим компонентом стратегических сил, так что их сохранение в составе ракетных войск и возможное увеличение количества таких ракет должны были вызвать обеспокоенность США. В Соединенных Штатах также высказывались опасения по поводу того, что сохранение опоры на баллистические ракеты наземного базирования увеличит нагрузку на российскую систему управления стратегическими силами и тем самым опасность непреднамеренного пуска ракет возрастет. Тем не менее США сознательно сделали выбор в пользу создания системы противоракетной обороны, фактически проигнорировав негативные последствия этого шага, связанные с ответными мерами России.

Это решение очень наглядно отразило изменения, которые произошли в российско-американских отношениях в течение последнего десятилетия, и в полной мере продемонстрировало противоречивый характер этих отношений. С одной стороны, обладание арсеналами ядерного оружия делает практически неизбежным наличие ядерного сдерживания среди основополагающих элементов стратегических взаимоотношений России и США. С другой стороны, в процессе развития этих взаимоотношений и в России и в США сложилось понимание того, что, даже если стороны исходят из необходимости осуществления политики ядерного сдерживания в отношении друг друга, существующие ядерные арсеналы многократно избыточны для этих целей в сегодняшних условиях. Эти арсеналы создавались на ином уровне стратегического противостояния и в условиях совершенно иных представлений о характере возможного конфликта и его «допустимых» последствиях. Как результат, в отношениях России и США сложилась уникальная ситуация – с одной стороны, стороны не готовы отказаться от ядерного сдерживания, но с другой – конкретный уровень, на котором установлен стратегический баланс, оказывается несущественным до тех пор, пока он остается достаточно высоким.

В рамках такого подхода несложно объяснить готовность США допустить сохранение на вооружении российских ракетных войск тяжелых баллистических ракет и других ракет с РГЧ ИН. Как можно видеть, в США возобладала точка зрения, согласно которой угроза, проистекающая от 4000 российских ядерных боезарядов, часть которых развернута на ракетах с РГЧ ИН, несущественно отличается от угрозы, исходящей от 1500 или даже 3000 боезарядов, развернутых на моноблочных ракетах. И в том и в другом случае ущерб, который способны нанести российские стратегические силы, заведомо превышает уровень приемлемости для США. Кроме того, возможные ответные действия Рос-

сии и их негативные последствия рассматривались в контексте других угроз, противостояние этим угрозам было сочтено более важной задачей, нежели непринципиальное изменение вероятных размеров ущерба, который теоретически могут нанести российские стратегические силы.

Одним из наиболее важных результатов процесса становления взаимоотношений двух стран, который происходил в 1990-х гг., стало понимание того обстоятельства, что характер отношений России и США практически не зависит от количественного состава их значительных стратегических арсеналов. Практические действия российской стороны свидетельствуют о том, что в России – также в целом – была признана правота такого подхода – об этом можно судить, например, по настойчивому отказу от компромисса в отношении Договора по ПРО или о готовности России заключить ни к чему не обязывающий Договор об ограничении стратегических наступательных потенциалов. В каждом из этих случаев соображения непосредственной политической целесообразности брали верх над стремлением ограничить возможности стратегических сил противостоящей стороны.

Если посмотреть на тенденции, которые складывались в российско-американских отношениях к концу 1990-х гг., то можно заключить, что режим ограничения противоракетных систем рано или поздно в любом случае претерпел бы определенные изменения. Точно так же нельзя надеяться, что процесс сокращения стратегических вооружений и в будущем продолжит придерживаться той модели, которая была заложена Договором СНВ-1. После смены администрации США в 2001 г. эти изменения были значительно ускорены. Одним из наиболее существенных результатов политики новой администрации стал односторонний выход США из Договора по ПРО.

Такое скорое прекращение действия Договора по ПРО стало возможным во многом благодаря тому, что для новой администрации США создание противоракетной обороны было существенной частью внешнеполитического идеологии. Эта идеология придавала исключительно важное значение способности США противостоять новым угрозам, возникающим за пределами традиционного противостояния сверхдержав, и сдерживать их появление любыми способами вплоть до военного вмешательства. Поскольку создание противоракетной обороны считалось необходимой частью усилий, направленных на решение этой задачи, создание системы ПРО стало одним из приоритетов американской политики.

Именно чрезвычайно идеологизированный подход новой администрации США сделал возможным то, на что не решались их предшественники, – проведение целенаправленной политики, ставящей целью скорейший выход США из Договора по ПРО. Как уже говорилось, к моменту смены американской администрации в 2001 г. почва для такой политики была уже подготовлена. Консенсус относительно необходимости создания системы ПРО и возможности преодоления возражений России был в основном сформирован, и оставалось лишь сделать необходимые формальные шаги по прекращению действия договора.

Террористическое нападение на США в сентябре 2001 г. значительно облегчило задачу администрации США, наглядно продемонстрировав реальность угрозы и возможность внезапного нападения, величину ущерба, который может быть причинен с помощью весьма ограниченных средств, а также невозможность предотвратить подобное нападение с помощью традиционной опоры на сдерживание. События 11 сентября 2001 г. также укрепили понимание той реальности, что ущерб, который способны нанести российские стратегические силы, заведомо и многократно превосходит все возможные так называемые «приемлемые» размеры. В этой ситуации выбор в пользу принятия мер, направленных на противодействие угрозе непосредственного ракетного нападения, был практически неизбежен. 13 декабря 2001 г. президент США уведомил Россию о намерении выйти из Договора по ПРО с тем, чтобы начать работу по развертыванию противоракетной системы, способной обеспечить оборону территории США.

БУДУЩЕЕ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

Прежде чем приступить к оценке возможных последствий прекращения действия Договора по ПРО, следует отметить, что выход США из этого Договора не означает устранения препятствий на пути создания систем противоракетной обороны. Роль Договора заключалась не столько в создании таких препятствий, сколько в юридическом закреплении понимания невозможности создания противоракетной обороны, способной обеспечить безопасность страны. Поскольку это понимание, а также конкретные ограничения Договора сложились в условиях стратегического противостояния Советского Союза и США, не удивительно, что изменение приоритетов в области безопасности привело к представлению о том, что Договор по ПРО не соответствует реалиям сегодняшнего дня, и сделало возможным прекращение действия Договора. В то же время отсутствие формального соглашения, ограничивающего работы в области ПРО, не освобождает США от необходимости иметь дело с техническими проблемами перехвата баллистических ракет или с динамикой взаимодействия наступательных и оборонительных вооружений, которые в итоге и будут реальными факторами, ограничивающими масштаб работ по созданию противоракетной обороны.

Как было показано выше, нынешние представления США о противоракетной обороне во многом исходят из противопоставления вновь возникающих угроз тем угрозам, с которыми США приходилось иметь дело во время холодной войны. Считается, что в отличие от Советского Союза новых противников США невозможно удержать от агрессии с помощью сдерживания и, кроме того, они не располагают аналогичным советскому научным и промышленным потенциалом, который позволил бы им принять меры противодействия противоракетной обороне. Именно такое понимание стало основой нынешнего консенсуса в отношении программы ПРО и обеспечило ее поддержку практически всеми политическими силами внутри США.

Диапазон взглядов на роль противоракетной обороны, существующий в рамках установившегося консенсуса, достаточно широк, но тем не менее среди разнообразия подходов можно выделить несколько наиболее значимых позиций. Первая из них берет свое начало в идеологии «звездных войн» и исходит из того, что создание оборонительных систем позволит полностью отказаться от опоры на сдерживание как на основу взаимоотношений между странами, обладающими ядерным и ракетным оружием. В своем наиболее последовательном выражении эта позиция исходит из возможности создания эффективной системы противоракетной обороны, которая будет в состоянии защитить страну от любой сколь угодно масштабной ракетной атаки. При такой постановке вопроса отпадает необходимость в сотрудничестве с другими странами по предотвращению появления ракетных угроз или в переговорах с целью снижения уровня ракетного противостояния. Более надежной альтернативой сокращению ракет считается создание технических средств, способных отразить ракетное нападение. В чистом виде такая позиция встречается исключительно редко, но ее основные моменты в том или ином виде присутствуют практически у всех сторонников нынешней противоракетной программы США.

Несколько более осторожный подход к возможной роли противоракетной обороны исходит из того, что ее создание сможет коренным образом изменить динамику возникновения новых ракетных угроз за счет «сдерживания с помощью лишения возможности угрожать» (deterrence by denial). Считается, что наличие системы ПРО, пусть даже не абсолютно эффективной, сможет внести в расчеты противника достаточную степень неопределенности для того, чтобы лишить его уверенности в целесообразности ракетной атаки. Более того, сторонники такого подхода утверждают, что наличие у США системы противоракетной обороны лишит не обладающие технологией создания и производства баллистических ракет страны стимулов к приобретению подобных технологий.

Наконец, для обоснования необходимости создания системы ПРО приводится аргумент, который пользуется практически универсальной поддержкой: если ракетный удар все же будет нанесен, наличие любой сколь угодно неэффективной противоракетной обороны будет лучше, чем ее отсутствие. Сторонники создания ПРО утверждают также,

что наличие системы противоракетной обороны придаст США дополнительную гибкость в выборе вариантов реагирования на ракетное нападение.

Как можно видеть, аргументы в пользу создания системы противоракетной обороны представляют собой многоуровневую конструкцию, из которой в зависимости от обстоятельств может выбираться тот или иной конкретный аргумент. В таком виде они представляют собой вполне непротиворечивый, хотя во многом и нереалистичный, взгляд на роль, которую может играть противоракетная оборона в обеспечении безопасности США. Нереалистичность же связана с тем, что в основе всех описанных представлений лежат предположения о характере вероятной угрозы и о возможностях противоракетных систем, которые вовсе не обязательно соответствуют действительности.

Как уже отмечалось, представление о том, как может выглядеть ракетная угроза, было в основном сформировано в ходе обсуждения вопроса о выходе из Договора по ПРО. В результате основное внимание уделялось всему, что отличало новую ракетную угрозу от «традиционной», ассоциировавшейся с советскими или российскими стратегическими силами. Считалось, что в случае появления баллистических ракет, способных угрожать территории США, эти ракеты будут немногочисленны и сравнительно примитивны в техническом отношении. С одной стороны, такое понимание угрозы имело право на существование, так как ни одна из стран, которые рассматривались в качестве потенциальных противников США, не обладала доступом к современным ракетным технологиям, а значит, можно было предположить, что в случае создания в тех странах баллистических ракет они будут основаны на самых простых технологиях. В то же время реальных ракетных угроз, которые позволили бы подтвердить или опровергнуть такое предположение, попросту не существовало. Даже ракетная программа Северной Кореи, которая наиболее часто использовалась для оправдания работ в области ПРО, не была развита в достаточной степени для того, чтобы дать представление о масштабе угрозы, которую она может представлять для США или их союзников. Такое положение привело к тому, что требования к противоракетной обороне формулировались исходя из представления о некоей гипотетической ракетной угрозе, которая была намеренно сконструирована так, чтобы оправдать тезис о необходимости развертывания ПРО.

Именно несоответствие гипотетической угрозы, которая используется для построения системы противоракетной обороны, той реальной угрозе, с которой этой системе, возможно, придется иметь дело, и является основной проблемой нынешней программы США. При этом речь идет не о технических параметрах баллистических ракет или возможностях по созданию средств преодоления обороны, а о более принципиальных вопросах. Если рассмотреть возможность появления программы создания баллистических ракет, нацеленной на создание угрозы США, то не сложно заметить, что ракеты здесь выступают в роли всего лишь средства, которое должно обеспечивать достижение совершенно конкретной цели. Соответственно, и противоракетную программу необходимо оценивать не с точки зрения возможности перехвата той или иной баллистической ракеты, а с точки зрения ее способности предотвратить достижение этой цели. Но именно с этой задачей противоракетная оборона справиться не может. Существующий опыт ракетного противостояния и создания противоракетных систем однозначно свидетельствует о том, что когда одна из сторон твердо намерена добиться своей цели – создать реальную угрозу для противника, то односторонние меры, направленные на лишение его этой возможности, приводят лишь к воспроизведению противостояния на более высоком уровне.

Очевидно, что существующее сегодня в США представление о способности противоракетной обороны лишить их противников возможности осуществлять сдерживание в отношении США основано исключительно на том факте, что в настоящее время нет стран, которые демонстрировали бы намерение использовать баллистические ракеты для сдерживания. Противоракетная оборона в настоящее время создается против несуществующей угрозы, и, соответственно, нет ничего удивительного в том, что сторонники ПРО считают процесс ее создания успешным. Это понимание неизбежно изменится в случае, если США придется иметь дело с реальной ракетной угрозой своей территории.

Точно так же расчет на то, что наличие в США системы ПРО будет препятствовать распространению баллистических ракет, исходит из того, что ракетные программы третьих стран не смогут выйти за пределы простейших технологий, а производство ракет – за пределы создания единичных экземпляров. Но такой расчет полностью противоречит опыту уже существующих ракетных программ, который показывает, что, после того как решены основные технические вопросы, практически единственным ограничением на дальнейшее развитие ракетных программ и на производство баллистических ракет становится желание страны выделять необходимые для этого ресурсы. При этом тот же опыт свидетельствует, что размер затрат, необходимых для создания наступательного ракетного потенциала, заведомо меньше того, который требуется для его нейтрализации. Можно с уверенностью утверждать, что если задачей программы разработки баллистических ракет является создание угрозы США, то наличие в США системы ПРО будет способно привести только к увеличению количества ракет и к совершенствованию их возможностей, чтобы достичь основную цель программы – создание угрозы.

Еще одной существенной проблемой нынешней противоракетной программы США является несоответствие представлений о задачах, которые призвана решать система ПРО, ее реально достижимым возможностям. Как можно было видеть, поддержка, которой пользуется программа создания ПРО, во многом обусловлена пониманием того, что наличие противоракетной обороны сможет предоставить США большую свободу в защите своих интересов в различного рода конфликтах, в том числе связанных с применением военной силы. Но для того, чтобы система ПРО могла реально эту свободу предоставить, совершенно необходимо, чтобы она обеспечивала абсолютную защиту территории страны – требование, которое даже сторонники противоракетной обороны находят невыполнимым. Система ПРО, как и любая другая инженерная система, не может обеспечить абсолютной эффективности. А если учесть значительную неопределенность в отношении характеристик атакующих ракет, что является неустранимым фактором работы системы ПРО, то можно заключить, что в любом случае будет существовать отличная от нуля вероятность того, что атакующие ракеты смогут преодолеть оборону.

Это означает, что влияние противоракетной обороны на любое решение, касающееся вовлеченности в тот или иной конфликт, в действительности будет минимальным. Если конфликт будет затрагивать интересы США настолько серьезно, что они будут готовы понести определенный ущерб для его разрешения, то вопрос об участии в конфликте будет решен вне зависимости от наличия или отсутствия противоракетной обороны. Если же США будут к этому не готовы, то наличие системы ПРО также ничего не изменит в их решении, так как никакая противоракетная оборона не сможет обеспечить снижение ущерба до некоего «приемлемого» уровня. Таким образом, до тех пор, пока остается вероятность прорыва противоракетной обороны, решение об участии в конфликте не будет принято в случае отсутствия с самого начала готовности в полной мере испытать его последствия. Это обстоятельство не всегда принимается во внимание, так как традиционные взгляды на противоракетную оборону (а также на наступательные вооружения) формировались под влиянием представлений о возможности минимизации ущерба. Такая постановка вопроса действительно имеет смысл в контексте обсуждения военных операций, в ходе которых заранее допускается определенный уровень потерь. Но в ситуации, когда речь идет о необходимости защиты гражданского населения от угрозы ракетного удара, провести грань между «приемлемым» и «неприемлемым» ущербом невозможно, особенно в случае, когда уровень «неприемлемости» с самого начала довольно низок.

Единственным практическим следствием развертывания системы противоракетной обороны может стать минимизация ущерба от ракетной атаки в случае, если такая атака все же будет предпринята. Сама по себе задача снижения ущерба, конечно, не может вызывать возражений, но здесь следует отметить несколько очень важных моментов. Задача минимизации ущерба принципиально отличается от задачи недопущения ущерба, особенно если речь идет о защите от ракетного удара, призванного терроризировать гражданское население. Предполагаемая способность противоракетной обороны решать одну из задач (минимизация ущерба) в лучшем случае не имеет никакого отно-

шения к другой – предотвращению ракетного нападения. Более того, есть все основания полагать, что создание противоракетной обороны способно создать условия, в которых ракетная атака будет более вероятна или более разрушительна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, оценивая возможные последствия противоракетной программы США, можно заключить, что развертывание системы ПРО не сможет обеспечить решения тех задач, которые в настоящее время перед ней ставятся, и не окажет существенного влияния на внешнюю политику Соединенных Штатов или их возможности по вмешательству в различного рода региональные конфликты. По мере продолжения работы над системой и конкретизации ракетных угроз, которым она призвана противостоять, будет неизбежно происходить процесс переоценки целесообразности создания тех или иных систем, что скорее всего приведет к заметному ограничению масштабов развертывания противоракетной обороны по сравнению с сегодняшними планами. Этому процессу будет способствовать и то обстоятельство, что после решения сильно идеологизированного вопроса о будущем Договора по ПРО обсуждение противоракетной программы неизбежно переместится в область принятия решений в отношении конкретных программ разработки и развертывания компонентов системы, для которой в США характерен достаточно реалистичный подход к оценке эффективности создаваемых систем вооружений. В итоге системы противоракетной обороны скорее всего займут место, аналогичное тому, которое занимают системы обороны противовоздушной – важного компонента вооруженных сил, способного оказать существенное влияние на ход того или иного конфликта, но не способного изменить стратегический баланс в отношениях между странами.

Если оценивать американскую программу ПРО с точки зрения того, как она может повлиять на взаимоотношения России и США, следует отметить, что нынешний уровень стратегических наступательных потенциалов гарантирует, что усилия по созданию противоракетной обороны никак не смогут повлиять на сдерживающий потенциал российских стратегических сил. Если судить по реакции России на выход США из Договора по ПРО и по содержанию переговоров о дальнейшем сокращении наступательных вооружений, такая точка зрения в целом нашла понимание в России. В то же время существует заметная обеспокоенность по поводу перспективных планов США в области ПРО, которые, как считается, могут изменить соотношение сил и лишить Россию возможности осуществлять сдерживание в отношении США.

В действительности опасения по поводу перспективных систем ПРО порождены не столько оценкой возможностей этих систем, сколько сомнениями в способности России принять меры, которые смогут нейтрализовать последствия развертывания противоракетной обороны. Вместе с тем, даже если допустить, что такие опасения обоснованы, решение проблемы находится на пути поддержания экономического, военного и научного потенциала, необходимого для сохранения возможностей сдерживания в отношении США. При этом России вряд ли следует опасаться возникновения очередного витка гонки вооружений, так как уже одно только наличие убедительно продемонстрированной возможности нейтрализовать развертывание противоракетной обороны будет достаточным сдерживающим фактором, способным предотвратить такое развертывание.

Однако одновременно нельзя не видеть, что отношения между Россией и США претерпевают серьезную трансформацию, одним из результатов которой стало существенное уменьшение роли, которую в этих отношениях играют стратегические ядерные арсеналы сторон. Эти трансформации стали результатом изменения международной обстановки и возникновения общих угроз, в борьбе с которыми Россия и США находят общий язык. По мере расширения этого сотрудничества ядерное противостояние и, следовательно, вопрос о роли противоракетной обороны будут исчезать из российско-американских отношений. В то же время такое развитие отношений станет возможным только в том случае, если Россия сможет убедительно продемонстрировать способность быть сильным партнером, способным отстаивать собственные интересы, поддерживать свой оборонительный потенциал на должном уровне и адекватно реагировать на возникающие угрозы собственной безопасности.

Александр
Калядин

СТАНЕТ ЛИ ИБОР ДЕЙСТВЕННЫМ ИНСТРУМЕНТОМ
ПОЛИТИКИ КОНТРРАСПРОСТРАНЕНИЯ?

В последнее время на первый план в глобальной системе военно-политических отношений выходит активное противодействие появлению новых обладателей оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки. Цивилизованный мир все более убеждается в том, что этому вызову все труднее противостоять только при помощи привычных, «мягких» инструментов многосторонней дипломатии (конференции, переговоры, конвенции и проводимые с интервалом в пять-шесть лет форумы по рассмотрению их действия и т.п.). Растет количество стран, признающих необходимость использования для активного воспрепятствования всего арсенала средств воздействия, в том числе и дипломатии принуждения. Резко повышается значение мер оперативного реагирования и упреждения действий распространителей ОМУ и их пособников – правительств, грубо попирающих международные договоры по нераспространению; преступных сообществ дельцов «черного рынка» материалов и технологий массового уничтожения; террористических групп и организаций.

Представляется закономерным, что произошедшие в последние годы глубокие изменения стратегической ситуации в мире, в том числе непосредственно связанные с возросшей угрозой распространения ОМУ, подвели к необходимости обновления принятой в 2000 г. Концепции национальной безопасности РФ. Хотелось бы надеяться, что в процессе этой работы будут точно определены национальные интересы, долгосрочные приоритеты и цели России в сфере нераспространения и взаимодействия с другими государствами по этим вопросам.

В данной статье автор предпринял попытку оценить роль в усилиях по предотвращению дальнейшего распространения ОМУ созданного в 2003 г. международного механизма принуждения в сфере экспортного контроля – Инициативы по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР)¹. Этот механизм направлен на то, чтобы посредством контроля торговых маршрутов, задействованных в распространении, в том числе организации перехвата незаконных грузов, связанных с ОМУ, и блокирования таких поставок, лишить пролиферантов доступа к материалам и «ноу-хау», необходимым для разработки средств массового поражения и систем его доставки. В настоящее время ИБОР в той или иной степени поддерживают более 60 стран, в том числе Россия, входящая в «ядро» ИБОР.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПОИСКОВ АКТИВНЫХ ПОДХОДОВ К ПРЕСЕЧЕНИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОМУ

Тревожные события последних лет в сфере распространения ядерного оружия (ЯО)² со всей очевидностью подчеркнули настоятельную необходимость принятия мировым сообществом новых, комплексных и далеко идущих мер, с тем чтобы закрыть бреши в гло-

бальном режиме нераспространения ОМУ. Речь идет о том, чтобы обеспечить универсальное и строгое соблюдение международно-правовой нормы нераспространения. Необходимо не только остановить, но и повернуть вспять процесс попадания материалов, оборудования и технологий, используемых при изготовлении такого оружия и средств его доставки, в руки безответственных правительств, грубо нарушающих свои международные обязательства в области нераспространения, и негосударственных структур различного рода, прежде всего террористических групп.

Принципиально новые задачи в сфере нераспространения встали вследствие практики передачи ядерных, радиоактивных и других материалов массового поражения по каналам нелегальной коммерции, через тайные сети «черного рынка», включающие поставщиков, посредников, перевозчиков и обслуживающие структуры. По мнению Генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) М. Эльбарая, высказанному им в 2003 г., «черный рынок» ядерных технологий и материалов стал реальностью и практически не контролируется ни со стороны Агентства, ни ведущими спецслужбами. В системе этого рынка использованы многоходовые посреднические схемы: товары и технологии переводятся из страны в страну, и эти пути практически не отслеживаются.

Впервые мировая общественность получила представление о размахе торговой сети «ядерного супермаркета» в 2003 г., когда была разоблачена (а затем демонтирована) такая тайная сеть пакистанского происхождения. Эта хорошо организованная структура «черного рынка», в которой видную роль играл пакистанский ученый-ядерщик А.К. Хан, руководитель Ядерного центра в Кахуте, функционировала с середины 1980-х гг. до начала 2003 г. и занималась незаконной продажей имеющих отношение к ОМУ ядерных материалов, оборудования и «ноу-хау» по созданию ядерных взрывных устройств (ЯВУ)³. Ее услугами могли пользоваться Северная Корея, Иран, Ливия и, возможно, другие страны. Передача А.К. Ханом Тегерану ядерных технологий позволила Ирану значительно продвинуться по этому пути. Ливия также тайно, в обход международного контроля получила сотни тонн ядерного оборудования от международной сети А.К. Хана и другими незаконными способами⁴. Распространители использовали все более изощренные и агрессивные методы получения материалов и технологий, относящихся к созданию ОМУ, опираясь на подставные компании и «серых» брокеров.

Таким образом, фактически доказана принципиальная возможность приобретения доступа к материалам, технологиям и компонентам ОМУ посредством частных коммерческих каналов. Выявлена недостаточность традиционных средств и методов экспортного контроля, осуществляемого Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) и Группой ядерных поставщиков (ГЯП), а также национальными органами экспортного контроля.

Все более заметно ощущается угроза приобретения ОМУ террористами, а на борьбу с ними традиционные режимы нераспространения не были изначально рассчитаны. Речь идет о возможности использования международными террористическими сетями (такими, как «Аль-Каида», имеющая свои ячейки в десятках стран) средств, вызывающих массовое поражение населения. Такие действия способны оказывать крайне негативное воздействие на ситуацию в ряде стран и международные отношения.

В ходе террористических актов, совершенных в США 11 сентября 2001 г., в качестве оружия массового поражения использовались гражданские авиалайнеры. О нарастании разрушительного потенциала международного терроризма, подрывающего самые основы цивилизации, свидетельствуют трагические события в Беслане (Северная Осетия) 3 сентября 2004 г.

После американо-британской военной операции в 2003 г. против Ирака в международном терроризме обозначилась тенденция подъема. МАГАТЭ пришло к выводу, что радиоактивные материалы, находившиеся прежде под международным контролем и защищенные с иракских исследовательских объектов, могут быть использованы при изготовлении «грязных» радиологических взрывных устройств. Часть этих материалов могла

попасть через «черный рынок» в каналы нелегального оборота. Имеются и другие признаки возрастания угрозы использования террористическими группами химических, биологических и радиоактивных материалов, а также их стремления к приобретению технологий, используемых при изготовлении ОМУ⁵.

Опасность такого развития событий увеличивается в условиях широкого использования (и возрастающей доступности) в гражданской промышленности технологий двойного назначения (высокообогащенного урана и плутония – расщепляющихся материалов, составляющих основу ядерного оружия)⁶. Источниками получения террористическими сетями таких средств могут быть дельцы «черного рынка», непризнанные ядерные, а также «пороговые государства»⁷, в первую очередь страны с нестабильными, коррумпированными режимами.

Негосударственные структуры, преследующие террористические цели, отрицающие современный международный правопорядок и стремящиеся к обладанию ОМУ, представляют собой субъекты мировой политики, в отношении которых цивилизованный мир еще не выработал действенных средств борьбы. Исходящую от них угрозу невозможно нейтрализовать посредством дипломатии. Традиционные правовые методы воздействия на поведение субъектов международных отношений (переговоры, договоры, посредничество, угрозы возмездия и т.п.) не эффективны в борьбе с пролиферантами подобного рода и едва ли способны осуществлять функцию их сдерживания.

Очевидно, что режимы нераспространения ОМУ, основанные на заключенных в 1968–1993 гг. многосторонних договорах⁸, оказались слабо приспособленными к тому, чтобы справиться с новыми вызовами. В радикально изменившихся условиях предусмотренные ими механизмы обеспечения соблюдения договорных обязательств показали свою неэффективность, что породило сомнения в устойчивости режима нераспространения.

ДНЯО не предусматривает санкции против государств-членов, нарушающих взятые обязательства. (Северная Корея после нескольких лет безнаказанного нарушения ДНЯО и осуществления военной ядерной программы вышла из Договора, избежав международных санкций. Не были применены санкции и в отношении Южной Кореи, нарушившей свои обязательства по гарантиям перед МАГАТЭ.) В КБТО также отсутствует положение о санкциях (в ней даже не предусмотрено создание механизма международного контроля выполнения государствами-участниками взятых ими обязательств). ДНЯО, КБТО и КХО не рассчитаны на обуздание распространческой активности негосударственных субъектов (международных террористических групп, дельцов «черного ядерного рынка» и т.п.). Что касается Конвенции о запрещении химического оружия, то она предусматривает (ст. XII), что «в тех случаях, когда в результате деятельности, запрещенной по Конвенции, может быть нанесен ущерб предмету и цели Конвенции», Конференция государств-участников «рекомендует принять коллективные меры в соответствии с международным правом». В особо опасных случаях Конференция доводит данную проблему до сведения Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН. Однако этот механизм ни разу не был задействован на практике в контексте проблем соблюдения КХО. Уместно также отметить, что и МАГАТЭ не использовало своего права передачи фактов нарушения нормы нераспространения на рассмотрение СБ ООН для применения мер наказания и принуждения. Это позволило некоторым странам использовать свое участие в ДНЯО, а также в международных проектах в области мирного использования энергии атома в качестве прикрытия для распространения.

Меры обеспечения уверенности в соблюдении обязательств по нераспространению, предусмотренные традиционными международными режимами нераспространения ОМУ, фактически лишь сигнализируют (в лучшем случае) о нарушении государствами взятых ими обязательств. На выявление запрещенной деятельности направлены инспекции на месте, проводимые соответственно Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) и Организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО). Однако такие инспекции далеко не всегда достигали своей цели. Об этом, в частности, свиде-

тельствуют примеры тайного осуществления ядерных программ Ираком, Ливией, КНДР, Южной Кореей и некоторыми другими странами – участницами ДНЯО. Имеется опасность того, что и иные государства могут приобрести ЯО, используя пробелы в ДНЯО⁹.

Существенный дефект упомянутых выше договоров заключается в том, что они не предусматривают создание механизмов *по физическому воспрепятствованию* запрещаемой ими деятельности. Эти договоры оказались не способны помешать переключению соответствующих установок и материалов с мирных на военные цели, ввозу и вывозу компонентов ОМУ и т.п. Этой лазейкой могли воспользоваться (и пользовались) страны, активно стремящиеся к приобретению ОМУ или его компонентов в нарушение международных договоров по разоружению и нераспространению, а также их пособники – дельцы «черного рынка», другие криминальные негосударственные структуры. Выявленные недостатки мер по принуждению к соблюдению договоров в области нераспространения мешают использовать их потенциал. Тем самым подрывается доверие к международному правопорядку. В этих условиях все чаще возникают новые сложные проблемы распространения, выходящие на уровень угрозы международному миру и безопасности, а для решения таких проблем приходится прилагать уже чрезвычайные усилия.

Вместе с тем упомянутые выше многосторонние соглашения и институты, явившиеся результатом совместных усилий подавляющего большинства стран, продолжают оставаться важнейшим элементом обеспечения глобального режима нераспространения. Поэтому их совершенствование, как и поиск и выработка новых механизмов в сфере нераспространения, должны идти в общем русле.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ И ИХ ПОСОБНИКАМИ

События последнего времени выдвинули на первый план стратегии нераспространения задачу модернизации международного права и практики в сфере борьбы с распространителями. Она включает в себя в первую очередь проблему переосмысления концепции принуждения нарушителей к соблюдению международно-правовых норм в сфере безопасности, разоружения и нераспространения, роли санкций, применения силы, превентивных (упредительных) мер в ситуациях, порожденных распространением ОМУ и представляющих угрозу международному миру и безопасности.

В мировом сообществе постепенно созревает понимание необходимости укрепления (или создания новых) международных механизмов принуждения к соблюдению принятых обязательств и резолюций по нераспространению и проведения этой работы на коллективной основе. Появилась потребность в разработке жестких дополнительных мер сдерживания злостных пролиферантов и их пособников, мер, охватывающих и правительства, и корпорации, и физических лиц. Среди таких мер может быть, например, блокирование передачи вооружений и технологий, запрещенных договорами по нераспространению, посредством перехвата, санкций и наказаний.

Ответом на новые вызовы явилась *Инициатива по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР) оружия массового уничтожения*, выдвинутая президентом США Дж. Бушем на международной встрече в Кракове (Польша) 31 мая 2003 г.¹⁰.

Эта инициатива направлена на выявление, предотвращение и пресечение незаконного оборота и трансграничного перемещения материалов, связанных с ОМУ, и средств доставки такого оружия, в том числе выявление и искоренение «черного рынка» соответствующих материалов и компонентов. В задачи ИБОР входит расширение возможностей правительств в деле предотвращения передачи или транзита материалов и оборудования, относящихся к ОМУ, через их национальную территорию, внутреннее воды и воздушное пространство – в сотрудничестве с другими странами по осуществлению этой деятельности. Предусмотрено, в частности, принятие практических мер по физическо-

му недопущению незаконной торговли ОМУ и его компонентами, наказание распространителей, предание их правосудию.

Вместе с тем следует отметить, что энтузиасты идеи перехвата транспортных средств на первых порах не удосужились состыковать ее с существующей международно-правовой основой не только в сфере борьбы с распространением ОМУ, но и в области международной торговли, морского и воздушного права, с требованиями национального законодательства стран – будущих участников ИБОР, с прерогативами Совета Безопасности ООН, а также с существующими режимами и договорами по разоружению и нераспространению ОМУ. В процессе создания механизма ИБОР возник ряд проблем, связанных с соблюдением норм международного права, национального законодательства, а также недопущением нанесения ущерба законной торговле в ходе проведения операций по перехвату подозрительных грузов. Это в основном вопросы, касающиеся применения принудительных мер к транспортным средствам за пределами национальной юрисдикции; ответственности за безосновательное задержание судов, грузов; порядка конфискации и уничтожения грузов, обращения с экипажами задержанных судов и т.д.

На встрече стран «ядра» ИБОР, состоявшейся в Австралии в июле 2003 г., были составлены планы по отработке совместных выборочных задержаний морских судов, подозреваемых в перевозках ОМУ и его компонентов. Определены следующие виды деятельности: изменение национального законодательства стран-членов, с тем чтобы грузы контролируемых товаров могли досматриваться или захватываться в рамках национальной юрисдикции; обмен разведывательными данными и сотрудничество правоохранительных органов в интересах обнаружения нелегальных перевозок; обучение персонала и проведение учений по перехвату, а также перехват в пространствах, находящихся под национальным контролем (на земле, в воздухе и на море).

Первые военно-морские учения по этой части прошли в середине 2003 г. в Коралловом море (близ побережья Австралии). За ними последовали учения в Средиземном и Аравийском морях. Учебные задачи по перехвату выполнялись также и ВВС и сухопутными силами 11 стран – участниц ИБОР.

На состоявшейся в сентябре 2003 г. в Париже очередной встрече 11 стран – участниц ИБОР было принято Совместное заявление «о принципах перехвата» в целях реализации целей ИБОР¹¹, свидетельствующее о стремлении его авторов придать легитимный характер операциям по перехвату. Декларация ставила целью снятие озабоченности, высказываемой рядом стран. Озабоченность касалась возможных нарушений международного права при перехвате грузов, нанесения ущерба законной торговле и других последствий правового порядка, а также попыток использовать ИБОР в эгоистических политических целях отдельных государств. В итоговых документах парижской встречи¹², в частности, отмечается, что участники ИБОР стремятся создать скоординированную и эффективную основу для осуществления принципов перехвата ОМУ, систем доставки и относящихся к ним материалов, совместимую с национальным законодательством государств и соответствующими международно-правовыми нормами и рамками, включая установки Совета Безопасности ООН. Утверждается, что ИБОР опирается на существующие договоры и режимы нераспространения. Подчеркивается, что ИБОР является «частью общих усилий в поддержку нераспространения, одной из опор коллективной безопасности и стратегической стабильности» и что эта инициатива «может способствовать, наряду с другими инструментами, полной имплементации и соблюдению обязательств в рамках этого режима, в особенности соглашений по нераспространению».

Государства – учредители ИБОР обратились с призывом ко всем государствам, обеспокоенным угрозой распространения ОМУ, средств его доставки и относящихся к ним материалов, присоединиться к ним и поддержать согласованные принципы перехвата в целях ИБОР.

Наиболее важными элементами согласованных принципов являются следующие:

- ❑ Эффективно пресекать ОМУ, системы доставки и относящиеся к ним материалы, направляющиеся к субъектам, вызывающим опасения с точки зрения распространения, и от субъектов, вызывающих опасения с точки зрения распространения.
- ❑ Осуществлять оперативный обмен информацией о подозрительных действиях по распространению, выделять на эти цели достаточные ресурсы и максимально координировать действия с другими участниками Инициативы.
- ❑ Укрепить национальные юридические полномочия по осуществлению перехвата, а также международные правовые акты и рамочные документы в этой области.
- ❑ Предпринимать конкретные действия в поддержку усилий по перехвату, в том числе:
 - воздерживаться от транспортировки указанных грузов или помощи в их транспортировке;
 - в инициативном порядке подниматься на борт и обыскивать любое судно, находящееся в национальной юрисдикции в водах другого государства, если существует подозрение, что на борту находятся запрещенные грузы;
 - предусмотреть возможность разрешать обыск своих собственных судов представителями другого государства, если есть подозрение о наличии на борту указанных грузов;
 - предпринимать шаги по поднятию на борт и обыску судов других государств в своих территориальных водах и гаванях;
 - требовать посадки воздушных судов, подозреваемых в перевозке указанных грузов и пересекающих воздушное пространство государства, в целях проверки и возможного задержания таких грузов либо заранее лишать эти воздушные суда прав транзита.
- ❑ Если порты, аэродромы или другие объекты используются для отправки грузов подозреваемым распространителям, осматривать подозреваемые транспортные средства и задерживать указанные грузы¹³.

На лондонской встрече государств – учредителей ИБОР (9–10 октября 2003 г.) обсуждались вопросы практической деятельности, в частности касающиеся наращивания потенциала перехвата опасных грузов и подключения других стран к Инициативе.

МИД России заявил о присоединении к ИБОР 31 мая 2004 г., в день первой годовщины провозглашения Инициативы. Российская делегация приняла участие в юбилейной встрече государств – учредителей ИБОР, проходившей в Кракове. РФ вошла в состав «ядра» ИБОР. На 31 мая 2004 г. оно включало в себя 15 государств. О своей готовности в той или иной мере содействовать целям ИБОР заявили к этому времени свыше 60 государств.

В сообщении МИД РФ от 1 июня 2004 г. говорится, что принципы ИБОР, изложенные в Парижской декларации стран-учредителей в сентябре 2003 г., как они были развиты ими в Лондоне в октябре того же года, соответствуют линии РФ в сфере нераспространения. В сообщении также отмечается, что «российская сторона намерена вносить свой вклад в реализацию ИБОР с учетом требований совместимости действий с нормами международного права, соответствия национальному законодательству и общности нераспространенческих интересов с партнерами»¹⁴.

На саммите «Большой восьмерки» на острове Си-Айленд (США), проходившем в июне 2004 г., при участии РФ был принят План действий «восьмерки» по нераспространению, в котором, в частности, намечены задачи и в области реализации ИБОР. Лидеры восьми государств обязались расширить деятельность в рамках ИБОР, «чтобы срывать и де-

монтировать сети распространения, такие, как сеть А.К. Хана, а также координировать усилия по соблюдению положений ИБОР». Они поставили перед собой цели не позволять приобретение оборудования и технологий обогащения урана и получения плутония террористам или государствам, стремящимся использовать их для создания оружия.

Подведению под деятельность в рамках ИБОР необходимой международно-правовой базы способствовала Резолюция 1540, принятая 28 апреля 2004 г. Советом Безопасности ООН в контексте борьбы с терроризмом. В этой резолюции, помимо прочего, содержится призыв к государствам сотрудничать в деле воспрепятствования «черным рынкам» ОМУ¹⁵.

Главная цель резолюции – создать эффективные барьеры, предотвращающие попадание ОМУ, компонентов такого оружия и средств его доставки и относящихся к ним материалов¹⁶ в руки негосударственных субъектов¹⁷, прежде всего террористов. В ней содержится призыв ко всем государствам на национальном уровне принять практические меры по укреплению законодательной базы правоприменительной деятельности, обеспечению учета, контроля и физической защиты ОМУ, а также контроля над экспортом и транзитными перевозками компонентов, связанных с ОМУ. Резолюцией предусмотрены также конкретные действия по укреплению и координации усилий в этой сфере на национальном и международном уровнях. Фактически резолюция направлена на включение распространенческой деятельности в разряд уголовных преступлений.

Резолюция 1540 закрепила центральную координирующую роль СБ ООН в сфере нераспространения ОМУ. Для мониторинга выполнения резолюции создан новый механизм со сроком полномочий два года – Комитет СБ ООН, который призван заниматься сбором и анализом ответов государств – членов ООН относительно мер, принятых ими во исполнение резолюции¹⁸.

Резолюция заложила важные организационно-политические и юридические предпосылки для скоординированного в мировом масштабе противодействия «черным рынкам» в сфере ОМУ. Она положила начало созданию международной нормы, запрещающей тайные передачи материалов и других средств, имеющих отношение к ОМУ.

В Резолюции 1540 нет ссылок на ИБОР, однако ее ключевые положения, пафос созвучны принципам деятельности в рамках ИБОР. В этой связи следует обратить внимание на то, что в этой резолюции Совет Безопасности выразил готовность в соответствии с главной ответственностью, возложенной на СБ Уставом ООН, прибегнуть к надлежащим и эффективным действиям против любой угрозы международному миру и безопасности, создаваемой распространением ядерного, химического и биологического оружия и средств его доставки. Особенно существенно то, что в Резолюции 1540 незаконная торговля ЯБХО квалифицируется как деяние, представляющее угрозу международному миру и безопасности. Резолюция принята на основании положений главы VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии»), что делает ее обязательной для выполнения всеми 191 странами – членами ООН и предполагает применение всех необходимых средств в целях пресечения незаконной торговли ЯБХО.

С принятием Резолюции 1540 подведена необходимая правовая база под возможные принудительные меры против участников незаконной торговли ОМУ и его компонентами, в том числе предусмотрено и задержание транспортных средств. Облегчается предание правосудию негосударственных субъектов, осуществляющих распространенческую деятельность, их судебное преследование. Появилась прочная основа для отделения легитимной коммерции от незаконного распространения ОМУ и для совместного решения государствами сложных задач в этой области¹⁹.

В 2004 г. в рамках ИБОР была продолжена практическая работа по отработке навыков перехвата. В первой половине года государствами – участниками ИБОР проведено десять учений: пять – на море, три – в воздухе и два – на суше.

Россия также приняла участие в создании оперативного потенциала ИБОР. В августе 2004 г. российский большой десантный корабль «Цезарь Куников» участвовал в учениях

шести причерноморских государств «Блэксифор-2004», важной составляющей которых явилась операция по задержанию и досмотру судна – нарушителя эмбарго, где предположительно («по легенде») находился незаконный груз. В результате этого учения приобретен ценный опыт взаимодействия²⁰. В сентябре два российских надводных боевых корабля приступили к патрулированию в рамках взаимодействия по программе ИБОР. В этом же месяце проведены совместные учения кораблей ВМФ РФ и ВМС США в Норвежском море, а также учения сил Черноморского Флота РФ и ВМС Италии в Средиземном море. Россия приняла участие в контртеррористической операции «Активное начало», проведенной ВМС НАТО на Средиземном море. Эти мероприятия помогли повысить уровень оперативной совместимости силовых структур РФ и других участников ИБОР, создать условия для обмена доверительной информацией.

С 1 сентября по 1 октября 2004 г. в рамках ИБОР с участием экспертов из 17 стран (в том числе РФ) состоялось первое морское учение в США (Нью-Порт, Род-Айленд), в ходе которого отработывались варианты принятия решений о недопущении связанных с распространением ОМУ поставок. Учения способствовали развитию оперативной способности участников ИБОР не допускать морские поставки грузов, имеющих отношение к ОМУ. В октябре РФ приняла участие в качестве наблюдателя в морских учениях в поддержку ИБОР под названием «Тим Самурай-2004» в водах неподалеку от Токийского залива, проведенных кораблями Австралии, Франции, Японии и США. В этих учениях отработывались меры по воспрепятствованию распространению ОМУ в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В ходе практической деятельности по отработке этого нового механизма в сфере нераспространения отработывались действия по правомерному и эффективному физическому воспрепятствованию поставкам ОМУ и его компонентов, в том числе отработывались процедуры связи. Это способствовало повышению способности государств-партнеров осуществлять гладкое взаимодействие при подготовке и проведении конкретных операций по перехвату. Ведется работа по подготовке соглашений между государствами о досмотре подозрительных судов в международных водах²¹.

В рамках ИБОР рассматривается вопрос о том, какие механизмы могли бы наилучшим образом способствовать сотрудничеству в перехвате соответствующих грузов в воздухе и на суше, с тем чтобы помешать деятельности распространителей, использующих эти способы перевозок.

Однако сделаны лишь первые шаги подготовительного характера²². Для обеспечения воспрепятствования незаконной торговле, которую ведут физические лица, компании и другие негосударственные структуры, необходимо проделать еще большую работу (в частности, с промышленностью, ключевыми грузоотправителями и страховщиками, работающими в области морских, воздушных и сухопутных перевозок).

Пока же идет отработка механизмов, которые могли бы эффективным образом препятствовать поставкам грузов, подозрительных с точки зрения распространения ОМУ в рамках юрисдикции государств-членов. (В настоящее время режим ИБОР ограничен лишь национальной территорией, воздушным пространством и водными путями стран-членов; в международных водах режим ИБОР не имеет прямого действия²³.) Чтобы стать эффективным глобальным инструментом принуждения, масштаб Инициативы должен быть расширен с тем чтобы охватить международные водные пути и воздушное пространство (как это имеет место при борьбе с пиратством, захватом заложников и работорговлей). Однако эта задача ставит сложные юридические вопросы (для их решения требуется соответствующий мандат СБ ООН).

Предстоит многое сделать для того, чтобы укрепить потенциал государств – участников ИБОР в области военной и правоохранительной деятельности, особенно в том, что касается разведки, оперативного выявления и обезвреживания злоумышленников²⁴.

Трудности согласования интересов и действий возрастут при переходе от учебных к практическим операциям по пресечению деятельности конкретных физических лиц и компаний, участвующих в незаконной торговле ОМУ с теми или иными странами²⁵.

Это потребует от государственных (торгово-экономических, силовых, разведывательных, правоприменительных и других) учреждений РФ и США качественно нового уровня сотрудничества, не имевшего прецедента в истории. Например, осуществления секретными службами совместных действий, обмена чрезвычайно чувствительной, доверительной информацией, на основе которой будут проводиться операции в рамках ИБОР. Необходимо будет свести к минимуму существующие, пусть и подспудно, взаимные подозрения и неопределенность, которые постоянно воспроизводятся в отношениях взаимного ядерного сдерживания, что мешает глубокому взаимодействию между РФ и США во всех аспектах нераспространения ЯО. Такое сотрудничество будет зависеть от политической воли – как в Москве, так и в Вашингтоне.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В РФ ПО ВОПРОСУ УЧАСТИЯ В ИБОР

Россия присоединилась к ИБОР не сразу, а год спустя после провозглашения президентом США данной инициативы. Первоначально же идея ИБОР была встречена в России (как в официальных кругах, так и в экспертной среде) сдержанно, даже скептически и недоверчиво. Правда, в комментариях на эту тему признавалось наличие в данном проекте «рационального зерна», отмечалась созвучность традиционной линии в борьбе с распространением, но преобладали критические оценки. Некоторые основания для этого действительно имелись, во всяком случае на начальной стадии осуществления Инициативы.

Однако вряд ли все это исчерпывающим образом объясняет причины, по которым российские официальные круги довольно длительное время дистанцировались от ИБОР. Да и упомянутые выше вопросы было бы легче снять, действуя внутри новой структуры партнерства и отстаивая в ней активную позицию и свои интересы по закрытию «серых зон» и формированию необходимых правовых рамок для принудительных действий в отношении распространителей ОМУ.

Замедленная реакция, по-видимому, не была и следствием обычной бюрократической волокиты, ведомственной несогласованности или элементарной досады на то, что лидерство в вопросе активного нераспространения ОМУ взяла на себя администрация США (напомним заявления в прессе о «претензиях Америки на единоличное руководство процессом контроля над распространением ОМУ»).

Медлительность с определением четкого курса в вопросе об участии/неучастии РФ в ИБОР, на наш взгляд, связана с трудностями, с которыми столкнулась Москва при выработке консенсуса по этому вопросу в российской элите. Как известно, воздействие на это направление официальной политики стремятся оказывать представители несовпадающих специфических групповых интересов (корпоративных, коммерческих, ведомственных, партийных и т.д.), например: атомная промышленность, руководители которой больше всего озабочены наращиванием экспортного потенциала, сохранением и расширением рынков сбыта реакторного оборудования и делящихся материалов; другие экспортеры товаров и технологий двойного использования; ведомственные и иные структуры, которые на первый план выдвигают собственные региональные геополитические интересы и отдают приоритет развитию отношений РФ с теми или иными странами, в том числе и подозреваемыми в осуществлении программ в области ОМУ. Отчасти неприятие идеи ИБОР связано и с тем, что в России имеются сторонники и противники линии на сотрудничество с США, Западом.

Свою оппозицию присоединению России к ИБОР Л.Г. Ивашов, вице-президент Академии геополитических наук, аргументировал тем, что это «поссорит Россию со всем миром»²⁶. С. Кремлев (претенциозный псевдоним?) безосновательно утверждает: «Для России проблема распространения в рамках суверенной политики суверенных государств вообще не является серьезно значимой. Ну что нам беспокоиться, скажем, о возможном ядерном оружии КНДР? Ядерная Северная Корея для России абсолютно не опасна и даже в определенной степени выгодна»²⁷.

Отвечая на вопрос относительно принятой в ноябре 2002 г. резолюции Совета управляющих МАГАТЭ по Ирану, в которой под сомнение был поставлен характер деятельности этой страны в ядерной области, тогдашний министр по атомной энергии РФ А.Ю. Румянцев заявил: «Россия давно работает на международном рынке строительства АЭС и пользуется солидной репутацией надежного партнера. Безусловно, мы заинтересованы не только в том, чтобы сохранить, но и в том, чтобы укрепить свои позиции». Он подчеркнул, что Россия должна занимать более активную позицию с тем, чтобы не допустить вытеснения ее с этих перспективных и емких рынков²⁸. РФ оказывает помощь Ирану в строительстве АЭС в Бушере. Данный проект осуществляется под гарантиями МАГАТЭ и исключает возможность использования российских материалов в военных целях²⁹. Поэтому попытки США добиться аннулирования Бушерского проекта были восприняты в Москве как стремление Вашингтона вытеснить РФ с этого рынка и занять ее место.

Действительно, легитимность сотрудничества РФ с Ираном в области гражданской атомной энергетики не вызывает сомнения. Однако осуществление конкретных мирных атомных проектов сопряжено с необходимостью решения задачи обеспечения их неуклонности с точки зрения нераспространения. Неосмотрительно было бы упускать из виду, что военная ядерная программа Ирана повлекла бы за собой непредсказуемые последствия в одном из самых нестабильных и взрывоопасных регионов мира. Следует отметить, что РФ на государственном уровне неоднократно призвала Иран выполнить все обязательства по ДНЯО и все требования Совета управляющих МАГАТЭ относительно прозрачности его ядерной программы. Объявленной целью правительства РФ является обеспечение того, чтобы Иран не приобрел ядерное оружие. Представляется чрезвычайно важным, чтобы в дальнейшем своевременно и в интересах нераспространения преодолевались расхождения в оценке политики на иранском направлении между заинтересованными в контрактах промышленниками-ядерщиками и структурами, ответственными за национальную безопасность РФ.

В вопросе участия РФ в ИБОР верх взяли дальновидные эксперты и политики, считающие, что распространение ОМУ относится к наиболее серьезным угрозам безопасности России, и обосновывающие необходимость комплексного подхода к решению этой проблемы, сочетающего политико-дипломатические методы и принудительные меры к распространению ядерной деятельности. Предложения, обосновывающие необходимость разработки таких мер против пролиферантов и целесообразность участия России в соответствующих международных усилиях, опубликованы в ряде российских изданий³⁰.

На необходимость выработки комплексного (как национального, так и международного) подхода к сфере нераспространения ОМУ в декабре 2003 г. указал президент РФ В.В. Путин на заседании Совета безопасности РФ, посвященном этой проблеме. Он констатировал отсутствие в России целостной системы борьбы с угрозой распространения ОМУ и призвал устранить этот недостаток.

В последующем на этом направлении российское руководство предприняло определенные шаги как внутри страны, так и на международном уровне (совершенствование российского законодательства, в том числе в области экспортного контроля, пресечение транзита чувствительных материалов, мероприятия по реализации комплексной программы первоочередных действий по укреплению режимов нераспространения ОМУ и усилению экспортного контроля).

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ШАГИ БЫЛИ ПРЕДПРИНЯТЫ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЕЙ И В ООН

На основе российской инициативы Генеральная Ассамблея приняла Резолюцию A/58 L.67. Rev 1. В ней подтверждена необходимость того, чтобы все государства-члены выполняли свои обязательства в области контроля над вооружениями и по предотвращению распространения всех видов оружия массового уничтожения во всех его аспектах. Подчеркнув необходимость укрепления потенциала ООН в областях установления и ук-

репления мира, ГА ООН призвала к наращиванию консенсуса между государствами-членами при определении масштабов, ориентации и потребностей такого потенциала с учетом нынешних и возникающих вызовов и угроз для международного мира. ГА ООН приветствовала учреждение Генеральным секретарем ООН Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам.

По предложению России Совет Безопасности ООН принял 8 октября 2004 г. резолюцию под названием «Угрозы миру и безопасности, создаваемые террористическими актами». В резолюции содержится призыв к государствам всецело сотрудничать в борьбе с терроризмом с целью найти тех, кто оказывает поддержку или содействие, участвует или пытается участвовать в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов либо предоставляет убежище террористам. Резолюция призвала отказывать таким лицам в убежище и привлекать их к судебной ответственности. Совет Безопасности учредил рабочую группу для рассмотрения и предоставления Совету рекомендаций относительно практических мер, которые будут применяться к отдельным лицам, группам или организациям, вовлеченным в террористическую деятельность или причастным к ней, включая более эффективные процедуры предания их правосудию путем осуществления судебного преследования или выдачи, замораживания их финансовых активов, предотвращения их передвижения через территории государств-членов, предотвращения обеспечения их любыми типами вооружений и связанных с ними материалов.

Активизировалось взаимодействие в рассматриваемой области со странами СНГ, а также в рамках Совета Россия – НАТО, «Большой восьмерки», Евросоюза. Следствием этого курса стало и участие России в Инициативе по безопасности в борьбе с распространением ОМУ.

В современных условиях перед Россией стоят сложные задачи по совмещению требований обновленной стратегии активного нераспространения ОМУ с потребностями развития атомной и других отраслей промышленности, экспортирующих товары и технологии двойного назначения, а также с осмысленной переоценкой региональных геополитических интересов страны. При этом приоритет, на наш взгляд, должны иметь интересы обеспечения национальной и международной безопасности.

Для России принципиально важно, чтобы в тот период, когда она находится в процессе сокращения своих стратегических наступательных вооружений, в том числе по экономическим и техническим причинам, не подрывалась стратегическая стабильность и вокруг нее не появлялись новые обладатели ядерного и другого ОМУ и зоны нестабильности и высокой напряженности. Тем более что большинство реальных и потенциальных пролиферантов, в том числе террористического толка, способных угрожать России в обозримом будущем, находятся вблизи границ РФ и СНГ – в регионах высокой военно-политической нестабильности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существенное расширение международной поддержки проекта ИБОР (с 11 до 60 государств-участников в течение одного года) отразило существенную тенденцию в сфере нераспространения, в частности изменение в отношении государств к несоблюдению нормы нераспространения ОМУ. Расширяя сферу применения стратегии активного нераспространения на торговые маршруты, задействованные в распространении, данная инициатива укрепляет невоенные инструменты принуждения, дополняя существующие национальные и международные режимы контроля над экспортом материалов, технологий и оборудования, которые могут быть использованы при создании ОМУ. Таким образом, международное принуждение становится одним из режимов экспортного контроля.

Особое значение для срыва программ разработки ОМУ имеет возможность правомерных решительных действий, включая запретительные меры, санкции и наказания. Террористические акты последнего времени придали этим усилиям еще большую актуальность.

Формирование коалиции государств, способных и желающих осуществлять (по мандату СБ ООН) принудительные операции против тех, кто использует каналы международной торговли в целях распространения ОМУ, отражает эту новую реальность мировой политики. Нарастивание международного консенсуса по поводу перехвата незаконных грузов в контексте глобального режима нераспространения будет способствовать укреплению политической легитимности коалиции государств – участников ИБОР. Это укрепит преграды на пути распространения такого оружия посредством создания эффективной системы надзора за международным оборотом материалов и компонентов, пригодных для создания ОМУ, защищающей членов сообщества и, прежде всего, государства, добросовестно соблюдающие свои обязательства об отказе от ОМУ.

Россия приняла участие в ИБОР, так как этого требуют ее жизненные интересы в сфере безопасности. Как участник «ядра» ИБОР, Россия исходит из того, что деятельность в рамках ИБОР не должна и не будет создавать препятствий законно осуществляемому экономическому и научно-техническому сотрудничеству государств. Она выступает за строгое соблюдение участниками этой структуры норм международного права, прерогатив Совета Безопасности, Резолюции 1540 СБ ООН. Российская сторона подчеркивает свою приверженность неукоснительному соблюдению требований существующих многосторонних соглашений и механизмов в сфере нераспространения ОМУ, добивается повышения их эффективности и универсальности. Вместе с тем РФ заинтересована и в рассмотрении новых подходов и мер по обузданию опасности расползания средств массового поражения по всему миру и выступает с соответствующими инициативами. Российская сторона допускает сочетание политико-дипломатических и силовых методов воздействия на пролиферантов, однако исходит из того, что принудительные меры должны опираться на соответствующие прерогативы Совета Безопасности ООН.

Будучи членом «ядра» ИБОР, Россия сможет активно участвовать в процессе принятия конкретных решений, принимаемых партнерами, способствовать более эффективному использованию коллективных возможностей для укрепления режима нераспространения.

Решению этой задачи способствует реализация приведенных выше предложений, внесенных РФ в ООН и одобренных этой всемирной организацией. Указанные предложения направлены на формирование более плотного взаимодействия государств в борьбе с глобальными угрозами и вызовами на базе эффективной всеобъемлющей стратегии решения конкретных проблем, в том числе и в сфере нераспространения ОМУ.

Активное и более тесное участие России в мероприятиях по линии ИБОР по принуждению к соблюдению нормы нераспространения имело бы особое значение для успеха данного начинания, поскольку РФ является ключевым действующим лицом в зонах, вызывающих наибольшую озабоченность в плане распространения ОМУ (от Ближнего Востока до Корейского полуострова).

С присоединением РФ к ИБОР появилось новая область военно-политического взаимодействия России и стран НАТО (через механизм Совета Россия – НАТО)³¹. Это дает возможность государствам – участникам этой международной структуры выйти на новый, более высокий уровень сотрудничества в деле противодействия распространению ОМУ.

Центральная роль в принуждении к выполнению правил нераспространения и сдерживании потенциальных нарушителей принадлежит Совету Безопасности ООН. Резолюция 1540 СБ ООН, в которой, среди прочего, содержится призыв к сотрудничеству по воспрепятствованию «черным рынкам» ОМУ, создала необходимые правовые рамки для осуществления принудительных мер, если речь идет о деятельности злостных распространителей ОМУ. Такая практика, вероятно, будет в дальнейшем расширена. Развитие положений Резолюции 1540, в частности регулярный обзор ее соблюдения, обмен информацией о предполагаемых нарушениях, укрепило бы способность СБ ООН к принуждению к нераспространению на регулярной основе.

Укрепление потенциала привлечения к ответственности за нарушение обязательств об отказе от ОМУ повысило бы способность международного сообщества остановить

распространение такого оружия и повернуть вспять соответствующие военные программы.

Однако это сложный процесс в политическом и техническом отношениях, требующий от многих государств значительных усилий. Не следует преуменьшать значения существующих в мировом сообществе разногласий по вопросам выбора наиболее эффективных путей противодействия распространению ОМУ, в том числе в НАТО, Евросоюзе, в российско-американских отношениях, в Движении неприсоединения, между странами с различными интересами безопасности. Нельзя забывать и о негативном воздействии таких коллизий на перспективы дальнейшего международного сотрудничества в данной области. Необходима выработка более широкого международного консенсуса относительно стратегии активного нераспространения ОМУ, в том числе относительно расширения охвата ИБОР и включения в ее юрисдикцию перевозку грузов в международных водах и воздушном пространстве.

Вместе с тем одной только дипломатией принуждения нельзя добиться утверждения надежного глобального порядка в сфере нераспространения ОМУ. Необходимо еще более интенсивно продолжать поиски путей ликвидации всего комплекса побудительных мотивов, питающих тенденцию распространения, используя все возможности терпеливой многосторонней дипломатии и стимулирования заинтересованности государств в отказе от приобретения ядерных и других средств массового поражения.

Многое будет зависеть и от прогресса на других направлениях, например: ядерное разоружение, урегулирование региональных конфликтов, укрепление миротворческого потенциала ООН и т. д.

Странами – участницами ИБОР предстоит проделать большую работу для того, чтобы добиться более широкой международной поддержки своей структуры взаимодействия, принципов ее деятельности, расширить членство ИБОР. Это позволило бы превратить ИБОР в действенный вспомогательный инструмент контроля международных отношений в сфере нераспространения ОМУ и составную часть глобальной стратегии укрепления глобальных режимов нераспространения ОМУ и экспортного контроля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Proliferation Security Initiative (PSI). На русский язык это название переводится по-разному: Инициатива по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР), Инициатива безопасности против распространения, Инициатива по защите от распространения, Инициатива по предотвращению распространения (ИПР). В данной работе используется принятая в публикациях МИД РФ аббревиатура ИБОР (Инициатива по безопасности в борьбе с распространением). В настоящее время в «ядро» ИБОР входят 15 государств. Это – Австралия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Сингапур, США, Франция и Япония. Более 60 государств заявили о поддержке этой инициативы.

² Об этом свидетельствуют: выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), развитие северокорейского ядерного потенциала и упорный отказ руководства этой страны вернуться в режим ядерного нераспространения. Северная Корея отказалась возобновить в 2004 г. шестисторонние переговоры по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове. Вплотную подошла к созданию ядерного оружия и Южная Корея (Республика Корея). В этом же ряду – отказ Ирана выполнить обещание о прекращении эксплуатации мощностей по производству материалов, которые могут быть использованы при создании ЯО, а также заявления некоторых политиков Японии и Бразилии, предлагающих, чтобы их страны пересмотрели свои решения об отказе от ядерного оружия. Большую озабоченность мировой общественности вызывают активность дельцов «черного рынка ядерных материалов и оборудования», угроза приобретения ОМУ террористами, ряд аналогичных дестабилизирующих процессов, породивших кризисные ситуации в различных регионах мира. Все это подрывает усилия по убеждению неядерных государств соблюдать обязательства по нераспространению.

³ В эту сеть входили ученые, инженеры и посредники из Пакистана, Швейцарии, Великобритании, Германии, Шри-Ланки и Малайзии.

⁴ Ливия закупила центрифугу у малайской компании через компанию-посредника, базирующуюся в Дубае. В декабре 2002 г. Ливия публично обязалась добровольно сдать все запрещенное международным сообществом оружие, в частности, отказаться от стремления к ядерному и химическому оружию, а также ракет, запрещенных Режимом контроля над передачей ракетной технологии. В Ливии были демонтированы 3000 химических боеприпасов, более 1000 т ядерного оборудования, ракеты SCUD-C, пусковые ракетные установки и более 15 кг свежего ВОУ как топлива для ядерных реакторов. См. на сайте: <http://usinfo.state.gov/ruski/>

⁵ См. Супертерроризм: новый вызов нового век. Под общ. ред. А.В. Федорова. М.: ПИР-Центр, 2002; Бодански Й. Талибы, международный терроризм и человек, объявивший войну Америке. М.: Вече, 2002; Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности. Под ред. В.З. Дворкина. М.: ПИР-Центр, 2002; Белоус В. Ядерный терроризм: попытки уже были. *Независимое Военное Обозрение*. 2004, № 38. С.4; Мясников Е. Угроза терроризма с использованием беспилотных летательных аппаратов: технические аспекты проблемы. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института, 2004.

⁶ По оценке американского фонда Карнеги за международный мир, в более сорока странах мира существует значительный риск хищения террористами ядерных материалов и технологий, используемых при создании ядерного и радиологического оружия.

По состоянию на конец 2003 г. запасы в мире плутония и ВОУ (примерно поровну и того, и другого) составили 3700 т (их достаточно для создания сотен тысяч ЯВУ). См.: Блинов Артур. В мире стало больше плутония. *Независимая Газета*. 2004, 5 октября.

⁷ Ядерные, химические и биологические материалы или вооружения имеются в Индии, Пакистане, Иране, Израиле, Северной Корее и, возможно, других странах. Около 40 стран, по данным МАГАТЭ, способны переориентировать свои мирные атомные программы на производство ЯО. В этой связи особые опасения вызывает Пакистан в связи с присущей ему внутренней политической нестабильностью. Существует достаточно реальная возможность превращения Пакистана в государство-изгоя и рассадника терроризма в случае попадания контроля над имеющимся в стране ядерным оружием в руки авантюристических, исламистских сил. Нельзя исключить попадание ОМУ в руки террористов. Власти в Пакистане не обладают возможностью полностью контролировать ситуацию на всей территории, относящейся к их юрисдикции. В намерениях приступить к реализации военных ядерных программ подозреваются Алжир, Индонезия, Нигерия, Саудовская Аравия, Сирия. Кроме того, эти страны подозреваются в том, что они являются ключевыми транзитными пунктами для подозрительного экспорта и импорта.

⁸ Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1968 г. (188 государств-участников); Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) от 1972 г. (148 государств-участников); Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (КХО) (164 государства-участника). В 2002 г. был принят Международный Кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. К нему присоединилось 91 государство.

⁹ В своем нынешнем виде ДНЯО позволяет государствам приобрести технологии (например, по разработке высокообогащенного урана и плутония, составляющих основу ЯО), дающие им возможность вплотную приблизиться к созданию ЯО без явного нарушения положений Договора.

¹⁰ Во встрече приняли участие руководители 11 стран. Это – Австралия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Польша, Португалия, США, Франция и Япония, которые и вошли в первоначальный состав учредителей (так называемое «ядро») ИБОР.

¹¹ В октябре 2003 г. «принципы перехвата» были развиты на встрече стран-участниц ИБОР, состоявшейся в Лондоне.

¹² Совместное заявление о принципах перехвата, пресс-релиз председателя встречи (представителя Франции).

¹³ Бюро информационных программ Государственного департамента США. См. на сайте: <http://usinfo.state.gov/ruski/>

¹⁴ МИД России. Информационный бюллетень. 1 июня 2004 г. Об участии России в Инициативе по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения.

¹⁵ Резолюция принята единогласно. В обсуждении проекта этой резолюции, представленного 24 марта 2004 г. Россией совместно США в ходе интенсивных консультаций пяти постоянных членов СБ, приняли участие представители более 50 стран – членов ООН. Док. ООН. S/RES/1540 (2004).

¹⁶ Материалы, оборудование и технологии, подпадающие под действие соответствующих многосторонних договоров и договоренностей или включенные в национальные контрольные списки, которые могут быть использованы для проектирования, разработки, производства или применения ядерного, химического и биологического оружия и средств его доставки.

¹⁷ Физическое лицо или организация, не имеющие законных полномочий от какого-либо государства на осуществление деятельности, подпадающей под действие Резолюции 1540.

¹⁸ Весной 2005 г. Комитет должен представить СБ свой первый доклад.

¹⁹ Необъявленные обмены автоматически признавались бы незаконными, а задекларированные обмены осуществлялись бы в соответствии с действующим экспортным контролем.

²⁰ Блэксифор-2004: рубеж против терроризма. *Красная Звезда*. 2004, 9 сентября.

²¹ В 2004 г. США подписали такие соглашения с Либерией и Панамой. Соглашения гарантируют, что регистровые судовые свидетельства не будут использоваться распространителями ОМУ.

²² Следует привести один пример успешного перехвата, осуществленного в 2003 г. Великобританией и Германией при участии США. Речь идет о судне, перевозившем в Ливию компоненты, имеющие отношение к ядерным материалам (центрифуги). Полагают, что именно это помогло убедить ливийское руководство в том, что времена беспрепятственного накопления материалов, имеющих отношение к ОМУ, закончились.

²³ Отсутствует система мер, позволяющих совершать определенные действия по отношению к транспортному средству, следующему под законным флагом, или самолету, перевозящим материалы, относящиеся к ОМУ, в другую страну через международную территорию.

²⁴ В частности, предстоит разработать систему объявлений или требований о предоставлении данных в целях разграничения легальной и нелегальной торговли ядерными, химическими, биологическими материалами и опасными технологиями.

²⁵ Например, пресечение поставок в проблемные государства может сопровождаться трудно предсказуемыми последствиями.

²⁶ *Независимая Газета*. 2004, 2 апреля.

²⁷ Кремлев Сергей. Опасные реальности глобальной стабильности. *Независимое Военное Обозрение*. 2004, 23 июля.

²⁸ Румянцев Александр. Атомная отрасль является одним из крупнейших национальных экспортеров. *Ядерный Контроль*. 2004, №1, весна. С. 16–17.

²⁹ Предусматривается, что в перспективе отработанное на АЭС ядерное топливо будет возвращаться для утилизации в РФ.

³⁰ Озобищева Г. Проблемы нераспространения ОМУ на современном этапе. *Мировая Экономика и Международные Отношения*. 2003, № 12; Федоров Юрий. Требуется ли реформа внешней политики России? *Ядерный Контроль*. 2004, № 2, лето. С. 68; Контрраспространение: ответ на новые вызовы. *Ядерный Контроль*. 2004, №2, лето. С. 84–90; *Красная Звезда*. 2003, 11 октября; Тузмухамедов Бахтияр. Не играя по правилам Буша. России следует присоединиться к «Инициативе по безопасности в области распространения». *Независимая Газета*. 2004, 1 июня.

³¹ В рамках СРН создана постоянная рабочая группа по вопросам борьбы с распространением ОМУ. Подготовлена оценка глобальных тенденций в области распространения ОМУ. Обсуждаются вопросы совместного патрулирования Средиземного и Черного морей, которые террористы могут использовать для перемещения ОМУ и его компонентов. Наиболее сложная задача – это оперативная совместимость вооруженных сил сторон. В ноябре 2004 г. надводные корабли Черноморского флота участвовали в военно-морских маневрах НАТО «Активные действия» в Средиземном море, в рамках которых, в частности, отрабатывался широкий круг задач по пресечению доставки ОМУ.

ПИР-Центр политических исследований в России
выпустил в свет

DVD-диск

«ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО СТРАН «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ» ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ И МАТЕРИАЛОВ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ».

*По материалам одноименной Конференции, проведенной
23–24 апреля 2004 г.*

Конференция «Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», **организованная ПИР-Центром и Советом по устойчивому партнерству для России (СУПР)**, собрала для обсуждения актуальных вопросов Глобального партнерства более **260 крупнейших специалистов из 21 страны мира**. В ходе двух дней участники обсудили основные аспекты программы, включая *химическое разоружение, утилизацию атомных подводных лодок, физическую защиту, учет и контроль ядерных материалов, биологическую безопасность, обучение и переподготовку специалистов-оружейников*.

Участники конференции не только обсуждали существующие проблемы, но и активно вырабатывали пути их решения: всего **было сделано более 60 докладов**. Среди докладчиков были *Чрезвычайные и Полномочные Послы, руководители крупнейших транснациональных компаний и предприятий, высокопоставленные правительственные эксперты, авторитетные генералы и крупнейшие российские и зарубежные ученые*, не понаслышке знающие проблематику Глобального партнерства.

В этой связи материалы конференции и плоды звучавших на ней дискуссий представляют несомненный интерес для всех, кто интересуется вопросами международного содействия России в области нераспространения и разоружения. Прекрасно осознавая этот факт, ПИР-Центр при поддержке Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США) и фонда «Инициатива по снижению ядерной угрозы» выпустил DVD-диск по материалам Международной конференции «Глобальное Партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения».

Диск содержит исчерпывающую информацию об этом представительном международном форуме, включая:

- ☐ Программу конференции;
- ☐ Видеоматериалы конференции;
- ☐ Аудиозаписи докладов;
- ☐ Тексты выступлений;
- ☐ Презентации докладов;
- ☐ Информацию о спонсорах конференции;
- ☐ Информацию об организаторах конференции.

За более подробной информацией по вопросам приобретения диска следует обращаться в компанию *Триалог* – официального партнера ПИР-Центра – по телефону (095) 764-9896, факсу (095) 234-9558 или электронной почте info@trialogue.ru

Винсен де
Китспоттер

БОЛЬШАЯ ИГРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

*«Когда все умрут, только тогда кончится
Большая Игра. Не раньше».*

Редьярд Киплинг, «Ким» (1901)

В феврале 2002 г. государственный секретарь США К. Пауэлл в своем выступлении перед Комитетом по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США заявил, что «США обретут такие долгосрочные интересы и военное присутствие в Центральной Азии, о каких мы ранее и не мечтали»², подчеркнув, таким образом, не только глубокие изменения, произошедшие в американском восприятии Центральной Азии³, но и неофициально подтвердив новые амбиции США относительно всего региона.

Вследствие террористических актов 11 сентября 2001 г. и вызванного ими массированного военного развертывания под предводительством США, вся концепция «новой Большой Игры»⁴ была пересмотрена. Термин «новая Большая Игра» опирается на уже известное понятие «Большая Игра»⁵, описывающее соперничество России и Великобритании за господство в Центральной Азии в XIX в. Тем не менее термин «новая Большая Игра» выглядит еще более многогранным и описывает более широкий спектр целей, задач, средств и рисков в различных областях, а потому определенно может быть охарактеризован как «Величайшая Игра»⁶. Хотя «Величайшая Игра» и начиналась как совместная акция различных игроков по противодействию общей террористической угрозе, сегодня она, похоже, приобрела оттенок соревновательности.

Участие Вашингтона в делах Центральной Азии первоначально воспринималось как незначительное по сравнению с основными интересами США в области безопасности. События 11 сентября 2001 г. вызвали беспрецедентный интерес к региону, так как, с официальной точки зрения, в нем нашли пристанище наиболее активные радикальные исламские террористические группировки. США оказались вовлеченными в региональные вопросы чрезвычайно глубоко, и даже стали одним из основных игроков в Центральной Азии. Они не только отодвинули границу зоны интересов своей национальной безопасности далеко на восток, но и применили новую стратегию безопасности, которая напоминает миф американской стратегии «новых рубежей»⁷.

Ведя войну с терроризмом и последовательно подчеркивая важность использования силы в этой войне – путем, прежде всего, проецирования военной мощи в регион, новая политика американской администрации в отношении Центральной Азии преследует противоречащие друг другу цели.

Может возникнуть вопрос о том, сможет ли новая американская политика национальной безопасности обеспечить стабильность в Центральной Азии, или же она может побудить другие силы, действующие в регионе, предпринять ответные действия, а значит, спровоцировать дальнейшую дестабилизацию обстановки как в отдельных государствах, так и в регионе в целом.

В данной статье делается предположение о том, что, хотя США и способствовали изначально некоторой стабильности в Центральной Азии, их действия после 11 сентября 2001 г. направлены не только на решение проблем безопасности в краткосрочной перспективе. Прежде всего, участие США в проблемах региона преследует долгосрочные стратегические цели, которые, вероятно, могут привести к дестабилизации обстановки путем создания новых проблем безопасности в странах Центральной Азии и в регионе в целом.

Во-первых, мы покажем, что политика США в Центральной Азии в основном отвечала классическим вызовам в области безопасности и экономики, возникшим после холодной войны как часть целенаправленной стратегии в отношении региона. После 11 сентября 2001 г. новая политика национальной безопасности США претерпела фундаментальные изменения в том, что касается оценки приоритетов во внешней политике и в области безопасности. Во-вторых, в статье будет показано, что текущая политика США в Центральной Азии⁸ дала толчок к разработке более полной, всеобъемлющей стратегии, что, в свою очередь, подготовило почву для начала «Величайшей Игры», которая может не только изменить баланс сил, но и спровоцировать геополитическое соперничество в регионе.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ЕВРАЗИЙСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ» ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В 1990-Х ГГ.: ОТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОЗАБОЧЕННОСТЕЙ К ЖИЗНЕННО ВАЖНЫМ ИНТЕРЕСАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Не вызывает сомнения тот факт, что на интересы США в Центральной Азии повлияла их реакция на террористические нападения 11 сентября 2001 г. Перед рассмотрением того, как будут развиваться в долгосрочной перспективе отношения США с основными игроками региона, а именно с Россией и Китаем, стоит тщательно исследовать политику и интересы США в Центральной Азии до событий осени 2001 г., чтобы подготовить почву для дальнейшего анализа того, что ожидает регион в дальнейшем – с точки зрения стабильности и безопасности.

Мы продемонстрируем, что возникновение «евразийского измерения» американской внешней политики в 1990-е гг. подготовило почву для массированного стратегического вмешательства США в дела региона, спусковым крючком для которого послужили события 11 сентября. Таким образом, массированное введение военной мощи США в регион чрезвычайно ускорило развитие процессов, формировавшихся там в течение предыдущего десятилетия.

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ЦЕЛЕВОЙ СТРАТЕГИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

«С точки зрения внешней политики США, постсоветские государства Центральной Азии находились до событий 11 сентября 2001 г. все равно, что на другой стороне Луны»⁹.

Большинство экспертов по Центральной Азии считает, что США изначально не имели ни общей стратегии, ни существенных интересов в этом регионе. Ниже мы покажем, что, несмотря на кажущуюся противоречивость такой точки зрения, политика США стремительно развивалась в стратегию, которую мы назовем «стратегия упорядочивания». Под этим термином подразумевается стратегия США, направленная на «вестернизацию» государств Центральной Азии путем использования экономических и военных рычагов. Целью «стратегии упорядочивания» является не только извлечение выгоды путем ис-

пользования энергетических ресурсов региона. Прежде всего эта стратегия направлена на предотвращение восстановления российского влияния в регионе.

До 1991 г. государства Центральной Азии были «захолустными территориями» в том смысле, что все эти пять республик Советского Союза не играли практически никакой роли в двусторонних отношениях СССР и США времен «холодной войны». Хотя Центральная Азия всегда находилась на пересечении взаимовлияющих стран и регионов, например России и Евразии или Ближнего Востока и Южной Азии, ее геополитическое значение в качестве потенциальной «буферной зоны» или территории, через которую издревле осуществлялся транзит товаров («Шелковый путь»), было сведено к минимуму стараниями Советского Союза. С распадом СССР в начале 1990-х гг. и признанием Соединенными Штатами новых государств Центральной Азии Вашингтон стал развивать дипломатические связи со странами региона путем поддержки в них демократических инициатив, оказания экономической помощи и поощрения взвешенной политики безопасности.

Администрация Б. Клинтона начала развитие стабильных взаимоотношений с пятью странами Центральной Азии с дипломатических контактов и экономического взаимодействия. Основой содействия со стороны США этим государствам стал Закон о поддержке свободы, принятый 24 октября 1992 г. Центральноазиатские страны изначально рассматривались американской администрацией как потенциальные члены сообщества демократических государств с рыночной экономикой, и первоначально США сосредоточились именно на демократизации и рыночных реформах в них. Для этого США стали поощрять и сотрудничество стран внутри региона, во многом полагаясь на многосторонние механизмы, например Центральноазиатское экономическое сообщество и программу «Партнерство во имя мира» НАТО¹⁰.

Кроме того, распад СССР совпал по времени с открытием новых запасов полезных ископаемых в Каспийском море, что не могло не привлечь в регион многие транснациональные нефтяные компании, включая крупнейшие американские. Тогдашний заместитель госсекретаря США С. Тэлботт обосновал необходимость поддержки демократических преобразований в своей речи в 1997 г., которая и по сей день содержит формулировки жизненно важных стратегических интересов США в Центральной Азии¹¹. Как считают эксперты, «в его речи ясно показано, почему доступ к региональным ресурсам нефти и газа является самым насущным интересом США в регионе»¹². До подписания крупнейших контрактов о поставках нефти между США и Казахстаном в 1993–1994 гг. Центральная Азия не воспринималась как регион, важный с экономической точки зрения. Таким образом, коммерческая заинтересованность американских нефтяных компаний в эксплуатации новых месторождений породила специфический интерес администрации США к обеспечению безопасности региона. Тем не менее в период с 1992 по 1996 г. недостаточная согласованность действий не позволила США действовать эффективно на этом направлении, так как работа с различными центральноазиатскими странами была разделена между отдельными министерствами, преследовавшими свои собственные цели. Как считает Ф. Хилл, «проведение единой политики было практически невозможно из-за конфликтов ведомственных полномочий»¹³. Лишь в 1996 г. Совет национальной безопасности США, один из наиболее близких к президенту государственных органов, начал координировать ранее независимые действия различных министерств, сосредоточившись на угрозах безопасности, проистекающих из эксплуатации нефтяных месторождений Каспийского моря, находящихся в непосредственной близости от России. Между тем экономическая и дипломатическая изоляция Ирана (следствие принятия Закона США о санкциях в отношении Ирана и Ливии в качестве наказания за поддержку международного терроризма) стала важнейшим фактором, определяющим принятие политических решений в Центральной Азии. Следовательно, можно утверждать, что уже в 1996 г., когда Совет национальной безопасности США участвовал в процессе поиска новых поставщиков энергоносителей и даже устанавливал очередность строительства трубопроводов, энергетическая «экономическая корзина» стала стратегическим инструментом, а не простой экономической помощью центральноазиатским компаниям.

Развитие постоянных дипломатических отношений между США и пятью государствами Центральной Азии также стало фактором, сдерживающим расширение российского влияния в регионе. Сотрудничество в области безопасности, соблюдение геополитических и геоэкономических интересов США в регионе стали не менее важны, чем развитие в центральноазиатских государствах демократии и их интеграция в мировое сообщество.

Необходимость сотрудничества в области безопасности стала очевидной уже в 1991 г., когда администрация Дж. Буша чрезвычайно сильно желала ликвидировать ядерный арсенал Казахстана и предотвратить распространение ядерного оружия в регионе. Таким образом, именно Казахстан стал первым государством в Центральной Азии, на котором сосредоточились США, преследуя интересы своей безопасности. Однако в политику администрации Б. Клинтона относительно государств региона уже были внесены значительные изменения, отражающие другие стратегические и экономические характеристики этих стран. США по-прежнему были заинтересованы в выводе ядерного оружия с территории Казахстана¹⁴, но в то же время администрация Б. Клинтона преследовала и экономические интересы, в частности относящиеся к добыче нефти в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане.

Если принять во внимание ежегодный двухпроцентный рост мирового потребления энергии, предсказанный Министерством энергетики США¹⁵, а также политическую нестабильность на Ближнем Востоке, продолжавшуюся в течение всего последнего десятилетия XX в., то станет понятно, почему необходимость найти дополнительные, независимые от ОПЕК, источники поставок нефти, альтернативные источники энергии и различные пути транспортировки энергоносителей была возведена в ранг приоритетного направления внешней политики США. По существующим прогнозам, на месторождениях Каспийского моря может добываться от трех до четырех процентов общемирового объема добычи нефти¹⁶, в то время как Казахстан имеет возможность войти в пятерку крупнейших экспортеров нефти к 2015 г.

Администрация Б. Клинтона изначально благосклонно относилась к Каспийскому трубопроводному консорциуму (КТК), мощности которого начали транспортировать сырую нефть из Казахстана (Тенгиз) и России на Черное море, соблюдая, таким образом, интересы Москвы. Но в 1998 г. США начали кампанию по уменьшению влияния России на энергетические ресурсы Центральной Азии в Каспийском бассейне путем поддержки трубопроводов, пролегающих по территории Кавказа (трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан), а также по территории члена НАТО Турции, но не проходящих через Россию¹⁷. В 1990-х гг. появилось две (вполне жизнеспособные с политической и экономической точки зрения) возможности транспортировки каспийской нефти и газа на восток – через Китай и Афганистан, которые к тому же могли бы уменьшить будущие поставки энергоносителей и региональные торговые связи, происходящие на оси Север – Юг, Россия – Иран. Таким образом, основным мотивом действий США являлся геоэкономический: освоение энергоресурсов Каспия не только положительно сказалось бы на энергетической безопасности США, но и создало бы несколько коммерческих возможностей для американских компаний¹⁸. Более того, создание поста Координатора по энергоресурсам Каспия в государственном департаменте, а не в Министерстве торговли или энергетики, подчеркивает тот факт, что в данном случае геополитические соображения важнее для США, чем коммерческие интересы. Наконец, стратегия национальной безопасности администрации Б. Клинтона официально называет необходимость создания обстановки стабильности для экспорта энергоносителей краеугольным камнем внешней политики США¹⁹. Даже американские чиновники, например бывший главнокомандующий Центральным командованием ВС США генерал Э. Зинни, начали говорить о том, что «доступ к энергоносителям определяет всю политику США в Центральной Азии»²⁰. Однако, несмотря на это, нельзя анализировать действия США в регионе только с точки зрения борьбы за запасы нефти и газа.

Военное присутствие США в Центральной Азии в 1990-е гг. продемонстрировало важность интересов национальной безопасности США в регионе, которые вовсе не огра-

ничивались предоставлением гуманитарной помощи и поддержкой реформ. В 1994 г. США и Казахстан подписали соглашение о сотрудничестве в области обороны, затем это сотрудничество было расширено заключением другого соглашения в 1997 г.²¹ К середине 1994 г. Казахстан, Киргизия, Туркменистан и Узбекистан присоединились к программе НАТО «Партнерство во имя мира», не только формализовав таким образом свои отношения с НАТО, но и еще более изолировав Россию от ее бывшей сферы влияния²². В декабре 1995 г. США поддержали создание Центральноазиатского миротворческого батальона («Центразбата»), сформированного Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном с целью обеспечения мира и стабильности в Центральной Азии²³. По словам С. Тэлботта, расширение военного сотрудничества должно уменьшить нестабильность в регионе и способствовать обоюдной безопасности²⁴. Тем не менее военное сотрудничество также можно рассматривать как попытку уменьшить влияние России в области политики и безопасности²⁵. В конце 1990-х гг. было проведено большое количество совместных учений как в Центральной Азии, в основном в Узбекистане, Киргизии и Казахстане, так и в США. Эти учения проводились на регулярной основе на уровне батальона или бригады в рамках программы НАТО «Партнерство во имя мира» (совместные учения «Наггет» и «Оспрей»), Программы международного военного образования и военной подготовки (IMET) или в рамках двусторонних соглашений сотрудничества. В них участвовали вооруженные силы США (воздушно-десантные войска, части специального назначения или горнострелковые войска), силы НАТО и центральноазиатских государств²⁶.

Принятие Конгрессом США Закона о стратегии «Шелкового пути» в мае 1999 г. подчеркнуло важность геостратегических и экономических интересов США в Центральной Азии²⁷. Конгресс еще раз подтвердил намерение США военными методами противодействовать развитию исламского радикализма в регионе. Содействие со стороны США центральноазиатским государствам в проведении антитеррористических операций, включая, в том числе, и превентивные меры, началось за два года до событий 11 сентября 2001 г. Это содействие было расширено после вторжения Исламского движения Узбекистана в Киргизию летом 1999 г. В итоге Пентагон перераспределил зоны ответственности различных командований в районе Каспийского моря. Центральная Азия была передана в зону ответственности Центрального командования (CENTCOM) США, чтобы укрепить и консолидировать военное сотрудничество с государствами региона. В апреле 2000 г. США, Казахстан, Киргизия и Узбекистан создали Центральноазиатскую инициативу по безопасности границ (Central Asian Border Security Initiative, CASI) для борьбы с террористической угрозой²⁸.

Большинство американских чиновников и экспертов по Центральной Азии отрицают, что США следовали единой «Великой стратегии» в отношении этого региона²⁹. Тем не менее представляется совершенно ясным, что уже в 1998 г. «вестернизация» вопросов безопасности, а также вопросов добычи нефти на Каспии (которая уже прямо подразумевает возрождение энергетического «Шелкового пути») показала, что геополитические факторы и соображения стратегического порядка имеют большее влияние, чем чисто экономическая логика³⁰. Более того, в данной работе будет показано, что «стратегия упорядочивания» существовала уже в 1990-е гг. США, через участие американских компаний, смогли получить инструменты воздействия на большинство путей экспорта нефти и газа из Каспийского бассейна, а также значительные рычаги влияния на эту «геополитическую шахматную доску, жизненно важную для американского превосходства и исторического наследия»³¹.

Не приходится сомневаться в том, что система стратегических взаимоотношений США и государств Центральной Азии, которая была поэтапно создана в 1990-е гг., чрезвычайно сильно помогла развить военное сотрудничество и быстро увеличить проекцию военной мощи на Центральную Азию сразу же после террористических атак на Нью-Йорк и Вашингтон.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ СВОИХ ВАЖНЕЙШИХ ИНТЕРЕСОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

«Стратегическими интересами США в Центральной Азии являются: безопасность, включая борьбу с терроризмом, распространение и оборот наркотиков; энергетика; а также внутренние реформы. [...] Наша политика должна включать в себя обязательства более глубокого, длительного и лучше скоординированного участия в решении широкого спектра вопросов», – заявила 29 октября 2003 г. помощник госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Э. Джонс³².

Нападение на США 11 сентября 2001 г. изменило всю геостратегическую ситуацию в Центральной Азии, значительно повысило важность региона и привело к признанию тех глубоких тенденций, которые развивались там на протяжении предыдущего десятилетия.

Частично из-за тех стратегических сложностей и трудностей доступа на территорию военных действий, с которыми пришлось столкнуться американским войскам при проведении операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, значение государств Центральной Азии выросло в глазах американских официальных лиц до немыслимого прежде уровня.

Официально заявив о своих насущных национальных интересах в Центральной Азии, США решили использовать беспрецедентную военную мощь для проведения операции «Несокрушимая свобода», одновременно значительно увеличив финансовую и экономическую помощь государствам региона.

В октябре 2001 г. Министерство обороны США опубликовало Четырехлетний план оборонной политики, в котором были изложены ключевые принципы, лежащие в основе коренных интересов безопасности США. Содержание этого документа обосновывало в явном виде необходимость развития дипломатических, военных, и экономических связей США со странами Центральной Азии. В документе подчеркивалась важность поддержания свободного доступа к ключевым рынкам и стратегическим ресурсам, а также отмечалось, что повышенная вероятность военных столкновений в Центральной Азии заставляет охарактеризовать этот регион как «дугу нестабильности». Для предотвращения ««афганизации» Центральной Азии и увеличения числа террористических групп, имеющих международные контакты, могущих угрожать стабильности окружающих территорий и атаковать США»³³, американская внешняя политика сосредоточилась прежде всего на решении вопросов безопасности, а не на следовании «Великой стратегии». Казалось, что предполагаемое возрождение интереса США к Центральной Азии и участие в делах региона было продиктовано необходимостью ведения войны в Афганистане. Как заявил А. Коэн, «присутствие США в Центральной Азии является прямым результатом атаки на Соединенные Штаты 11 сентября»³⁴.

В декабре 2001 г. Сенат США принял решение создать Специальный Подкомитет по вопросам Центральной Азии, еще раз показав, насколько серьезно США озабочены происходящим в данном регионе.

Немедленно после того, как США столкнулись с необходимостью быстрого проецирования военной мощи в регион для войны с «Талибаном» и «Аль-Каидой», американские чиновники обратились за помощью к центральноазиатским государствам. Из-за географии региона эти государства оказались очень важны для реализации как краткосрочных, так и долгосрочных интересов национальной безопасности США. Близость центральноазиатских государств к театру военных действий в Афганистане повысила их стратегическую важность в рамках новой парадигмы безопасности, появившейся после событий 11 сентября. Хотя их реакция и была изначально довольно осторожной, в конце концов, по финансовым и стратегическим причинам, все пять государств Центральной Азии согласились обмениваться разведывательной информацией и разрешили доступ в свое воздушное пространство.

Узбекистан первым разрешил американским войскам доступ на свою территорию. Его стратегически важное расположение и надежная авиатранспортная инфраструктура способны оказывать поддержку операциям не только в Афганистане, но также в любом месте Центральной Азии и в некоторых районах Южной Азии. По этой причине, одновременно с уже происходящими по всему региону маневрами, американские военные стратеги начали искать возможности использования военных аэродромов бывшего СССР. По результатам оценок текущего состояния взлетно-посадочных полос и другого оборудования, две крупнейшие базы узбекских ВВС – Какайды и Карчи-Ханабад – были официально признаны наиболее пригодными для базирования тяжелых и сверхтяжелых транспортных самолетов и оперирования большими потоками грузов. Ханабад был также выбран в качестве «аэродрома подскока» для Сил специального назначения США и Десятой горнострелковой дивизии. По неподтвержденным данным, пять других бывших советских военных объектов также неофициально использовались армией США³⁵. Таджикистан, имеющий границу с Афганистаном протяженностью в 1200 километров, также оказался чрезвычайно полезен при проведении операции «Несокрушимая свобода». Он также предоставил воздушные коридоры и разместил подразделения вооруженных сил США на своей территории после получения соответствующего разрешения от России³⁶. Для этих целей изначально был выбран аэропорт Душанбе, но, как сообщается, четыре другие таджикские авиабазы³⁷ также использовались как американскими войсками, так и другими членами Коалиции. В декабре 2001 г. США подписали с Киргизией соглашение³⁸ об использовании международного аэропорта «Манас», расположенного неподалеку от Бишкека. Казахстан и Туркменистан также предоставили США критически важное право доступа в свое воздушное пространство и обеспечили ограниченный доступ на свои аэродромы³⁹.

В ответ на беспрецедентное предоставление этих прав доступа, а также принимая во внимание возросшие интересы национальной безопасности и вовлеченность США в дела региона, администрация Дж. Буша приняла решение существенно увеличить объемы содействия государствам Центральной Азии путем оказания «тщательно нацеленной»⁴⁰ финансовой помощи. В сентябре 2000 г. США предполагали, что финансовая помощь всем пяти центральноазиатским государствам составит в 2002 финансовом году около 110,5 млн долларов. Уже в 2001 г. эта цифра выросла более чем вдвое и составила 230 млн долл., а в 2002 г. возросла до 594 млн долл.⁴¹. 14 марта 2002 г. администрация Дж. Буша выступила с инициативой «Счет вызовов тысячелетия», направленной на увеличение финансового содействия развивающимся странам на 50 % в течение трех следующих финансовых годов. Ожидается рост помощи государствам Центральной Азии на 39%⁴². Более того, Агентство по международному развитию США выделило еще 22,2 млн долл. на развитие новой Программы инвестирования в деятельность сообществ в Центральной Азии (CAIP)⁴³.

До событий 11 сентября 2001 г. действия США в Центральной Азии были направлены в основном на противодействие вызовам безопасности, возникшим в результате распада СССР и освоения энергетических ресурсов Каспия. Как уже было показано, в конце 1990-х гг. появилась новая «стратегия упорядочивания», направленная на достижение различных стратегических целей путем предоставления иностранного финансового содействия, освоения региональных энергетических ресурсов проведения программ военного сотрудничества. Террористические атаки на Нью-Йорк и Вашингтон усугубили и формализовали глубинные изменения в понимании США своих приоритетов национальной безопасности и стратегических интересов. «Вакуум безопасности» в Центральной Азии представлял серьезную угрозу национальной безопасности США, и ему необходимо было противодействовать.

Война с терроризмом вызвала глобальные геополитические изменения в Центральной Азии. Региональные державы вступили во взаимодействие с США, а те, в свою очередь, стали пытаться занять место основного гаранта безопасности региона, которое раньше принадлежало России. США становятся почти что «региональной» державой, так как

превращают Центральную Азию в квазипротекторат, где вероятно развитие дестабилизирующих процессов, вызывающих озабоченность.

«ВЕЛИЧАЙШАЯ ИГРА» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К СОПЕРНИЧЕСТВУ

Военное присутствие США в Центральной Азии является прямым следствием нападения «Аль-Каиды» на США⁴⁴. Быстрое введение войск в регион, несомненно, привнесло стабильность в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также способствовало безопасности региона. Тем не менее оно было направлено не на стабилизацию как таковую, а на противодействие прямой и явной угрозе национальной безопасности США. Некоторые аналитики также считают, что американское вторжение дало центральноазиатским государствам шанс «начать все сначала»⁴⁵.

Можно утверждать, что предполагаемое долгосрочное военное присутствие США в регионе может оказаться контрпродуктивным. Стремление США к доминированию в Центральной Азии может привести к возникновению двух вызовов, имеющих отношение к местным политическим реалиям и региональной безопасности. Они могут привести к возникновению долгосрочных трений внутри региона и региональной геополитической нестабильности.

Вызов первый: провоцирование региональной дестабилизации

Благодаря тому, что государства Центральной Азии не так давно входили в состав СССР, сегодня ими управляют светские режимы⁴⁶. Кроме того, эти страны могут похвастаться одним из самых образованных и умеренных суннитских мусульманских населений в мире. Тем не менее одной из главных характеристик нынешних центральноазиатских режимов являются сильные традиции авторитаризма⁴⁷, коррумпированности элит, а также неуважения к закону и правам человека⁴⁸. Более того, центральноазиатские государства, за исключением Казахстана, являются одними из беднейших государств мира⁴⁹, а значит, представляют собой плодородную почву для развития радикальных мусульманских движений. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что администрация США приняла решение бороться с причинами возникновения исламского терроризма путем оказания экономической помощи странам Центральной Азии. Но несмотря на значительное увеличение объема, эта помощь по-прежнему покрывает всего лишь часть насущных потребностей государств региона. Можно даже сказать, что содействие этим странам со стороны Вашингтона предназначено лишь для того, чтобы склонить их к выполнению действий, находящихся в сфере американских интересов, и выделение финансовой помощи не направлено на реальное решение большинства политических и экономических проблем региона. Геополитические причины и преимущественно военный характер присутствия США обязывают Вашингтон заниматься почти всем происходящим в регионе. Американские чиновники даже ведут диалог с региональными властями по поводу нарушения прав человека в Центральной Азии. Критики обычно заявляют, что администрация Дж. Буша следует практике «двойных стандартов», так как готова игнорировать факты такого рода в обмен на безоговорочную поддержку своей политики⁵⁰. Таким образом, политика США в области содействия государствам Центральной Азии в условиях существования серьезных недостатков регионального политического устройства может способствовать развитию дестабилизирующих процессов, которые в свою очередь могут привести к нестабильности в различных областях.

Хотя причина этого и вполне понятна, содействие США государствам Центральной Азии все же слишком сконцентрировано на предоставлении военной помощи в ущерб остальным областям содействия. В 2002 финансовом году на программы содействия центральноазиатским государствам всего было выделено 564,4 млн долл., из которых 187,5 млн долл. предназначалось на цели безопасности и обеспечения правопорядка и 138,7 млн долл. – на неопределенные цели «гуманитарной помощи». Лишь только 73,6 млн долл. были направлены на программы по развитию демократии⁵¹ и 52,8 млн

долл. – на поддержание рыночных реформ⁵². Этих средств недостаточно для решения поставленных Вашингтоном задач стабилизации в регионе, которые усугубляются крайней бедностью и взрывным ростом населения⁵³.

Население Центральной Азии вовсе не считает терроризм важной внутренней проблемой, в то время как оборот наркотиков, доставка продовольствия и здравоохранение вызывают гораздо большую обеспокоенность. С тех пор как иностранное содействие было удвоено в связи с событиями 11 сентября 2001 г., в регионе не было замечено ни экономического прогресса, ни укрепления демократии. Наоборот, считается, что ситуация с соблюдением прав человека, как и демократия, находятся в упадке⁵⁴. Фокусируя сотрудничество со странами региона исключительно на антитеррористических действиях с использованием силы и «гуманитарной помощи», вряд ли возможно обеспечить их интеграцию в западное общество и преобразовать их в либеральные демократии⁵⁵. Институциональные и демократические реформы могут с наибольшей вероятностью быть инициированы путем экономического развития и рыночных преобразований. Недостатки центральноазиатских государств не могут быть эффективно преодолены лишь путем обеспечения их безопасности или увеличения их военной мощи. Более того, нет сомнений в том, что авторитарные государства региона надеются на то, что покровительство, которое оказывают им США, отведет от них обвинения в нарушении прав человека и неспособности стать подлинно демократическими государствами. Увеличивающееся военное присутствие США может создать ощущение, будто Вашингтон оказывает поддержку местным коррумпированным элитам⁵⁶. Таким образом, нынешняя политика содействия государствам Центральной Азии, проводимая США, может не только повысить уязвимость войск, размещенных в них, но и обострить общественное недовольство, спровоцировать мятежи и увеличить поддержку радикальных исламистских движений.

Военное присутствие США не только косвенно оказывает поддержку авторитарным режимам, но и обеспечивает благодарной аудиторией экстремистские идеологические группы. С ростом неудовлетворенности масс привлекательность исламского радикализма как альтернативы унылой действительности все время растет. Несмотря на то, что наиболее радикальные исламистские движения и были формально уничтожены⁵⁷, тысячи бывших членов террористических групп скорее всего были рассеяны по всей Центральной Азии, и чем настойчивее местные власти проводят политику подавления, тем больше находится потенциальных последователей такого рода движений. Другими словами, если в рамках светского общества не осталось путей для развития оппозиции, а экономика государства продолжает пребывать в упадке, радикальные исламистские группировки будут продолжать формироваться и развиваться⁵⁸. Таким образом, США должны не только увеличить финансовое содействие, предоставляемое через механизм вроде «плана Маршалла», то есть скоординированную систему мер, направленную на экономическое развитие, но и начать пропагандировать ценности свободы и демократии, то есть начать «войну идей»⁵⁹ против радикального исламизма. Существующее в некоторых странах Центральной Азии недовольство присутствием американских войск, а также тем авторитетом, которым эти войска обладают, также отражает озабоченность центральноазиатских правительств тем влиянием, которое военное присутствие США оказывает на региональный баланс сил.

Упоминание президентом Дж. Бушем Исламского движения Узбекистана в речи, произнесенной на совместном заседании обеих палат Конгресса 20 сентября 2001 г., очевидно, являлось реверансом в сторону Узбекистана, сделанным в расчете на приобретение его поддержки в военной кампании против «Талибана» и «Аль-Каиды». Благодаря доверчивости своего народа⁶⁰ и продолжительному военному сотрудничеству, Узбекистан де-факто стал ключевым членом антитеррористической коалиции. Поэтому именно данное государство получило львиную долю средств, выделенных странам Центральной Азии после 11 сентября (например, 41% всех средств, выделенных в 2002 г., или 161,8 из 394,1 млн долл.)⁶¹. Узбекистан постепенно выскользнул из сферы влияния России⁶² и получил возможность утвердиться (с американской помощью и содействием) в качестве видного автономного игрока, способного влиять на развитие политических процессов в регио-

не⁶³. Президент Узбекистана И. Каримов⁶⁴ явно пытался получить экономическую помощь и гарантии безопасности от США не только для борьбы с процветающими исламистскими движениями, но и для воплощения собственных амбиций и реализации своего намерения стать региональным гегемоном в Центральной Азии⁶⁵. Создавая фаворитов вместо проведения более взвешенной и честной политики относительно содействия центральноазиатским государствам, США рискуют обострить существующие противоречия и создать почву для региональных конфликтов, например вокруг вопросов водоснабжения, незаконного оборота наркотиков, национальных меньшинств и территориальных споров. Также вероятно смещение баланса сил в регионе из-за обострения и так уже серьезных трений между центральноазиатскими странами⁶⁶. Долгосрочное американское присутствие в Узбекистане является «палкой о двух концах». Оно может как заставить США стать фактическим гарантом неприкосновенности Узбекистана⁶⁷, так и оказать дестабилизирующее действие, усугубив сомнения населения в истинных намерениях присутствия США в Центральной Азии, что в свою очередь может ослабить поддержку со стороны Москвы и Пекина региональных антитеррористических усилий Вашингтона.

Подход США к обеспечению стабильности в Центральной Азии, основывающийся на расчетах соотношения сил и концепции национальных интересов, может оказаться вполне эффективным в краткосрочной перспективе, однако скорее всего окажется контрпродуктивным по прошествии значительного времени. Можно утверждать, что новая «Большая Игра» довольно сильно отличается от оригинала составом участников. Действительно, появилось множество негосударственных игроков, например радикальные террористические группировки исламистского толка или западные нефтяные компании. Кроме того, региональные государства используют США в своих интересах, пытаясь за их счет укрепить собственное влияние в регионе. Выигрыш в новой «Большой Игре» также гораздо существеннее. В случае выигрыша можно получить невиданную финансовую выгоду, обеспечить собственную энергетическую безопасность путем доступа к новым источникам энергоносителей, добиться воцарения ислама во всем регионе, достичь независимости государства или даже его превосходства над другими странами региона.

Следовательно, можно утверждать, что новая «Большая Игра» – это тоже игра с нулевой суммой, в которой разыгрываются геополитическое и стратегическое доминирование в регионе, но на этот раз в ней участвует гораздо большее количество игроков. Отсюда берет начало концепция «Величайшей Игры»⁶⁸.

Вызов второй: Политика США в Центральной Азии провоцирует соперничество сверхдержав

Беспрецедентное по количеству войск и развернутой техники военное присутствие США в Центральной Азии иллюстрирует степень вовлеченности США в наиболее критичный с геополитической точки зрения регион⁶⁹. Сам факт наличия баз ВВС США являет собой не только беспрецедентный случай, но и имеет серьезное стратегическое значение. Интересы США преследуют различные стратегические цели, которые отмечают начало глубокого изменения политического ландшафта данного региона.

По прошествии более трех лет с момента, не имеющего аналогов в истории развертывания вооруженных сил США в Центральной Азии, остается по-прежнему сложно оценить его результаты и влияние на региональную геополитическую ситуацию в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Тем не менее можно утверждать, что до тех пор, пока Вашингтон не раскрыл в явном виде свои окончательные цели и не разъяснил стратегию выхода из региона, само присутствие американских вооруженных сил в Центральной Азии может иметь непредсказуемую политическую цену и, вероятно, способно обострить геополитическое соперничество между основными игроками, присутствующими в регионе, – Россией, Китаем и США⁷⁰.

Создание американских военных баз в регионе было оправдано временной необходимостью проведения боевых действий в Афганистане против «Талибана» и «Аль-Каиды». Однако, как стало видно после завершения военных действий, пребывание американ-

ских военных оказалось постоянным и непропорционально большим для достижения ранее обозначенных целей.

Продолжающееся присутствие вооруженных сил США в Европе, на Балканах, в Японии, Южной Корее и Персидском заливе ясно показывает, что там, где они были однажды размещены, они скорее всего и останутся. Успешное завершение контртеррористической операции в Афганистане совпало с началом процесса построения афганской государственности и возможного вовлечения НАТО в лице «Международных сил по поддержанию безопасности-IV». В сделанных до этого момента заявлениях официальных лиц подчеркивалось, что США не планировали постоянного военного присутствия в регионе⁷¹. Поэтому окончание военных действий в Афганистане должно было повлечь за собой уменьшение американского присутствия в Центральной Азии, привести к постепенному выводу войск и закончиться возвращением к геополитическим концепциям, определявшим степень военного участия США в регионе до 11 сентября. Однако, принимая во внимание значительные средства, вложенные в усовершенствование различных объектов для создания на их основе военного потенциала передового базирования, США скорее всего попытаются остаться в регионе дольше – на случай необходимости боевого развертывания в будущем⁷². Кроме того, расположение американских войск в Центральной Азии не отвечает ранее заявленной цели уничтожения остатков движения «Талибан» и «Аль-Каиды». В начале 2002 г. высшие американские чиновники, например заместитель министра обороны П. Вулфовиц, начали раскрывать свои планы, хотя и весьма туманным и случайным образом: «Военные базы США в Центральной Азии могут иметь скорее политическое, чем военное значение [...] и являться предупреждением [...] о том, что [США] имеют возможность возвратиться и еще вернуться в регион»⁷³.

В октябре 2003 г. президент России В.В. Путин лично провел церемонию открытия новой российской авиационной базы в Киргизии, расположенной всего лишь в нескольких километрах от базы ВВС США в Манасе. Факт открытия первой с момента распада СССР российской военной базы на иностранной территории именно в этом месте может говорить об усилении геополитического соревнования в регионе⁷⁴, а также может быть расценен как попытка уравновесить растущее влияние США в Центральной Азии.

Расширение американского присутствия в регионе влечет за собой усиление геополитического соперничества США с двумя крупнейшими соседними державами, имеющими протяженные общие границы с государствами Центральной Азии. Поэтому трудно предположить, что Центральная Азия сможет наслаждаться настоящей стабильностью в ближайшее время, так как соседние державы по-прежнему рассматривают регион в качестве собственного «стратегического заднего двора» и потому оценивают наращивание американской военной мощи как проявление агрессивной по отношению к ним политики.

Хотя и можно утверждать, что американские и российские интересы в регионе «не являются полностью совместимыми или несовместимыми»⁷⁵, Вашингтон явно, хотя и неофициально, воспринимается как преемник Москвы на посту регионального гаранта безопасности. Длительное американское присутствие разрушало бы российское представление об обладании особыми правами в регионе⁷⁶ и заставляло бы Москву рассматривать его как вторжение в ее традиционную сферу интересов, в ее «ближнее зарубежье»⁷⁷.

Интересы России действительно сильно совпадали с американскими после событий 11 сентября и в основном также лежали в области обеспечения безопасности⁷⁸. Россия стала первой страной, поддержавшей США в их войне с терроризмом, – кроме того, Москва разделяла мнение Вашингтона об опасности радикального исламского терроризма. Здесь можно сказать, что новым фактором «Величайшей Игры» является присутствие в ней сотрудничества наряду с соперничеством⁷⁹. Это новое антитеррористическое стратегическое партнерство также дало России возможность вновь войти в клуб сверхдержав⁸⁰. Несмотря на уверения во взаимной дружбе, прозвучавшие с обеих сто-

рон во время празднования трехсотлетия Санкт-Петербурга в июне 2003 г., присутствие США в Центральной Азии до сих пор остается одним из главных раздражителей в непростых отношениях между Вашингтоном и Москвой. Понятно, что при отсутствии четкого графика вывода американских войск из Центральной Азии, Москва станет считать, что Вашингтон использует войну с терроризмом в качестве возможности расширить сферу своего военного влияния на приграничные области России. Более того, США приходится принимать во внимание тот факт, что российские политики и высокопоставленные военные⁸¹ расходятся во мнениях о том, каким образом следует реагировать на изменение геополитической ситуации, произошедшее в Центральной Азии, и делать различные политические заявления для того, чтобы «умаслить» Россию⁸². Сообщается, что некоторые российские политики и военные заявляли, что они рассматривают присутствие США как препятствие на пути к достижению стратегической цели – доминированию в регионе⁸³. В конечном счете, можно утверждать, что после того, как стабильность в Афганистане будет восстановлена, создание южного пути экспорта нефти, лоббируемое американскими нефтяными компаниями «Юнокал» и «Дельта Ойл», изолирует Россию еще сильнее⁸⁴.

Вследствие изложенного, в течение 2002 и 2003 гг. Россия продемонстрировала глубокие разногласия с США по целому ряду международных проблем⁸⁵ и даже развивала отношения со странами «оси зла». Более того, Москва удвоила усилия по уравниванию американского военного присутствия в основном путем демонстрации собственной военной мощи⁸⁶, а также путем поддержки международных организаций, занимающихся вопросами безопасности Центральной Азии⁸⁷, и заключения двусторонних договоренностей со странами региона⁸⁸. Эти события не столько подчеркивают успешность развития мультилатерализма в Центральной Азии, сколько являются следствиями попыток Москвы противодействовать присутствию Вашингтона в регионе. Таким образом, к концу 2003 г. характер «Большой Игры» между Россией и США изменился, сотрудничество сменилось соперничеством.

Итак, постоянно нарастающее военное присутствие США в Центральной Азии может привести не только к ухудшению российско-американских отношений, но и спровоцировать неприкрытое, невыгодное обеим сторонам соперничество за влияние в регионе.

Наращивание американской военной мощи в регионе вызывает озабоченность не только России, но и Китая, который также привык рассматривать Центральную Азию в качестве своей вотчины⁸⁹. Хотя Пекин изначально и не возражал против вторжения США в Афганистан, и даже в чем-то поддерживал это вторжение⁹⁰, сегодня он имеет серьезные причины волноваться по поводу продолжающегося американского присутствия в регионе – ведь оно может быть расценено как начало процесса окружения и сдерживания Китая⁹¹. Появление сил США неподалеку от западной континентальной границы Китая, имеющей стратегическую важность, и одновременное военное развертывание в районе его восточных морских границ⁹², а также в Южной и Восточной Азии, выглядят так, будто США предпринимает заранее обдуманное действие по геостратегическому окружению КНР⁹³. Появление новой возможной угрозы у западных границ⁹⁴, неподалеку от богатой энергоресурсами провинции Синьцзян, не только провоцирует Пекин пересмотреть концепции своей безопасности, в данный момент направленные, в основном, на отражение угрозы с востока, но и подрывает «идеологическую безопасность» китайского правящего режима⁹⁵. Поэтому Китай скорее всего начнет увеличивать численность и оснащенность своих вооруженных сил и распространять свое экономическое влияние⁹⁶ по всей Центральной Азии, создавая таким образом почву для дестабилизации в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начавшаяся после событий 11 сентября 2001 г. под предводительством США всемирная война с терроризмом привела к уменьшению угроз региону Центральной Азии, ис-

ходивших от радикальных исламистских террористических движений, и привела к установлению там некоторой стабильности в краткосрочной перспективе. Более того, сильно возросло геополитическое значение Центральной Азии. Вашингтон стал играть ключевую роль в обеспечении безопасности стран региона, а затем начал указывать им на необходимость проведения реформ, направленных на поддержание мира и эффективное экономическое развитие. Тем не менее в условиях отсутствия искреннего взаимопонимания между США и крупнейшими странами, имеющими свои интересы в регионе, перспективы долгосрочной стабильности в Центральной Азии остаются туманными.

Затянувшееся военное присутствие США в регионе рассматривается Россией и Китаем как неприкрытая экспансия США в их сферы влияния, а также может быть интерпретировано этими двумя государствами как стратегическая угроза интересам их национальной безопасности. Таким образом, действия США в Центральной Азии имеют все шансы оказаться контрпродуктивными и могут спровоцировать соперничество, подрывающее безопасность и процветание любой страны региона. Уничтожив угрозу Центральной Азии, исходившую из Афганистана, Вашингтон может дестабилизировать регион, провоцируя как трения между государствами, имеющими интересы в регионе, так и внутренние конфликты в них. Сотрудничество в борьбе с терроризмом может смениться соперничеством в «Большой Игре» за влияние на регион.

США должны всячески препятствовать чрезмерному усилению какого-либо из игроков, избегать односторонних действий, которые скорее всего приведут к укреплению в центральноазиатских государствах подозрений об истинных мотивах американского вторжения. Вашингтону также необходимо продолжать поощрять поддержку своей антитеррористической кампании со стороны государств региона.

Тем не менее основной проблемой, стоящей перед Вашингтоном, является вовсе не необходимость уничтожения террористов в Центральной Азии, а управление созданным им «*Rax Americana*». Возможно, США уже распространили свое влияние на слишком большое количество территорий. США должны не просто вывести войска из Центральной Азии. Они должны также начать способствовать развитию внутрирегионального сотрудничества в области безопасности путем оказания сбалансированной финансовой и технической помощи местным межправительственным организациям, полагаясь при этом на межрегиональные инициативы, например на «Партнерство во имя мира» НАТО или Шанхайскую организацию сотрудничества.

Примечания

¹ Перевод – В.Г. Федченко. © ПИР-Центр, 2004. Точка зрения автора данной статьи может не совпадать с точкой зрения Женевского центра политики безопасности или правительства Франции.

² Цитировано в: Loeb Vernon. Footprints in Steppes of Central Asia. *Washington Post*. 2002, February 9.

³ Под термином «Центральная Азия» в данной статье подразумеваются пять республик бывшего СССР в том виде, в котором они были созданы в 1924 г. И.В. Сталиным, произвольно проведшим их границы, и которые, как теперь считается, и составляют Центральную Азию: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Тем не менее традиция определять Центральную Азию как группу этих пяти стран имеет сомнительную ценность. Для эффективной выработки политических решений и качественного стратегического анализа необходимо иметь цельное видение всего региона, который, со стратегической точки зрения, вовсе не замкнут внутри своих границ. Поэтому, вообще говоря, было бы правильнее думать о нем как о «Большой Центральной Азии» или «Внутренней Азии». См.: Hooson David. Inner Asia: a geographical perspective. *Caucasus and Central Asia Newsletter*. 2002, Summer.

⁴ Концепция «новой Большой Игры» стала неотъемлемой частью литературы, посвященной Центральной Азии и применяется, явно или неявно, в академических исследованиях, журналах и официальных сообщениях. Эта концепция признана во всем мире, однако она весьма серьезно отлича-

ется от оригинальной концепции «Большой Игры». См. по данному поводу: Menon Raja. The New Great Game in Central Asia. *Survival*. 2003. Vol.45, No.2, Summer. P.187-204. См. также: Edwards Matthew. The New Great Game and the New Great Gamers: Disciples of Kipling and Mackinder. *Central Asian Survey*. 2003. Vol.22, March. P. 83-102.

⁵ Это понятие было придумано 1830-е гг. для описания российско-британского соперничества в Афганистане, но не использовалось широко вплоть до начала XX в., когда оно стало популярным благодаря роману Р. Киплинга «Ким».

⁶ Термин «новая Большая Игра» описывает сегодня соперничество великих держав за влияние на энергетические ресурсы Центральной Азии и варианты пролегания трубопроводов. Но несмотря на то, что большинство экспертов сводит значение этого термина к простому «энергетическому империализму», рассматривая проблему исключительно с точки зрения нефтяных запасов (см., например: Kleveman Lutz. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. Atlantic Monthly Press, 2003. P. 304), «новую Большую Игру» необходимо также рассматривать и с геостратегической точки зрения.

⁷ Миф «американской стратегии новых рубежей» обычно подразумевает территориальную экспансию. Тем не менее после «Новых космических рубежей» 1960-х гг. этот термин несет в себе и гораздо более стратегические концепции.

⁸ Хотя, по мнению автора, планами США в Центральной Азии предусматривается оживление курса «Величайшей Игры», это решение отражает и внутреннюю логику американского мышления.

⁹ Maynes, Charles William. America Discovers Central Asia. *Foreign Affairs*. 2003. Vol. 82, No.2, March-April. P. 120-132.

¹⁰ Luong, Pauline Jones and Erika Weinthal. New Friends, New Fears in Central Asia. *Foreign Affairs*. 2002. Vol.81, No.2, March-April. P.61.

¹¹ Talbott Strobe. A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia. Address at the Johns Hopkins School of Advanced International Studies, Washington, DC, 21 July 1997.

¹² Blank Stephen. The United States and Central Asia. In: Central Asian Security, the New International Context. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2000. P.130.

¹³ Hill Fiona. Une strategie incertaine: la politique des Etats-Unis dans le Caucase et en Asie centrale. *Politique Etrangere*. 2001. Fevrier, No.1. P. 95–108.

¹⁴ В декабре 1993 г. вице-президент США А. Гор и президент Казахстана Н. Назарбаев подписали Соглашение о совместном уменьшении угрозы, в соответствии с которым в Казахстане были уничтожены 104 ракеты SS-18 и их пусковые установки. См.: Wishnick Elizabeth. Growing U.S. Security Interests in Central Asia. Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. 2002, October. P.3.

¹⁵ Вообще-то, Администрация по энергетической информации США (American Energy Information Administration, EIA) предполагает, что мировой спрос на нефть вырастет на 56 % к 2020 г. и достигнет 119,6 млн. баррелей в день. Зависимость США от импортируемой нефти, вероятно, к 2020 г. вырастет с текущих 57 до 64 % от всей потребляемой нефти.

¹⁶ См. данные в: Cordesman, Anthony H. The U.S. Government View of Energy Developments in the Caspian, Central Asia, and Iran. W.: Center for Strategic and International Studies. 2000, April 27. См. также доклады Министерства энергетики США (US Department of Energy, DOE) за 1998 г.: <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/caspgrph.html>

По оценкам DOE и EIA, подтвержденные запасы Казахстана составляют от 10 до 17,6 млрд. баррелей нефти и от 53 до 83 трлн. кубических футов природного газа. По тем же оценкам, Туркменистан также имеет от 98 до 115 трлн. кубических футов подтвержденных запасов природного газа. В 2000 г. в Казахстане было разведано газовое месторождение Кашаган, одно из самых больших в мире. Хотя Узбекистан и останется крупнейшим региональным производителем природного газа еще какое-то время, его экспортный потенциал, возможно, окажется малозначимым уже к 2005–2010 гг. из-за высокого уровня внутреннего потребления, обусловленного наиболее многочисленным населением по сравнению с остальными странами региона.

¹⁷ Этот процесс достиг своего апогея в ноябре 1999 г., когда президент Б. Клинтон лично подписал Соглашение о строительстве нефтепровода Баку – Джейхан, идущего в обход России. Данное обстоятельство ясно демонстрирует взаимосвязь между деловыми интересами и вопросами на-

циональной безопасности и обороны. См.: Nichol Jim. Central Asia's New States: Political Developments and Implications for U.S. Interests. *Issue Brief for U.S. Congress*. Foreign Affairs, Defense, and Trade Division. Congressional Research Service. 2003, April. P.14.

¹⁸ Казахстанское нефтяное месторождение «Тенгиз» начала эксплуатировать компания «Chevron-Техасо» в 1993 г., позже к ней присоединились «U.S. Mobil» и «Лукойл». Также можно упомянуть давление, оказанное американской компанией «Uposal» с целью открыть южный путь экспорта нефти из Туркменистана в Индию, через Афганистан, контролировавшийся талибами.

¹⁹ National Security Strategy for a New Century. Washington, DC: White House. 1999, December. См. также закон: The Silk Road Strategy Act. 1999, 106th Congress, 1st Session, P. 1–5.

²⁰ Zinni Anthony. Avoid a Military Showdown with Iraq. *Middle East Quarterly*. 1998. Vol.5, No.3, Fall. P. 64.

²¹ Butler Kenley. U.S. Military Cooperation with the Central Asian States. Monterey Institute of International Studies. 2001, September 17.

²² Таджикистан присоединился к «Партнерству во имя мира» 20 февраля 2002 г.

²³ Как утверждает профессор К. Келлехер, которая непосредственно участвовала в создании «Центразбата», влияние России в регионе значительно уменьшилось. Интервью, 15 января 2004.

Если бы «Центразбат» находился в рамках программы «Партнерства ради мира», то это не было бы исключительно натовской программой. См.: Bronson B. R. NATO's Mixed Signal in the Caucasus and Central Asia. *Survival*. 2001. Vol.42, No.3, Autumn. P. 132.

²⁴ Talbott Strobe. The Great Game Is Over. *Financial Times*. 1997, September 1.

²⁵ См.: Geopolitique du Tadjikistan, le nouveau Grand jeu en Asie centrale. Ellipses, 2000. P. 104.

²⁶ Бригадный генерал морской пехоты США М.Р. Берндт, руководитель учений о совместной подготовке Атлантического командования США, заявил о маневрах «Центразбата», что «целью является предварительная подготовка, и если нам когда-либо будет приказано выполнить задание вроде этого, то мы будем заранее знать, кого встретим». См.: Butler Kenley. Op.cit.

²⁷ Vassort-Rousset, Brigitte. The U.S. Silk Road Strategy: American Geostrategy For Central Asia. *ARES*. 2003. No.50, January.

²⁸ Facon Isabelle. Entre interets politiques et enjeux de securite : les dilemmes de la Russie en Asie centrale. *Les Cahiers de Mars*. 2003. №177.

²⁹ Например, Ф. Хилл утверждает, что США смогли преуспеть лишь в разделении региона, не сумев все же полностью подчинить его своему влиянию. Hill, Fiona. Op. cit.

³⁰ Djalili Mohammad-Reza and Thierry Kellner. Les Etats-Unis et l'Asie Centrale apres le 11 septembre 2001. *Revue Francaise de Geopolitique*. Geopolitique des Etats-Unis, Ellipses. 2003. No.1. P. 243.

³¹ Brzezinski Zbigniew. The Grand Chessboard. NY: Harper Collins Publishers, Basic Books. 1997.

³² State's Jones Testifies on U.S. Policy Towards Central Asia. U.S. Department of State, Testimony for House Subcommittee. 2003, October 29.

³³ Hill, Fiona. The United States and Russia in Central Asia. The Aspen Institute Congressional Program, The Brookings Institution. 2002, August 15.

³⁴ Cohen, Ariel. Radical Islam and U.S. Interests in Central Asia. Testimony before the Subcommittee on Middle East and Central Asia, Committee on International Relations, U.S. House of Representatives. 2003, October 29.

³⁵ Акташ Чирчик, Денау, Карайты и Тузель. См.: Butler, Kenley. Central Asian Military Bases. Monterey Institute of International Studies, NIS Nonproliferation Program. 2001, October 11. См. также: Schmitt, Eric and Dao James. U.S. Is Building Up its Military Bases in Afghan Region. *New York Times*. 2002, January 9.

³⁶ Таджикистан является членом Договора о коллективной безопасности стран СНГ (также известного как «Ташкентский договор», хотя Узбекистан и вышел из него), и к тому же его южные границы защищает шеститысячная российская 201-я мотострелковая дивизия, а также примерно двадцатитысячный контингент пограничных войск. См.: Butler, Kenley. Ibid.

³⁷ Пархар Худжанд, Курган-Тюбе и Куляб. См.: Loeb Vernon, Susan B. Glasser. Tajikistan Allows U.S. to Assess 3 Air Bases. *Washington Post*. 2001, November 3; Gordon Michael R., C.J. Chivers. A Nation Challenged: U.S. May Gain Use of More Air Bases to Strike Taliban. *New York Times*. 2001, November 5.

³⁸ В отличие от соглашений с двумя предыдущими государствами, это соглашение не оговаривает тип самолетов и набор миссий, которые военно-воздушные силы союзников могут выполнять с аэродрома «Манас». В Узбекистане и Таджикистане США могли, хотя и лишь теоретически, проводить только гуманитарные и поисково-спасательные операции. См.: Oliker Olga and Thomas S. Szayana. Faultlines of Conflict in Central Asia and the South Caucasus. Implications for the U.S. Army. Rand Arroyo Center, 2003. P. 269.

³⁹ Хотя Казахстан и является участником программы НАТО «Партнерство во имя мира» и осуществляет двустороннюю и многостороннюю деятельность совместно с США и НАТО, Астана осторожно поддерживает равновесие в отношениях как с Россией и США, так и с Китайской Народной Республикой. Официально объявленный нейтральный статус Туркменистана скорее всего не позволит ему предложить нечто большее, чем содействие в проведении гуманитарных миссий. См.: Bisenova A. Kazakhstan tries to balance disparate interests. *Eurasia Insight*. 2001, 9 October; Kaiser R. Kazakhs allow some U.S. landings. *Washington Post*. 2002, July 13.

⁴⁰ Например, США пообещали утроить иностранную помощь Узбекистану и довести ее до 160 млн. долл. при условии, что в этой стране произойдут «демократические преобразования в обществе». См.: United States – Uzbekistan Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation framework. U.S. Department of State Fact Sheet. 2002, March 12.

⁴¹ Promoting Long-term Stability in Central Asia: U.S. Government Assistance One Year After 9/11. U.S. Department of State, Bureau of European and Eurasian Affairs Fact Sheet. 2002, November 27.

⁴² Millenium Challenge Account Update. USAID Fact Sheet. 2002, June 3.

⁴³ Central Asia : Community Action Investment Program. U.S. Department of State Fact Sheet. 2002, July 11.

⁴⁴ Утверждалось также, что Вашингтон взял на себя основную часть задачи по обеспечению безопасности в Центральной Азии потому, что существующие региональные организации не могли достаточно эффективно справиться с исламским терроризмом. Тем не менее несколько межгосударственных организаций в Азии были готовы видоизменить свою структуру для противодействия новым транснациональным угрозам. См.: Wishnick Elizabeth. Op.cit. P. 17.

⁴⁵ Olcott, Martha Brill. Taking Stock of Central Asia. *Journal of International Affairs*. 2003. Vol.56, No.2. Spring. P. 3.

⁴⁶ Почти все главы центральноазиатских государств во времена СССР занимали высокие посты в КПСС, за исключением президента Таджикистана Э. Рахмонова.

⁴⁷ Президент Фонда «Евразия» Ч. Мейнс утверждает, что «в Центральной Азии почти нет почвы для развития демократии, даже в ее фольклоре героями являются Чингисхан и Тамерлан. В регионе ценится интрига и военное превосходство, а не компромисс и уступки. Десятилетия советского правления лишь укрепили эти авторитарные традиции». См.: Maynes Charles William. America discovers Central Asia. *Foreign Affairs*. 2003, March-April. P. 131.

⁴⁸ По данным организации «Human Rights Watch» (HRWO), центральноазиатские государства несут ответственность за «жестокое обращение с заключенными, использование пыток в местах лишения свободы, жесткий контроль над средствами массовой информации и постоянный запрет на независимые политические партии и общественные движения». См.: Human Rights Watch World Report 2001. New York, 2002. P. 370-378.

⁴⁹ Что тем более удивительно, если учесть, что государства Центральной Азии владеют большим количеством минеральных ресурсов, включая богатые запасы полезных ископаемых. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан находятся в числе 20 стран мира, имеющих наибольшие подтвержденные запасы природного газа. См.: Cordesman Anthony. The US Government View of Energy

Developments in the Caspian, Central Asia and Iran. Center for Strategic and International Studies. 2000, April 7. P. 8. В марте 2001 г. ЕА заявила, что, по ее оценкам, один Узбекистан имеет запасов нефти и природного газа на один триллион долларов.

⁵⁰ Rasizade Alec. Washington and the Great Game in Central Asia. *Contemporary Review*. 2002, May.

По данным, приведенным в Докладе о свободе вероисповедания, выпущенном Государственным департаментом США в 2002 г., в Узбекистане по религиозным и политическим обвинениям в заключении содержится более семи тысяч человек. См.: <http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2002>. Тем не менее необходимо помнить, что все двусторонние декларации между США и Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном обязывают США способствовать развитию гражданского общества в государствах Центральной Азии.

⁵¹ U.S. Assistance to Central Asia. U.S. Department of State Bureau of European and Eurasian Affairs Fact Sheets. 2002. (<http://www.state.gov/p/eur/rls/fs/c5738.htm>). При этом Государственный департамент США признает, что «внутренние условия в государствах Центральной Азии не способствуют долгосрочной стабильности. Региональной безопасности угрожают отсутствие перспектив в экономике, разочарование в политических процессах, социальная деградация, изоляция и конфликты внутри региона». См.: U.S. Department of State Bureau of European and Eurasian Affairs Fact Sheet. 2002, November 27. (<http://www.state.gov/p/eur/rls/fs/15560>).

⁵² Киргизия получает наибольшее содействие в проведении рыночных реформ, хотя и уже является членом Всемирной торговой организации (ВТО).

⁵³ Более двух третей жителей Таджикистана живет меньше чем на два доллара в день. Половина жителей Киргизии и треть жителей Узбекистана живет за чертой бедности. См.: Maynes Charles. Op.cit. P. 123.

⁵⁴ Tabyshalieva A. Human rights and Democratization in Central Asia after September 11. *Nordic Newsletter of Asian Studies*. 2002, No.3; Khamidov A. Regional experts call on U.S. to bolster civil society. *Eurasia Insight*. 2002, October 2.

⁵⁵ За исключением Республики Кыргызстан, которая в 1998 г. стала 133-й страной, получившей статус полноправного члена ВТО. Несмотря на это, Киргизия по-прежнему считается страной, не соответствующей всем принципам западной демократии.

⁵⁶ Опросы общественного мнения, проведенные в Центральной Азии с осени 2001 по весну 2002 г. Государственным департаментом США, продемонстрировали наличие «значительного недовольства населения военным присутствием США в регионе». Wishnick Elizabeth. Op.cit. P. 31. Во время своего визита в Центральную Азию весной 2002 г., министр обороны США Д. Рамсфельд отметил «прекрасное сотрудничество с пятью государствами Центральной Азии в борьбе против терроризма», вовлеченность этих государств в программу НАТО «Партнерство во имя мира», их собственные «усилия по уничтожению террористических организаций», угрожающих государственной безопасности. Но, как отметил Питер К. Форстер, Д. Рамсфельд «не упомянул ситуацию с соблюдением прав человека или с развитием демократических ценностей в этих государствах». См.: Forster Peter K. Balancing American Involvement In Uzbekistan. *Connections*. 2003. Vol. II, №1, March. P. 48.

⁵⁷ Хотя Исламскому движению Узбекистана был нанесен серьезный ущерб в ходе операции «Непоколебимая свобода», это движение сохранилось в подполье в Ферганской долине. Эта долина находится на территории восточного Узбекистана, Южной Киргизии и северного Таджикистана. Ее население составляет около 10 млн человек. Это одна из наиболее густонаселенных и плодородных областей Центральной Азии, хотя уровень безработицы там составляет около 80%. Будучи политическим и культурным центром ислама в Центральной Азии, а также являясь основным источником продовольствия и воды для всего региона, Ферганская долина всегда являлась базовым районом, в котором действовало и набирало сторонников Исламское движение Узбекистана. См.: Cornell Svante E. and Regine A. Spector. Central Asia: More than Islamic Extremists. *Washington Quarterly*. 2002, Winter. P. 193-206.

⁵⁸ «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения») начинает угрожать не только стабильности в Центральной Азии, но и американским интересам в регионе. Созданная в 1953 г. в Иордании и Саудовской Аравии, она ставит перед собой цель создать единое исламское сверхгосударство, халифат в Центральной Азии, который должен управляться по законам шариата. Хотя Партия исламского освобождения и не пропагандирует насильственное свержение существующих режимов, она объявила джихад против США. «Хизб ут-Тахрир» использует экономичес-

кий спад в регионе, и, в частности, в Ферганской долине, для пропаганды своих целей и вербовки новых членов. Cohen Ariel. Op. cit.; Makarenko Tamara, *The Changing Dynamics of Central Asian Terrorism. Jane's Intelligence Review*. 2002, February 1.

⁵⁹ Президент США Дж. Буш лично признал необходимость работы над данной проблемой в Стратегии национальной безопасности, где он призвал США «вести войну идей для того, чтобы выиграть сражение с международным терроризмом». См.: *National Security Strategy of the United States of America*. White House. 2002, September 20. P. 6.

⁶⁰ Имеется в виду тот факт, что общественное мнение отражает предпочтения, высказанные средствами массовой информации. Собственно говоря, СМИ Узбекистана, контролируемые правительством, в основном высказывались в поддержку военного присутствия США, в то время как отношение СМИ было скептически в Киргизии и негативно в Казахстане. О текущей ситуации со СМИ и развитием демократии см.: Olcott Martha Brill. Op.cit. P. 9

⁶¹ См. данные в: U.S. Assistance to Central Asia. U.S. Department of State Bureau of European and Eurasian Affairs Fact Sheets. 2002. (<http://www.state.gov/p/eur/rls/fs/c5738.htm>); Senior U.S. Diplomat Hails Improved Relations with Uzbekistan. *Associated Press*. 2002, June 14; Khan Natalya. The Afghanistan Campaign: Implications for Uzbekistan. *Caucasus and Central Asia Newsletter*. 2002, Issue 2, Summer. P. 10.

⁶² Отсюда вытекает решение, принятое 25 апреля 1999 г., присоединиться к ГУУАМ, в который вошли Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдова, в качестве противовеса подконтрольному Москве СНГ. Узбекистан «временно» вышел из ГУУАМ в июне 2002 г. из-за «отсутствия прогресса» при решении вопросов безопасности. См.: Radio Free Europe/Radio Liberty Newsline, Vol. 6, №111, Part I, June 14 and 26, 2002. <http://www.rferl.org/newsline/2002/06/2-tca/tca-260602-as>

⁶³ Olikier Olga and Thomas S. Szayana. Op.cit. Summary, P. 25

⁶⁴ «Президент Ислам Каримов разработал идеологию, основанную на преклонении перед прошлым, включая культ эмира Тимура (Тамерлана), в честь которого в центре Ташкента воздвигнут памятник. Империя Тамерлана занимала большую часть современной Центральной Азии, достигала России на западе, Китая и Индии на востоке. Это откровенный культ военной мощи и территориальной экспансии». Cohen Ariel. U.S Foreign policy Interests and Human rights in Central Asia. *Heritage Foundation*. 2001, July 18.

⁶⁵ По этому поводу см.: Luong, Pauline Jones and Erika Weinthal. Op.cit. P. 69.

⁶⁶ Следует упомянуть, что Узбекистан занимает третье место среди стран Центральной Азии по величине территории и первое по числу жителей. Его население составляет около 25 млн. человек. Более того, узбеки являются заметным национальным меньшинством в соседних государствах и в китайской провинции Синьцзян. Именно тот факт, что большое количество узбеков проживают вне Узбекистана, может служить основанием для постоянных притязаний президента И. Каримова на господство в регионе. Miletitch Alexandre. *Au centre de la peripherie: enjeux actuels et a venir de l'Asie centrale. Armees d'Aujourd'hui*. 2002, №273, Septembre. P. 31.

⁶⁷ О. Оликер и Т.С. Заяна утверждают, что развитие близких отношений между Узбекистаном и США чревато созданием рычагов влияния на Вашингтон со стороны Ташкента, что может привести к вовлечению США в боевые действия, направленные на защиту Узбекистана и режима, правящего в нем. Olikier Olga and Thomas S. Szayana. Op.cit. P.356. В докладе «Стратегия США в Центральной Азии» американского Института анализа внешней политики М. Суини также подчеркивает, что «стратегический союз с Узбекистаном подрывает интересы безопасности США в регионе». Цит. по: Blua, Antoine. Central Asia: Report Calls on U.S. to Rethink its Regional Approach. *Eurasia Insight*. 2004, 22 February. (http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav022204_pr.shtml).

⁶⁸ Термин «Величайшая Игра» впервые был употреблен французским полковником в отставке Р. Канья, написавшим диссертацию по Центральной Азии и живущим в Бишкеке. Тем не менее диссертация полковника Р. Канья почти полностью посвящена геозкономическому соперничеству между сверхдержавами, имеющими интересы в регионе. Cagnat Rene. *Asie Centrale: le Tres Grand Jeu. Revue de la Defense Nationale*. 2002, May. P. 27-38.

⁶⁹ Автору не удалось найти единую ясную официальную оценку численности американских солдат, а также боевых и транспортных самолетов в пяти государствах Центральной Азии. Оценка количества солдат, постоянно расквартированных в центральноазиатских государствах, колеблется между четырьмя и десятью тысячами – в зависимости от источника.

⁷⁰ Нет сомнений, что Иран является еще одной крупнейшей региональной державой, которая, скорее всего работает на подрыв американских стратегических интересов в Центральной Азии. Кроме того, Тегеран рассматривает расширение американского присутствия в регионе как основную угрозу, исходящую от американской военной мощи. Принимая во внимание беспрецедентные дипломатические успехи США и европейских государств в ядерной области в конце 2003 г., можно также утверждать, что Иран вряд ли в еще большей степени будет вовлечен в геостратегическое соперничество в Центральной Азии.

⁷¹ Как заявил на конференции в Ташкенте главнокомандующий Центральным командованием США генерал Т. Фрэнкс, «у нас нет никаких долгосрочных планов присутствия ни в Узбекистане, ни в любой другой стране Центральной Азии». Office of International Information Programs, U.S. Department of State, 2002, January 24; По словам помощника госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Э. Джонс, «США не хотят иметь свои базы в этом регионе». См.: U.S. Wants Engagement, Not Bases, in Central Asia. Office of the Spokesman, U.S. Department of State, 2002, February 22; Пресс-секретарь Центрального командования подполковник М. Комптон заявил: «На сегодняшний день вооруженные силы США не возводят никаких постоянных строений в зоне своей ответственности». См.: Jontz Sandra. U.S. military looking at long-term options in Central Asia. *Stars and Stripes*. 2002, March 1; По словам заместителя помощника госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Б.Л. Паско, «у США нет намерений строить большие долговременные базы в регионе». См.: U.S. Intensifying Efforts in Central Asia. *CDI Russia Weekly*. 2002, September 24; Во время своего визита в Узбекистан в феврале 2004 г. министр обороны США Д. Рамсфелд дал понять, что США намереваются организовать так называемые «действующие позиции» («operating sites») в Азии и разъяснил, что они «не будут постоянны в том смысле, в каком постоянно военная база, но станут местом, где США и страны коалиции смогут периодически получать поддержку». См.: Blank S. U.S. Strategic Priorities Shifting in Central Asia. *Eurasia Insight*. 2004, 25 March. (http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav032504a_pr.shtml)

⁷² Полковник Б. Монтгомери, командир группы инженеров, техников и проектировщиков 376-го экспедиционного крыла ВВС США, в международном аэропорту «Манас», Киргизия, заявил: «Откровенно говоря, наше долгосрочное присутствие здесь продолжится и после окончания боевых действий». См.: Loeb Vernon. *Op. cit.* Тем не менее нужно учесть, что природа такого присутствия может существенно различаться, – например, оно может свестись к простому нахождению техников и обслуживающего персонала, поддерживающих те или иные здания и установки в законсервированном состоянии.

⁷³ Процитировано в: Loeb Vernon. *Op. cit.*

⁷⁴ Тем не менее президент В.В. Путин осторожно разъяснил, что он не видит причин для соперничества и противоречий, так как эти две авиабазы имеют совершенно различное назначение. Кроме того, В.В. Путин заявил агентству *Интерфакс*, что «база в «Манасе» является временной, в то время как новая российская база заработала на постоянной основе». Utyaganova Maria. Opening of Russian Airbase in Kyrgyzstan. *Analyst*. Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University. 2003, November 5.

⁷⁵ Olcott, Martha Brill. The Situation on the Ground: Security Risks and Opportunities in Central Asia. 2003, November 19. Seminar held at the *Carnegie Endowment for International Peace*. (<http://www.ceip.org/files/events/OlcottSitonground.asp>)

⁷⁶ Имея геополитические интересы в Центральной Азии, Россия чувствует себя обязанной содействовать развитию государств региона. Некоторые эксперты, например Х. Салуквадзе, утверждают, что «Россия является заложником своей собственной колонизаторской истории». Salukvadze Khatuna. The US on the Silk Road of expansion to Eurasia? *Analyst*. Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University. 2002, March 13. (<http://www.cacianalyst.org>)

⁷⁷ Как утверждает Ч. Фербэнкс, специалист по Центральной Азии в институте Джонаса Хопкинса, «Россия крайне напугана нашим пребыванием там». См.: Buzbee, Sally. United States expanded influence likely to remain in Central Asia. *Associated Press*. 2002, March 12. (<http://www.globalsecurity.org/org/news/2002/020312-attack01.htm>); бывший Спикер Государственной Думы Г.Н. Селезнев также заявил: «Я бы не одобрил появление постоянных военных баз США в Центральной Азии». Yankees are coming and the Russians are Upset. *Economist*. 2002, January 17; В конце 2003 г. министр обороны РФ С. Б. Иванов заявил, что Москва смирится с существованием американских баз в Центральной Азии только на время проведения антитеррористической операции в Афганистане, и не дольше. Blank S. *Op. cit.*

⁷⁸ Территории самой России также угрожают терроризм и поставки наркотиков, идущие из Афганистана через Центральную Азию. Необходимо помнить, что начиная с 2000 г. В.В. Путин продвигает идею совместного с США и странами Европы противодействия мировому терроризму.

⁷⁹ Jafalian Annie. Russie, Etats-Unis, Asie centrale: la nouvelle version du grand jeu. *Annuaire militaire et strategique*. 2002. P. 55-70.

⁸⁰ Kazio Taras. The U.S.-Russian Strategic Partnership: Permanent Fixture or Temporary Marriage of Convenience? *Central Asian Insight*. 2001, December 4; Президент России, несомненно, ожидал серьезных уступок в обмен на свою поддержку в основном по вопросу антитеррористической операции в Чечне. См.: Blank, Stephen. Putin's Twelve-Step Program. *Washington Quarterly*. 2001. Vol.25, No.1. P. 147.

⁸¹ Maynes Charles William., Op.cit. P.129. С. Бланк утверждает также, что «традиционно антиамерикански настроенные элиты Министерств обороны и иностранных дел подрывают сотрудничество с США, сложившееся после 11 сентября». Blank Stephen. Scramble for Central Asian Bases. *Asian Times*. 2003, December 1.

⁸² Заместитель Государственного секретаря Э. Джонс заявила: «Мы хотим, чтобы российская сторона поняла, что мы не пытаемся соперничать с ней в Центральной Азии и не пытаемся занять там ее место». См.: Jones Elizabeth. Op.cit.

⁸³ Вдобавок, российские официальные лица будут скорее всего обеспокоены близостью американских сил к российским секретным объектам в Центральной Азии, про которые известно, что они являются частью военной, ядерной или космической инфраструктуры, – например, это система раннего предупреждения о ракетном нападении или высокотехнологичные системы связи и наблюдения. Martin, Patrick. U.S. bases pave the way for long-term intervention in Central Asia. *World Socialist Web Site*. 2002, January 11. (http://www.wsws.org/articles/2002/jan2002/base-j11_prn.shtml)

⁸⁴ Некоторые эксперты утверждают, что США таким образом следуют своей «великой стратегии», которая выражается в стремлении получить контроль над «стратегическим энергетическим эллипсом» – территорией, простирающейся от Ближнего Востока до Центральной Азии. Kemp G. and Harkavy R. Strategic Geography and the Changing Middle-East. W.: Carnegie Endowment for International Peace, Brookings Institution Press. 1997. P.109-153.

⁸⁵ По этому поводу см.: Peimani Hooman. American military presence in Central Asia antagonizes Russia. *Analyst*. Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University. 2002, October 23. (<http://www.cacianalyst.org>)

⁸⁶ Например, ярким напоминанием внешнему миру о намерении России продолжать играть значительную роль в обеспечении безопасности региона стали самые большие в истории России военные учения, проведенные в северной части Каспийского моря в августе 2002 г. Chufurin Gennady. The Changing Security Model in Post-Soviet Central Asia. *Connections*. 2003. Vol. II, No.1, March. P.6; Дж. Никол официально заявил Конгрессу США, что «Россия, очевидно, сменила политику сокращения своего военного присутствия в Центральной Азии на увеличение военного присутствия в Таджикистане». В середине июня 2002 г. Россия также подписала с Киргизией соглашение о продлении аренды части его военной инфраструктуры на пятнадцать лет. Nichol Jim. Central Asia's New States: Political developments and Implications for U.S. Interests. *Congressional Research Service Issue Brief*. 2003, April. P. 5.

⁸⁷ Серьезно озаботившись своей способностью контролировать вопросы безопасности в Центральной Азии, Россия (как и Китай, который действует по той же схеме) начала укреплять свои позиции в 2002 и 2003 гг. путем оказания поддержки таким международным организациям, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В июне 2001 г. «Шанхайская пятерка», названная в честь саммита в Шанхае в июне 1996 г., в котором приняли участие Россия, Казахстан, Киргизия, Китай и Таджикистан, стала называться Шанхайской организацией сотрудничества. Отреагировав на расширение поля деятельности ШОС, к ней присоединился и Узбекистан. Изначально существование ШОС можно было расценить как попытку уравновесить возрастающие экономические интересы США в регионе. После 11 сентября ШОС оказалась неэффективной с точки зрения противодействия терроризму, хотя в Бишкеке и было создано антитеррористическое подразделение. Но 2 января 2002 г. на встрече в Пекине была оглашена новая российско-китайская стратегия. В соответствии с ней, ШОС должна быть преобразована из форума, обсуждающего вопросы разоружения и торговли, в региональную структуру безопасности, способную проводить совместные антитеррористические

операции. 12 августа 2003 г. такая операция была проведена в Казахстане и китайской провинции Синьцзян. См.: Ahrari, Ehsan. Copycatting the U.S. war on terrorism. *Asian Times*. 2003, December 1; Kyrgyzstan and China begin Joint Anti-terrorism Exercises. *Associated Press*. 2002, October 10.

Страны – участницы ОДКБ решили придать Договору более формальные институциональные рамки. В мае 2002 г. ОДКБ стала полноформатной организацией, в которую вошли Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В июне 2002 г. В Киргизии прошли первые учения Коллективных сил быстрого развертывания (КСРБ) ОДКБ. В октябре 2003 г. была создана новая российская военная база в Канте, Киргизия.

⁸⁸ Как сообщается, Киргизия сделала несколько уступок Москве помимо предоставления военной базы в Канте. Например, русский стал в Киргизии официальным языком, а товарооборот с этой страной вырос в 2002 г. на 49 %. Было также принято решение преобразовать дислоцированную в Таджикистане 201-ю мотострелковую дивизию в военную базу для усиления российского военного присутствия в регионе. Служба внешней разведки России (СВР), как сообщалось, получила указание поспособствовать смене власти в Таджикистане в 2002 г. Blank S. Op.cit.

В области энергетики Россия в 2002 г. укрепила свои связи с Казахстаном, заключив двустороннее соглашение сроком на 15 лет, в соответствии с которым 15 млн. тонн нефти должны экспортироваться по трубопроводу Атырау – Самара, и еще 2,5 млн тонн – по трубопроводу до Новороссийска. Тем не менее Казахстан всегда предпочитал придерживаться действительно сбалансированной стратегии в отношениях с Москвой и Вашингтоном, а также с Китаем. Gvosdev N. *Pipelines and grand strategy. Perihelion*. European Rim Policy and Investment Council (ERPIC). 2002. Vol.1, August. (<http://www.erpac.org/pipelinesandgrandstrategy.html>)

⁸⁹ Пекин, однако, в основном оставил вопросы безопасности региона на откуп Москве, предпочитая налаживать торговые связи по всей Центральной Азии, в первую очередь через ШОС.

⁹⁰ Вероятно, изначально Пекин считал, что занятость США строительством антитеррористической коалиции уменьшит концентрацию внимания Вашингтона на Китае как на потенциальном источнике стратегической угрозы. Президент США Дж. Буш говорил даже о «дружественных и конструктивных взаимоотношениях». Но война с терроризмом, которую начали Соединенные Штаты, прежде всего помогла Пекину достичь успехов в обеспечении своей национальной безопасности. Китай чрезвычайно обеспокоен действиями радикальных исламских террористов в провинции Синьцзян и активно борется с ними. Уйгурские исламские движения и партии борются насильственными методами за независимость Синьцзяна, и, поскольку их, предположительно, тренируют и снабжают неуничтоженные члены «Аль-Каиды», китайские власти изначально приветствовали вторжение США в Центральную Азию.

⁹¹ Эксперт в области геополитики Фукуя Гао утверждает, что «вторжение США в Центральную Азию не только мешает Китаю расширять свое влияние, но и ограничивает Китай с Запада и Востока, эффективно сдерживая усиливающийся Китай. Gao Fuqiu. The real purpose of the American march into Central Asia. *Liaoning*. 2002, May 10. (<http://www.uscc.gov/works.htm>); По сообщениям таджикского радио, министр иностранных дел Китая Тан Цзяхуань заявил: «Невозможно бесконечно расширять рамки антитеррористической операции, которая к тому же должна проводиться под эгидой ООН». Цит. по: Basken, Paul. China, Russia Voice Concern Over U.S. Bases in Central Asia. *Bloomberg News*. 2002, January 11.

⁹² Не говоря уже о не выражаемых явно военных связях и взаимоотношениях в области безопасности, существующих между США и Тайванем.

⁹³ Имея официальный статус «стратегического соперника», Китай обречен стать следующим «сверх-антагонистом» США. См.: Bacevich Andrew J. *Steppes to Empire*. *National Interest*. 2002, Summer. P.51.

⁹⁴ База ВВС США в Манасе, Киргизия, находится на расстоянии всего лишь 200 миль от самой западной провинции Китая Синьцзян, которую могут легко достичь американские истребители-бомбардировщики.

⁹⁵ Как утверждают М. Джалили и Т. Келлнер, насаждение демократических ценностей в Центральной Азии вызывает весьма серьезную политическую озабоченность властей Китая. См. Djalili M. and T. Kellner. Op. cit. P. 261.

⁹⁶ Пекин начал модернизацию своих военно-морских сил, а также улучшение способности по проецированию своей силы после 11 сентября. Как только вооруженные силы США прибыли в регион,

Китай провел массированные военные учения в провинции Синьцзян, «чтобы продемонстрировать свою военную мощь». Rashid Ahmed. *Jihad, The Rise of Militant Islam in Central Asia*. London: Yale University Press, 2002. P.205. В 2002 г. Китай и Киргизия провели совместные учения в районе общей границы. Blua Antoine. *Central Asia: Report Calls on U.S. To Rethink its Regional Approach. Eurasia Insight*. 2004, February 22.

[http:// www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav022204_pr.shtml](http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav022204_pr.shtml). Военное присутствие США в Центральной Азии также помогло развитию китайской дипломатии в регионе. Во-первых, оно подготовило почву для развития региональных механизмов обеспечения безопасности, таких, как ШОС. Во-вторых, оно придало импульс развитию многостороннего экономического сотрудничества, например путем создания в июне 2002 г. «Конференции по взаимодействию и укреплению мер доверия в Центральной Азии». См.: *Radio Free Europe/Radio Libery Central Asia Report*. 2002, June 6.

Алексей Обухов

ВЗАИМНОЕ ГАРАНТИРОВАННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ:
ВОЗМОЖНА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА?

То, что человечеству удалось сравнительно безболезненно перешагнуть исторический рубеж тысячелетий и горделивой поступью войти в XXI в., событие не просто знаменательное. Это и большая удача, если учесть, что на протяжении холодной войны людям не однажды пришлось балансировать у самого края ядерной гибели. Нам есть кого благодарить за поддержание ядерного мира – за то, что Армагеддон отодвинут как непосредственная опасность.

Во-первых, продолжает работать здоровый инстинкт самосохранения людей, переплавленный в благоразумие здравомыслящих политических руководителей и их военных советников.

Во-вторых, хотя и не без сопротивления со стороны авантюристических сил, приносит свои плоды линия на ликвидацию последствий холодной войны, на снижение уровня ядерного противостояния, на укрепление мирного сотрудничества и политического доверия между государствами.

В-третьих, демонстрирует свою эффективность взаимное ядерное сдерживание, которое в течение ряда десятилетий функционирует в отношениях между Россией (СССР) и США.

С самого начала, однако, следует возразить тем комментаторам, которые усматривают преимущество политических нравов и практики холодной войны в сравнении с обстановкой на международной арене спустя десять с небольшим лет после ее окончания. В действительности холодная война была временем величайшей военной опасности, которая тяжелым кляпом сдавливала дыхание человечества.

Стабильность биполярной системы международных отношений была весьма условной. Надежной стабильности в рамках этой схемы и быть не могло – обе великих державы видели друг в друге не просто конкурента, а соперника в борьбе за выживание. Ведь речь шла о соревновании двух социально-политических систем – социализма и капитализма, каждая из которых не испытывала недостатка в ядерных вооружениях и средствах их доставки.

То, что в нынешних условиях непосредственную угрозу глобального ядерного конфликта удалось нейтрализовать, представляет собой коренной сдвиг в развитии мировой политики. Конечно, на авансцену вышли новые опасные вызовы, прежде всего это международный терроризм, с которым предстоит непростая борьба. Но думать, будто, сдав в архив холодную войну, мы лишились покоя и мира – заблуждение. Ностальгировать по нравам холодной войны возможно только с позиций некоего фундаментализма, некой ортодоксии, родственной, кстати говоря, мироощущению Дж. Даллеса, упрекавшего в

А
К
И
М
Е
Л
О
С

аморальности государства, пытавшиеся занять позицию нейтралитета в противостоянии СССР – США.

Отбросив политико-идеологические конфронтации эпохи холодной войны, человечество сейчас получило возможность выйти на новый, более конструктивный – хотя и не бесконфликтный – виток своей политической эволюции.

Освобождение от атрибутики и образа мышления, утвердившихся в период холодной войны, – не одномоментное мероприятие. Это – процесс, в ходе которого постепенно отсеивается все отжившее, препятствующее продвижению. Но есть политический механизм, отказываться от которого стороны не спешат. И небезосновательно. Это – концепция взаимного ядерного сдерживания.

Взаимное ядерное сдерживание – это непосредственный отпрыск холодной войны. Об этой концепции в Вашингтоне были вынуждены задуматься после того, как в 1949 г. Советский Союз прервал непродолжительный период американской атомной монополии и обзавелся собственной атомной бомбой. Принимая во внимание напряженность тогдашней внешнеполитической атмосферы, можно считать, что ядерное сдерживание родилось на гребне холодной войны.

Вместе с тем трудно не прийти к выводу, что взаимное ядерное сдерживание представляет собой хождение по узкой тропе – неверный шаг, сбой техники или непреднамеренная ошибка способны привести к тяжелым последствиям. Таково, надо полагать, одно из противоречий нынешней международной политики – ядерное сдерживание, имеющее целью гарантировать ядерное ненападение и в конечном счете уберечь людей от ядерной катастрофы, само чревато опасностью стать детонатором конфликта.

На эту негативную особенность ядерного сдерживания с давних пор обращают внимание различные авторы.

Так, видный американский специалист в ядерной области У. Перри в 1982 г. отмечал: «Запуск межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) по предупреждению о нападении предлагается в качестве практического способа решить проблему уязвимости. Однако ситуация, при которой президент страны вынужден был бы ставить безопасность государства в зависимость от своего решения о запуске МБР на основе компьютерной оценки возможной атаки, была бы чрезвычайно дестабилизирующей и опасной. Это сделало бы США уязвимыми перед лицом маловероятного, но не невозможного риска, связанного с ошибкой компьютера. В результате американские планировщики занялись поиском путей возврата к прежнему положению, при котором МБР могли бы «пересидеть» атаку»¹.

Своего рода апофеозом взаимного ядерного сдерживания явилась вошедшая в обиход при президентстве Дж. Кеннеди концепция «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ), или «баланса ужаса», или «взаимной уязвимости». Уничтожению подлежали бы как военные (контрсилы удар), так и гражданские объекты (противоценностный удар). Недаром у Г. Кана на одной из верхних ступенек «эскалационной лестницы» предусматривается «обмен городами».

Строгие адепты теории сдерживания/устрашения не любят пользоваться термином «взаимное гарантированное уничтожение» (mutual assured destruction), поскольку английское сокращение этих слов превращается в MAD, что в переводе на русский означает «безумный». Никому не хочется быть сторонником ядерного сумасшествия, заложником которого являются миллионы мирных граждан².

Ответственными политиками предпринимались неоднократные и небезуспешные попытки отойти от опасного рубежа. Они особенно активизировались после ракетного кризиса 1962 г. вокруг Кубы, в ходе которого СССР и США оказались в шаге от столкновения. Резкое обострение обстановки произошло как раз в результате попытки Москвы усилить сдерживание путем размещения на Кубе баллистических ракет средней даль-

ности (БРСД) с ядерными боеголовками. Похожая ситуация возникла и в 1983 г., в результате развертывания в Западной Европе американских БРСД с минимальным подлетным временем до целей на советской территории. Наглядный пример того, как вроде бы оборонительная концепция вдруг обнаруживает потенциал огромной дестабилизирующей силы.

Вскоре после кубинской эпопеи были заключены Договоры о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 г.) и Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.). В июне 1963 г. был подписан Меморандум о договоренности между СССР и США об установлении линии прямой связи, что радикально улучшило канал общения между столицами двух держав.

Совершенно особое место в процессе перехода от ожесточенной, окрашенной в идеологические тона борьбы социализма против капитализма к более спокойному взаимодействию государств в духе мирного сосуществования занимают советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений, стартовавшие в ноябре 1969 г. в Хельсинки. Несмотря на скепсис и неверие в успех, которыми сопровождалось начало этих переговоров, они вскоре привели к весомым результатам. В мае 1972 г. в Москве были подписаны Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны. Летом 1979 г. в Вене был предпринят новый шаг по пути ограничения ядерных арсеналов – подписан Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

Начало и середина 1970-х гг., таким образом, были отмечены согласованным мерами, направленными на замедление гонки вооружений, сокращение ядерных арсеналов и рост доверия в советско-американских отношениях. Это было движение от конфронтации холодной войны – навстречу новым взаимоотношениям.

Характерно, что договоренности по разоруженческим вопросам сопровождались важными декларациями конструктивного свойства – в духе политики детанта. Пожалуй, самая крупная из них – принятый в ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Москве в мае 1974 г. документ «Основы взаимоотношений между СССР и США». Подчеркивалось, что стороны «будут исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования. Различия в идеологии и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды»³.

Стремясь поставить еще один барьер на пути ядерной катастрофы, в 1982 г. СССР заявил, что в одностороннем порядке берет на себя обязательство не применять ядерное оружие первым, и предложил США договориться об этом на взаимной основе. США отклонили эту инициативу, сославшись на то, что выполнение подобного обязательства нельзя проконтролировать. Имел место и довод более глубокого свойства – обязательство об отказе от применения первыми ядерного оружия шло бы вразрез с обеспечением убедительности американского ядерного сдерживания, особенно в центре Европы, где Запад проявлял обеспокоенность по поводу танковой мощи ОВД.

Конечно, начавшийся демонтаж холодной войны шел не по накатанной колее. Первая половина 1980-х гг. ознаменовалась новой вспышкой конфронтационности в международных делах. Советские войска вошли в Афганистан. Президент Р. Рейган провозгласил программу «звездных войн». Из-за начавшегося развертывания в Европе американских ракет средней дальности были прерваны переговоры по ядерным вооружениям.

Потребовались немалые усилия, чтобы вновь запустить механизм переговоров.

Советская политическая публицистика поначалу никак не решалась признать доктрину сдерживания. Этому определенно мешали идеологические соображения – согласно

принятым установкам, СССР как изначально миролюбивое государство не нуждался в сдерживании. Поэтому сам английский термин «deterrence» («сдерживание») чаще переводился на русский как «устрашение», что придавало дополнительный негативный оттенок этой американской концепции. В данной связи хотелось бы отметить, что, пожалуй, наиболее адекватной передачей на русский язык термина «deterrence» было бы словосочетание «сдерживание/устрашение». Необычно, но точно и содержательно.

Кстати, именно идеологические трудности вынудили стороны на переговорах по ОСВ не прибегать к терминологическому аппарату концепции сдерживания – вместо нее с успехом применялся принцип равенства и одинаковой безопасности. Слова другие, а существо совпадает – одинаковая безопасность, то есть отсутствие войны, достигается за счет осознания контрагентом тщетности расчетов на достижение преимуществ посредством развязывания ядерного конфликта. Да и самой возможности осуществить внезапный разоружающий удар у сторон нет и не должно быть. Иначе говоря, ядерный «щит» обеспечивается угрозой со стороны всегда готовых к возмездию наступательных ядерных вооружений.

Надо сказать, советские военные на рабочем уровне аллергии в отношении концепции сдерживания не выказывали. Взаимное ядерное сдерживание никак не мешало усилиям в области военного строительства. Если обратиться к вышедшему в начале 1960-х гг. фундаментальному труду «Военная стратегия» (под редакцией маршала В.Д. Соколовского), то легко убедиться, что ряд ключевых положений в нем напоминает теорию сдерживания, хотя сам термин и был обойден⁴.

На этой почве на переговорах по ОСВ однажды чуть не возникло недоразумение. В Женеву во второй половине 1970-х гг. прибыл видный американский конгрессмен-республиканец Дж. Кемп. Он пожелал провести встречу с руководителем делегации СССР В.С. Семеновым. В ходе беседы, на которой автору этих строк довелось присутствовать в качестве советника, зашел разговор о Договоре по ПРО. Дж. Кемп и вторивший ему многоопытный американский переводчик Б. Краймер настаивали, что Договор по ПРО по существу кодифицирует ситуацию взаимной уязвимости СССР и США перед лицом ядерной угрозы и таким образом воплощает в себе концепцию ядерного сдерживания. Советским участникам беседы пришлось разъяснять, что в Договоре по ПРО мы усматриваем прежде всего реализацию согласованного принципа равенства и одинаковой безопасности, который, кстати, текстуально упоминается в Совместном коммюнике по итогам московского советско-американского саммита мая 1972 г. Вскоре выяснилось, что обе стороны понимают ситуацию практически одинаково, хотя и пользуются разной терминологией. Спор угас, не разгоревшись.

По мере того как холодная война уходит в прошлое, скукоживается и ее наследие в политической жизни. Однако благотворный процесс очищения международной атмосферы отнюдь не завершен. Разные исторические эпохи не отделяются друг от друга герметичными перегородками. В свое время советский социализм искал и находил на своем теле «родимые пятна» капитализма. Следы прошлого бывают видны и на полях новой демократии.

Так и с холодной войной. Из ее главных несущих опор разобрано почти все, кроме одной – концепции взаимного ядерного сдерживания. Подобная классификация – не в укор сдерживанию. Несмотря на недостатки и прямые опасности, которые таит в себе эта стратегия, она в течение длительного времени и в отсутствие ядерного разоружения обеспечивала концептуальный механизм для предотвращения ядерного конфликта. В редакционной статье газета *International Herald Tribune* в начале 1986 г. писала: «Упрямая реальность состоит в том, что ядерные вооружения, хотя и негодные к употреблению, продолжают выполнять чрезвычайно полезную функцию. В течение 40 лет они удерживали Советский Союз и Соединенные Штаты от нападения друг на друга, а также на ключевых союзников и от посягательств на важнейшие интересы»⁵.

С подобными военно-политическими концепциями легко не расстанутся. Есть ли им адекватная замена?

Демарш в отношении взаимного ядерного сдерживания был предпринят с неожиданной стороны – президентом США Р.Рейганом. Идеология «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), объявленной им в марте 1983 г., фактически шла вразрез с концепцией «взаимной уязвимости», на которую до этого времени опиралось сдерживание. Р. Рейган не возражал против сдерживания как такового, но полагал возможным выстроить эту систему без принципа уязвимости, во всяком случае без угрозы «гарантированного уничтожения» для США.

Стоит приглядеться к ходу мысли Р. Рейгана, взяв в качестве источника его мемуары. Сверхсекретные обзоры возможного развития событий в ядерной войне, поступавшие в Белый дом из высших эшелонов американской военной бюрократии, вызывали у Р. Рейгана тоскливое чувство. Он пишет: «Вот выдержка из моей дневниковой записи за 10 октября 1983 года: «День Колумба. Утром в Кемп-Дэвиде я просмотрел пленку с записью фильма, который канал ABC запускает в прокат 20 ноября. В фильме под названием «День спустя» город Лоуренс в штате Канзас исчезает с лица земли в ходе ядерной войны с Россией. [...] Убедительное кино – я сильно расстроился. [...] Моя собственная реакция: надо сделать все, что в наших силах, чтобы у нас были средства сдерживания и чтобы навсегда ядерная война была исключена». Немного спустя я записал в дневнике: «Весьма отрезвляющая встреча с Каспаром Уайнбергером и генералом Весси в Ситуационном зале, докладывался наш общий план действий на случай ядерного нападения». В докладе есть много аспектов, по поводу которых я запрашивал Пентагон два года назад и которые остаются настолько секретными, что даже сейчас (мемуары Р. Рейгана вышли из печати в 1990 г. – А.О.) я не могу подступиться к их рассмотрению. Но если говорить простым языком, это был сценарий развития обстановки, который мог привести к концу цивилизации, как мы ее знаем. В ряде случаев череда событий, которая описывалась на брифинге, напоминает фабулу фильма «День спустя». И тем не менее, в Пентагоне еще оставались деятели, которые утверждали, что ядерную войну «можно выиграть». По моему мнению, они безумны. Но хуже то, что в СССР, кажется, тоже есть генералы, прикидывающие, как можно было бы одержать победу в ядерной войне»⁶.

«Стратегическая оборонная инициатива» Р. Рейгана объединяла в себе два подхода: во-первых, всемерное развитие СНВ и, во-вторых, широкие исследования и разработки в области ПРО, направленные на «ликвидацию угрозы, исходящей от стратегических ядерных ракет»⁷. Это вполне укладывалось в рейгановскую концепцию «мира посредством силы».

В своей речи 23 марта 1983 г. Рейган сформулировал цели СОИ следующим образом: «Речь идет о том, чтобы приступить к реализации программы по противодействию советской ракетной угрозе с помощью оборонительных мер. Давайте обратимся к преимуществам технологии, которые взрастили нашу огромную промышленную базу и которые обеспечивают наше нынешнее качество жизни.

А что, если бы свободные народы могли жить в безопасности, зная, что их безопасность не покоится на угрозе моментального американского возмездия, направленного на сдерживание советского нападения, и что мы можем перехватить и уничтожить стратегические баллистические ракеты до того, как они достигнут нашей территории или территории наших союзников?

Я понимаю, что это – грандиозная, сугубо техническая задача, которую не решить до конца текущего столетия. Однако нынешняя технология достигла такого уровня развития, при котором мы вполне можем сделать усилие. Потребуются годы, возможно – десятилетия усилий по многим направлениям. Будут неудачи и отступления, но будут успехи и прорывы. По мере продвижения мы должны быть последовательными в обеспечении ядерного сдерживания и поддержании надежной способности для гибкого реагирования. Но стоит ли экономить на расходах, необходимых для того, чтобы освободить мир от угрозы ядерной войны?

[...] Мы не стремимся к военному превосходству или политическим преимуществам. Наша единственная цель – а ее разделяют все люди – состоит в поиске путей для уменьшения риска ядерной войны»⁸.

Не желая оставаться в положении нарушителя международных обязательств, Вашингтон в ту пору выдвинул так называемое «широкое толкование» Договора по ПРО, в соответствии с которым намеченные разработки новых систем противоракетной обороны указанным Договором «не ограничивались». По логике СОИ, сдерживание обеспечивалось бы не столько страхом быть уничтоженным в ядерной схватке, сколько непосредственным пониманием того, что барьер противоракетной обороны США непреодолим.

Программа СОИ с самого начала стала предметом энергичной и убедительной критики. Серьезные специалисты в ракетно-ядерной области показали, что, несмотря на запланированную многослойность, новая система будет неспособна прикрыть страну от массированного удара БР. Причем для этого потребовалось бы применить сравнительно несложные и недорогие средства преодоления. Специалистов беспокоил и тот факт, что, отказываясь в перспективе от Договора по ПРО, США открывают шлюзы для новой гонки ядерных вооружений – ведь, по существу, опрокидывались содержащиеся в преамбулах Договора по ПРО и Временного соглашения положения о том, что «эффективные меры по ограничению систем противоракетной обороны явились бы существенным фактором в деле сдерживания гонки стратегических наступательных вооружений» и о «взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями».

СОИ стала камнем преткновения на пути к договоренности о ликвидации ядерных вооружений на саммите Горбачев – Рейган в Рейкьявике в октябре 1986 г. Американский президент отказался пожертвовать своим детищем. По вопросу о СОИ Вашингтон не смогли переубедить и такие важные шаги по дальнейшему сокращению ядерных арсеналов, как советско-американский Договор по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД) (1987 г.) и Договор о радикальном сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) (СНВ-1), подписанный летом 1991 г. в ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Москве.

Многие обозреватели и политики усматривали в СОИ расчет на приобретение США – при опоре на свою технологию и финансовые возможности – односторонних военных преимуществ.

Последовал период многолетней политической борьбы, в процессе которой СССР, а потом Россия настаивали на сохранении Договора по ПРО в качестве основы глобальной стабильности и предпосылки для новых сокращений СНВ. СССР/Россия все более закреплялись на позициях сторонника классической доктрины ядерного сдерживания/устрашения, которую, как мы видели, как раз и кодифицировал Договор по ПРО.

Отвечая на им же поставленный вопрос, «должен ли выжить Договор по ПРО?», американский исследователь М. Нахт выражал глубокое сомнение, что в условиях острого соперничества сверхдержав ставка на системы ПРО способна иметь стабилизирующий эффект: «Преимущества договора перевешивают его недостатки. Было бы огромным благодеянием для обоих обществ, если бы переход к миру, в котором доминировали бы оборонительные системы, мог быть осуществлен безболезненно. Неопределенности и неясности, связанные с соперничеством сверхдержав, которое для целей ядерного сдерживания опирается на угрозу возмездия, уступили бы место соревнованию, в ходе которого оба соперника были бы уверены, что они имеют возможность эффективно прикрыть свои территории от ядерного нападения. В результате ощущение уязвимости перед угрозой внезапного первого удара, несанкционированного использования ядерного оружия или нападения со стороны третьего участника резко уменьшилось бы – как в Вашингтоне, так и в Москве. Однако оборона может доминировать только в том случае, если наступательные вооружения поставлены под строгий контроль или если имеет место фундаментальный технологический прорыв. Ни одно из этих условий не представляется вероятным в ближайшем будущем. В реальном мире соперничества сверхдержав гонка оборонительных вооружений еще более подхлестнула бы и без того напряженное соперничество в области наступательных вооружений. Достижение мира, в котором до-

минирующую роль играют оборонительные системы, выглядело бы тогда как иллюзия, каковой оно и является»⁹.

Под воздействием критических уколов и с учетом трудностей реального продвижения в развитии новых технологий в области ПРО в конечном счете Р. Рейган решительно понизил «планку ожиданий», вмонтированную в изначальный план по СОИ. В своих мемуарах он признает: «Я никогда не рассматривал СОИ в качестве непреодолимого щита – нет такой обороны, от которой можно было бы ожидать стопроцентной эффективности. Но многообещающей эту идею делала перспектива – если бы она оказалась работоспособной и мы вступили потом в эпоху, когда все государства согласились бы пойти на уничтожение ядерного оружия, – она могла бы стать аварийным клапаном против обхода такой договоренности или на случай атак со стороны безумцев, которым удалось бы заполучить в свои руки ядерные ракеты. А если бы нам не удалось заключить соглашение о ликвидации ядерных ракет, СОИ была бы в состоянии сбить достаточное число вражеских ракет и в результате, если бы противник когда-либо решился нажать на кнопку нападения, он делал бы это при ясном сознании, что его атака не способна предотвратить сокрушительный удар возмездия»¹⁰.

Получается, что и при СОИ ситуация ВГУ/MAD в отношениях между СССР и США сохранялась бы. СОИ служила бы оборонительной преградой против государства, спрятавшего ядерную бомбу в условиях ядерного разоружения, а также против разного рода ядерных провокаторов.

При всем, казалось бы, превалировании военно-технического фактора в общей системе ядерного сдерживания/устрашения существенное место в ней занимала идеология. По словам Р. Рейгана, «сдерживание играет важную роль для сохранения мира и для защиты нашего образа жизни»¹¹. Показательно и то, что первоначальное выступление Р. Рейгана по поводу СОИ 23 марта 1983 г. трактовало противодействие именно как ответ на «советскую ракетную угрозу».

Постепенно, однако, однозначно антисоветский (а потом антироссийский) акцент американской политики сдерживания стал меняться. Идеологи американского сдерживания были готовы смириться с ситуацией взаимной уязвимости в отношениях СССР/России – США. Все-таки речь шла о вменяемых партнерах этого соотношения. Логическое ударение в системе доказательств в обоснование создания новых систем ПРО сместилось на необходимость противодействия «новым вызовам» – со стороны «государств-изгоев» и ОМУ-террористов.

В такой обстановке администрация Дж. Буша-мл. в декабре 2001 г. объявила о решении выйти из Договора по ПРО. Летом следующего 2002 г. США официально покинули Договор.

В споре о содержании и характере концепции взаимного ядерного сдерживания на современном этапе российская сторона придерживалась ортодоксальных позиций. Ее ортодоксия базировалась на приверженности Договору по ПРО и на положениях новой редакции военной доктрины, принятой в 2000 г. Российская военная доктрина официально признает фундаментальное значение концепции сдерживания. «[...] Ядерное оружие, которым оснащены Вооруженные Силы Российской Федерации, рассматривается Российской Федерацией как фактор сдерживания агрессии, обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, поддержания международной безопасности и мира»¹². Согласно российскому подходу, отказ от ПРО территории страны, то есть фактически закрепление ситуации взаимной уязвимости при отсутствии у кого бы то ни было потенциала внезапного разоружающего удара, должен оставаться ключевым элементом сдерживания. Во избежание опасной дестабилизации следует не допускать любых действий, которые могли бы скомпрометировать возможности сил стратегического сдерживания другой стороны. А такую опасность могут таить в себе американские планы развертывания национальной ПРО.

В конечном счете обнаружилось, что аргументация в пользу Договора по ПРО и аргументация в поддержку традиционного варианта ядерного сдерживания практически не отличаются друг от друга. И после того как Договор по ПРО – в результате выхода из него

США – оказался разрушенным, дискуссия продолжилась на соседней площадке – вокруг самого сдерживания.

В этих условиях с американской стороны энергично продвигалась видоизмененная концепция сдерживания. Ее словесное оформление – по официальным материалам администрации США – выглядит примерно следующим образом. США, подчеркивается в материалах, необходима новая концепция сдерживания как часть нашей всеобщей стратегии, направленной на защиту от нынешних угроз. Сегодня наиболее острые угрозы исходят не от тысяч советских ракет, а от небольшого количества ракет, которыми располагают «государства-изгои», обладающие оружием массового уничтожения. Соединенные Штаты, говорится в упомянутом документе, намерены отказаться от взаимного гарантированного уничтожения и Договора по ПРО. Мир фундаментально изменился, и причин для сохранения договоренностей времен холодной войны более не существует. Договор по ПРО кодифицировал враждебные отношения между двумя сверхдержавами, которые существовали в период холодной войны. Они основывались на отношениях недоверия и взаимной уязвимости. Мы должны продвигаться с Россией за пределы концепции «взаимного гарантированного уничтожения». Россия – не Советский Союз и не наш враг. Ограниченная система ПРО, которую мы стремимся развернуть, будет способна защитить только от небольшого количества ракет, а не сотен и тысяч. Мы всегда говорили о том, что стремимся к созданию системы ПРО с целью противодействовать шантажу и террору со стороны «государств-изгоев». Ограниченная система ПРО никоим образом не подорвет российское ядерное сдерживание. В течение десятилетий Россия располагает развернутой системой ПРО вокруг Москвы и понимает, что противоракетная оборона не является провоцирующей или дестабилизирующей. Новый формат наших отношений с Россией должен отражать четкий и ясный разрыв с холодной войной, основываться на открытости, взаимном доверии и реальных возможностях для сотрудничества. Мы надеемся изменить российско-американские отношения в направлении от основанных на взаимном балансе ужаса до базирующихся на взаимной ответственности и интересах¹³.

Заместитель государственного секретаря США Дж. Болтон, развивая эти положения в выступлении на Конференции по разоружению 24 января 2002 г., подтвердил желательность перехода к «новой концепции сдерживания, в большей степени основывающейся на противоракетной обороне и в меньшей – на стратегических наступательных силах»¹⁴. Логика американской позиции указывает на то, что США, покидая Договор по ПРО, ищут некую новую редакцию доктрины сдерживания. Между тем Россия, отдавая должное этому Договору, не видит нужды в радикальной реформе традиционного сдерживания.

Некоторые наблюдатели предрекали наступление «кошмара», если из здания стабильности будет вынут Договор по ПРО. То, что «кошмар» не наступил, объясняется рядом факторов. Во-первых, между позицией по вопросам ПРО, изложенной в речи Р. Рейгана 23 марта 1983 г., и подходом к этому вопросу администрации Дж. Буша-младшего имеются различия. Р. Рейган выступал с бастионов холодной войны, намереваясь закрыть плотным зонтиком ПРО всю территорию США и бросив тем самым прямой вызов стратегическим силам сдерживания СССР. Дж. Буш-младший говорит о ПРО, рассчитанной на перехват небольшого числа ракет из «стран-изгоев». Российский потенциал сдерживания, как утверждается, не пострадает. Во-вторых, российские гражданские и военные руководители в ходе дискуссии по поводу Договора по ПРО неоднократно заявляли, что российские стратегические силы сдерживания в обозримом будущем будут располагать способностью преодоления любой американской ПРО. Тот самый блок в фундаменте стабильности, который обеспечивался Договором по ПРО, не устраняется, и факт выхода США из Договора непосредственной угрозы национальной безопасности России не создает. Например, МБР РС-12М (*Тополь-М*), которая составит основу войск стратегического назначения России, по сообщениям печати, обладает особо высокими характеристиками преодоления систем ПРО¹⁵. В-третьих, в ходе российско-американских встреч последних лет не раз подтверждалось взаимопонимание по поводу сохраняющейся органической взаимосвязи между оборонительными и наступательными стратегическими вооружениями. Правда, если ранее взаимосвязь между ограничением СНВ и

проблемой ПРО выражалась формулой, согласно которой первые были возможны лишь при строгом соблюдении Договора по ПРО, то теперь эта взаимосвязь, по-видимому, выглядит иначе: ограничение СНВ возможно и в отсутствие Договора по ПРО, но при условии, что работы в области ПРО, если они ведутся какой-то из сторон, не будут подрывать возможности сил ядерного сдерживания другой стороны. Аспекты, касающиеся устойчивости фактора ядерного сдерживания, подлежат рассмотрению в ходе консультаций.

Решение США выйти из Договора по ПРО 1972 г. устами президента В.В. Путина в Заявлении от 13 декабря 2001 г. было расценено как ошибочное. Была упомянута остающаяся проблема ПРО, которая требует к себе внимания. Было сказано также о достигнутых договоренностях по дальнейшим сокращениям СНВ, то есть, в сущности, о готовности двух государств осуществить такие сокращения. Подтверждение тому – вступивший в силу летом 2003 г. советско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов.

Определенную разновекторность российских и американских рассуждений по поводу содержания современной концепции ядерного сдерживания, по-видимому, не стоит драматизировать. Она отражает разницу в восприятии объективных перемен в политической обстановке, на фоне которой разворачивается действие ядерного сдерживания. К важнейшим новациям относятся окончание холодной войны и одновременное появление новых угроз международной безопасности, включая ОМУ-терроризм. Как представляется, было бы также упрощением трактовать официальные разъяснения Вашингтона о новых подходах к ядерному сдерживанию лишь как пропаганду.

В равной мере говорить о том, что в функционировании ядерного сдерживания ровным счетом ничего не изменилось, было бы неправильно. Современное сдерживание, если можно так выразиться, значительно цивилизовалось по сравнению с экстремистскими проявлениями 1950-х гг. Тогда в атмосфере незатихающей пропагандистской схватки некоторые американские политологи (профессор Пенсильванского университета Р. Страус-Хюпе и его единомышленники) продвигали мысль о превентивной войне против СССР – пока тот не накопил достаточного ядерного потенциала для отпора. В такой ситуации сдерживать приходилось уже самих сдерживателей. Условно сдерживание этого периода можно назвать конфронтационным.

В настоящее время обстановка иная. Нет холодной войны с ее заикленностью на идеологических схватках. Отсутствует непосредственная угроза тотальной ядерной войны. Это стало возможным в первую очередь благодаря позитивным политическим процессам в российско-американских отношениях. Случающиеся разногласия, как, например, вокруг вопроса о начале войны в Ираке, не в состоянии поколебать базовую конструктивную направленность этих отношений. Все это не отменяет сам принцип взаимного сдерживания – он остается, поскольку остаются ядерные арсеналы. Однако новые политические реалии сделали возможной, например, российско-американскую договоренность о взаимном ненацеливании ядерных вооружений (1994 г.). И хотя возврат к нацеливанию – дело, как утверждают, нескольких десятков секунд, эта договоренность представляет собой не только добрый знак. Она знаменует практический шаг по снижению военного риска. Есть и другие важные подвижки. В Совместном заявлении президентов В.В. Путина и Дж. Буша о новых стратегических отношениях (принято 2 июня 2003 г.) говорится о намерении продвигать конкретные совместные проекты в области противоракетной обороны.

В системе сдерживания появились новые, неконфронтационные тона.

Публикуемая в печати информация позволяет сделать некоторые предположения о том, по какому пути может развиваться в российско-американском диалоге обсуждение вопроса о взаимном ядерном сдерживании на ближайшую перспективу.

Между сторонами, как представляется, нет разногласий в том, что принцип сдерживания и сейчас сохраняет свою действенность. Вопросы, надо полагать, возникают, когда

американская сторона выдвигает тезис о переходе – в рамках сдерживания – к большей опоре на оборону.

Если речь идет о создании новых систем ПРО для борьбы с угрозой запуска небольшого количества БР из «стран-изгоев», тезис понятен – это американский выбор. В интересах стабильности важно, чтобы не страдали соответствующие способности российских сил сдерживания, то есть чтобы у США не появлялся (или не казалось, что появляется) потенциал внезапного обезоруживающего удара. Практически такой подход не задевает ситуацию взаимной уязвимости в качестве ключевого элемента сдерживания. Единственной серьезной новацией – по сравнению с прежним вариантом – явилось бы прибавление к системе сдерживания ограниченной американской ПРО против «стран-изгоев».

Меньше определенности в другом возможном толковании американского подхода. В американской заявленной позиции есть положение, что «взаимное гарантированное уничтожение не является частью концепции сдерживания», которую предлагают США¹⁶. Если это так, то для обозначения новой концепции – вместо «взаимного сдерживания» – был бы уместен другой термин, например «взаимная безопасность». Иначе говоря, необходима внятность формулировок.

Российская пресса проблематике ядерного сдерживания уделяет много внимания. По существу, можно говорить о новом интересе к фактору ядерного оружия в политике. Изначально, надо полагать, это обуславливалось экономическими проблемами реформируемой российской армии – ядерная мощь рассматривалась как сравнительно недорогая компенсация за сокращение обычных вооруженных сил¹⁷.

Налицо стремление максимально повысить убедительность сдерживающего потенциала российского ядерного арсенала. Именно в этом ключе истолковывается отказ от возобновления взятого в советские времена в одностороннем порядке обязательства не применять ядерное оружие первыми. Возможность в соответствующих условиях инициировать ядерный удар по агрессору явилась бы, по мнению наших теоретиков, «необходимым условием предотвращения дальнейшей эскалации боевых действий»¹⁸, то есть средством поддержания стабильности сдерживания после начала войны.

От полного неприятия в советское время произошел поворот позиции в отношении доктрины «гибкого реагирования». Генерал-лейтенант В.С. Белоус пишет: «[...] Концепция сдерживания российскими СЯС потенциального агрессора от нападения должна быть многовариантной, адаптивной, адекватной складывающейся в данный момент стратегической ситуации, степени потенциальной угрозы для России. [...] Сдерживание может быть эффективным лишь в том случае, если применение ядерного оружия в точно оговоренных условиях выглядит вполне реалистичным». В.С. Белоус рассматривает как допустимую даже возможность «демонстрационного» взрыва тактического ядерного оружия¹⁹.

Новое увлечение возможностями ядерного оружия ведет иногда, как представляется, к перекосам. Например, высказывается мысль, что «наличие даже нескольких единиц ядерных боеприпасов в Югославии сделало бы военную акцию НАТО маловероятной или вовсе невозможной»²⁰. Думается, режим нераспространения ядерного оружия не должен ставиться под сомнение даже в связи с нашим несогласием с действиями НАТО против Югославии в 1999 г. Нераспространение ядерного оружия отвечает высшим национальным интересам России, и это соответствие не может быть опровергнуто никакими рассуждениями вокруг концепции сдерживания. Или, например, в книге одного думского политика можно прочесть адресованную высоким российским руководителям рекомендацию, которая формулируется следующим образом: «[...] Просто цапнуть США всеми 10 тысячами имеющимися у улыбки Чеширского кота ядерными зубами. Боязно, но идея больно хорошая»²¹. Представляется, этим как раз и не следует злоупотреблять – в противном случае искомая политическая жесткость рискует превратиться в блеф, а в худшем – в авантюру.

В интересах стратегической стабильности нельзя допустить привыкания к ядерному

оружию, равно как и легкого, поверхностного к нему отношения. Устойчивость, надежность сдерживания требует постоянных консультаций, поиска путей к решению возникающих проблем.

Любые рассуждения о роли ядерного оружия не могут игнорировать его двойственную функцию: с одной стороны, через концепцию сдерживания ядерное оружие служит интересам обороны, а с другой – является источником угрозы возникновения войны с катастрофическими последствиями. Можно понять доводы Дж. Кеннана, который отказывает ядерному оружию в религиозном оправдании: «Если бы мы собирались использовать эти средства (ядерное оружие. – А.О.) в войне или если бы произошел достаточно крупный их взрыв – случайный или из-за отсутствия взаимопонимания, – мы, возможно, не только поставили бы крест на цивилизации в том виде, как мы ее знаем, но также уничтожили бы весь тот багаж, который накоплен человечеством благодаря прежним усилиям пробиться к цивилизованной жизни, багаж, которым мы пользуемся и без которого наша жизнь потеряет смысл, то есть без городов, искусства, системы просвещения, средств овладения природой, без философии и т.п. [...] Возможно ли, чтобы кто-либо, признающий авторитет божественного учения и примера, захотел взять на себя (даже в качестве скромного гражданина) хотя бы малую толику ответственности за подобные действия? Или даже не за действия, а за шаги, создающие угрозу их совершения? Цивилизация, о которой мы ведем речь, не принадлежит только нашему поколению. Мы не являемся ее собственниками, мы всего лишь ее временные пользователи. Она бесконечно шире и значительнее нас. Она представляет собой целое, а мы – лишь ее часть. Она не плод наших достижений, а результат достижений других. Не мы ее создали. Мы ее унаследовали. Она была нам дарована, причем дарована вкуче с обязательством лелеять, сохранять, развивать и передать ее – будем надеяться, в улучшенном виде, но, во всяком случае, не искаленной – другим людям, которые должны прийти после нас»²².

Не во славу ядерного оружия и его новых образцов уместны молебны в соборах, а за мир и избавление человечества от ядерной угрозы. Собственно ради этого Россия и крепит свою оборону.

Взаимное ядерное сдерживание порождено ходом исторического процесса, оно коренится в конфликтности интересов государств на международной арене. Работа механизма сдерживания меняется в зависимости от политической конъюнктуры. Прекращение холодной войны и снятие непосредственной угрозы тотальной ядерной схватки придали сдерживанию новую стабильность. Возврат к временам идеологизированного ядерного противостояния был бы губителен для позитивных мировых тенденций.

При всем том не следует думать, будто сдерживание дано навсегда. Наступит время, когда государства сомкнут ряды для решения общих для всех глобальных проблем, отбросят противоречия, и тогда место ядерного сдерживания займут совсем иные формулы взаимоотношений. Самым радикальным способом отменить концепцию сдерживания явилось бы, конечно, ядерное разоружение. Этой перспективы нельзя упускать из виду.

А пока ядерное оружие сохраняется на земле, более того – пока не затухает, а порой усиливается угроза его дальнейшего распространения, будет, надо полагать, в том или ином виде, сохраняться механизм сдерживания с его издержками и рисками. Как в случае с демократией – хорошо известны ее недостатки, но лучшего общественного строя не изобретено.

Решить же одновременно двойную задачу – сохранить систему сдерживания и избавиться полностью от угрозы ядерной войны, – по-видимому, не удастся. Здесь применимы слова Дж. Сантаяны: «Истинное решение этой проблемы, реальность которой готовы признать мы все, состоит в том, что разрешение ее невозможно»²³.

Что же касается провозглашенной Вашингтоном цели избавиться от концепции взаимной уязвимости, оставаясь в рамках стратегии сдерживания, то здесь нужны детальные

разъяснения, чтобы иметь возможность дать оценку этому подходу с точки зрения интересов стабильности, доверия и недопущения новых витков гонки вооружений.

Сама по себе задача избавиться в российско-американских отношениях от угрозы взаимного гарантированного уничтожения, сохранив при этом все преимущества стратегической стабильности, представляется весьма привлекательной. Две сильнейшие ядерные державы достойны иного качества отношений в военной области. Ядерные пистолеты, приставленные к виску друг друга, не лучшая ситуация для укрепления взаимного доверия, снижения напряженности в мире и предотвращения провокаций. Думается, стороны приблизились к тому рубежу, когда можно было бы отойти от концепции ВГУ/MAD, заменив ее принципиально другим подходом – договоренностью об обеспечении взаимной безопасности.

Конечно, для этого необходимы интеллектуальная смелость и политическая воля. Потребовались бы сложные переговоры по широкому комплексу политических и стратегических проблем, чтобы согласовать правила игры и учредить надлежащие механизмы реализации указанного подхода.

Если судить по последней монографии С. Тэлботта, то российско-американский форум – с участием дипломатов и военных специалистов – для рассмотрения вопросов, относящихся к стратегической стабильности, создан и функционирует. На нем обеспечен простор для откровенного обмена возникающими озабоченностями²⁴. Так что путь к соответствующим переговорам проложен.

Примечания

¹ Barry M. Blechman. Rethinking the US Strategic Posture. Cambridge, Massachusetts, Ballinger Publishing Company, 1982, P.134.

² Colin S. Gray. Nuclear Strategy and Strategic Planning. Foreign Policy Research Institute. Philadelphia, Pennsylvania, 1984, P.61. «Политически забористое сокращение MAD (от слов mutual assured destruction) не способствует ведению конструктивной дискуссии», – считает автор.

³ Советская программа мира в действии. М.: АПН, 1972. С. 16

⁴ Военная стратегия. Под редакцией маршала Советского Союза Соколовского В.Д. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1963. В книге цитируется маршал Р.Я. Малиновский, министр обороны СССР, который в 1962 г. писал: «[...] Мы не сторонники известного военного афоризма: лучший способ обороны – нападение. [...] Мы выдвигаем другой: лучшим способом обороны является предупреждение противника о нашей силе и готовность разгромить его при первой же попытке совершить акт агрессии» (С. 3-4).

Кроме того, советские военные идеологи предупреждали, что «любой вооруженный конфликт неизбежно перерастет во всеобщую ядерную войну, если в этот конфликт будут втянуты ядерные державы» (С. 242). Далее уточнялось: «С точки зрения средств вооруженной борьбы третья мировая война будет прежде всего ракетно-ядерной войной. Массовое применение ядерного, особенно термоядерного оружия придаст войне невиданный разрушительный, истребительный характер. С лица земли будут стерты целые государства» (С. 260).

⁵ *International Herald Tribune*. 1986, January 22. P. 6.

⁶ Reagan Ronald. An American Life. N.Y.: Simon and Schuster, 1990. P. 585-586.

⁷ Ibid. P. 575.

⁸ Ibid. P. 574-575.

⁹ Barry M. Blechman. Op. cit. P. 196.

¹⁰ Ibid. P. 608.

¹¹ Ibid. P. 591.

¹² *Российская Газета*. 2000, 22 апреля. Соответствующие разъяснения содержатся и в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом президента от 10 января 2000 г.: «Важнейшей задачей Российской Федерации является осуществление сдерживания в интересах предотвращения агрессии любого масштаба, в том числе с применением ядерного оружия против России и ее союзников. Российская Федерация должна обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору или коалиции государств в любых условиях обстановки» (*Дипломатический Вестник*. 2000. № 21, Февраль. С. 11).

¹³ *Ядерное Распространение*. 2001. № 40, Июль-сентябрь. С. 86-103.

¹⁴ *Ядерное Распространение*. 2002. №. 42, Январь-март. С. 117.

¹⁵ Соломонов Юрий: «Я поднял на ноги спецслужбы, аппарат президента, правительство». *Известия*. 2003, 22 декабря. С. 3.

¹⁶ *Ядерное Распространение*. 2001. № 40, Июль-сентябрь. С. 86.

¹⁷ Karaganov Sergei. Where is Russia going? Foreign and defense policies in a new era. *PRIF Reports*. 1994, № 34, April. P. 29.

¹⁸ Белоус Владимир. ПРО США: Мечты и реальность. М.: Национальный институт прессы, 2001. С. 136.

¹⁹ Там же. С. 138-139.

²⁰ Там же. С. 140.

²¹ Митрофанов А.В. Шаги новой геополитики. М.: Русский Вестник, 1997. С. 247.

²² George F. Kennan. The Nuclear Delusion. N.Y.: Pantheon Books, 1982, P. 204, 205.

²³ Сантаяна Джордж. Характер и мировоззрение американцев. М.: Идея-Пресс, 2003. С. 86.

²⁴ Тэлботт Струоб. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М.: Городец, 2003. С. 452.

Вышла в свет монография ПИР-Центра

РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

К предстоящей Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года

Режим ядерного нераспространения в том виде, как он сложился к настоящему времени, существует уже более тридцати лет. На протяжении всего периода своего существования Договор о нераспространении ядерного оружия и основанный на нем режим подвергались критическим замечаниям со стороны многих государств, особенно неядерных, а также со стороны некоторых представителей академической науки и общественности.

Последнее десятилетие в этом отношении было особенно конфронтационным из-за известных событий в Ираке, КНДР, Иране, ядерных испытаний в Индии и Пакистане, чрезвычайно сложно проходившей Конференции участников Договора 1995 г., на которой решался вопрос о продлении срока действия Договора. Раздавались даже голоса, особенно после индийских и пакистанских ядерных испытаний 1998 г., что Договор отжил свой век и что распространение ядерного оружия пойдет теперь бесконтрольно.

Оценка Договора и того, что было с его помощью достигнуто за прошедшие десятилетия, требует обстоятельного объективного анализа. Только такой анализ может позволить выявить те значительные ресурсы, которые, как мы убеждены, все еще имеются для повышения эффективности ДНЯО и созданных на его основе механизмов.

В монографии рассматривается эволюция режима нераспространения с момента появления идеи о его создании до настоящего времени, дается объективная оценка состояния дел с режимом накануне Обзорной конференции 2005 г. по рассмотрению действия Договора.

Автор монографии – ведущий российский эксперт в области нераспространения ядерного оружия и один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия, Чрезвычайный и Полномочный Посол **Р.М. Тимербаев**. В настоящее время Р.М. Тимербаев является председателем Совета и консультантом ПИР-Центра.

*По вопросам приобретения монографии следует обращаться в компанию
Триалог по тел.: +7-095-764-9896*

e-mail: info@trialogue.ru; <http://www.trialogue.ru>

Ёсинори Такэда | СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Начавшийся осенью 2000 г. второй северокорейский ядерный кризис, основанием которого стало использование обогащенного урана, зашел в тупик. Несмотря на то, что с момента возникновения напряженной ситуации на Корейском полуострове прошло уже два года, явных признаков окончательного решения не видно. Шестисторонние переговоры по ядерным разработкам Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) с участием двух Корей, Китая, России, США и Японии с августа 2003 г. проводились уже три раза, но вряд ли в ближайшем будущем стоит ожидать всеобъемлющего решения этой серьезной проблемы. В то же время, однако, маловероятно, что эскалация сложившейся ситуации может привести к военному конфликту на полуострове.

На фоне такой обстановки существует особая динамика – активизация межгосударственных отношений в Северо-Восточной Азии, отличная от первого северокорейского ядерного кризиса. Цель этой статьи заключается в том, чтобы рассмотреть, какое влияние страны Северо-Восточной Азии – Северная и Южная Кореи, Китай, Россия, США и Япония – оказывали на кризисную ситуацию вокруг Корейского полуострова и какие изменения в системе региональной безопасности ожидаются в будущем.

РАМОЧНОЕ СОГЛАШЕНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В 1990-Е ГОДЫ

В отличие от нынешней ситуации, первый северокорейский ядерный кризис 1993–1994 гг. приобрел военное измерение². Наиболее острая фаза началась в мае 1994 г., когда в КНДР была произведена выгрузка из ядерного реактора отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) в отсутствие инспекторов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ)³. США развернули в Южной Корее ракетные установки противовоздушной обороны (ПВО) *Patriot* и направили к берегам Северной Кореи авианосные ударные группировки. Эскалацию конфликта удалось остановить только после встречи бывшего президента США Дж. Картера с тогдашним лидером КНДР Ким Ир Сеном, которая состоялась в конце июня 1994 г. В ходе встречи представители США и КНДР согласовали основные положения соглашения, которое было подписано 21 октября 1994 г. в Женеве и получило название Рамочного соглашения.

Основная цель Рамочного соглашения между США и КНДР заключалась в том, чтобы удержать КНДР от форсирования программы создания ядерного оружия и вывести из изоляции Северную Корею⁴. В основе этого Соглашения лежала готовность США и заинтересованных стран поставить КНДР легководные реакторы в обмен на замораживание программы по разработке северокорейских графитовых реакторов.

Для реализации данного Соглашения, т.е. для поставки в КНДР топливного мазута и строительства АЭС, 9 марта 1995 г. была создана Организация по развитию энергети-

ки на Корейском полуострове (КЕДО), соглашение о создании которой подписали США, Южная Корея и Япония. В рамках КЕДО планировалось строительство двух реакторов мощностью 1000 МВт в городе Кумхо на восточном побережье Корейского полуострова⁵.

Достижение цели Рамочного соглашения с самого начала было сопряжено с большими трудностями. Прежде всего, постоянно осложняла строительство АЭС финансовая проблема. Суть этой проблемы в основном сводится к тому, что в положениях Рамочного соглашения не был определен конкретный финансовый источник для строительства АЭС и разборки существующих в КНДР реакторов и связанного с ними оборудования. Нет сомнения в том, что США, продвигая двусторонние переговоры с Пхеньяном, были намерены опереться в ходе выполнения соглашения на международное сотрудничество, в первую очередь на участие Японии и Южной Кореи.

Враждебные действия Северной Кореи часто приводили к приостановке выполнения задач Рамочного соглашения. Например, после инцидента с подводной лодкой в сентябре 1996 г. Южная Корея прекратила финансовую поддержку в рамках КЕДО, и поставка топливного мазута временно была приостановлена по требованию южнокорейского правительства⁶. Только в декабре 1996 г., когда КНДР принесла официальные извинения за это событие, Южная Корея согласилась на возобновление своих действий в рамках КЕДО. В августе 1998 г. Пхеньян произвел первое испытание баллистической ракеты средней дальности (БРСД) *Тэпходон-1*. Поскольку ракета с неотделившейся головной частью перелетела Японию и упала в Тихом океане, японское правительство сразу приняло решение прекратить перечисление денег на счета КЕДО⁷. В 1998 г. США вскрыли факт строительства подземного объекта в поселке Кымчанни. В США подозревали, что там создается секретное предприятие по разработке ядерного оружия, и вследствие этого скандала деятельность КЕДО была приостановлена. Исходя из результатов инспекторской проверки, проведенной американской делегацией в мае 1999 г., правительство США сделало вывод, что этот объект не нарушает Рамочное соглашение⁸. Хотя эти события и не переросли в кризис, у США, Южной Кореи и Японии всегда существовало недоверие к КНДР, в частности к ее секретным ядерным разработкам, а Пхеньян своими действиями далеко не всегда доверие оправдывал.

Большую часть 1990-х гг. США являлись фактически единственным действующим лицом, влияющим на развитие северокорейского кризиса. Причина «монополизации» корейской проблемы Вашингтоном прежде всего заключалась в том, что Пхеньян не уделял большого внимания отношениям с другими государствами и организациями. К тому же остальные игроки Северо-Восточной Азии не проявляли большой активности в процессе урегулирования проблем на Корейском полуострове, в том числе в вопросах ядерной разработки и ракетной программы⁹. В конце 1990-х гг., однако, появились два новых важных фактора, оказавшие значительное влияние на ситуацию с безопасностью вокруг КНДР.

Во-первых, испытание БРСД *Тэпходон-1* в августе 1998 г. и строительство подземного объекта в Кымчанни ясно показали трудность выполнения задач Рамочного соглашения, что заставило США, играющих самую важную роль в международных отношениях на Корейском полуострове, пересмотреть политику в отношении КНДР. В ноябре 1998 г. бывший министр обороны США У. Перри был назначен на пост специального помощника президента США по корейским проблемам. Он встречался с сотрудниками в Сеуле и Токио и провел всесторонний анализ политики США по отношению к Пхеньяну. В мае 1999 г. У. Перри посетил Пхеньян и увидел ситуацию в КНДР своими глазами. На тот момент он был самым высокопоставленным представителем правительства США, посетившим Северную Корею. В сентябре 1999 г. он представил президенту и Конгрессу так называемый «Доклад Перри»¹⁰.

Администрация США, по его словам, должна принять стратегию, состоящую из двух частей: мирного сосуществования и сдерживания. Первый путь – путь «мирного сосуществования» – подразумевал принятие необходимых мер для достижения трех целей:

- ☐ гарантировать отсутствие разработок ядерного оружия в КНДР;
- ☐ прекратить испытания, производство и размещение ракет, выходящих за рамки Режимы контроля над ракетной технологией (РКРТ)¹¹;
- ☐ прекратить экспорт ракет и связанных с ними компонентов и технологий, которые запрещает РКРТ.

Параллельно с этим, по мнению У. Перри, необходимо прилагать усилия к тому, чтобы нормализовать экономические и дипломатические отношения с КНДР. Однако если Пхеньян откажется от первого пути, то следует обратиться ко второму, т.е. сдерживанию, но в этой ситуации невозможно будет установить новые отношения между США и КНДР.

Значение «Доклада Перри» прежде всего заключалось в том, что У. Перри подчеркнул необходимость урегулирования ядерной проблемы КНДР путем диалога, и сразу после опубликования доклада появились признаки смягчения напряженности. 17 сентября 1999 г. США сообщили о частичном снятии санкций с КНДР. В ответ на это одностороннее действие Вашингтона правительство КНДР 24 сентября 1999 г. заявило, что оно не запускает ракеты только потому, что между США и КНДР ведутся двусторонние переговоры. Такая тенденция соответствовала идее У. Перри о том, что обе стороны должны пойти на компромиссы и что накопление компромиссов приведет к решению проблемы. Кроме того, процесс, запущенный У. Перри дал стимул к формированию новых межгосударственных отношений в Северо-Восточной Азии. Соседи Пхеньяна восприняли этот процесс как зеленый свет для активизации дипломатических отношений с Северной Кореей¹².

Во-вторых, тогдашний президент Южной Кореи Ким Дэ Чжун сразу после вступления в должность начал проводить свою «солнечную политику» с целью ослабить напряженность в отношениях с северным соседом¹³. Этот новый курс основывался на следующем представлении: поскольку после окончания холодной войны КНДР лишилась союзников, находится в политической и экономической изоляции и считает ядерную и ракетную программу единственным средством общения с внешним миром, лишь «солнечная политика» способна уменьшить беспокойство Пхеньяна за безопасность и, следовательно, режим Ким Чен Ира откажется от политики шантажа¹⁴.

Такая позиция Сеула способствовала формированию относительно мирной и стабильной обстановки на Корейском полуострове. Политически, благодаря политике умиротворения, была сформирована среда для прямого межкорейского диалога, который состоялся в июне 2000 г.¹⁵

Поворот в политике Южной Кореи стимулировал другие страны Северо-Восточной Азии к принятию собственного дипломатического курса в отношении с Пхеньяном. Правительство Южной Кореи до президентства Ким Дэ Чжуна было недовольно тем, что иностранные государства развивают отношения с Сеулом и Пхеньяном параллельно. Россия под руководством Б.Н. Ельцина в середине 1990-х гг. пыталась проводить параллельную дипломатию по отношению к двум странам Корейского полуострова, но из-за возражений со стороны Южной Кореи, важного инвестора российской экономики, ей не удалось активизировать двусторонние связи с КНДР¹⁶. Администрация Ким Дэ Чжуна приветствовала развитие диалога соседних государств с Пхеньяном, поскольку такие усилия отвечали интересам и Южной, и Северной Кореи.

АКТИВИЗАЦИЯ ДИПЛОМАТИИ ВОКРУГ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 2000 г. началась примечательная трансформация поведения КНДР по отношению к другим странам. Вне всякого сомнения, символическим поворотным пунктом явился исторический саммит между Южной и Северной Кореей в июне того года. Для Северной Кореи 2000 г. оказался весьма успешным в связи с тем, что ей удалось установить офи-

циальные дипломатические отношения со многими западными странами, в том числе с Италией и Англией, и восстановить их с Австралией¹⁷. Причина такого поворота политики Ким Чен Ира заключалась прежде всего в том, что государство нуждалось в помощи не только со стороны США и Южной Кореи, но и со стороны других стран и международных организаций¹⁸.

В конце 1990-х гг. изменение внешней политики Пхеньяна сопровождалось двумя вышеуказанными моментами, а именно процессом Перри и «солнечной политикой» Южной Кореи, и вызвало активизацию дипломатических контактов по поводу КНДР между Южной Кореей, Китаем, Россией, США и Японией. У этих государств были собственные цели: обеспечить стабильность на Корейском полуострове и укрепить там свое влияние. Новые тенденции, развивавшиеся с 2000 г. до октября 2002 г., т.е. до начала второй стадии северокорейского ядерного кризиса, оказали большое влияние на нынешнюю и будущую расстановку сил в Северо-Восточной Азии.

Межкорейские отношения

«Солнечная политика» президента Республики Корея Ким Дэ Чжуна основывалась на понимании того, что «статус-кво» на Корейском полуострове, т.е. мирное сосуществование двух Корей, является более реалистичным, чем немедленное объединение, которое может вызвать огромный политический и экономический хаос¹⁹. С одной стороны, «солнечная политика» отличалась от предыдущей позиции правительства Южной Кореи своей активностью и действенностью, а с другой стороны, как и целью предыдущих административных методов, ее целью было обеспечение надежного военного сдерживания Пхеньяна. Ким Дэ Чжун рассматривал превосходство в вооруженных силах ключевой предпосылкой для успешного проведения «политики солнечных лучей»²⁰.

Самым значительным результатом такого курса Сеула явилось то, что «солнечная политика» открыла путь к прямому диалогу Севера и Юга на высшем уровне²¹. В июне 2000 г. в Пхеньяне Ким Дэ Чжун и Ким Чен Ир провели беседу, а после окончания саммита опубликовали совместную декларацию из пяти пунктов. Оба лидера подтвердили, что они не собираются нападать на другую сторону и понимают необходимость урегулирования корейской проблемы собственными силами. Хотя им не удалось добиться взаимного признания государств, эта историческая встреча имела большое значение для безопасности в Северо-Восточной Азии по двум причинам. Во-первых, июньский саммит 2000 г. способствовал активизации дипломатии в Северо-Восточной Азии. Китай, Россия, США и Япония начали прилагать больше усилий для улучшения отношений с Пхеньяном, считая, что такие действия помогают КНДР выйти из изоляции и уменьшить зависимость от ядерных и ракетных программ. Сразу после межкорейского саммита президент России В.В. Путин посетил Пхеньян, США и КНДР провели политические диалоги на высоком уровне, а Япония возобновила переговоры о нормализации отношений с Северной Кореей. Во-вторых, соглашение о нескольких проектах в экономической области, в том числе о восстановлении транскорейской железной дороги, дало стимул к региональному экономическому сотрудничеству²².

Период улучшения двусторонних отношений после исторического саммита длился не долго. Новая администрация США во главе с президентом Дж. Бушем-младшим не особенно приветствовала «солнечную политику», и контакты между Севером и Югом сократились. К тому же с конца 2001 г. Ким Дэ Чжуну пришлось решать клубок внутренних проблем, в том числе связанных с неблагоприятной конъюнктурой, политическим скандалом и борьбой с коррупцией, что тормозило развитие двусторонних связей. Визит в Пхеньян в апреле 2002 г. Лим Донг Вона, специального представителя президента Ким Дэ Чжуна, открыл новые возможности для межкорейского диалога, а неосторожное заявление министра иностранных дел Южной Кореи Чхве Сун Хона в том же месяце и эмоциональная реакция на это заявление со стороны Пхеньяна снова завели отношения Севера и Юга в тупик²³.

Китайско-северокорейские отношения

После того как в 1992 г. Китай и Южная Корея нормализовали дипломатические отношения, сложились три пары, соединенные в своеобразный треугольник: Пекин – Сеул, Пекин – Пхеньян и Сеул – Пхеньян. До этого времени китайское правительство, сознавая геостратегическую важность такого треугольника, старательно развивало и укрепляло стабильные связи с обеими Кореями. Типичным примером осторожности Китая стал тот факт, что он долго не хотел играть роль посредника или миротворца в ходе переговоров между Югом и Севером²⁴. Только с 2003 г., когда начался процесс урегулирования северокорейской ядерной проблемы путем многосторонних переговоров, Китай начал постепенно играть главную роль в укреплении стабильности в регионе.

Что касается отношений между Пекином и Пхеньяном, то в 1990-е гг. они оставались в основном напряженными. В результате нормализации отношений между Китаем и Южной Кореей в 1992 г. и смерти в 1994 г. Ким Ир Сена, который поддерживал хорошие контакты с китайскими лидерами, двусторонние связи Китая и КНДР ослабли²⁵. Практически полностью прекратились взаимные визиты политических лидеров обеих стран. Несмотря на то, что расстояние между двумя столицами чрезвычайно мало (час на самолете), за этот период Цзян Цзэминь и Ким Чен Ир не обменялись ни одним рабочим визитом.

Заинтересованность в восстановлении отношений появилась только в конце 1990-х гг. Два фактора определили стремление Китая и Северной Кореи к новому сближению. Во-первых, на протяжении второй половины 1990-х гг. укрепляли свои военные контакты Япония и США. В 1997 г. Токио и Вашингтон пересмотрели межправительственное соглашение о военном сотрудничестве «Основные направления оборонительного сотрудничества»²⁶. В новой редакции этого документа Япония и США расширили сферу военного сотрудничества, и, естественно, это новое направление вызвало тревогу и недовольство со стороны окружающих стран Азии, в частности Китая и Северной Кореи. Во-вторых, обострение ситуации в Косово и бомбардировка Югославии силами США – НАТО вызвали у Пекина и Пхеньяна сильную обеспокоенность. Для Китая война в Косово стала опасным прецедентом, когда для принятия решения о начале военных действий можно обойти Совет Безопасности ООН. Северная Корея также начала опасаться, что она станет второй Югославией. Руководство КНДР остро почувствовало необходимость внести коррективы в свою внешнюю политику, в частности восстановить отношения с Китаем и Россией.

Наступил 2000 г., дипломатические контакты между Пекином и Пхеньяном стали более активными. Ким Чен Ир выбрал Китай первым государством для своей зарубежной поездки. Судя по всему, цель визита, состоявшегося в мае 2000 г., заключалась в подготовке к межкорейскому саммиту, открытие которого планировалось на 13 июня 2000 г. Кроме того, сразу после официального визита правительство КНДР впервые признало, что в деле модернизации социализма только лидерство коммунистической партии Китая привело страну к успеху²⁷. Такая позиция КНДР, т.е. попытка рассматривать Китай в качестве модели развития, воплотилась в секретном визите Ким Чен Ира в Шанхай в январе 2001 г. Он осмотрел ряд производственных предприятий, в том числе завод по производству компьютеров. Очевидно, что Северная Корея стремилась стать «вторым Китаем», но в связи с продовольственным и энергетическими кризисами и отсутствием серьезного намерения провести реформы в стране, Пхеньяну пока не удалось модернизировать свою экономическую систему²⁸. В сентябре 2001 г., впервые за 11 лет, Цзян Цзэминь нанес визит в Пхеньян. С этим визитом обе страны положили конец напряженным отношениям 1990-х гг. В ходе встречи Цзян Цзэминь пообещал, что Китай окажет помощь зерном в количестве 200 000 т и топливным мазутом в количестве 30 000 т.

Для Китая восстановление отношений с КНДР и активное участие в процессе урегулирования проблемы на Корейском полуострове означает не простое возобновление традиционных союзнических отношений с Пхеньяном, а поиски своей собственной позиции в Северо-Восточной Азии в долгосрочной перспективе. Лидерство Китая в ходе шестисторонних переговоров может рассматриваться в этом контексте.

Российско-северокорейские отношения

В сентябре 1990 г., когда СССР восстановил дипломатические отношения с Южной Кореей, Пхеньян воспринял это событие как измену и подверг правительство Советского Союза сильной критике. По сообщениям информационного агентства КНДР, это было «отвратительным, тошнотворным и неподобающим» действием²⁹. По мере того как политические отношения ухудшались, между двумя странами постоянно и серьезно сокращался и объем торговли³⁰.

Косвенное влияние на Москву оказал и «процесс Перри». В России он был воспринят как стремление США закрепить за собой роль главного спонсора мирного урегулирования на полуострове, оттесняя при этом других игроков³¹. Хотя Москва была недовольна такой инициативой Вашингтона, ей не оставалось ничего другого, кроме как активизировать дипломатическую деятельность для того, чтобы сохранить свое влияние на Корейском полуострове.

В 2000 г., когда на пост президента был избран В.В. Путин, руководители КНДР приняли его как лидера, с которым они могут установить новые отношения. В КНДР положительно оценили деятельность Путина, отметив, что он решительно взялся за укрепление центральной власти³². Вне всякого сомнения, у В.В. Путина было намерение принять активное участие в дипломатических переговорах вокруг Корейского полуострова наравне с такими державами Северо-Восточной Азии, как Китай, США и Япония. В отличие от окружения Б.Н. Ельцина, администрация В.В. Путина считала, по крайней мере в 2000–2001 гг., что отношениям с азиатскими странами стоит уделять серьезное внимание³³.

Период активной дипломатии России на Корейском полуострове начался с визита министра иностранных дел И.С. Иванова в КНДР в феврале 2000 г. и с подписания нового российско-северокорейского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. В июле президент России В.В. Путин посетил Пхеньян и встретился с Ким Чен Иром³⁴. В ходе этого визита отношения между Россией и КНДР были полностью восстановлены и оба лидера подписали совместную декларацию³⁵.

Такая внешнеполитическая ориентация в высшей степени была связана с «солнечной политикой» Ким Дэ Чжуна. Поскольку Ким Дэ Чжун нуждался во внешней поддержке своей позиции по отношению к Северу, он приветствовал усилия, предпринятые президентом России.

В августе 2001 г. Ким Чен Ир нанес визит в Россию. Избегая самолетов, он путешествовал по России на поезде³⁶. Позитивный аспект саммита заключался в том, что В.В. Путин и Ким Чен Ир пришли к согласию в вопросе о необходимости развития проекта «железного шелкового пути» – железнодорожной линии, которая свяжет железные дороги Корейского полуострова с Транссибирской магистралью³⁷. В то же время Московская декларация, подписанная двумя лидерами 4 августа 2001 г., снова отметила тот факт, что между Россией и КНДР продолжает существовать проблема задолженности в сумме 4 млрд долл., которая препятствует дальнейшему развитию двусторонних отношений. Согласно этой Декларации, такие формы сотрудничества, как реализации проекта «железного шелкового пути» и реконструкция предприятий советского времени, будут проводиться при условии внешнего финансирования, т.е. капиталовложений из Китая, Южной Кореи и Японии³⁸.

После террористических актов в США 11 сентября 2001 г. Северная Корея, боясь стать мишенью для проведения военной операции США после Афганистана, намеревалась установить более близкие отношения с Россией, и Москва приветствовала такое стремление Пхеньяна³⁹. В этот период влияние России на режим Ким Чен Ира достигло кульминации. Пользуясь этим обстоятельством, Россия демонстрировала сильное желание стать посредником в миротворческом процессе на Корейском полуострове.

Однако в октябре 2002 г., когда начался второй северокорейский ядерный кризис, роль России на полуострове постепенно стала уменьшаться. Напряженная ситуация в значи-

тельной степени повлияла на отношения России и КНДР. Политика шантажа, предпринятая режимом Ким Чен Ира, показала Москве, что углубление двусторонних отношений с Северной Кореей не может быть беспредельно.

Американо-северокорейские отношения

В октябре 2000 г. руководство Северной Кореи наконец ответило на сделанное в «Докладе Перри» предложение о том, что Вашингтону и Пхеньяну стоит обменяться визитами чиновников высокого ранга. С 9 по 12 октября 2000 г. первый заместитель председателя Комитета обороны КНДР, начальник главного политического управления Корейской народной армии Чо Мён Рок посетил США в качестве специального представителя Ким Чен Ира. Его визит стал символическим событием в истории обеих стран.

Итоговый документ – Совместное коммюнике США и КНДР – был не очень конкретным по содержанию, но по крайней мере, в нем было видно стремление к прогрессу в двусторонних отношениях. Для Пхеньяна было весьма важно, что в Совместном коммюнике было заявлено следующее: «И правительство США, и правительство КНДР не имеют враждебных намерений друг к другу и уверены, что обязательства обоих правительств прилагать усилия для создания новых отношений в будущем освободят народы от былой вражды»⁴⁰. Вместе с тем обе стороны договорились о визите Государственного секретаря М. Олбрайт в Пхеньян. Визит состоялся через 10 дней после возвращения Чо Мёна из США. Тогда же делегация КНДР передала президенту Б. Клинтону приглашение от Ким Чен Ира нанести официальный визит в Пхеньян. Было очевидно, что не только Северная Корея, но и администрация Б. Клинтона стремились улучшить двусторонние отношения. Причина, по которой визит Б. Клинтона в КНДР не состоялся, заключалась просто в недостатке времени у американского президента. Б. Клинтон заявил, что не сможет посетить Пхеньян в самом конце своего президентского срока, 28 декабря 2000 г.⁴¹

В январе 2001 г., когда приступила к работе администрация Дж. Буша, она наметила два основных направления своей деятельности: обращать больше внимания на отношения с союзниками и на отношения с азиатскими странами. Такая позиция может иметь три объяснения. Во-первых, в Европе угроза войны становилась все менее реальной – там оставалось лишь несколько источников региональных конфликтов. Во-вторых, в Азии существует возможность военных столкновений с участием ядерных держав. В частности, очаги конфликтов сохраняются на Корейском полуострове, в Тайваньском проливе и в Кашмире. В-третьих, необходимо было держать под контролем процесс вооружения Китая⁴². И действительно, США под руководством Дж. Буша начали укреплять отношения с союзными странами в Азии, а именно с Японией, Южной Кореей, Таиландом, Филиппинами и Австралией.

Что касается отношений с КНДР, то администрация Дж. Буша испытывала по поводу этой страны большой скептицизм, чем предыдущая администрация. Такая новая ориентация неизбежно оказала влияние на «солнечную политику» Южной Кореи. В мае 2001 г. тогдашний президент Республики Корея Ким Дэ Чжун посетил США и в ходе беседы с президентом Дж. Бушем попросил поддержать политику умиротворения по отношению к Пхеньяну. В ответ на это Дж. Буш, хотя и высоко оценил усилия Ким Дэ Чжуна, высказал недоверие к КНДР⁴³.

Вне всякого сомнения, террористические акты на территории США 11 сентября 2001 г. создали новую ситуацию в международных отношениях и сильно повлияли и на отношения США с КНДР. В январе 2002 г. президент Дж. Буш внес Северную Корею в список стран «оси зла», где, по его словам, разрабатывают ОМУ, поддерживают террористические организации и таким образом угрожают союзникам США⁴⁴. Безусловно, это заявление и проходящая в Афганистане военная операция, которая отличалась применением высокоточного оружия, нанесли сильный психологический удар по руководству КНДР. Судя по ряду заявлений, Ким Чен Ир серьезно опасался, что его страна может

стать следующей мишенью для США⁴⁵. Действительно, Северная Корея начала вырабатывать новый дипломатический курс – политику миротворчества с Южной Кореей и Японией. В апреле 2002 г., когда помощник президента Южной Кореи Лим Донг Вон посетил Пхеньян, руководство КНДР выразило готовность возобновить диалог с США⁴⁶.

Когда предметом рассмотрения становятся отношения США и КНДР, необходимо иметь в виду один важный момент: асимметричность степеней важности основных направлений внешней политики каждой страны. Для Пхеньяна США до сих пор остаются центральным фактором в дипломатии, тогда как для США и ядерная проблема КНДР, и восстановление дипломатических отношений оказываются лишь одной из многих задач, и такая тенденция все отчетливее прослеживается после начала войны в Ираке. В результате такой асимметричности появилась новая инициатива: решать северокорейскую ядерную проблему в многостороннем формате.

Японско-северокорейские отношения

С тех пор как в 1948 г. была образована КНДР, между ней и Японией не существует дипломатических отношений. Стимул к их установлению появился только после окончания холодной войны. В январе 1991 г. в Пхеньяне проходил первый раунд переговоров о нормализации дипломатических отношений. В ходе диалога северокорейская сторона потребовала компенсацию за Вторую мировую войну, а японская сторона настаивала на том, что Япония и КНДР не находились в состоянии войны, и соответственно отказалась от удовлетворения выдвинутых требований. В ноябре 1992 г. был прерван восьмой раунд переговоров и до апреля 2000 г. не было ни одной официальной межгосударственной встречи⁴⁷. Можно приписать тупиковую ситуацию прежде всего подозрениям, что в 1993–1994 гг. КНДР проводила ядерные разработки. Двусторонние отношения еще более обострились в 1998 г., когда КНДР произвела испытание БРСД *Тэпходон-1*.

«Процесс Перри» и «солнечная политика» Южной Кореи немало повлияли на внешнюю политику Токио в отношении Пхеньяна. В апреле 2000 г. обе стороны согласились на возобновление прямых переговоров, и состоялся диалог о нормализации дипломатических отношений между Японией и КНДР.

В августе 2001 г. накануне своего визита в Россию Ким Чен Ир впервые согласился ответить на вопросы зарубежного информагентства и в интервью затронул отношения с Японией. Он сказал: «Если Япония, трезво оценив тенденцию времени, станет с искренних позиций подходить к вопросу подведения черты под прошлым и откажется от враждебной политики, враждебных акций против нашей страны, то оздоровление отношений между двумя странами – Кореей и Японией – станет возможным»⁴⁸. Он намекал на возможность улучшения двусторонних отношений с Японией, вне всякого сомнения, по той причине, что японско-северокорейские отношения были включены в повестку дня беседы с президентом В.В. Путиным, которая состоялась сразу после данного интервью.

В сентябре 2002 г. премьер-министр Японии Д. Коидзуми решил посетить Пхеньян и провести беседу с Ким Чен Иром по многим проблемам, в первую очередь по проблеме похищения японцев. 17 сентября 2002 г. в Пхеньяне состоялась встреча и оба лидера подписали Пхеньянскую декларацию⁴⁹. Значимость этого события состоит в том, что КНДР не просто согласилась вести диалог на высшем уровне, но Ким Чен Ир сам признал существование проблемы похищения японцев и к тому же извинился за деятельность северокорейской разведки. Принимая во внимание историю послевоенного антагонизма двух стран, это было беспрецедентным шагом со стороны КНДР.

Значение Пхеньянской декларации заключается в следующем: во-первых, в Декларации Япония признала «реальную» Северную Корею и, исходя из такой предпосылки, вела с ней переговоры⁵⁰. Эта позиция соответствует духу «Доклада Перри» 1999 г., суть которого заключалась в том, что США не надо ждать появления «идеальной» КНДР, а следует сесть за стол переговоров с «реальной» КНДР. Во-вторых, в Пхеньянской декларации

Япония и КНДР официально заявили, что мир и стабильность на Корейском полуострове станут важной основой многостороннего сотрудничества и углубления доверия в Северо-Восточной Азии в целом. В-третьих, Пхеньянская декларация подчеркивает необходимость решения проблем безопасности, в том числе проблем ядерного оружия и баллистических ракет, путем диалога заинтересованных сторон. В-четвертых, в декларации Япония обещает КНДР экономическую помощь в условиях нормализации дипломатических отношений. Северная Корея, страдающая от экономического и энергетического кризиса, нуждается в масштабной помощи со стороны Японии и Южной Кореи, поэтому ожидается, что это даст стимул к решению накопившихся между обеими странами проблем.

Несмотря на то, что после начала второго северокорейского ядерного кризиса в октябре 2002 г. японско-северокорейские переговоры о нормализации стали сталкиваться с все большими трудностями, нельзя недооценивать участие Японии в дипломатической «игре» на Корейском полуострове. До осени 2002 г. новые межрегиональные отношения, стимулированные «Докладом Перри», «солнечной политикой» и активизацией дипломатии КНДР, распространились на все страны Северо-Восточной Азии.

ВТОРОЙ СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС И МНОГОСТОРОННИЙ ПОДХОД

Нынешний ядерный кризис на Корейском полуострове, который начался осенью 2002 г., связан с северокорейской военной ядерной программой, основанной на использовании обогащенного урана. По словам заместителя госсекретаря США Дж. Келли, первый замминистра иностранных дел КНДР Кан Сок Чу в ходе американо-северокорейских переговоров в октябре 2002 г. подтвердил наличие разработок по обогащению урана⁵¹. Очевидно, что с этого момента, как это уже было в 1993–1994 гг., КНДР возвратилась к политике шантажа, целью которой является увеличение объема экономической помощи извне и упрочение международно-политического положения страны, в том числе в результате признания КНДР США⁵².

Пхеньян открыто, хотя высокопоставленные северокорейские дипломаты в настоящее время и отказываются от наличия программы ядерного оружия, признал факт обогащения урана и, таким образом, намерение создать ядерное оружие, т.е. признал нарушение обязательств не только Рамочного соглашения между США и КНДР 1994 г., но и Договора по нераспространению ядерного оружия (ДНЯО), Соглашения о гарантиях с МАГАТЭ и Совместной декларации 1992 г. о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной. Такое признание, теоретически, требовало от международного сообщества немедленных и решительных действий, в том числе введения санкций Совета Безопасности (СБ) ООН. Однако заинтересованные страны Северо-Восточной Азии не захотели выносить эту проблему на повестку дня СБ ООН⁵³.

В конце 2002 г. и в начале 2003 г. появился новый подход к урегулированию проблемы – многосторонний, который предполагал участие в решении проблемы нескольких заинтересованных сторон, а именно: Китая, России, США, Южной Кореи и Японии⁵⁴. На пресс-конференции в феврале 2003 г. госсекретарь США К. Пауэлл намекал на два важных момента: во-первых, он разъяснил позицию администрации Дж. Буша, заключавшуюся в том, что США предпочитают многосторонние переговоры с КНДР двусторонним, потому что нынешняя северокорейская ядерная проблема касается не только США, но и всех стран Северо-Восточной Азии; во-вторых, в Вашингтоне в качестве посредника в отношениях с Северной Кореей рассматривают прежде всего Китай, являющийся главным торговым партнером КНДР, оказывающий ей большую продовольственную помощь и осуществляющий безвозмездные поставки энергоносителей⁵⁵.

Два момента могут быть отмечены на фоне того, что многосторонний подход к ядерному кризису был принят заинтересованными странами, в первую очередь США, которые занимались предыдущим кризисом в формате двусторонних переговоров. Во-первых, страны Северо-Восточной Азии извлекли одинаковый урок из критической ситуации

1993–1994 гг.: в случае следующего кризиса необходимо вести многосторонние переговоры. Южная Корея и Япония не участвовали непосредственно в переговорах, закончившихся принятием Рамочного соглашения, но взяли на себя большую часть расходов по строительству АЭС в КНДР. Сеул и Токио, испытывающие серьезное беспокойство в связи с северокорейскими ядерными и ракетными программами, всегда нуждались в многосторонних переговорах, где они могли бы представлять свою позицию⁵⁶. Что касается бывших союзников КНДР – Китая и России, то они хотели играть определенную роль в ходе урегулирования корейских проблем и увеличить свое влияние в этом регионе. США тоже понимали необходимость многосторонних переговоров, которые могли бы смягчить их политическое и финансовое бремя. Во-вторых, все страны Северо-Восточной Азии были готовы играть определенную роль в ходе урегулирования кризиса. Несмотря на то, что новые международные отношения в этом регионе, сложившиеся в итоге активизации дипломатии вокруг Корейского полуострова, не смогли удержать Пхеньян от опасных ядерных разработок, к концу 2002 г. сложилась ситуация более глубокой взаимозависимости. И Вашингтон, и Сеул фактически не могут прибегнуть к насильственным мерам по отношению к Северной Корее, потому что все заинтересованные страны региона не хотят возникновения хаоса как результата военного конфликта на Корейском полуострове.

В начале 2003 г., когда в странах Северо-Восточной Азии сложилось и возобладало всеобщее понимание необходимости многосторонних переговоров, Пхеньян продолжал требовать от Вашингтона двусторонних переговоров. КНДР, с одной стороны, ужесточала свою позицию и активно критиковала США и Японию, следующую в русле жесткой политики администрации Дж. Буша, но, с другой стороны, в действительности не переступала решающую черту, т.е. не возобновляла работу ядерного оборудования. Велика вероятность, что Китай «посоветовал» Пхеньяну не занимать слишком жесткую позицию⁵⁷.

Для того чтобы выйти из тупиковой ситуации, Пекин организовал трехсторонние переговоры по ядерной проблеме с участием Китая, Северной Кореи и США. В ходе этой встречи, проходившей с 23 по 25 апреля 2003 г. в Пекине, никакого значительного прогресса достигнуто не было⁵⁸. Тем не менее США и Китай подчеркнули важность продолжения такой формы переговоров с КНДР⁵⁹. Осознание того, что многосторонняя встреча дает возможность мирного урегулирования проблем, открыло путь к историческим шестисторонним переговорам.

После трехсторонних переговоров в Пекине в процессе определения даты следующей встречи опять возникла проблема формата. Южная Корея и Япония выразили желание участвовать в многосторонних переговорах, и США поддержали их позицию⁶⁰. Китай сначала придерживался трехстороннего формата, но потом согласился на расширение круга участников встречи и предложил добавить Россию в качестве страны-участницы⁶¹. В конце июля, когда заместитель госсекретаря США Дж. Болтон посетил Пекин, был окончательно определен шестисторонний формат. И Северная Корея согласилась на проведение шестисторонних переговоров.

До настоящего момента в формате шестисторонних переговоров состоялось три встречи (в августе 2003 г., в феврале и июне 2004 г.), но значительного прогресса достигнуто не было. С течением времени – поскольку КНДР не собирается идти на компромисс, а США и Япония придерживаются жесткой позиции так называемой «CVID» (условием оказания помощи Северной Корее стало требование полного, необратимого и поддающегося проверке отказа Пхеньяна от всех ядерных программ), – становятся очевидными преимущества и недостатки такого многостороннего формата. Самым важным достоинством многосторонности является то, что северокорейская ядерная проблема обсуждается в контексте обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии в целом. Все участники признают, что этот вызов касается не только двусторонних отношений США и КНДР, но и всего региона. К тому же шестисторонний формат не дает КНДР возможности обмануть соседние государства и, таким образом, требует от Пхеньяна ответственного поведения на международной арене.

Преимущество шестистороннего подхода признает и сама Северная Корея. Поскольку такие переговоры ведутся, Совет Безопасности ООН не принимает резолюции о санкциях в отношении Северной Кореи. КНДР сама заинтересована в получении экономической помощи от соседних стран, в первую очередь помощи со стороны Южной Кореи и Японии. Лишь многосторонние переговоры дают возможность обсудить возможность отказа от ядерной программы за счет получения экономической помощи из Южной Кореи и Японии и энергетической помощи из России, а также подтверждения гарантий безопасности КНДР.

В то же время недостатком переговоров в многостороннем формате стало выявление различных точек зрения среди стран-участниц и то, что порой различные позиции нелегко координировать⁶². Пока что переговоры находятся в той стадии, когда шесть государств только обозначают свою принципиальную позицию, но велика вероятность, что острые разногласия возникнут в случае обсуждения конкретных решений, в том числе относительно размеров экономической и энергетической помощи и относительно вопроса разделения ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на тупиковую ситуацию, относительно перспектив развития этого вызова широко распространилась оптимистическая точка зрения. Такая точка зрения основана на том, что переговорный процесс все-таки идет, и режим Ким Чен Ира, время от времени угрожая другим странам – участницам переговоров бойкотировать шестисторонний форум, все же занимает свое место за столом переговоров. Как объяснялось выше, такая ситуация сложилась в результате активизации дипломатии в Северо-Восточной Азии, т.е. после начала «процесса Перри» и «солнечной политики» все страны региона стали «заинтересованы» в решении корейской проблемы. Таким образом, в процессе урегулирования ядерных проблем на Корейском полуострове выяснилось, что многосторонний подход достаточно эффективен. Хотя ни Южная Корея, ни Китай, ни Россия, ни США, ни Япония не смогли предотвратить возникновение второго ядерного кризиса, благодаря многостороннему подходу нынешние переговоры проходят более спокойно и трезво, чем при первом кризисе 1993–1994 гг.

В то же время нельзя игнорировать тот факт, что самым влиятельным игроком остаются США. Позиция и стратегия США, как указано выше, всегда в значительной степени влияли на развитие внешней политики стран Северо-Восточной Азии. Основная причина безвыходности ситуации, тянущейся уже более двух лет, заключается в том, что администрация Дж. Буша придерживается концепции многосторонних переговоров и отказывается от прямого диалога с Северной Кореей.

При рассмотрении северокорейского ядерного кризиса с точки зрения международных отношений в Северо-Восточной Азии, можно отметить еще один момент, имеющий небольшое значение для будущего состояния безопасности этого региона. Речь идет о зарождении регионализма в Северо-Восточной Азии и стремления к созданию региональной межгосударственной организации по гарантии безопасности. Шестисторонние переговоры являются первым в истории этого региона форумом, в котором участвуют обе Кореи, Китай, Россия, США и Япония. Несмотря на то, что в ходе дискуссии пока нет конкретного прогресса, нельзя недооценивать важность проведения таких встреч.

Кроме северокорейской ядерной проблемы, у стран – участниц шестисторонних переговоров остается много нерешенных проблем, в том числе и территориальные вопросы. Теперь во всех этих странах распространяется понимание того, что они должны вместе заниматься региональными вызовами, которые потенциально дестабилизируют Северо-Восточную Азию, что не отвечает их национальным интересам. На основе зарождающегося регионализма Китай, председатель шестисторонних переговоров, изыскивает возможность создания организации для обсуждения проблем безопасности⁶³. Поскольку предполагается, что даже после разрешения ядерного кризиса проблемы вокруг

КНДР – такие, как ракетная программа и сокращение обычных вооружений, а также связанные с ними вопросы безопасности, в том числе передислокация американских войск в Азии, – не перестанут волновать регион, такая международная организация будет играть ключевую стабилизирующую роль в Северо-Восточной Азии.

Примечания

¹ Автор выражает искреннюю благодарность И.А. Ахтамзяну за его ценные советы. В данной работе представлена личная точка зрения автора, которая не должна рассматриваться как отражение позиции японского правительства.

² О подробностях первого северокорейского ядерного кризиса см.: Oberdorfer D., *The Two Koreas: A Contemporary History*. New York: Addison-Wesley, 1998; Wit, J.S., Poneman, D.B. and Gallucci R.L. eds., *Going Critical: The First North Korean Nuclear Crisis*. Washington, D.C., The Brookings Institution, 2004.

³ Ядерное Нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х томах. Том I. Под общ. ред. В.А. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 196-198.

⁴ О содержании Рамочного соглашения между Соединенными Штатами Америки и Корейской Народно-Демократической Республикой, 21 октября 1994, см.: Ядерное Нераспространение. Том II. С. 404-406.

⁵ Ядерное Нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Цит. соч. С. 198. В связи со вторым северокорейским ядерным кризисом КЕДО решила с 1 декабря 2003 г. прекратить строительство комплекса АЭС. Подробнее о деятельности КЕДО см. ее официальный сайт: <http://www.kedo.org>

⁶ Об инциденте с подводной лодкой и его последствиях, см.: Oberdorfer. Op. cit., P. 452-459; Kristoff S.J., Special Assistant to the President and Senior Director for Asian Affairs, National Security Council, "Resolution of Submarine Incident on Korean Peninsula," December 30, 1996, <http://usinfo.state.gov/regional/ea/easec/nksec6.htm>

⁷ В октябре 1998 г. – через два месяца после испытаний – Япония возобновила перечисление денежных сумм КЕДО.

⁸ Rubin, J.P., spokesman, US Department of State, "Report on the U.S. Visit to the Site at Kumchang-ni, Democratic People's Republic of Korea", June 25, 1999, <http://usinfo.state.gov/regional/ea/easec/dprk25.htm>

⁹ О ракетной программе КНДР см.: Дворкин Владимир, Щербаков Александр. Северокорейские Ракетные Мечты. *Вопросы Безопасности*. 2003, март; North Korea Missile Update 2003. Wisconsin Project on Nuclear Arms Control. *The Risk Report*. 2003, Vol. 9, No 6, November-December.

¹⁰ Perry W.J., Special Advisor to the President and the Secretary of State, "Review of United States Policy toward North Korea: Findings and Recommendations". 1999, October 12. Кроме этого, в марте 1999 г. Р. Армитедж в рамках Университета Национальной Безопасности руководил рабочей группой по изучению политики США относительно КНДР и опубликовал доклад под названием «Всеобъемлющий подход к КНДР». См.: Richard L. Armitage. A Comprehensive Approach to North Korea. National Defense University. *Strategic Forum*. 1999, March, No. 159. С одной стороны, Р. Армитедж признал важность поддержания безопасности в Северо-Восточной Азии и подтвердил необходимость выполнять задачи, определенные в Рамочном соглашении, с другой стороны, он настаивал на том, что в случае неудачи нынешних усилий США должны иметь в виду такие варианты, как усиление сдерживания и даже упреждающий удар по КНДР.

¹¹ О роли Режимы контроля над ракетной технологией (РКРТ) см.: Ядерное Нераспространение. Цит. соч. Т. I, С. 20-23. Поскольку РКРТ запрещает поставки баллистических ракет с дальностью свыше 300 км и полезной нагрузкой свыше 500 кг, северокорейские ракеты *SCUD-B*, *SCUD-C*, *Нодон* и *Тэпходон* являются объектами ограничения экспорта в рамках РКРТ.

¹² Rozman G. *The Geopolitics of the Korean Nuclear Crisis*. Strategic Asia 2003-04: Fragility and Crisis, eds. Richard J. Ellings and Aaron L. Friedberg. Seattle: The National Bureau of Asian Research, 2003, P. 254. «Процесс Перри» одновременно и повлиял на КНДР, и способствовал ее согласию возоб-

новить переговоры о нормализации отношений с США и Японией. См.: Moon C., Okonogi, M. and Reiss, M., eds. *The Perry Report, The Missile Quagmire, and the North Korean Question*. Seoul: Yonsei University Press, 2000.

¹³ О подробностях «солнечной политики» см.: The Inaugural Address by President Kim Dae-Jung of the Republic of Korea, entitled: The Government of the People: Reconciliation and a New Leap Forward. *Korea and World Affairs*. 1998, Vol. 22, No.1. P. 93-99.

¹⁴ Cha V. Korea's Place in Axis. *Foreign Affairs*. 2002, May-June. P. 82-83.

¹⁵ Kwak T. The Korean Peace-building Process: Problems and Prospects in Korean Peace Process and the Four Powers. eds. Kwak T. and Joo S. Ashgate, 2003. P. 13.

¹⁶ Сайто М. Росия но гайко сэйсаку (Внешняя политика России). Токио: Кэйсо Сёбо, 2004. С. 121-122.

¹⁷ В 2000 г. намерение установить дипломатические отношения с КНДР высказали Германия, Голландия, Бельгия, Испания, Канада и др.

¹⁸ Harrison, S.S. Time to Leave Korea? *Foreign Affairs*. 2001, March-April. P. 62-64.

¹⁹ Kwak T., and Joo S., Op. cit. P. 40.

²⁰ Moon, C. The Sunshine Policy and the Korean Summit: Assessments and Prospects in Future of North Korea. ed. Akaha, T. London: Routledge, 2002. P. 28-29.

²¹ Недавно был раскрыт поразительный факт – оказывается, что в январе – феврале 2000 г. ученые-ядерщики Южной Кореи тайно обогащали уран. Судя по всему, трудно сделать вывод о том, что южнокорейское правительство было нацелено на создание ядерного оружия. Тем не менее этот инцидент оказывает немалое влияние на развитие шестисторонних переговоров и укрепление безопасности в регионе. Ёсинори Такэда. Ядерные испытания Южной Кореи: влияние на безопасность Северо-Восточной Азии. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/71276.htm>

²² Rozman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge University Press, 2004. P. 276.

²³ О заявлении Чхве Сун Хона см.: Hiatt, F. N Korea: What a Big Stick Can Do. *Washington Post*. 2002. April 23.

²⁴ Samuel S. Kim and Tai Hwan Lee. Chinese-North Korean Relations: Managing Asymmetrical Interdependence in *North Korea and Northeast Asia*. eds. Kim S. S. and Lee T. Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2002. P. 131.

²⁵ Zhao Q., China and the Korean Peace Process in Korean Peace Process and the Four Powers, Op. cit. P. 111.

²⁶ О подробностях этого документа, см.: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/guideline2.html>

²⁷ Нодон Симмун. 2000, 3 июня.

²⁸ О «глобализации» экономики КНДР и связанных с ней проблемах см.: Noland, N. North Korea's External Economic Relations: Globalization in «Our Own Style» in *North Korea and Northeast Asia*. P. 165-194.

²⁹ Bazhanov E. and Bazhanova N. The Evolution of Russian-Korean Relations. *Asian Survey*. 1994, September. P. 792.

³⁰ В 1990 г. объем торговли составлял 2,3 млрд долл., в 1991 г. – 365 млн долл., в 1995 г. – 100 млн долл., а в 1997 г. – 78 млн долл. Забровская Л. Россия и КНДР. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 68.

³¹ Толорая Георгий. Корейский полуостров и Россия. *Международная Жизнь*, 2002. Декабрь. С. 64.

³² *Корейское Центральное Информационное Агентство*. 2001, 9 февраля.

³³ Типичный пример такой позиции правительства России – статья В.В. Путина «Россия: новые восточные перспективы». 2000, 10 ноября. <http://president.kremlin.ru/text/appears/2000/11/28426.shtml>

³⁴ Стремление России к расширению влияния на Корейском полуострове должно рассматриваться и в контексте её политических и экономических интересов на Дальнем Востоке. См.: Тренин Дмитрий. Азиатский вектор в стратегии Москвы. *Независимая Газета*. 2003, 27 октября.

³⁵ О содержании Декларации: <http://www.ln.mid.ru/ns-rasia.nsf/strana>

³⁶ Полномочный представитель президента РФ в Дальневосточном федеральном округе К.Б. Пуликовский сопровождал Ким Чен Ира и написал книгу о результатах этой поездки. Пуликовский К. Восточный Экспресс: по России с Ким Чен Иром. М.: Городец, 2002.

³⁷ Joo S. Russia and the Korean Peace Process in Korean Peace Process and the Four Powers. Op. cit. P. 161. О проблемах реализации этого проекта, см. Medetsky A. Fadeyev. Hails Korea Rail Link, Experts Unsure. *Moscow Times*. 2002, August 23.

³⁸ О содержании Декларации: <http://www.ln.mid.ru/ns-rasia.nsf/strana>

³⁹ Rowen H.S. Kim Jong Il Must Go. *Policy Review*. 2003, October-November; *Moscow Times*. 2002, April 22.

⁴⁰ U.S.-DPRK Joint Communiqué. 2000, October 12. <http://usinfo.state.gov/regional/ea/easec/usnkorea.htm>

⁴¹ Statement by the President on US Policy toward North Korea. 2000, December 28. <http://usinfo.state.gov/regional/ea/easec/nkclinton.htm>

⁴² Tanaka A. Security in the Era of New War. Tokyo, Toshi-Shuppan, 2002. P. 58-59.

⁴³ Manning R.A. United States-North Korean Relations: From Welfare to Workfare? in North Korea and Northeast Asia. P. 84

⁴⁴ The President's State of the Union Address. 2002, January 29. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>

⁴⁵ Rowen H.S. Op. cit.

⁴⁶ Tanaka A. Op. cit. P. 54

⁴⁷ О японско-северокорейских отношениях до 1991 г. см.: Masao O. Japan and North Korea. Tokyo, PHP Press, 1991.

⁴⁸ О содержании интервью с Ким Чен Иром 4 августа 2002 г. http://www.kommersant.ru/news/get_news.asp?id_news=18825&id_alias=9

⁴⁹ Япония – КНДР Пхеньянская Декларация, 17 сентября 2002 г. http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/pmv0209/pyongyang.html

⁵⁰ Kang S. Overcoming Problems between Japan and the DPRK. Tokyo, Shueisha, 2003. P. 177-178

⁵¹ Kelly J.S. North Korea: Towards a New International Engagement Framework. Remarks to The Research Conference. 2004, February 13. <http://usinfo.state.gov/regional/ea/easec/nkoreapg.htm#archive>

⁵² Министр по делам национального объединения Южной Кореи Чжон Сэ Хён выразил озабоченность и отметил возвращение Пхеньяна к политике шантажа. *Korea Times*. 2002, October 20.

⁵³ Убедившись в том, что международное сообщество не готово к жестким мерам, Северная Корея вывела кризис на новый, более высокий уровень эскалации. 12 декабря 2002 г. МИД КНДР объявил, что Пхеньян немедленно возобновляет работу по строительству ядерных объектов в Ненбене. 24 декабря 2002 г. были сняты пломбы и видеокамеры, с помощью которых МАГАТЭ контролировало «замораживание» работ на северокорейских ядерных объектах. Инспекторы МАГАТЭ были высланы из страны. Наконец, в январе 2003 г. Пхеньян объявил о выходе из Договора по нерас-

пространению ядерного оружия, а в конце февраля 2003 г. в КНДР возобновил работу один ядерный реактор и продолжилось строительство двух законсервированных в 1994 г. ядерных объектов. Abramowitz M., Heginbotham E., Laney J.T. Meeting the North Korean Challenge. Independent Task Force Report, Council on Foreign Relations, May 2003. P. 9-10.

⁵⁴ В этот период только Россия пыталась решать данную проблему своими усилиями. В январе 2003 г., когда обстановка обострилась и отношения между США и КНДР резко ухудшились, В.В. Путин отправил в Северную Корею специального представителя. 20 января заместитель министра иностранных дел А.П. Лосюков передал Ким Чен Иру «пакетное предложение» В.В. Путина о путях разрешения ядерной проблемы. Верлин Евгений. Пхеньян переводит стрелку на Вашингтон. *Независимая Газета*. 2003, 21 января. КНДР, однако, не обратила серьезного внимания на предложенный Россией план урегулирования.

⁵⁵ Powell C. Press Briefing By Secretary of State Colin L. Powell On Board Plane En Route to Elmendorf Air Force Base. 2003, February 21. <http://usinfo.state.gov/regional/ea/easec/powellnk3.htm>

⁵⁶ Caprio, M. An Evaluation of the United States-North Korea Agreed Framework in Northeast Asian Relations and Japan Concerning North Korea. eds. Hiram Yoyichi and Sugita Yoneyuki. Tokyo, Akashi Press, 2003. P. 60.

⁵⁷ Abramowitz Heginbotham and Laney. Op. cit. P.10.

⁵⁸ О результате переговоров см. заявление МИД Китая. <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjg/yzs/gjlb/2701/2703/t22846.htm>

⁵⁹ См. заявления госсекретаря США К. Пауэлла и министров иностранных дел КНР Ли Цзяосина, <http://usinfo.state.gov/regional/ea/easec/powellnk424.htm>; <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjg/yzs/gjlb/2701/2703/t22846.htm>

⁶⁰ В июне 2003 г. заместитель госсекретаря США Р. Армитедж высказался за участие Южной Кореи и Японии в переговорах. <http://usinfo.state.gov/regional/ea/easec/japanarmitage.htm>

⁶¹ В мае 2003 г. пресс-секретарь МИД КНР заявил, что в данной ситуации приоритет принадлежит трехсторонним переговорам. См.: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjg/yzs/gjlb/2701/2704/t22849.htm>

⁶² Например, после окончания второго раунда шестисторонних переговоров в феврале 2004 г. заместитель министра иностранных дел России А.П. Лосюков намекал на наличие разногласий и выразил недовольство, заявив, что «Россия и Китай больше всех заинтересованы в мирном урегулировании проблемы». *ИТАР-ТАСС*. 2003, 1 марта.

⁶³ Zhongying P. Beijing Seeks Multilateral Northeast Asian Security. *Asia Times Online*. 2004, April 9. <http://www.atimes.com/atimes/China/FD09Ad03.html>

А
У
Н
М
Е
П
О
П

Приглашаем Вас в Клуб Триалог

Основанный в 2000 г., Клуб *Триалог* объединяет крупные компании и дипломатические представительства, средства массовой информации и научно-исследовательские организации.

Цель Клуба – оперативно и квалифицированно знакомить его членов с широким спектром позиций и мнений по актуальным вопросам международной безопасности.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **подпиской** на периодические (журнал *Ядерный Контроль* на русском и английском языках) и электронные (*Вопросы Безопасности*, *Arms Control & Security Letters* и *Ядерный Контроль: Информация*) издания ПИР-Центра;
- **монографиями и докладами** серии Библиотека ПИР-Центра;
- **доступом** к информационным ресурсам Центра и специально созданным для членов Клуба разделам в сети Интернет (<http://www.trialogue.ru> и <http://www.pircenter.oris/rus/club/>);
- **приглашениями на** ежеквартальные заседания Клуба и заседания Экспертно-консультативного совета Центра (4 раза в год).

С докладами на заседаниях Клуба выступают ведущие государственные и неправительственные эксперты из России и зарубежных стран. Докладчиками на последних встречах Клуба *Триалог* стали:

- **Н.Н. Спасский**, заместитель секретаря Совета безопасности РФ;
- **Г. Шафеи**, посол Исламской Республики Иран в РФ;
- **С.В. Антипов**, заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии;
- **А.И. Антонов**, директор Департамента по вопросам безопасности разоружения МИД РФ;
- **Р. Айнхорн**, бывший заместитель Госсекретаря США по вопросам нераспространения;
- **О.М. Сараев**, генеральный директор Концерна «Росэнергоатом».

Клуб Триалог – это практическая и эффективная помощь компаниям в продвижении и развитии их бизнеса; трибуна для представления национальной позиции по актуальным вопросам современности дипломатам и эксклюзивный источник информации для журналистов.

Клуб Триалог объединяет российские и зарубежные компании с суммарным годовым оборотом более 20 млрд долл. и персоналом более 100 тыс. человек. Среди представителей бизнеса, являющихся членами Клуба *Триалог*, в частности, такие компании, как *Bechtel* и *Washington Group Int.*

В 2004 г. к Клубу *Триалог* присоединились компании *Booz Allen Hamilton*, *Техснабэкспорт*, *Посольство Франции* и японское информационное агентство *ННК*.

Членом Клуба можно стать, оплатив **клубный взнос** за индивидуальное или корпоративное членство.

За более подробной информацией об условиях вступления в Клуб *Триалог* следует обращаться по тел. (095) 764-9896 или электронной почте: info@trialogue.ru.

Владимир Белоус | УГРОЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭМИ-ОРУЖИЯ В ВОЕННЫХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Широкое распространение военных технологий и технологий двойного назначения в условиях глубоких противоречий во многих регионах мира способствует тому, что помимо государственных структур все более активно осваивают новые виды оружия и разнообразные способы борьбы террористические организации различного толка. Образовавшийся своего рода «террористический интернационал» наносит неожиданные удары в различных регионах мира, нередко нанося большой ущерб мирному населению, разрушая многие жизненно важные объекты, дестабилизируя международную ситуацию.

ПРИМЕНЕНИЕ ЭМИ-ОРУЖИЯ

Появление принципиально новых видов оружия может привести и неизбежно приведет к появлению новых форм и методов борьбы, к отказу от вооруженных столкновений массовых армий, физического уничтожения людей непосредственно на поле боя, когда понятия «фронт» и «тыл» потеряют свое современное значение. На смену существующим видам оружия могут прийти, и уже приходят, незаметно действующие средства, в том числе переводящие поле боя в киберпространство, нарушая систему военного и государственного управления, разрушая внутреннюю стабильность государства. Они будут способны оказывать латентное воздействие на организм человека, разрушать его жизнедеятельность, защиту от метеорологических и инфекционных факторов, приводя таким образом к постепенной гибели или долговременному выходу человека из строя¹.

Среди подобных средств поражения в последнее время стало все чаще упоминаться электромагнитное оружие, воздействующее на различные объекты с помощью мощного электромагнитного импульса (ЭМИ). Этому в немалой степени способствовало широкое распространение в мире электронной техники военного и гражданского назначения, различного рода высокотехнологичных устройств, которые, решая чрезвычайно ответственные задачи, в том числе и в сфере безопасности, оказались весьма чувствительными к воздействию этого поражающего фактора. На практике это было убедительно подтверждено использованием США ЭМИ-оружия в ходе боевых действий против Ирака в 1991 и 2003 гг. и против Югославии в 1999 г., где они, по существу, проходили испытания в реальных условиях.

Впервые об электромагнитном импульсе, способном наносить поражение различным техническим устройствам, заговорили в ходе первых послевоенных испытаний ядерного оружия вначале в США, а затем и в СССР. В июне 1946 г. в районе о-ва Бикини (Маршалловы острова) под шифром «Операция Кроссродс» были проведены испытательные ядерные взрывы, в ходе которых исследовалось поражающее действие нового оружия. В ходе этих испытаний впервые было обнаружено новое физическое явление – образование мощного импульса электромагнитного излучения, к которому сразу же был проявлен большой интерес. Особенно значительным оказался ЭМИ при высоких взрывах. Летом 1958 г. в США была проведена серия ядерных взрывов на больших высотах. В ходе испытаний под шифром «Хардтэк» были взорваны два заряда мегатонного класса: «Тэк» – на высоте 77 км и «Ориндж» – на высоте 43 км.

В 1962 г. высотные испытания были продолжены: под шифром «Старфиш» был произведен взрыв боеголовки мощностью 1,4 Мт на высоте 450 км. В Советском Союзе в 1961–1962 гг. была также проведена серия испытаний, в ходе которых исследовалось воздействие ЭМИ высотных взрывов (180–300 км) на различную электронную аппаратуру и технические устройства².

Природа ЭМИ состоит в том, что образующиеся при ядерном взрыве гамма-кванты высоких энергий, с огромной скоростью двигаясь в атмосфере, выбивают электроны из атомов газов воздуха (так называемые «комптоновские» электроны). Образовавшийся поток электронов, взаимодействуя с магнитным полем Земли, образует импульс электромагнитного излучения, который может создать напряженность поля у поверхности Земли порядка многих сотен киловольт на метр. ЭМИ может быть значительно усилен за счет особой конструкции боезаряда, обеспечивающей повышенный выход гамма-излучения (суперЭМИ).

О военном значении ЭМИ-оружия, в частности, свидетельствует то, что, по расчетам американских специалистов, взрыв ядерного заряда мощностью 10 Мт над географическим центром США – штатом Небраска – приведет к нарушению работы электронной аппаратуры, линий связи и энергоснабжения, системы государственного и военного управления, радио- и радиолокационных станций почти на всей территории страны в течение времени, достаточного для срыва ответных действий³. При планировании первого удара этому оружию может быть отведена решающая роль по срыву ответных действий противника. Это означает, что суперЭМИ носит явно наступательный характер, являясь контрольным средством, выводящим из строя систему государственного и военного управления противника, его ракеты, радиолокационные станции, систему энергоснабжения. Использование суперЭМИ может стать весьма заманчивым для агрессора, тем более что на территории обороняющейся стороны остается нетронутой почти вся государственная инфраструктура и ее промышленный потенциал, который, в свою очередь, является весьма заманчивым при осуществлении планов оккупации территории противника. В принципиальном плане подобное средство может быть создано любым государством – обладателем ядерного оружия.

Понимание опасности, исходящей от ЭМИ-оружия, вскоре привело к тому, что еще в начале 1960-х гг. в США и в СССР были разработаны и приняты программы по обеспечению электромагнитной стойкости стратегических систем вооружений и военной техники: ракет, пусковых установок, самолетов, РЛС, систем боевого управления, связи и энергоснабжения. Стойкость этих систем к воздействию ЭМИ проверялась и совершенствовалась в ходе многочисленных ядерных испытаний в последующие годы. После заключения в 1963 г. Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах испытания аппаратуры и образцов вооружений на стойкость по отношению к ЭМИ проводились на моделирующих установках. Так, американский имитатор АТЛАС-1 позволял проводить испытания бомбардировщика В-52 в натуральную величину. Подобные моделирующие установки были созданы также и в СССР. В ту пору был накоплен значительный опыт в повышении стойкости к ЭМИ различных видов оружия и обеспечивающих систем – этот опыт может пригодиться и в настоящее время в связи с созданием нового поколения ЭМИ-оружия. После подписания Договора 1963 г. работы по совершенствованию ядерного ЭМИ-оружия проводились в лабораторных условиях с таким расчетом, чтобы в случае необходимости можно было бы вернуться к полигонным испытаниям.

Исследования неядерного ЭМИ-оружия начали проводиться в США и СССР (России) в 1980–1990-х гг. При этом ставилась задача – создать оружие, обладающее необходимой мощностью и отличающееся высокой прицельностью и направленностью действия. Диаметр поля поражения на Земле при взрыве ЭМИ-заряда в воздухе на оптимальной высоте должен быть ограниченным, что необходимо для создания достаточно высоких значений напряженности поля. В принципиальном плане создание подобного ЭМИ-боеприпаса вполне под силу государству, обладающему средним научно-техническим потенциалом.

Создание современного, неядерного ЭМИ-оружия с самого начала шло по двум направлениям: разработка специальных боеприпасов и стационарных источников излучения. Было установлено, что мощные широкополосные импульсы электромагнитной энергии сверхвысокочастотного (СВЧ) диапазона могут быть получены с помощью мощных электромагнитных генераторов. При разработке такого оружия основной задачей является создание боевых средств с мощными источниками излучений, энергетические возмож-

ности которых обеспечивали бы надежное выведение из строя радиоэлектронных средств на расстояниях от десятков и сотен метров до нескольких километров. В настоящее время определены основные требования к подобного рода устройствам, которые могут быть использованы в военных целях: системы ЭМИ-оружия должны иметь энергию излучения, достаточную для вывода из строя радиоэлектронных средств противника на расчетных расстояниях – от сотен мегаватт до гигаватт; ЭМИ-оружие должно иметь приемлемые массогабаритные характеристики, чтобы быть транспортабельными с помощью наземных, морских и воздушных средств, – масса не более 10 т, объем – несколько кубометров. Выполнение этого требования позволяет предположить, что скорее всего подобная стационарная установка вначале будет смонтирована на каком-либо военном корабле.

В ходе проводимых исследований была установлена довольно высокая чувствительность радиоэлектронной аппаратуры к воздействию высокочастотных полей, прежде всего вследствие весьма сложных физических процессов, происходящих в ней при таком воздействии. Этому в значительной мере способствует переход электронной аппаратуры от использования радиоламп и замене их на полупроводниковые элементы, а также высокая степень интеграции аппаратуры: чем сложнее система радиоэлектронных средств, тем более она уязвима. В частности, установлено, что сбои и отказы в элементной базе существующих в настоящее время микропроцессоров и компьютеров возникают при напряженности полей ультракороткого диапазона порядка 1 кВ/м. В то же время более сложные системы выходили из нормального функционирования уже при уровне напряженности поля около нескольких десятых долей кВ/м⁴.

Директор Института теплофизики экстремальных состояний академик В.Е. Фортов дал краткую характеристику нынешнему электромагнитному оружию. По его словам, в принципиальном плане это оружие – не новинка. В настоящее время, когда войска и инфраструктура многих государств до предела насыщены электроникой, внимание к средствам ее поражения является вполне закономерным. В.Е. Фортов подчеркнул, что, хотя формально это оружие относится к нелетальному, специалисты включают его в категорию стратегического оружия, которое может быть использовано для выведения из строя ключевых объектов системы государственного и военного управления при нанесении первого удара. В.Е. Фортов напомнил, что еще в 1950-х гг., в ходе изучения ядерного ЭМИ, впервые принцип устройства и действия неядерной электромагнитной бомбы предложил «отец» российского термоядерного оружия академик А.Д. Сахаров. В этой конструкции магнитное поле сжимается взрывчаткой, в результате чего возникает мощный импульс электромагнитного излучения. Один из проектов такого оружия состоит из трех последовательно расположенных электромагнитных генераторов, в которых высокоскоростное сжатие магнитного поля производится с помощью взрыва небольшого по мощности заряда химического взрывчатого вещества⁵.

Российские специалисты не могли оставить без внимания возможность появления и использования нового оружия в других странах, а также необходимость разработки различных средств защиты от него. Упорный труд не пропал даром, и, по словам академика В.Е. Фортова, в последние годы в России были достигнуты серьезные успехи в разработке стационарных исследовательских генераторов, создающих высокие значения напряженности магнитного поля и максимального тока. Подобные генераторы могут послужить научно-техническим прообразом «электромагнитной пушки», дальность действия которой может достигать сотен метров и более, в зависимости от того, на какую аппаратуру необходимо воздействовать. При этом не создается никакой ударной волны или других поражающих факторов, не причиняется разрушений, а только парализуется или разрушается электронная аппаратура. По утверждению академика В.Е. Фортова, возможно создать миниатюрное ЭМИ-оружие ближнего действия. Подобное устройство было испытано в Институте теплофизики, где продемонстрировали поражающее действие электромагнитного пистолета. При выстреле из него с некоторого расстояния в автомобиль, оснащенный современной электроникой, она сразу же «вырубилась» и автомобиль тут же остановился⁶.

Как уже упоминалось, исследования в области высокоэнергетических СВЧ-излучателей на основе идей А.Д. Сахарова обеспечивают создание ЭМИ-боеприпасов на основе малогабаритных взрывных электромагнитных генераторов. Создание подобного вида ЭМИ-оружия открывает широкую дорогу для его использования в военных целях. По данным экспертов, в настоящее время более чем в 25 странах ведутся разработки

средств и способов ведения кибернетических войн. При этом особая роль отводится использованию атакующего информационного оружия, основное предназначение которого состоит в оказании разрушающего действия на хранящуюся, обрабатываемую и передаваемую информацию противника. Довольно быстрое внедрение передовых технологий повышает вероятность неожиданного появления асимметричных угрожающих способностей у широкого круга потенциальных противников, в том числе и основанных на использовании ЭМИ⁷.

Существующий в настоящее время уровень технологий позволяет ряду стран поставить своим вооруженным силам различные модификации боеприпасов с мощным ЭМИ-излучением, которые могут быть использованы в боевых операциях. Во время войны 1991 г. в Персидском заливе для подавления радиоэлектронных средств (РЭС) противника использовались крылатые ракеты *Tomahawk*, создававшие при срабатывании их боеголовок ЭМИ-излучение мощностью до 5 МВт. В самом начале войны с Ираком в 2003 г. с американского самолета на телецентр в Багдаде была сброшена такая бомба, которая мгновенно вывела из строя радиоэлектронную аппаратуру телецентра. Перед этим такая же бомба была испытана в 1999 г. в Югославии. Война в зоне Персидского залива, в частности, показала, что рассчитывать на свою безопасность страна может только при наличии надежной системы противовоздушной и противоракетной обороны, а основные цели войны могут быть достигнуты путем проведения интенсивного электронно-огневого воздействия даже без вторжения наземных сил на территорию противника.

Электромагнитные боеприпасы, изотропно излучающие энергию, способны обеспечить значительные радиусы поражения целей, оснащенных высокоточными системами самонаведения. Это особенно убедительно выглядит при сравнении зон поражения подобных целей ЭМИ-боеприпасами и обычными снарядами. Так, для 120-миллиметрового электромагнитного снаряда при применении его по крылатой ракете обеспечивается радиус поражения порядка 60 м по сравнению с 5–6 м для осколочно-фугасного снаряда того же калибра. Однако следует подчеркнуть, что создание эффективных ЭМИ-боеприпасов для борьбы с крылатыми ракетами, оснащенными системами самонаведения, связано с определенными трудностями, которые обусловлены различной стойкостью подобных целей к поражающему фактору – электромагнитному излучению.

Дело в том, что каждая система оружия обладает определенными зонами стойкости и уязвимости, что должно учитываться при создании ЭМИ-боеприпаса для конкретного вида оружия. Например, две ракеты системы ПРО, отличающиеся между собой лишь типами головок самонаведения – инфракрасной или электронно-оптической, будучи равностойкими к ударной волне или поражающим осколочным элементам, могут существенно отличаться по стойкости к воздействию ЭМИ различного частотного диапазона. Перед разработчиками встает вопрос: как создать боеприпас ЭМИ, обладающий высокой эффективностью поражения целей различного вида, иными словами – необходимо сконструировать универсальное боевое средство, что на сегодняшний день является одной из серьезных технических трудностей на пути к их широкому внедрению в войска⁸.

Специалистами определяется, что на устойчивость цели к воздействию ЭМИ существенно влияет скорость обработки информации ее системой управления, которая, в свою очередь, определяется характером боевой задачи. Это означает, что система наведения ракеты, атакующей маневрирующий самолет, должна обрабатывать информацию значительно быстрее, чем, например, противокорабельная ракета. А. Прищепенко на основе анализа взаимодействия средств нападения (ЭМИ-оружия) и защиты от него сформулировал основные требования к новому оружию, обеспечивающие его эффективное применение против некоторых целей, оснащенных электроникой. Одновременно на этой основе есть возможность определять основные направления по повышению стойкости этих устройств к действию ЭМИ-излучения, разрабатывая активные меры защиты. Это дает возможность считать длительность цикла обработки информации целью в качестве масштаба эффективности воздействия ЭМИ, разделив их условно на три группы:

- кратковременное воздействие – перегрузка электронных устройств в системе управления цели в течение времени, равного длительности одного или нескольких циклов обработки информации. Этот эффект незначительно повлияет на вероятность выполнения целью боевой задачи, поскольку выработка команд управления производится по накоплению информации за несколько циклов;

- временное ослепление – воздействие на систему управления в течение времени, значительно превышающего длительность цикла обработки информации. Этот эффект существенно снижает вероятность выполнения целью боевой задачи;
- стойкое функциональное поражение системы управления (выход из строя). Оно потребует довольно мощного воздействия, которое при стрельбе ЭМИ-боеприпасами обеспечить не так просто⁹.

По мнению некоторых специалистов, наиболее рациональным способом воздействия на атаковую цель является эффект временного ослепления, он может быть реализован при достижимых плотностях и длительности излучения ЭМИ. Повышение вероятности выведения того или иного оружия из строя напрямую зависит от увеличения мощности ЭМИ-боеприпасов, которые могут быть созданы на основе малогабаритных взрывомагнитных генераторов. На таком принципе устроены реактивные боеприпасы США калибра от 40 до 125 мм. В качестве частного вывода следует указать, что ЭМИ-оружие, несмотря на свои боевые возможности, не сможет вытеснить из арсеналов огневые средства поражения. Однако, несомненно, в совокупности с огневыми средствами ЭМИ-оружие способно обеспечить нанесение противнику серьезных потерь, сократить затраты сил и времени для достижения победы над ним. Можно полагать, что проведение широкого круга НИОКР в области создания ЭМИ-оружия откроет еще немалые возможности в его эффективности при ведении разного рода боевых действий.

УГРОЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭМИ-ОРУЖИЯ ТЕРРОРИСТАМИ

Распространение в мире современных военных технологий происходит на фоне набирающего силу международного терроризма. Зловещий симбиоз закономерно привел к тому, что, по признанию лидеров «Большой восьмерки», в настоящее время основная угроза для международной безопасности исходит от распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и террористических организаций, которые в последнее время все более активно проявляют тенденцию к объединению. В современном мире наибольшую опасность будут представлять террористы, заполучившие в свои руки новые технологии и ОМУ. При анализе подрывной деятельности международного терроризма следует иметь в виду, что он представляет собой один из методов политической борьбы с использованием насилия и применения широкого круга средств поражения с целью устрашения противника и принуждения руководства того или иного государства к определенным уступкам в пользу террористов.

Террористические акции, совершенные 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, а также теракты в октябре 2002 г. в Москве показали, что международный терроризм переходит в новую фазу своего развития. Террористы меняют стратегию и тактику своей зловещей деятельности, совершая переход от парадигмы «принудительной дипломатии», связанной с захватом заложников и предъявлением политического ультиматума руководству той или иной страны, к парадигме «терроризм-война», основной целью которой является возможно большее количество человеческих жертв и серьезный экономический ущерб, дестабилизация внутренней ситуации в стране¹⁰.

На рубеже XXI в. основными объектами террористических действий стали США и Россия. В Концепции национальной безопасности РФ, утвержденной 10 января 2000 г., прямо указывается: «Серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации представляет терроризм. Международным терроризмом развязана открытая кампания в целях дестабилизации ситуации в России»¹¹. Для достижения поставленной цели – причинения больших потерь и разрушений, дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и оказания мощного психологического воздействия на население – террористы стараются заполучить в свои руки новые виды оружия, особенно ОМУ, получить доступ к технологиям двойного назначения. Известны неоднократные попытки террористов тем или иным путем получить доступ к ядерному оружию, что было особенно характерным для периода распада Советского Союза, разгула национализма и экстремизма в некоторых его регионах. Известно, что У. бен Ладен выделял многомиллионные денежные суммы на приобретение ядерных боезарядов, в частности и для чеченских бандформирований. Среди документов захваченного архива Д. Дудаева был обнаружен детально разработанный план захвата ядерной боеголовки с атомной подлодки и последу-

ющей ее доставки в Чечню для предъявления ультиматума руководству России. Основная ставка при этом делалась на неожиданность и непредсказуемость подобного развития событий. В 2001 г. были выявлены попытки двух террористических групп разведать системы охраны и обороны на объектах хранения ядерного оружия, однако эти попытки были решительно пресечены¹².

Современный терроризм берет на свое вооружение самые разнообразные средства и методы, которые зачастую весьма сложно предугадать, а тем более своевременно нейтрализовать. Среди них, пока еще не очень явно, а зачастую довольно скрытно, выдвигается угроза совершения террористических акций с использованием источников электромагнитного излучения.

Это в значительной мере обусловлено высокой уязвимостью по отношению к воздействию ЭМИ множества объектов инфраструктуры городов, особенно мегаполисов, поражение которых с применением ЭМИ может оказаться весьма чувствительным для государств с высоким научно-техническим уровнем. Наличие в государственных, экономических и военных структурах большого количества радиоэлектронной аппаратуры различного назначения, ее сравнительно слабая защищенность от воздействия электромагнитного излучения постепенно инициировали появление и первые попытки использования сверхширокополосного СВЧ-оружия в террористических целях¹³.

Появление сообщений о том, что террористические организации стали проявлять повышенный интерес к использованию в своих целях устройств, генерирующих мощные импульсы электромагнитного излучения, побуждает ученых и военных специалистов, в первую очередь России и США, объединять усилия для противодействия этой угрозе. При этом приходится констатировать, что реальная угроза, исходящая от подобных действий террористов, в значительной степени объясняется не только высокой чувствительностью различных элементов радиоэлектронных систем, но и значительной сложностью обеспечения их защищенности.

Исследователи обращают внимание на состав разнообразных технологических и экономических компонентов инфраструктуры городов, которые могут в наибольшей степени вероятности стать объектами нападения с помощью ЭМИ-оружия: коммутационные системы общего назначения, системы управления нефте- и газопроводов, сетевые системы энергоснабжения, системы государственного и военного управления, различные банковские системы, системы здравоохранения и др. При этом следует признать, что проанализировать степень угрозы для всех компонентов государственной инфраструктуры, а тем более обеспечить их надежную защиту от потенциальных ударов оружием ЭМИ, весьма затруднительно, однако многое в этом направлении можно и нужно сделать.

Возникают вполне закономерные вопросы: каким видится электромагнитное оружие широкого спектра, которое может быть использовано террористическими организациями в их целях? Насколько реальна в настоящее время угроза использования террористами оружия ЭМИ? Отвечая на эти вопросы, следует заметить, что ученые ряда стран еще в середине 1990-х гг. обратили внимание на научно-технические возможности создания таких устройств. Это, в частности, выразилось в том, что в 1996 г. на международном симпозиуме «AMEREM-96» впервые широко обсуждалась проблема «электромагнитного терроризма». Под этим термином понималось преднамеренное использование излучателей электромагнитных полей или генераторов импульсных напряжений с целью нарушения функционирования электронных и энергетических систем¹⁴.

Непосредственным поводом для обсуждения проблемы электромагнитного терроризма стало проведенное незадолго до этого успешное применение американскими террористами генератора широкополосного излучения для блокирования полицейской радиосвязи при полицейской антикриминальной операции. Реальность подобной угрозы была подтверждена еще раньше: в 1992 г. в США в рамках проекта «MARK-N» было сконструировано работающее устройство, формирующее мощный импульс ЭМИ и оказывающее сильное воздействие на электронную аппаратуру. Это явление вызвало пристальное внимание научных кругов и, как известно, даже обсуждалось в Конгрессе США. Главным результатом этих обсуждений явилась выработка единого мнения о потенциальной уязвимости современных электронных систем и необходимости разработки и внедрения в практику превентивных мер защиты. Тогда ученые определили два возможных способа террористического воздействия на такие системы: облучение объекта

мощным электромагнитным полем; инъекция высоковольтных импульсов в цепи электропитания и заземления объектов.

Сегодня довольно сложно ответить на вопрос: смогут ли в ближайшем будущем террористы создать генератор ЭМИ требуемой мощности и габаритов, обеспечивающий необходимое разрушающее действие на расстоянии десятков или сотен метров? Однако ученые предупреждают, что научно-технический уровень и политическая направленность ряда государств, особенно оказывающих поддержку международному терроризму, может способствовать созданию таких устройств. При этом в ходе проводимых в последние годы экспериментов, в частности, было установлено, что максимальной уязвимостью к воздействию ЭМИ обладают незранированные вычислительные устройства общего назначения при уровнях напряженности электрического поля около 1 кВ/м. При увеличении амплитуды напряженности до десятков кВ/м наступает катастрофическая деградация элементов, приводящая к полной потере работоспособности всей системы. Это делает весьма заманчивым создание устройства, обеспечивающего подобные характеристики ЭМИ-излучения¹⁵.

Известно, что в настоящее время в ряде стран имеются ЭМИ-излучатели, обладающие достаточной мощностью для дистанционного нарушения функционирования электронных систем. Однако в силу крупных габаритов и большого веса, сложности эксплуатации они практически нетранспортабельны и их (и им подобных) использование в террористических целях практически исключено. На сегодняшний день такие установки наперечет и находятся под контролем властей. В то же время ученые предупреждают, что в недалеком будущем ожидается появление более миниатюрных полупроводниковых излучателей достаточно большой мощности. Предполагается, что подобные излучатели будут способны скрытно нанести удар по электронной системе на расстоянии нескольких десятков и даже сотен метров.

По предположению В.Е. Фортова, подобные устройства могут оказаться в руках террористов, которые постараются пустить их в ход. С их помощью они могут вывести из строя практически любой электронный или энергетический объект. Картина может выглядеть примерно так: подходит к объекту человек с кейсом в руках, нажимает кнопку, и вся электронная аппаратура данного объекта тут же выходит из строя. Это не утопия. Террористы уже применяли подобное оружие в отношении банков в Северной Ирландии и Швеции¹⁶.

Как уже упоминалось, второй вариант совершения террористического акта состоит в инъекции высоковольтных электрических импульсов в цепи электропитания или заземления объектов. С этой целью учеными были выполнены две большие экспериментальные работы. Полученные результаты показали, что с помощью компактного генератора импульсов напряжением порядка 10 кВ с энергией порядка 1 кДж можно вывести из строя все компьютеры (по существу всю систему управления) крупного объекта. Имеющиеся в ряде стран компактные генераторы импульсных напряжений обладают способностью формировать напряжения необходимой амплитуды. Они могут питаться как от сети переменного тока, так и от автономного источника питания¹⁷.

Особенно значительные результаты могут быть получены в случае инъекции высоковольтных импульсов в наиболее чувствительные элементы крупных систем энергоснабжения. Возможным результатом такого теракта будет прекращение подачи энергии на значительной территории, подобно тому, как это имело место при аварии в электросети Нью-Йорка в 2003 г., оставившей без электроэнергии территорию с населением около 50 млн. человек, что вызвало массовую панику и растерянность людей. После этой аварии ряд специалистов высказывали мнение о том, что она явилась результатом диверсии.

Все вышесказанное означает, что созданные уже в настоящее время образцы импульсных генераторов могут обеспечить террористам вывод из строя электронных систем различных объектов. В дальнейшей перспективе некоторые специалисты указывают на возможность использования террористами довольно мощных транспортабельных источников импульсных электромагнитных излучений в целях проведения широкомасштабных террористических акций. Так, по представлению одного ученого, установка с источником питания в виде импульсных аккумуляторных батарей и преобразователем импульсного излучения может быть смонтирована на базе грузовой машины под видом автономного генератора промышленного назначения. Двигаясь ночью по улицам крупного города, такая установка может последовательно вывести из строя систему госу-

дарственного и местного управления, узлы связи, банки, систему энергоснабжения и другие важнейшие объекты инфраструктуры, тем самым полностью парализуя жизнь города, вызывая панику среди населения¹⁸.

Понимание опасности, исходящей от терроризма, привело к созданию российско-американской программы для борьбы с этим злом. Российскую сторону возглавляет академик Е.П. Велихов, американскую – П. Ульстер, бывший президент Национальной инженерной академии. В составе этой рабочей группы образована секция, непосредственно занимающаяся проблемами борьбы с электромагнитным терроризмом. Один из основных вопросов, которые стоят перед этой группой, состоит в том, могут ли террористы в недалеком будущем создать сверхширокополосный излучатель необходимой мощности и габаритов, обеспечивающий поражение радиоэлектронных средств на расстоянии многих десятков или сотен метров? Возможно ли создать эффективную систему мониторинга и идентификации подобных устройств?

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что террористические акции с использованием импульсных источников напряжений могут вскоре получить довольно широкий размах. Это диктует настоятельную необходимость объединения усилий ученых разных стран с целью обнаружения и нейтрализации устройств, которые могут быть использованы при осуществлении террористических акций, а также с целью разработки методов противодействия и защиты объектов от нанесения ударов с помощью ЭМИ-оружия. По мнению ряда ученых, по значимости для обеспечения национальной безопасности такая программа работ, возможно, уже в недалеком будущем станет не менее актуальной, чем создание системы ПРО территории страны, и значение такой программы с течением времени будет только возрастать.

Примечания

¹ Белоус Владимир. Каким будет ОМУ третьего тысячелетия. *Ядерная Безопасность*. 2000. № 32-33.

² *Ракетная и Космическая Техника*. 1988. №7. С. 3.

³ Фигуровский Д. ЭМИ ядерного взрыва. *Зарубежное Военное Обозрение*. 1989. № 8.

⁴ Некоторые вопросы создания, характеристик и перспектив нелетального оружия. *Ядерный Контроль*. 1998. № 3, Май-июнь. С. 57.

⁵ Покровский Владимир. Бомба для микросхем. Интервью с академиком В.Е. Фортовым. *НГ-Наука*. 2003, 9 апреля.

⁶ Там же.

⁷ Гриняев Сергей. Война в четвертой сфере. *Независимое Военное Обозрение*. 2000, 10 ноября.

⁸ Прищепенко Александр. Оружие уникальных возможностей. *Независимое Военное Обозрение*. 1998, 6 ноября.

⁹ Там же.

¹⁰ Супертерроризм: новый вызов нового века. Под общ. ред. А.В. Федорова. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 31

¹¹ Указ Президента РФ № 24 от 10.01.2000 г.

¹² Кузнецов В.М. Основные проблемы и современное состояние безопасности предприятий ЯТЦ РФ. М., 2002. С. 113.

¹³ Терроризм в мегаполисе. Под ред. В.З. Дворкина. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 109.

¹⁴ Лоборев В. и др. Электромагнитный терроризм – проблема защищенности. Материалы второго российско-китайского семинара по стратегической стабильности в мире и контролю над вооружениями. М.: Институт стратегической стабильности, 2003. С. 344-346.

¹⁵ Там же. С. 347

¹⁶ Покровский Владимир. Цит. соч.

¹⁷ Лоборев В. Цит. соч. С. 348.

¹⁸ Дзлиев М.И. Международный терроризм как социально-политический феномен. *Безопасность Евразии*. М., 2002. С. 576-590.

Михаил
Барабанов

АТОМНОЕ НАДВОДНОЕ СУДОСТРОЕНИЕ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В момент своего появления атомная энергетика рассматривалась как один из наиболее перспективных источников энергии для надводных боевых кораблей и гражданских судов, сулящий произвести в надводном судостроении такую же, если не большую, революцию, чем в подводном. Эйфория от возможности «на нескольких килограммах урана обогнуть Земной шар» привела к тому, что с конца пятидесятих годов работы по внедрению ядерных энергетических установок (ЯЭУ) на надводные корабли и суда велись широким фронтом во многих странах¹. Однако спустя почти полвека применение ЯЭУ в этих секторах кораблестроения рассматривается как удел исключительно ряда узкоспециализированных надводных единиц: в военных флотах оно ограничивается только вновь строящимися атомными авианосцами, а в гражданском судостроении – исключительно атомными ледоколами, причем продолжение строительства последних находится под вопросом.

АТОМНОЕ НАДВОДНОЕ КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

В области военного надводного и подводного кораблестроения во внедрении ядерной энергетики на флоте лидировали американцы. В 1957 г. ими был заложен первый в мире боевой корабль с ЯЭУ – ракетный крейсер *CGN 9 Long Beach* полным водоизмещением 16 600 т и имевший двухвальную энергетическую установку мощностью 80 000 л.с. с двумя водо-водяными реакторами (ВВР) *C1W*². Крейсер вступил в строй в сентябре 1961 г., а всего спустя три месяца на испытания вышел и второй американский атомный корабль – первый в мире атомный авианосец *CVN 65 Enterprise*, для обеспечения полной мощности которого в 280 000 л.с. на четырех валах была применена уникальная ЯЭУ с восьмью (!) реакторами *A2W* тепловой мощностью по 120 МВт каждый и 32 парогенераторами. Год спустя флоту был передан и атомный фрегат (по тогдашней классификации, с 1975 г. корабли этого класса именовались крейсерами – CGN) *DLGN 25 Bainbridge*, по водоизмещению вдвое меньший, чем *Long Beach*, и имевший при этом ЯЭУ аналогичной мощности и два ВВР *D2G*³. В 1964 г. соединение из этих трех атомных кораблей совершило демонстрационный кругосветный переход (операция «Sea Orbit»), пройдя за 65 дней 35 000 миль⁴.

Однако после постройки этих единиц ВМС США вновь вернулись к постройке авианосцев и эскортных кораблей с обычными энергетическими установками (ЭУ) – в первую очередь из стоимостных соображений. Следующий американский атомный корабль – фрегат *DLGN 35 Truxtun* с ЯЭУ, идентичной *Bainbridge*, вошел в строй в 1967 г. Опыт сравнительной эксплуатации атомных и обычных кораблей близких типов (аналогами *Bainbridge* и *Truxtun* с котлотурбинными энергетическими установками были серийно строящиеся фрегаты соответственно типов *Leahy* и *Belknap*) продемонстрировал, что на кораблях класса фрегат-крейсер применение ЯЭУ не дает таких уж серьезных преимуществ с точки зрения критерия «стоимость-эффективность», а значительные размеры и вес ЯЭУ (даже с учетом веса жидкого топлива удельный вес ЯЭУ на 25–30% выше ана-

логичных котлотурбинных установок)⁵ «съедают» дефицитные на кораблях малого и среднего водоизмещения веса и объемы, необходимые для размещения боевых средств и т.п. Стоимость эксплуатации кораблей с ЯЭУ за счет необходимости создания соответствующей инфраструктуры, а также стоимости подготовки и содержания высококвалифицированного личного состава оказалась намного больше обычной, в то время как преимущества неограниченной дальности плавания оказались довольно скромными, поскольку атомным кораблям все равно приходилось действовать в составе соединений кораблей с «конвенциональными» ЭУ. Серьезные вопросы уже в то время вызвала и предстоящая утилизация кораблей с ЯЭУ. Поэтому в дальнейшем строительстве атомных надводных эскортных кораблей в ВМС США велось в незначительных количествах: в 1970-е гг. были введены в строй лишь два фрегата (крейсера) типа *DLGN 35 California*⁶ и четыре типа *DLGN 38 Virginia*⁷ (все с теми же реакторами *D2G*, слегка модифицированными), а после 1980 г. прекратилось полностью. Неоднократно выдвигавшиеся вплоть до конца 1980-х гг. различные проекты атомных ракетных крейсеров под обозначениями *CSGN* и *CGN 42*, которые должны были вооружаться многофункциональной системой *AEGLIS*, так и не были реализованы из экономических соображений⁸. С течением времени командование ВМС США явно стало воспринимать устаревающие и дорогостоящие в эксплуатации атомные крейсера как обузу, и в 1990-е гг. эти суда одними из первых попали «под нож» сокращения корабельного состава флота в свете изменившейся мировой обстановки – все девять атомных крейсеров американского флота были списаны в 1995–1999 гг. и довольно быстро утилизированы⁹.

В то же время опыт эксплуатации первого атомного авианосца *Enterprise* показал явные преимущества применения ЯЭУ на крупных авианесущих кораблях. Большой удельный вес ЭУ на огромном корабле не имел серьезного значения, зато отказ от необходимости хранения значительного количества жидкого топлива позволил использовать высвободившиеся объемы для увеличения запасов авиационного горючего и вооружения, значительно увеличивая тем самым боевой потенциал главного оружия авианосца – авиакрыла. Так, *Enterprise* при полном водоизмещении 89 000 т нес 2 720 000 американских галлонов авиационного топлива и 2520 т авиационного вооружения, в то время как последний американский котлотурбинный авианосец *CV 67 John F. Kennedy* при полном водоизмещении порядка 81 000 т – только 1 950 000 галлонов авиационного топлива и 2150 т авиационного вооружения¹⁰. Другими преимуществами ЯЭУ на авианосцах являются отсутствие дымоходов и дымовых труб, что сокращает размеры надстройки, а отсутствие задымления облегчает условия посадки самолетов и уменьшает коррозию антенн РЛС и фюзеляжей авиационной техники¹¹. В конечном счете американские специалисты пришли к выводу, что атомные авианосцы обладают «интегральными» преимуществами в боевой эффективности примерно на 20% по сравнению с авианосцами того же размера с котлотурбинными ЭУ¹².

В свете этого американцы с момента закладки в 1968 г. своего второго атомного авианосца *CVN 68 Nimitz* (введен в строй в 1975 г.) перешли исключительно на строительство авианосцев с ЯЭУ, позволяющей более полно реализовать боевые возможности этих гигантских кораблей – самых больших в истории военного кораблестроения (полное водоизмещение последних серийных превышает 102 000 т). В 2004 г. флоту был передан девятый корабль серии *CVN 76 Ronald Reagan*¹³. В отличие от *Enterprise*, ЭУ кораблей типа *Nimitz* включает лишь два больших реактора *A4W* (данные о тепловой мощности которых неизвестны, но очевидно, что она превышает 500 МВт для одного реактора). Несмотря на периодически проявляемые в последние три десятилетия колебания, исходящие преимущественно из политических кругов, относительно желательности строительства меньших и более «дешевых» авианосцев, в том числе с неядерными ЭУ, все предпринимаемые в Америке на этот счет исследования однозначно подтверждали оптимальность кораблей типа «*Nimitz*» для решения задач, стоящих перед ВМС США¹⁴. В настоящее время, в соответствии с определенным на будущее постоянным составом авианосных сил в 12 авианосных группах, в Соединенных Штатах продолжается постройка кораблей этого класса с ЯЭУ. В постройке находится авианосец *CVN 77 George H. V. Bush*, представляющий собой модифицированный корабль типа *Nimitz* (срок сдачи флоту – 2008 г.)¹⁵, а в дальнейшем планируется постройка двух атомных авианосцев нового поколения программы *CVN-21* – *CVN 78* и *CVN 79* (возможно, их номера будут изменены на *CVN 21* и

CVN 22), которые должны войти в строй в 2013 и 2018 гг. соответственно, причем с вводом последнего ВМС США будут располагать флотом, состоящим исключительно из атомных авианосцев. Предполагается, что корабли типа CVN-21 будут иметь реакторы нового поколения A5W⁶.

Единственной страной, кроме США, имеющей в составе флота атомный авианосец, является Франция, осуществившая с 1989 г. постройку корабля *R 91 Charles de Gaulle* полным водоизмещением около 40 600 т, вступившего в состав ВМС в 2000 г. Двухвальная ЯЭУ этого корабля мощностью 76 000 л.с. включает два реактора национальной разработки K15, аналогичные устанавливаемым на французских атомных ракетных подводных лодках типа *Le Triomphant*. Такое решение, принятое из соображений экономии, оказалось источником многих проблем для *Charles de Gaulle*, поскольку мощность, развиваемая ЭУ, оказалась недостаточной для развития авианосцем проектной скорости хода, а биологическая защита ЯЭУ – не вполне отвечающей требованиям к эксплуатации на надводном корабле¹⁷. В свете этого, когда в 2002 г. французским Министерством обороны было объявлено о намерении в ближайшее время начать строительство второго авианосца со вводом его в строй к 2015 г., было принято решение не повторять механически тип *Charles de Gaulle*, а рассмотреть еще три варианта: создание усовершенствованного проекта авианосца с ЯЭУ, разработка нового проекта авианосца с неатомной ЭУ, а также возможность присоединения к работам, ведущимся в Великобритании по программе перспективного авианосца CVF с неатомной ЭУ с целью создания совместного проекта с англичанами¹⁸. Строительство непременно атомного корабля отставала французская государственная кораблестроительная организация DCN, в то время как представители командования ВМС Франции, насколько можно судить, выступали в пользу авианосца с неядерной ЭУ¹⁹. В ноябре 2003 г., специально рассмотрев вопрос о выборе ЭУ «второго» авианосца, комиссия Национального собрания по делам обороны и вооруженных сил высказалась за постройку атомного корабля²⁰. Тем не менее, 13 февраля 2004 г. французское правительство приняло окончательное решение строить «второй» авианосец неатомным и в тесном сотрудничестве с Великобританией по проекту, близкому к выбранному для английских авианосцев программы CVF²¹.

АТОМНОЕ НАДВОДНОЕ КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ В СССР И РОССИИ

В СССР работы по созданию атомных надводных кораблей были начаты еще в 1955 г., когда разрабатывались проекты ракетного крейсера проекта 63 и ракетного корабля ПВО проекта 81 с ЯЭУ, которые не были реализованы вследствие общей политики Н.С. Хрущева отказа от постройки крупных надводных кораблей²². С начала 1960-х гг. Северным ПКБ велось проектирование «атомного сторожевого корабля» проекта 1144 (шифр *Орлан*), который в итоге десятилетие спустя вследствие многократного пересмотра тактико-технических требований вылился в проект гигантского корабля в 24 000 т с мощным противолодочным и ударным вооружением, официально классифицированного как тяжелый атомный ракетный крейсер (ТАРКР). Головной корабль проекта 1144 *Киров* был введен в строй в 1980 г., вслед за ним к концу 1990-х гг. на Балтийском заводе в Ленинграде построили еще три единицы по модифицированному проекту 11442 – *Фрунзе*, *Калинин* и *Петр Великий* (до 1992 г. именовался *Юрий Андропов*), а от дальнейшей постройки серии отказались еще в 1990 г.²³ Двухвальная энергетическая установка корабля общей мощностью 140 000 л.с. включала два ВВР КН-3 тепловой мощностью по 300 МВт, а также два резервных нефтяных котла²⁴. После распада СССР, в условиях резкого сокращения финансирования, ВМФ оказался явно не в состоянии полноценно содержать эти дорогостоящие корабли, тактическое назначение которых неясно. Реально в боевом составе находится только последний крейсер серии *Петр Великий*, объявленный «флагманом Российского флота». ТАРКР *Адмирал Ушаков* (бывший *Киров*) с 1990 г. находился в отстое вследствие необходимости замены аварийной ЯЭУ и, несмотря на шумиху о его возможном восстановлении, был в 2001 г. окончательно списан²⁵. Тихоокеанский крейсер *Адмирал Лазарев* (бывший *Фрунзе*) также с начала 1990-х гг. пребывает в резерве, в настоящее время законсервирован в бухте Стрелок, и шансов на его возвращение в строй, видимо, нет. Некоторые подвижки имеются только в работах по среднему ремонту на Северном машиностроительном предприятии в Северодвинске треть-

его корабля серии *Адмирал Нахимов* (бывший *Калинин*), на котором в начале февраля 2003 г. были наконец начаты мероприятия по перезарядке активных зон реакторов, хотя, как ожидается, весь ремонт продлится не менее трех лет²⁶.

С конца 1960-х гг. в Невском проектно-конструкторском бюро (ПКБ) шло проектирование полноценных больших авианесущих кораблей с ядерной энергетикой (проекты ЛАВ, 1160 и 1153), однако по политическим причинам до строительства этих кораблей дело так и не дошло, а взамен производилась постройка «гибридных» тяжелых авианесущих крейсеров (ТАКР) с котлотурбинными ЭУ²⁷. К вопросу о строительстве атомных авианосцев флот смог практически обратиться только в 1984 г., когда Невскому ПКБ было выдано тактико-техническое задание на проектирование атомного ТАКР проекта 11437 полным водоизмещением 74 900 т. Закладка этого корабля – *Ульяновск* – была произведена на Черноморском судостроительном заводе в Николаеве 25 ноября 1988 г., однако вследствие распада СССР строительство было остановлено в 20-процентной готовности, и в 1992 г. корпус разобрали на стапеле. ЯЭУ проектов 1160, 1153 и 11437 представляла собой как бы «спаренную» «кировскую» с четырьмя главными турбозубчатыми агрегатами (ГТЗА) и четырьмя реакторами КН-3 при сохранении резервных паровых котлов. На *Ульяновске* должны были устанавливаться модифицированные реакторы КН-3-43 с увеличенной тепловой мощностью и продленным до 12 лет ресурсом активной зоны²⁸.

К числу наиболее экзотических военных кораблей в мире относится построенный в СССР на Балтийском заводе по проекту Центрального конструкторского бюро (ЦКБ) «Балтсудопроект» атомный большой разведывательный корабль ССВ-33 *Урал* проекта 1941 (шифр *Титан*) полным водоизмещением 35 200 т с энергетической установкой, аналогичной ЭУ ТАКР проекта 1144. Вступившему в строй в 1988 г. огромному кораблю вследствие последовавших событий так и не нашлось применения, и он по сей день отстает на приколе во Владивостоке²⁹. В числе нереализованных советских проектов следует упомянуть об атомных ракетных крейсерах проектов 1165 (шифр *Фугас*) и 1293 начала 1970-х гг., а также о разрабатывавшемся вплоть до 1987 г. атомном большом противолодочном корабле (также именовался эскадренным миноносцем и крейсером) проекта 11990 (шифр *Анчар*). Интересно, что в последних вариантах *Анчара* прорабатывалось применение комбинированной ядерно-газотурбинной ЭУ с использованием в качестве форсажных двигателей газовых турбин (схема CONAG)³⁰, как и на американском CGN 42. Такая система позволила бы уменьшить необходимую мощность собственно ядерной установки. В 1980-е гг. в Советском Союзе прорабатывалась возможность создания атомных вариантов эскадренного миноносца проекта 956 и сторожевого корабля проекта 11540, а Северным ПКБ велись работы по созданию ледокольного пограничного сторожевого корабля с комбинированной ядерно-газотурбинной ЭУ. Все эти проекты, насколько известно, так и не вышли из эскизной стадии³¹.

Как и в США, развитие атомного надводного кораблестроения в СССР прошло путь от восторженной оценки перспектив боевых кораблей с ЯЭУ до куда более сдержанных выводов по итогам их реальной эксплуатации – поскольку первый советский атомный боевой корабль *Киров* вступил в строй почти на два десятилетия позже американского атомного «первенца» *Long Beach*, то и переоценка произошла гораздо позже. С конца восьмидесятых годов в нашей стране также не ведется проектирование неавианесущих надводных кораблей с ЯЭУ, и вступившему в строй в 1998 г. *Петру Великому*, похоже, предстоит стать последним таким кораблем в мире.

В настоящее время перспективы применения ЯЭУ на авианосцах больших размеров по-прежнему сохраняются. Однако следует отметить, что для стран, не имеющих большого числа заморских баз и мощной системы плавучего тыла, как это ни парадоксально, применение ЯЭУ на авианесущих кораблях носит не столь однозначный характер, поскольку наличие атомного реактора на борту практически исключает возможность захода корабля в порты других государств, что, скорее, ограничивает стратегическую маневренность флота. Именно эти обстоятельства, судя по всему, привели к отказу от применения ядерной энергетикой на перспективных британских авианосцах программы CVF и на «втором» французском авианосце. Для России, в случае возобновления в будущем строительства авианесущих кораблей, этот вопрос тоже может быть актуален.

АТОМНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ СУДОСТРОЕНИЕ

Советский Союз опередил другие страны в применении судовой атомной энергетики в мирных целях. В декабре 1959 г. под советским флагом было введено в эксплуатацию первое в мире гражданское судно с ЯЭУ – построенный Адмиралтейским заводом в Ленинграде атомный ледокол *Ленин* (проект 92, разработанный ЦКБ-15, ставшим затем ЦКБ «Айсберг»). Судно нормальным водоизмещением 17 277 т имело трехвальную турбозлектрическую ЭУ номинальной мощностью 44 000 л.с. с паропроизводящей установкой (ППУ) ОК-150 с тремя ВВР тепловой мощностью по 90 МВт (из которых один был резервным)³². Опыт использования этого корабля на Северном морском пути был признан успешным (несмотря на произошедшую в феврале 1965 г. аварию реактора № 2, потребовавшую полной замены ППУ на новую типа ОК-900 с модернизацией по проекту 92М)³³, и с 1970-х гг. на Балтийском заводе было развернуто строительство спроектированных в ЦКБ «Айсберг» более крупных (23 460 т, 75 000 л.с.) атомных ледоколов проекта 10520 типа *Арктика* с ЯЭУ второго поколения ОК-900, включающей два реактора КЛ-40 тепловой мощностью по 160 МВт. Всего по 1991 г. было введено в строй пять судов этого типа: *Арктика*, *Сибирь*, *Россия*, *Советский Союз* (в постройке – *Леонид Брежнев*), *Ямал* (в постройке – *Октябрьская Революция*). Последние три судна строились по улучшенному проекту 10521, а еще один – *50 Лет Победы* (при закладке – *Урал*) – по сей день находится в достройке. Кроме того, в Финляндии по заказу СССР в 1980-е гг. были построены два меньших по размерам (18 100 т, 51 000 л.с.) мелкосидящих атомных ледоколов проекта 10580 *Таймыр* и *Вайгач*, которые на Балтийском заводе оснащались однореакторной ЯЭУ того же типа. Проект создания гигантского ледокола – «лидера» проекта 10560 (56 000 т, 185 000 л.с.) не был реализован по экономическим соображениям³⁴. Остались на бумаге и разработанные в ЦКБ «Айсберг» в 1980-е гг. проекты линейного ледокола под шифром *Ямал-2* и ледокола с ограниченной осадкой под шифром *Анадырь*³⁵.

Из-за финансовых ограничений последних лет состояние атомного ледокольного флота близко к критическому. Ресурс ППУ ледоколов составляет 100 тыс. часов и к настоящему времени у большинства из них выработан или близок к этому. Еще в 1990 г. был списан *Ленин*, в 1992 г. выведен в отстой *Сибирь*. В настоящее время ведутся работы с целью продления ресурса ППУ до 150–175 тыс., а в перспективе – и до 200 тыс. часов³⁶ (первым прошел такую модернизацию ледокол *Арктика*, вновь введенный в строй летом 2003 г.)³⁷, но эта программа сталкивается с недостатком финансирования. Так, на содержание ледокольного флота требуется около 1 млрд руб. в год дотаций, на 2003 г. запрашивалось 630 млн, а правительство РФ вообще отказывалось выделять финансирование³⁸.

Следует отметить, что, хотя атомные ледоколы традиционно воспринимались как одна из визитных карточек СССР и их строительство велось в том числе и по политико-престижным соображениям, ряд специалистов еще в советские времена высказывали мнение о чрезмерной дороговизне постройки и эксплуатации атомных ледоколов, реальная ледопроеходимость которых ненамного превосходила ледопроеходимость меньших по размерам ледоколов с обычными ЭУ³⁹. Так, бывший заместитель министра морского флота СССР по судостроению Н. Быков в своих мемуарах указывает, что «атомные ледоколы [...] не следовало заказывать, особенно после 1976 года»⁴⁰. Тем не менее в 2003 г. было объявлено о планах не только завершить достройку атомного ледокола *50 Лет Победы* в 2005 г., но в ближайшие пять лет начать строительство атомного ледокола нового поколения с увеличенной мощностью, проект которого разрабатывается в ЦКБ «Айсберг»⁴¹.

Известно, что в настоящее время ЦНИИ морского флота совместно с Мурманским морским пароходством выступили с предложениями по развитию ледокольного флота России, предлагая строительство атомных ледоколов двух типов: ледокола-лидера с ЯЭУ с мощностью на валах около 100 МВт (соответственно расчетная тепловая мощность ППУ порядка 600 МВт) и универсального двухосадочного ледокола с ЯЭУ с мощностью на валах около 50 МВт (расчетная тепловая мощность ППУ порядка 300 МВт). Специалисты ЦНИИ им. академика А.Н. Крылова предлагают дополнить этот ряд также мелкосидящими атомными ледоколами с мощностью на валах 30 МВт и тепловой мощностью ЯЭУ 150 МВт⁴². Вероятность реализации столь обширных замыслов в настоящих экономических условиях представляется сомнительной. Так или иначе, но сегодня только Россия вы-

сказывается в пользу продолжения строительства гражданских судов с ЯЭУ, – пусть и таких специфических, как ледоколы.

Специально для транспортных перевозок по Северному морскому пути в СССР был построен на Керченском заводе «Залив» и введен в 1988 г. в строй уникальный атомный лихтеровоз *Севморпуть* (проект 10081, разработанный в ЦКБ «Балтсудопроект») дедвейтом 33 980 т с усиленным ледовым корпусом и одноваловой ЯЭУ, представляющей собой вариант все той же ОК-900 с одним модифицированным ВВР КЛ-40. Судно до сих пор успешно находится в эксплуатации. Тем не менее постройка второго однотипного лихтеровоза была отменена еще в советские времена из-за высокой стоимости⁴³.

За рубежом же бум атомного гражданского судостроения сошел на нет, практически не успев начаться. В 1960-е гг. в экспериментальных целях было построено два атомных транспортных судна – американское грузопассажирское *Savanna* (22 000 т водоизмещения, один ВВР тепловой мощностью 74 МВт), вступившее в строй в 1962 г., и западногерманский рудовоз *Otto Hahn* (25 180 т, один ВВР в 38 МВт), сданный в 1968 г. Эксплуатация обоих судов быстро выявила их полную нерентабельность в сравнении с обычными коммерческими судами – так, достаточно сказать, что сумма дотаций на эксплуатацию *Savanna* со стороны Морской администрации США составляла от 2,2 до 2,5 млн долл. в год. *Savanna* была поставлена на прикол в качестве корабля-музея в 1970 г., а на *Otto Hahn* в 1979 г. ЯЭУ была заменена дизелем. Еще более скандальной оказалась судьба японского атомного научно-исследовательского судна *Mutsu* (8350 т, один ВВР в 36 МВт). Построенное еще в 1970 г., оно 20 лет находилось на приколе, поскольку местные японские власти по экологическим соображениям запрещали его движение вдоль побережья. Лишь в 1990–1992 гг. судно совершило несколько испытательных выходов в море, после чего в 1992 г. было вновь поставлено на отстой и используется в качестве исследовательского центра⁴⁴. Итальянцы, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. планировавшие постройку военного исследовательско-транспортного судна *Enrica Fermi*, в конечном счете отказались от этого намерения. Введение в 1970-е гг. большинством развитых государств мира значительных ограничений или прямых запретов на заход в их порты судов с ядерными энергетическими установками окончательно поставило точку на перспективах коммерческого атомного судостроения в обозримом будущем.

Анализируя сложности эксплуатации гражданских судов с ядерными энергетическими установками, отечественные специалисты отмечают, что таким судам нужны «специальная база для ремонта и подготовки судов к рейсам; специальные обслуживающие, вспомогательные суда, принимающие в свои трюмы отработанные радиоактивные жидкие и сухие жесткие отходы, недоработанные тепловыделяющие элементы, которые использовать нельзя, в то время как часть недогоревшего урана остается; специальная защита, навыки и опыт при перезарядке реакторов; контейнеры и необходимые механические устройства погрузки; большие затраты на постройку и эксплуатацию судов; численность обслуживающего персонала в 2–5 раз выше, чем на обычных судах [...] Решить [удовлетворительно] все эти проблемы возможно лишь через десятки, если не сотни лет»⁴⁵.

Вкратце стоит упомянуть о проектах атомных подводных лодок коммерческого назначения. Предложения подобного рода были весьма популярны в эпоху «атомного бума» 1960-х и начала 1970-х гг., в изобилии рождаясь и в США, и в СССР – в первую очередь в виде проектов подводных танкеров⁴⁶. Однако сомнительная экономическая проработанность делала их практически неосуществимыми. В качестве идей по транспортировке минеральных ресурсов в арктических условиях подобного рода проекты периодически всплывают и по сей день – так, например, ЦКБ «Лазурит» еще в начале 2004 г. опубликовало предложения по подводному буровому комплексу по добыче газа, включающему атомное подводное судно снабжения⁴⁷. В 1990-е гг. ЦКБ МТ «Рубин» прорабатывало в сотрудничестве с ОАО «Норильский никель» проект переоборудования выводимых из состава ВМФ атомных подводных ракетноносцев проекта 941 в подводные рудовозы, способные к круглогодичным перевозкам по трассе Северного морского пути⁴⁸, но в силу явной нерентабельности до реализации этого проекта дело не дошло. Как представляется, идея атомных подводных коммерческих транспортных судов является заведомо мертворожденной и поэтому вряд ли будет когда-либо осуществлена.

Некоторые перспективы имеет строительство плавучих атомных электростанций (АЭС) для отдаленных районов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Так, в 1993–1994 гг. по заказу Министерства атомной энергетики России был проведен конкурс на проект такой электростанции «малой мощности». Победителем конкурса стало АО «Атомэнерго», представившее проект на основе плавучего энергоблока с двумя ВВР типа КЛТ-40С суммарной тепловой мощностью 77 МВт⁴⁹. Однако вследствие высокой стоимости таких станций (строительство головной оценивается, по разным данным, от 150 млн⁵⁰ до 245 млн⁵¹ долл.) и сопротивления общественности и властей ряда регионов к строительству плавучих АЭС до сего времени так и не приступили. В ноябре 2002 г. руководством Министерства атомной энергетики было в очередной раз заявлено о планах постройки четырех таких АЭС с размещением в Северодвинске, Дудинке, Вилючинске и Певеке со строительством станций на Северном машиностроительном предприятии со сдачей головной через 4–5 лет, однако из-за недостатка финансирования проект пока остается на бумаге⁵². Рентабельность плавучих АЭС также подвергается критике – так, по некоторым оценкам, стоимость вырабатываемой ими электроэнергетики будет составлять порядка 12 центов за киловатт-час, что заведомо неприемлемо⁵³.

Таким образом, создание плавучих АЭС сталкивается по существу с теми же проблемами, какие ранее наблюдались и в строительстве коммерческих атомных судов, – значительные строительные и эксплуатационные затраты лишают (или грозят лишить) их всякой рентабельности, а требования охраны окружающей среды и ядерной безопасности (в современных условиях – в том числе и необходимость защиты от террористических посягательств) делают их малопривлекательными (если не сказать – пугающими) в глазах населения и властных структур. В итоге будущее применения ядерной энергетики на море в гражданских целях остается сегодня более неопределенным, чем когда бы то ни было.

Примечания

¹ См.: Быховский И.А. Атомные суда. Л.: Судпромгиз, 1961.

² Первая буква в обозначении американских морских атомных реакторов обозначает класс корабля, а вторая – компанию-изготовителя: W – Westinghouse, G – General Electric, C – Combatchen Engineering.

³ Conway's All the World's Fighting Ships 1947–1995. L.: Conway Maritime Press, 1995. P. 572–582.

⁴ Короткин И.М., Слепенков З.Ф., Колызаев Б.А. Авианосцы и вертолетоносцы. М.: Воениздат, 1972. С. 153–154.

⁵ Там же.

⁶ DLGN 36 California, DLGN 37 South Carolina.

⁷ DLGN 38 Virginia, DLGN 39 Texas, CGN 40 Mississippi, CGN 41 Arkansas.

⁸ Conway's All the World's Fighting Ships 1947–1995. Op. cit. P. 584–590.

⁹ Nuclear Powered Surface Ships. <http://www.radiationworks.com/nuclearships.htm>

¹⁰ Conway's All the World's Fighting Ships 1947–1995. Op. cit. P. 571–572.

¹¹ Короткин И.М., Слепенков З.Ф., Колызаев Б.А. Цит. соч. С. 154–155.

¹² Там же. Также обсуждение этого вопроса на американском опыте в: Sur le mode de propulsion du second porte-avions. Rapport d'Information depose par le Commission de la Defence Nationale et des Forces Armees. 2003, No. 1196. Novembre 5.

¹³ See: <http://www.reagan.navy.mil>; названия кораблей серии: CVN 68 Nimitz, CVN 69 Dwight D Eisenhower, CVN 70 Carl Vinson, CVN 71 Theodore Roosevelt, CVN 72 Abraham Lincoln, CVN 73 George Washington, CVN 74 John S. Stennis, CVN 75 Harry S. Truman, CVN 76 Ronald Reagan.

¹⁴ CVN-21. <http://www.globalsecurity.org/military/systems/ship/cvn.htm>.

¹⁵ CVN-77 George H.V. Bush. <http://www.globalsecurity.org/military/systems/ship/cvn-77.htm>.

¹⁶ CVN-21. <http://www.globalsecurity.org/military/systems/ship/cvn.htm>.

¹⁷ Jane's Fighting Ships 2002–2003. Jane's Information Group Limited. 2003.

¹⁸ A propos du second porte-avions. *Cols Bleus*. 2003, No. 2654, Mars 29.

- ¹⁹ Sur le mode de propulsion du second porte-avions. Rapport d'Information depose par le Commission de la Defence Nationale et des Forces Armees. 2003, No. 1196, Novembre 5.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Lewis J., Huges R. Chirac steers for conventional propulsion on next French carrier. *Jane's Defence Weekly*. 2004, February 18.
- ²² История отечественного судостроения. Т. 5. СПб: Судостроение, 1996. С. 164–167.
- ²³ Бережной С.С. Крейсера и миноносцы. Справочник. М.: Воениздат, 2002. С. 189–194.
- ²⁴ Павлов А.С. Крейсера типа «Киров». Якутск, 1997.
- ²⁵ Заявление Владимира Поспелова ИТАР-ТАСС. 2002, 29 октября. Стоимость ремонта и модернизации одного крейсера проекта 1144 еще в 1999 г. оценивалась в сумму от 2 до 7 млрд руб. *Независимое Военное Обозрение*. 1999, 19 ноября.
- ²⁶ Сообщение ИТАР-ТАСС. 2003, 5 февраля. Крейсер не выходил в море с 1997 г.
- ²⁷ См.: Кузин В.П., Никольский В.И. Военно-Морской Флот СССР 1945–1991. СПб: Историческое Морское Общество, 1996.
- ²⁸ Павлов А.С. Рождение и гибель седьмого авианосца. Якутск, 2000.
- ²⁹ Кузин В.П., Никольский В.И. Цит. соч. С. 263–268.
- ³⁰ История отечественного судостроения. Цит. соч. С. 340–341.
- ³¹ Кривко Сергей. Новый российский корвет. *Defence Express*. 2003, № 6.
- ³² История отечественного судостроения. Цит. соч. С. 256–259.
- ³³ Кузнецов Владимир. Радиационные инциденты на гражданском атомном флоте России. <http://www.cwpj.org/Publications/nucprep/n31/5.htm>
- ³⁴ История отечественного судостроения. Цит. соч. С. 494–497.
- ³⁵ Болгаров С. П. и др. Особенности АЭУ для перспективных ледоколов. *Судостроение*. 2003, № 6.
- ³⁶ Интервью Ю.А. Евдокимова. <http://gov.murman.ru/public/i-008.shtml>
- ³⁷ Сообщение РИА-Новости. 2003, 10 июня.
- ³⁸ Кудрик Игорь. Атомные ледоколы отлучены от бюджета. <http://www.bellona.no/ru/international/russia/icebreakers/28657.html>
- ³⁹ Дизель-электрические ледоколы финской постройки имели большую ледопроемкость, чем атомный ледокол *Ленин*. См.: Быков Николай. Прожитое и пережитое. М.: Андреевский флаг, 1996. С. 306, 319.
- ⁴⁰ Быков Николай. Цит. соч. С. 309.
- ⁴¹ Сидоров Михаил. Россия будет строить ледокол нового поколения. *Профиль*. 2003, 9 июня.
- ⁴² Болгаров С.П. и др. Цит. соч.
- ⁴³ История отечественного судостроения. Цит. соч. С. 437–439.
- ⁴⁴ Быков Николай. Цит. соч. С. 338–347; также: Nuclear Powered Surface Ships. <http://www.radiationworks.com/nuclearships.htm>
- ⁴⁵ Быков Николай. Цит. соч. С. 338.
- ⁴⁶ Обзор проектов есть, например, в: Polmar Norman, Moor Kenneth J. Cold War Submarines: The Design and Construction of U.S. and Soviet Submarines. Washington: Brassey, Inc., 2003. P. 228–243.
- ⁴⁷ Кваша Н. И. и др. Подводный буровой комплекс. *Судостроение*. 2004. № 2. С. 14–18.
- ⁴⁸ Баранов Е. Л. «Тайфун» меняет профессию. *Судостроение*. 2001. № 2.
- ⁴⁹ Плавучие атомные электростанции. Обзор. <http://www.atomsafe.ru/B9/review9-1.htm>
- ⁵⁰ Сообщение ИТАР-ТАСС. 2002, 19 ноября.
- ⁵¹ Плавучие атомные электростанции. Обзор. <http://www.atomsafe.ru/B9/review9-1.htm>
- ⁵² Сообщение ИТАР-ТАСС. 2002, 19 ноября.
- ⁵³ Малахова Алла. Фунт лиха за kota в мешке. *Новые Известия*. 2003, 21 января.

Валентин
Юрченко

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХИМИЧЕСКОГО
И БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В СТРАНАХ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

В настоящее время распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВ и СА) представляет собой одну из наиболее острых и болезненных проблем данного региона. Некоторые из расположенных здесь государств занимаются разработкой отдельных видов ОМУ, а ряд стран уже на протяжении многих лет обладают ими. Наличие ОМУ негативно сказывается на военно-политической обстановке в этом районе мира, усиливая дестабилизацию, особенно в сочетании с тенденцией распространения баллистических ракет различной дальности и других средств доставки ОМУ.

Особую опасность представляет возможный захват (приобретение) или изготовление ОМУ и средств его доставки террористическими организациями, большое число которых действует в странах БВ и СА. Из захваченных в Афганистане документов «Аль-Каиды» явствует, что террористические группы серьезно пытаются заполучить химическое, бактериологическое, радиационное и ядерное оружие. События в Иордании в апреле 2004 г., связанные с попыткой осуществить крупную диверсию с использованием отравляющих веществ, показывают, что подобный сценарий вполне реален. При этом нет гарантий того, что спецслужбы повсюду смогут успешно сработать на упреждение, как это случилось в той же Иордании.

Негативные последствия распространения ОМУ и средств его доставки сказываются не только на ближневосточных и североафриканских государствах, но и на сопредельных с ними странах Южной Европы, Южной Азии, Африки южнее Сахары и, конечно же, не могут не затрагивать интересы безопасности России и республик СНГ.

Международные усилия, предпринимавшиеся по установлению контроля над распространением ОМУ в регионе БВ и СА, до последнего времени оказывались малоэффективными. Иностранцев инспекторов попросту не допускали на те объекты, где, как предполагалось, проводились работы по созданию какого-нибудь из видов ОМУ или было налажено его производство.

В настоящей статье автор рассматривает вопросы, связанные с распространением в ближневосточных и североафриканских государствах химического и биологического оружия, получивших наиболее широкое распространение в этом районе мира.

До настоящего времени некоторые страны БВ и СА не подписали Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г. и Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении 1993 г. (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1

**Участие государств БВ и СА в важнейших соглашениях
по распространению ХО и БО**

Страна	Конвенция 1993 г. по ХО	Конвенция 1972 г. по БО
Алжир	+	-
Бахрейн	+	+
Египет	-	+
Израиль	+	-
Иордания	+	+
Ирак	-	+
Йемен	+	+
Катар	+	+
Кувейт	+	+
Ливан	-	+
Ливия	+	+
ОАЭ	+	+
Оман	+	+
Саудовская Аравия	+	+
Сирия	-	+
Судан	+	-
Тунис	+	+

Примечания: * Израиль, Йемен и ОАЭ подписали, но не ратифицировали Конвенцию по ХО 1993 г., а Иордания и Ливия заявили о своем присоединении к Конвенции.

** Марокко, Сирия и ОАЭ подписали, но не ратифицировали Конвенцию по БО 1972 г., а Бахрейн и Ливия заявили о своем присоединении к Конвенции.

Страны БВ и СА проводят работы по созданию и производству химического и биологического оружия в условиях возможно большей закрытости, в том числе вопреки официально взятым на себя международным обязательствам. Сведения о национальных программах по ОМУ являются одной из наиболее тщательно охраняемых государственных тайн. Поэтому информация по данному вопросу характеризуется отрывочностью, противоречивостью и зачастую не соответствует реальной действительности. Руководство ближневосточных и североафриканских государств весьма болезненно реагирует на публикации о

наличии у них того или иного вида ОМУ и, как правило, официально опровергает подобного рода сообщения или замалчивает их. С другой стороны, во многих случаях непроверенные или заведомо ложные сведения о наличии ОМУ используются Соединенными Штатами и некоторыми другими странами Запада для оказания в своих интересах давления на ту или иную страну региона или даже служат поводом для развязывания войны. Пример Ирака здесь наиболее характерен.

Проблема разработки ОМУ теснейшим образом связана с вопросами активного распространения в мире необходимых для этого технологий, оборудования и материалов. Отсутствие в ряде государств жесткого контроля над их экспортом позволяет странам Ближнего Востока и Северной Африки (и не только им) получать нелегально, полулегально, а иногда вполне открыто компоненты, необходимые для создания различных видов ОМУ.

Относительная дешевизна разработки и производства ХО и БО, возможность его применения с использованием имеющихся на вооружении средств доставки, наличие в странах региона высококвалифицированных специалистов необходимого профиля и, несомненно, стремление определенных кругов развитых стран нажиться на продаже технологий и оборудования, необходимых для разработки и производства химического и биологического оружия, способствуют овладению этими видами ОМУ ближневосточными и североафриканскими государствами.

Благоприятствует распространению ОМУ отсутствие в ряде случаев надлежащего контроля в научно-исследовательских лабораториях и на промышленных предприятиях, использующих в технологических процессах отдельные виды сырья, пригодного для создания того или иного вида ОМУ.

Ряд государств БВ и СА создали фирмы-прикрытия, предназначенные для получения специальных технологий и материалов, требуемых для проведения работ по созданию и производству ОМУ. Кроме того, в настоящее время процессы производства химических и биологических агентов значительно упростились благодаря доступности исходных веществ, снижения требований к оборудованию и сокращению продолжительности производительных циклов.

Особо остановимся на проблеме «утечки умов» в страны региона. Существует вероятность того, что в реализации программ по созданию ХО и БО, а также средств их доставки участвуют специалисты из бывших советских республик и стран Восточной Европы. Однако в разговорах об этом много надуманного, фальсифицированного, намеренно преувеличенного, особенно в отношении российских специалистов, якобы работающих в странах Азии и Африки, производящих или налаживающих производство ОМУ. Вместе с тем нельзя не упомянуть и о том, что сокращение военных программ в странах Запада (в том числе связанных с ОМУ) привело к высвобождению большого числа высококвалифицированных специалистов, которые также могут найти себе работу по прежней специальности в государствах, подозреваемых в создании ОМУ.

По оценкам специалистов в области ОМУ, представляется невероятным, что режимы контроля над вооружениями и над экспортом способны свести на нет возможности региональных государств в деле приобретения необходимых компонентов и оборудования для налаживания собственного производства ХО и БО и таких средств его доставки, как баллистические ракеты различного радиуса действия. Однако можно предположить, что, даже в случае разработки эффективных способов контроля, некоторые государства БВ и СА просто продолжают разработку этих видов ОМУ и средств его доставки в условиях еще большей скрытности. К тому же инфраструктура создания и изготовления химического и биологического оружия легко маскируема, ее трудно идентифицировать. Не составляет большого труда и сокрытие накопленных запасов ХО и БО.

И еще один момент. Широкое распространение в регионе биотехнологий и исследовательских возможностей, потенциала для обработки продуктов питания и производства фармацевтических товаров уже делает невозможным использование режимов контроля таким образом, чтобы это предотвратило производство биологического оружия, часть которого может быть эквивалентна по своему смертоносному воздействию малым видам ядерного оружия. Американские специалисты полагают, что в ближайшие 5–10 лет в стра-

нах БВ и СА неизбежно появится потенциал, необходимый для производства еще более смертоносных, основанных на генной инженерии, видов биологического оружия, в то время как усилия, необходимые для недопущения этого, явно недостаточны, вследствие чего террористические организации смогут производить подобное оружие. Не исключено, что в течение 10–15 лет в странах региона появятся также новые, еще более опасные виды химического оружия, в том числе бинарное, состоящее из смешанных агентов (так называемые «коктейли» и др.). В результате борьба с угрозами распространения химического и бактериологического оружия, по всей вероятности, превратится в постоянный аспект проблем безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Сложная и нестабильная военно-политическая обстановка в регионе БВ и СА, неурегулированность арабо-израильского конфликта, периодически обостряющиеся межгосударственные, межэтнические и межконфессиональные противоречия, возросшая активность США и других стран Запада ради упрочения своих политических, экономических и военных позиций в этом стратегически важном районе мира, внутривнутриполитическая напряженность в целом ряде государств, продолжающаяся милитаризация региона, интенсивная деятельность исламских фундаменталистов, различного рода экстремистских и террористических организаций и группировок стимулируют усилия руководства всех крупных государств региона в деле налаживания собственной разработки или приобретения извне различных видов ОМУ.

В целом речь идет о комплексе мотивов, побуждающих самые различные страны, причем вне зависимости от характера существующих в них режимов, к обладанию ОМУ. К числу этих мотивов можно отнести:

- ☐ необходимость наращивания национального военного потенциала в условиях сохранения военно-политической нестабильности в регионе;
- ☐ способ (элемент) реализации внешней политики силовыми методами;
- ☐ необходимость сдерживания или запугивания других государств региона или сопредельных с БВ и СА стран, пусть даже имеющиеся средства доставки ОМУ никогда не будут реально использованы;
- ☐ желание повысить статус и престиж государства, а также то обстоятельство, что ОМУ и в особенности баллистические ракеты расцениваются в регионе БВ и СА как один из важнейших факторов «придания блеска стране»;
- ☐ стремление (попытка) иметь адекватные средства сдерживания для того, чтобы обезопасить свою страну от военного вмешательства в ее внутренние дела со стороны государств, приверженных доктрине «права вмешательства» на основании «гуманитарных соображений» (США и другие страны НАТО). В то же время не исключено и такое явление, как нанесение ответных (или превентивных) ударов, в том числе с применением ХО и БО, по территории государств, которые участвуют в операции «по наведению порядка» или предоставили свою территорию и инфраструктуру для сил, участвующих в операции;
- ☐ инерция многолетней гонки вооружений между соседями: Алжир – Ливия – Марокко, Египет – Израиль – Сирия и др.;
- ☐ отсутствие возможностей узнать или предсказать с достаточной степенью точности масштабы усилий, предпринимаемых другими крупными региональными силами; трудности в определении их потенциалов – как в обладании ОМУ, так и в обычных вооружениях, а также в характеристике риска, создаваемого этими вооружениями;
- ☐ приобретение ОМУ, в первую очередь ХО и БО, считается альтернативой более дорогостоящим обычным вооружениям;
- ☐ компенсирование слабости обычных видов вооружений;
- ☐ реакция на отсутствие эффективных режимов контроля над вооружениями;
- ☐ наличие на рынке доступных материалов и технологий, позволяющих создать ОМУ.

Особо остро в регионе стоит вопрос о взаимном доверии между государствами. Точнее, речь идет об отсутствии доверия. Данное обстоятельство придает немаловажное значение проблеме распространения ОМУ. В первую очередь это относится к арабо-израильским отношениям.

Рассмотрим состояние дел с наличием химического и биологического оружия в отдельных странах региона.

Алжир. Считается, что страна располагает необходимыми технологиями для создания химического и биологического оружия, однако данных, подтверждающих проведение конкретных исследований в этой области, не имеется. Более того, международные эксперты полагают, что еще в 1992 г. Алжир прекратил работы, связанные с созданием ОМУ. Вместе с тем Алжир не подписал Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении.

Египет. Арабская Республика Египет (АРЕ) не подписала Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении. Египет использовал химическое оружие (иприт) в 1960-е гг., когда его войска участвовали в гражданской войне в Йемене. Считается, что ко времени арабо-израильской войны в октябре 1973 г. АРЕ обладала ОВ нервно-паралитического действия. В 1975 г. тогдашний министр обороны Египта генерал А.Р. Гамаси заявил, что, «если Израиль решит использовать ядерное оружие на поле боя, мы используем ОМУ, которое имеется в нашем распоряжении»¹.

В настоящее время АРЕ располагает необходимым научным и промышленным потенциалом для быстрого развертывания производства отдельных видов химического оружия с использованием местного и импортного сырья. В частности, египтянами освоены технологии производства ОВ нервно-паралитического и кожно-нарывного действия. По имеющимся данным, Египет проявляет интерес к приобретению за рубежом боеголовок, предназначенных для снаряжения жидких боевых отравляющих веществ.

Важным резервом для развертывания производства химического оружия является наличие в стране крупных промышленных мощностей по выпуску пестицидов по технологиям, сходным с процессами выработки БОВ. Страна имеет исследовательскую и техническую базу для создания биологического оружия. Еще в начале 1970-х гг. президент республики А. Садат заявил о наличии в Египте запасов биологических агентов, хранившихся в холодильных установках. В наши дни в национальном исследовательском центре ведется изучение токсинов, разрабатываются технологии их производства и очистки. По предположениям американских специалистов, АРЕ разработала БО, однако не производила его, не складировала и не создавала его в виде боеголовок.

Имеются сведения о сотрудничестве египетских научных центров с некоторыми гражданскими и военными лабораториями США в области высокопатогенных микроорганизмов и переносчиков опасных заболеваний. Так, известно о функционировании в АРЕ военно-медицинской лаборатории ВМС США, занимающейся изучением и разработкой средств борьбы с особо опасными инфекционными заболеваниями. Эта лаборатория представляет собой один из ведущих медико-биологических центров в регионе БВ и СА. Тематика ее работы строго засекречена.

В 1973 г. Советский Союз поставил Египту комплексы оперативно-тактических ракет *P-17э* с дальностью пуска до 300 км. В настоящее время египетская армия располагает 9 пусковыми установками оперативно-тактических ракет (ПУ ОТР) *P-17э* (100 ракет). ВС АРЕ имеют также тактические ракеты *Луна-М* и *Сакр-80*. В 1986 г. в стране с северокорейской помощью начато производство ракет типа *SCUD* с дальностью стрельбы 450 км («Проект-Т»). В настоящее время, по данным иностранной печати, египтяне при содействии КНДР разрабатывают новый вариант ракеты типа *SCUD* с дальностью пуска до 1200 км.

Кроме того, по информации западных СМИ, в АРЕ ведется разработка двухступенчатой жидкостной баллистической ракеты *Вектор* с дальностью пуска от 600 до 1200 км. Египтя-

не проявляют заинтересованность в создании собственной баллистической ракеты средней дальности.

В Каире приветствовали решение ливийского лидера М. Каддафи отказаться от ОМУ и заявили, что Израилю необходимо последовать примеру Ливии.

Израиль. По информации западных СМИ, израильтяне имеют разработанные образцы высокоэффективного ХО и БО, а также располагают соответствующим потенциалом для быстрого развертывания их производства в случае необходимости.

В 1990 г. министр обороны Израиля заявил о том, что страна располагает запасами химического оружия и использует его в случае нападения, например, со стороны Ирака. Высокий уровень развития национальной химической и нефтехимической промышленности, наличие в стране высококвалифицированных специалистов позволяют израильтянам производить ОВ практически всех типов, включая кожно-нарывные, нервно-паралитические, временно выводящие из строя и др. Американские эксперты считают, что в Израиле имеется несколько складов с запасами БОВ нервно-паралитического действия.

В стране продолжают масштабные исследования (в том числе военной направленности) в области синтеза новых физиологически активных веществ. На сегодняшний день прямых свидетельств наличия в Израиле биологического оружия не имеется. Однако израильское правительство не подписало Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. На сегодняшний день страна располагает мощной гражданской биотехнологической базой, которая при необходимости может быть использована для производства биологического оружия. Кроме того, по различным признакам, в Израиле реализуется разветвленная программа биологических исследований общего характера, в которую включены элементы военно-прикладного характера. Соответствующие израильские научно-исследовательские центры тесно сотрудничают с военными лабораториями США в рамках программы Пентагона по защите от БО.

Руководство Израиля считает наличие ракетного оружия одним из важнейших факторов сдерживания арабов от возможного нападения на еврейское государство и устрашения потенциальных противников. В настоящее время израильтяне имеют обширный арсенал ракетного оружия малой и средней дальности. Часть ракет, по оценке иностранных специалистов, может иметь ядерные или химические боевые части.

Так, с 1971 г. на вооружении национальных ВС состоят ОТР *Иерихон-1* (50 ПУ, дальность пуска – 450 км). Считается, что эти изделия могут иметь ядерную (20 кт) или химическую боевые части. В 1989 г. принята на вооружение баллистическая ракета средней дальности *Иерихон-2*. Она имеет дальность пуска до 1300 км и массу БЧ до 1000 кг. Модернизированный вариант *Иерихон-2В* имеет дальность около 1500 км и может оснащаться «легкой» (1500 кг) и «тяжелой» (2200 кг) БЧ. Со ссылкой на СВР России сообщалось, что в 1993 г. Израиль располагал 100 ракетами *Иерихон-2*. С 1995 г. ведется новая модернизация ракет *Иерихон-2* с целью повышения точности стрельбы и увеличения дальности пуска до 2000 км. На базе БРСД *Иерихон-2* в Израиле создана ракета-носитель *Шавит*, с помощью которой запущены искусственные спутники Земли типа *Офет*.

В настоящее время израильтяне разрабатывают БРСД *Иерихон-3* с дальностью пуска до 4800 км и тактическую ракету *МАК-350* с дальностью пуска до 100 км и массой БЧ 300 кг. Не исключено, что в ближайшем будущем на вооружение израильских ВМС поступят крылатые ракеты, запускаемые с подводных лодок.

Ирак располагал значительным потенциалом химического оружия и обладал биологическим оружием. В стране было налажено производство ОВ кожно-нарывного (иприт) и нервно-паралитического (табун, зарин, VX-газ) действия. Иракское биологическое оружие было представлено сибирской язвой, токсином ботулина или афлатоксином. На вооружении национальных ВС имелись баллистические ракеты с дальностью пуска до 900 км. Однако, по всей видимости после поражения в войне 1991 г. и в связи с проведением на территории страны жестких международных инспекций с целью обнаружения и уничтожения иракского ОМУ, прежнее руководство страны во главе с С. Хусейном приняло решение об

уничтожении имевшихся запасов химического и биологического оружия, ликвидации ядерной программы и баллистических ракет с дальностью пуска свыше 150 км.

Вместе с тем Генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарадей заявил в апреле 2004 г.: «Что касается иракского досье, то оно еще не закрыто. Я продолжаю настаивать на возвращении в страну инспекторов МАГАТЭ для проверки, действительно ли в Ираке больше нет ОМУ»².

Ливия. За годы правления М. Каддафи в стране были созданы мощности по производству химического оружия, однако фактический выпуск боевых ОВ осуществлялся в ограниченных количествах. Так, ливийские запасы БОВ (зарин, иприт, фосген) оценивались в 70–80 т. В 1987 г. ливийская армия применяла иприт во время военных действий в Чаде. Ливийцы также пытались заполучить технологии по созданию биологического оружия, но особого успеха в этом деле не имели. По оценке зарубежных экспертов, в стране проводились лишь первоначальные исследования в области создания БО.

Ракетный арсенал Ливии оперативно-тактического назначения включал в себя советские ракетные комплексы *Р-17э* (80 ПУ), а также их северокорейские модификации с дальностью пуска 750–800 км. Кроме того, в 1970-х – начале 1980-х гг. Джамахирия получила из СССР 40 ПУ тактических ракет *Луна-М*.

В марте 2003 г., вскоре после развязывания войны в Ираке, начались секретные переговоры Ливии с США и Великобританией о возможности ликвидации ливийских ОМУ. Как сообщалось, глава ливийского государства обуславливал свое согласие на отказ от ОМУ предоставлением США и Великобританией гарантии не стремиться к смене власти в Джамахирии.

19 декабря 2003 г. М. Каддафи заявил об отказе Ливии от программ по созданию собственного ОМУ. При этом он обещал сделать процесс ликвидации национальных арсеналов ОМУ прозрачным и контролируемым. Одновременно ливийский лидер призвал последовать своему примеру такие страны, как КНДР, Иран и Сирию. В мае 2004 г. Ливия сообщила, что не будет торговать оружием и военными технологиями с государствами, которые, как предполагается, производят ОМУ. В Триполи также заявили об отказе от баллистических ракет с дальностью пуска более 300 км. В январе 2004 г. в Ливии уже работала группа американских инспекторов, которая преследовала цель проверить искренность намерений ее руководства относительно уничтожения химического и биологического оружия.

После заявлений М. Каддафи Ливия присоединилась к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, а в апреле 2004 г. вступила в международную Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО). Вскоре Триполи предоставил ОЗХО документацию на имеющееся в стране химическое оружие – 20 т иприта, 4 т компонентов, из которых можно изготавливать ОВ типа зарин и др. В документации имеются также сведения о предприятиях по изготовлению боевых ОВ и хранилищах химического оружия. В конце марта – начале апреля 2004 г. ливийская сторона уничтожила 3300 корпусов авиабомб, предназначенных для использования в качестве носителей ХО.

В США были отправлены и баллистические ракеты с повышенной дальностью пуска. Ливийцы пошли на вывоз оборудования и ракет с учетом того, что США будут соблюдать три следующих условия:

- ☐ американская администрация не будет предпринимать военных акций против Ливии и не будет стремиться к устранению М. Каддафи от власти;
- ☐ Вашингтон в кратчайшие сроки пойдет на снятие с Джамахирии санкций, введенных еще в 1980-е гг.;
- ☐ США окажут Ливии экономическую помощь.

Сирия. В Дамаске считают, что в условиях, когда Израиль обладает ядерным оружием и общим превосходством в обычных вооружениях, арабские страны в качестве сдерживающего фактора имеют право на создание собственного ОМУ. Сирия подписала, но не рати-

фицировала Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и не поставила свою подпись под Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении.

В январе 2004 г. президент Б. Асад заявил, что Сирия не будет уничтожать запасы ОМУ, пока этого не сделает Израиль. Это первое публичное признание в том, что Сирия располагает подобным оружием, было сделано главой государства в интервью британской газете *Дейли Телеграф*. Б. Асад объяснил необходимость иметь химическую и биологическую сдерживающую силу тем, что Сирия является частично «оккупированной страной, и время от времени мы подвергаемся агрессии со стороны Израиля. Для нас естественно изыскивать средства самозащиты. Большую часть этого оружия не сложно достать где угодно, и его можно получить в любое время». Б. Асад подчеркнул, что Сирия отвергает требования США и Великобритании об уступках в вопросе ОМУ³. Однако во время беседы с американскими журналистами 13 мая 2004 г. сирийский президент сказал, что его страна не располагает ОМУ.

Б. Асад считает, что решение ливийского лидера М. Каддафи о допуске международных инспекторов для надзора за отказом от программы производства ОМУ является «правильным шагом». Он призвал международное сообщество поддержать предложение Сирии, представленное в ООН в 2003 г., согласно которому ОМУ должно быть уничтожено на всем Ближнем Востоке, включая ядерные запасы Израиля. «Если это (требование) не будет относиться ко всем странам, тогда мы просто теряем время», – подчеркнул президент САР.

По информации зарубежных СМИ, программа по разработке собственного химического оружия начала реализовываться в Сирии в 1970-е гг. Тогда же была создана система закупок необходимого оборудования и технологий за рубежом, в первую очередь – в США и ФРГ. Наибольшие усилия были сосредоточены на создании промышленной базы для производства полупродуктов, требуемых для боевых отравляющих веществ. В начале 1990-х гг. в Сирии было развернуто производство иприта и фосфорорганических ОВ нервно-паралитического действия из собственного сырья и основных полупродуктов.

В настоящее время считается, что сирийский арсенал химического оружия является одним из самых крупных на Ближнем и Среднем Востоке. Носителями ХО являются боеголовки ракет и авиационные бомбы. Имеется информация о возможном наличии у сирийцев артиллерийских снарядов с химической начинкой. Согласно сирийской военной доктрине, химическое оружие является оборонительным и будет применено только в случае широкомасштабной агрессии Израиля против САР. Наличие у Сирии химического оружия стало одной из главных причин введения против этой страны американских санкций в мае 2004 г.

Подтвержденных конкретными фактами данных о разработке, а тем более производстве в Сирии биологического оружия нет. В докладе ЦРУ (ноябрь 2003 г.) говорится: «Существует высокая вероятность того, что Сирия также продолжает развивать наступательные возможности по БО»⁴.

В настоящее время на вооружении сирийской армии имеется 26 ПУ ОТР *P-17э* и его северокорейской модификации *SCUD-C* (дальность пуска до 600 км). Запас ракет составляет: *P-17э* – 190 единиц, *SCUD-C* – 50–80 единиц. Кроме того, сирийцы располагают тактическими ракетами *Луна-М* и *Точка*. САР сотрудничает в области ракетной техники с Китаем, Северной Кореей и Ираном. Сирийские специалисты разрабатывают с иностранной помощью ракетный твердотопливный двигатель. В целом же возможности Сирии по созданию современных образцов ракетного оружия весьма ограничены. В стране отсутствует полноценная база для производства баллистических ракет, хотя попытки ее создания и предпринимались.

По оценке некоторых экспертов в области ОМУ, не исключено, что работы по созданию собственного химического оружия ведутся в *Саудовской Аравии* и, возможно, в *Судане*.

Таким образом, распространение ОМУ является давней, острой и весьма болезненной проблемой на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Несмотря на международные уси-

лия по контролю над вооружениями, давление на отдельные страны, обладающие ОМУ, дискуссии и инициативы по созданию на Ближнем Востоке зон, свободных от ОМУ, крупные державы региона продолжают рассматривать химическое, биологическое и ядерное оружие одним из наиболее весомых инструментов своей политики. По всей вероятности, подобное положение дел сохранится и на обозримую перспективу. Этому будет благоприятствовать постепенный рост научно-технических и производственных возможностей ведущих стран региона в деле создания ОМУ и его носителей. При этом ливийский пример вряд ли станет в ближайшее время образцом для подражания.

Примечания

¹ Anthony H. Cordesman. The Proliferation of Weapons of Mass Destruction in the Middle East. Washington, 2004. P. 42.

² Пульс планеты. *Еженедельный бюллетень информации ИТАР-ТАСС*. 2004, 25 апреля.

³ Пульс планеты. *Еженедельный бюллетень информации ИТАР-ТАСС*. 2004, 7 января.

⁴ Anthony H. Cordesman. Op. cit. P. 57.

Уважаемые читатели журнала *Ядерный Контроль*!

Представляем вашему вниманию младшего брата журнала – электронный бюллетень *Ядерный Контроль: Информация*. Бюллетень существует уже несколько лет и за это время успел стать признанным информационным ресурсом в российском и международном сообществе экспертов не только в области нераспространения, но и безопасности в целом. *Ядерный Контроль: Информация* является важным дополнением к *Ядерному Контролю*, позволяя оперативно отображать важные события в России и за рубежом.

Бюллетень *Ядерный Контроль: Информация* является не только «зеркалом» мира нераспространения и безопасности, но также и новостной «трибуной» ПИР-Центра. Хотя основой бюллетеня являются материалы российских СМИ, в бюллетене часто публикуется эксклюзивная информация, авторами которой зачастую являются и читатели *Ядерного Контроля*.

Несмотря на кажущуюся «узость» охвата информации, вытекающей из названия, бюллетень в реальности представляет широкий охват тем: **Ракетное и ядерное досье**, различные аспекты, связанные с **Химическим и биологическим оружием** и **Обычными вооружениями**, на его электронных страницах свое **Мнение** по поводу основных международных событий высказывают ведущие российские политики и эксперты. В бюллетене присутствует и справочная страничка – в разделе **Документы** приводятся ссылки на основные документы по вопросам нераспространения.

В качестве примера богатого информационного «меню» бюллетеня упомянем только традиционные для него сюжеты: различные аспекты программы Глобального партнерства, проблемы терроризма с использованием оружия массового уничтожения, новости из области экспортного контроля, мирной ядерной энергетики, военно-технического сотрудничества России с зарубежными странами. Кроме них в рубриках бюллетеня можно найти материалы, посвященные Вооруженным силам России и дискуссиям об их реформировании и путях развития, столкновение точек зрения по актуальным дилеммам безопасности России (расширение НАТО на Восток, реформы ООН, ОБСЕ и других международных организаций).

Уникальным разделом Бюллетеня является **Календарь** – фактически ежедневная хронология основных событий в России и за рубежом в области нераспространения и безопасности, которая является результатом ежедневного мониторинга ведущих российских и зарубежных СМИ сотрудниками ПИР-Центра.

Бюллетень выходит еженедельно по четвергам. Вы можете бесплатно подписаться на электронный бюллетень на сайте ПИР-Центра по адресу <http://www.pircenter.org/russian/subscription/e-subs.htm>

Алексей Шитиков | НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОГРАММЫ
ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

В настоящее время договоренности саммита в Кананаскисе 2002 г. относительно программы Глобального партнерства «Группы восьми» против распространения оружия и материалов массового уничтожения (ГП) продолжают наполняться реальным содержанием. Практические усилия государств-участников ГП позволили достичь значительного прогресса по основным направлениям этой инициативы. Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что, несмотря на объективные трудности и существующие разногласия, программа обретает твердый фундамент в виде растущего числа реализуемых проектов. Важно, что финансирование со стороны стран-доноров в первую очередь направлено на приоритетные проекты, которые представляют особый интерес для России: химическое разоружение и утилизация атомных подводных лодок (АПЛ).

Группа старших должностных лиц (СДЛ) (впоследствии – Группа высокого уровня (ГВУ)) – главный координационный механизм ГП – проделала огромную работу для решения одной из основных задач программы – реализации руководящих принципов ГП. Большинство партнеров, включая новых членов, вышло на уровень конструктивного диалога для обсуждения технических и финансовых деталей с российской стороной. Успешно выполняется одна из целей Плана действий Эвиана – существенно расширить деятельность по реализации проектов.

Особенно активизировалась эта работа после подписания и последующей ратификации в конце 2003 г. Рамочного соглашения о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации (Соглашение МНЭПР), в котором окончательно решен вопрос об освобождении проектов ГП от налогообложения. Учитывая значительный прогресс в подготовке и подписании двусторонних межведомственных и межправительственных соглашений, подписание российско-канадского рамочного соглашения о сотрудничестве в области Глобального партнерства, а также ключевое значение Соглашения МНЭПР, можно сказать, что к настоящему времени программа обрела устойчивую юридическую базу.

Последовательное расширение группы участников ГП за счет вступления новых стран-доноров (Австралия, Бельгия, Дания, Ирландия, Новая Зеландия, Испания, Чешская Республика, Южная Корея), о котором было объявлено на американском о. Си-Айленд, несомненно, поможет программе обрести истинно глобальный характер. Принятие решения о приеме Украины (в октябре 2004 г.), Ирака, Ливии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и других стран в качестве стран-реципиентов позитивно отразится на воплощении духа ГП, который подразумевает всеобщее сотрудничество в области угроз, связанных с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ).

Первые годы сотрудничества в рамках ГП показали, что программа способна не только решать узкий круг проблем, оговоренный в документах Кананаскиса, но и концентрировать средства и усилия заинтересованных стран для полномасштабного сотрудничества по актуальным вопросам нераспространения. Очевидно, что только стабильная и предсказуемая работа по реализации намеченных проектов (в России, а в будущем – и в других странах СНГ), а также дальнейшее расширение сферы деятельности программы сможет со-

Р
О
З
Б
О

здать предпосылки для выполнения намеченных целей ГП – усиления борьбы с распространением ОМУ и недопущения попадания подобного оружия в руки террористов.

Перспективы сотрудничества в области радиологической и биологической безопасности, а также проблемы, связанные с началом реализации проекта по ликвидации избыточного оружейного плутония, что было обозначено в качестве одного из приоритетов Кананаски-са, видятся наиболее подходящими для развития ГП. Важно, чтобы огромный потенциал сотрудничества был реализован полностью, а для этого уже сейчас, на начальном этапе, нужно не только четко и качественно выполнять обязательства по химическому разоружению и утилизации АПЛ, но и определить те направления сотрудничества, которые дополнят программу.

Саммит лидеров стран «восьмерки» на о. Си-Айленд расставил новые акценты в программе. Известно, что США намерены сконцентрироваться на следующих направлениях:

- ☐ довести финансовые обязательства стран-участниц ГП до заявленных 20 млрд долл.;
- ☐ приступить к расширению списка стран-участниц ГП за счет новых реципиентов (страны СНГ и Ближнего Востока, готовые принять уставные документы ГП);
- ☐ увеличить направления сотрудничества в рамках ГП;
- ☐ способствовать решению российско-американской проблемы касательно освобождения от ущерба.

Учитывая, что на конец 2004 г. заявленное финансирование программы достигло 19,2 млрд долл., можно предположить, что основной акцент по развитию ГП со стороны американцев будет сделан на расширение сферы сотрудничества и увеличение количества стран-реципиентов. В тоже время анализ работы координационных структур ГП показывает, что введение новых «производных» в программу – процесс сложный и трудоемкий.

НАПРАВЛЕНИЕ – РАДИОАКТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В последнее время термин «радиоактивные источники» (РИ), ранее известный лишь узкому кругу специалистов, все чаще звучит из уст политиков и международных чиновников, занимающихся проблемами ядерной безопасности. Обусловлено это в первую очередь тем, что вопросы безопасности, связанные с эксплуатацией и обеспечением надлежащего хранения и утилизации РИ, выходят на качественно иной уровень.

Более 40 лет во многих странах мира РИ использовались в различных видах человеческой деятельности: промышленности, медицине, сельском хозяйстве, судоходстве, геологоразведке и многих других областях. За это время они проявили себя как надежные и незаменимые источники энергии и вспомогательные средства. Практическая польза от эксплуатации РИ неоспоримо велика. Подтверждением этому служат выступления представителей таких государств, как Германия, Франция, США, Япония и Россия, которые неоднократно указывали на исключительный статус и особое значение радиоактивных источников для развития и успешной работы многих из вышеперечисленных областей деятельности.

Однако следует отметить, что за все время использования РИ ни одно из государств не создало четкой системы учета и контроля над такими источниками. Специалисты небезосновательно полагали, что РИ не представляют непосредственной угрозы системе нераспространения и не могут быть использованы в ядерных программах, а следовательно, не нуждаются в жестком контроле. И действительно, многие медицинские РИ изготавливались на основе высокорadioактивного элемента Co-60, который по своей структуре является металлом с пятилетним периодом полураспада и не представляет серьезной опасности в конечной стадии его эксплуатации¹. Сложнее обстоит дело с источниками, которые используются в промышленных облучателях и термогенераторах. Большое количество высокоактивных составляющих на основе Sr-90, Cs-137 и Ir-192 делает эти установки потенциально опасными и чрезвычайно привлекательными для террористов. Именно на таких РИ акцентирует свое внимание директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) М. Эльбарадей: «Нам необходима действенная система контроля над мощными источниками радиоактивного излучения, начиная с их появления и кончая захоронением»².

Учитывая неординарность мышления современных террористов, а также всевозрастающий доступ к современным технологиям, можно предположить, что создание «радиологической бомбы» с использованием материалов РИ весьма реально. «Радиологическую бомбу» следует рассматривать как оружие, содержащее радиоактивный материал, но не использующее такой материал для производства ядерного взрыва, как это имеет место в случае с ядерным оружием. Детонация обычной взрывчатки приводила бы к распылению содержащегося в бомбе радиоактивного материала и как следствие – к локальному радиационному загрязнению окружающей среды³. Негосударственные субъекты могли бы использовать такое оружие для совершения крупных террористических актов в густонаселенных районах или с целью политического шантажа.

Осознание рисков, связанных с неполной и неэффективной системой безопасности РИ, пришло значительно позже необходимого срока. В силу того, что в большинстве стран на протяжении многих лет не было надлежащей системы контроля над радиоактивными источниками, сейчас в данной области сложилась поистине критическая ситуация. Тысячи РИ по всему миру считаются бесхозными и не имеют над собой государственного контроля. По данным МАГАТЭ, радиоактивные материалы, необходимые для создания «грязной бомбы», могут быть найдены практически в любой стране мира. Однако особенно сложная ситуация с обеспечением безопасности РИ сложилась в России и в некоторых странах СНГ. Причиной этому послужил распад СССР и, как следствие, дезорганизация в учете, контроле и утилизации радиоактивных источников.

В Советском Союзе, а позже и в России выпускались следующие РИ:

- источники альфа-излучения на основе радионуклидов Pu-238, Pu-239, U-234, At-241;
- источники бета-излучения на основе радионуклидов Ni-63, Sr-90, Kr-85, Pm-147, Tl-204, Ce-144;
- источники гамма-излучения на основе радионуклидов Co-60, Ir-192, Cs-137, Se-75, Ce-144;
- источники рентгеновского излучения на основе радионуклидов Pu-238, Sr-90, Pm-147, Tl-204;
- источники быстрых нейтронов на основе радионуклидов Pu-238, Pu-239, At-241.

Общее количество произведенных в СССР и России радиоактивных источников неизвестно. Если учитывать только наиболее мощные РИ, то их количество исчисляется десятками тысяч единиц. Недавно сотрудники МАГАТЭ узнали, что в 1960–1980-е гг. метод радиоактивного облучения использовался в советском сельском хозяйстве для стерилизации хранилищ. В качестве радиоактивного источника использовалась соль Cs-137 в порошкообразной форме с уровнем радиации 5 500 Кюри. Оборудование монтировалось на грузовиках, чтобы его можно было перевозить из одного колхоза в другой. Однако после распада Советского Союза эти грузовики стали использовать в других целях, а судьба многих радиоактивных источников, которые они перевозили, неизвестна⁴.

Серьезную опасность также представляют РИ, применяемые в обеспечении электроэнергией маяков и военных объектов. Радиоизотопные термоэлектрические генераторы (РИТЭГ) на основе Sr-90 или Pu-238 имеют уровень радиации до 40 000 Кюри. Ежегодно в России фиксируется по несколько ЧП с подобными РИ, которые практически не охраняются. Так, в 2003 г. на о. Южный Горячинский (закрытое территориальное образование) был разобран один из РИТЭГов (тип *Бэ́та-М*), служивший маяком Севморпути. УФСБ по Мурманской области совместно с контрразведкой Северного флота так и не нашли похитителей. Годом раньше экологические вандалы разобрали маяк в районе Кургальского полуострова Ленинградской области. Около 500 кг нержавеющей стали, алюминия и свинца было снято с РИТЭГа (тип *РИТ-90*) неизвестными грабителями. Радиоактивный цилиндр с мощностью излучения более 1000 Р/ч и температурой на поверхности 300–400°C они выбросили в море. Это спасло им жизнь, чего нельзя сказать о трех грабителях, которые четыре годами раньше при аналогичных обстоятельствах разграбили тот же маяк и получили смертельную дозу облучения⁵.

Страны СНГ, в частности Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Молдавия, Таджикистан и др., также столкнулись с серьезной проблемой обеспечения безопасности РИ. Ши-

роко известный инцидент произошел в 1997 г. на базе пограничных войск в Грузии. Тогда одиннадцать грузинских военнослужащих подверглись сильному радиоактивному облучению в результате несанкционированного обращения с РИ, извлеченными из демонтированных калибровочных приборов. В начале 2003 г. там же пострадали два лесозаготовителя, нашедшие в горном районе цезиевый РИТЭГ с мощностью излучения 35 000 Кюри. Последний инцидент произошел в феврале 2004 г., когда в приграничном пункте Армении в металлическом ломе таможенники обнаружили сильный источник радиоактивного излучения. Серьезные дозы облучения получили несколько человек. К настоящему времени радиоактивные источники в России и некоторых странах СНГ причиняли вред здоровью людей либо из-за неосторожного обращения, либо из-за действий злоумышленников и грабителей. Террористы пока не сумели реализовать возможность создания «грязной бомбы» на базе РИ, но это не значит, что подобная угроза не может быть реализована в будущем.

Очень важно не упустить момент, когда гипотетическая возможность создания террористами «грязной бомбы» станет реальностью. Мировому сообществу следует осознать, что методы и способы террористических атак эволюционируют и адаптируются к современным условиям значительно быстрее, чем государства успевают разработать эффективные механизмы защиты. Использование химического и биологического ОМУ террористами является лишним подтверждением того, что в свое время не были приняты необходимые меры, чтобы соответствующие технологии и материалы не оказались в руках террористов. Поэтому сейчас особое значение приобретает защита всего ядерного материала (а не только материала прямого военного назначения) от терроризма или хищения. Более того, как отметил Генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарадей, «постановка глобальных арсеналов радиоактивного материала под надлежащий контроль потребует настойчивых и согласованных усилий всего мирового сообщества»⁶.

В 2003 г. на ежегодной встрече лидеров стран «Большой восьмерки» в Эвиане был принят План действий – Глобальное партнерство «восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения. В нем, в частности, говорится, что «страны ГП достигли значительного прогресса в реализации своих целей: помешать террористам и тем, кто их укрывает, в приобретении или разработке ядерного, химического, радиологического и биологического оружия»⁷.

Показательным является тот факт, что впервые на столь высоком уровне был согласован документ, непосредственно направленный на решение задач обеспечения комплексной безопасности РИ. Утверждение Плана действий «восьмерки» по безопасности РИ говорит о том, что мировые державы готовы выйти на качественно новый уровень практической работы в этой области. Россия и некоторые страны СНГ уже получали от США, Норвегии, Германии и МАГАТЭ международную помощь на реализацию проектов по обеспечению безопасности РИ. В частности, в рамках трехстороннего американо-российского сотрудничества с участием МАГАТЭ в работах по поиску, демонтажу и последующей переработке высокоактивных РИТЭГов. Норвегия с 2003 г. оказывает помощь России в замене радиоактивных источников на солнечные батареи на маяках Мурманской и Архангельской областей. Однако расширенная помощь в рамках ГП могла бы значительно ускорить реализацию прежних проектов, позволила бы запустить новые и оперативно создать действующую систему безопасности и контроля над РИ в России.

На встрече СДЛ, которая проходила в Женеве 4–5 февраля 2004 г., были подтверждены средства, выделяемые странами ГП на проекты, связанные с безопасностью РИ в России и странах СНГ. Так, например, Канада готова выделить на эти цели 4 млн канадских долл., Франция – до 3 млн евро на период 2004–2005 гг., Германия – 1 млн. евро (через программы МАГАТЭ), Великобритания – 1,5 млн фунтов стерлингов на период 2004–2006 гг., Норвегия – 2 млн долл. на период 2004–2006 гг., США – до 19,3 млн долл. на период до 2009 г. Еще несколько стран выразили готовность подключиться к проектам по радиологической безопасности, не называя конкретных сумм финансирования.

На основе Плана действий «восьмерки» в области обеспечения безопасности радиоактивных источников Рабочая группа по ядерной безопасности МАГАТЭ и Группа экспертов по нераспространению выработали приоритетные направления сотрудничества. В рамках ГП такими направлениями могли бы стать:

- ☐ предотвращение несанкционированного использования, а также поиск, демонтаж и утилизация высокоактивных РИТЭГов;
- ☐ демонтаж, утилизация и захоронение РИ на основе Cs-137, Co-60, Ir-192, используемых в мощных гамма-установках различного назначения;
- ☐ усиление безопасности и физзащиты РИ высокой мощности;
- ☐ оснащение таможенных и пограничных пунктов современными средствами обнаружения и контроля РИ;
- ☐ совершенствование и переоборудование служб радиационной безопасности.

Несомненно, что при расширении сотрудничества России придется столкнуться с необходимостью увеличения собственных финансовых затрат на проекты, связанные с обеспечением безопасности РИ. Сейчас у России есть такие возможности, и именно это может послужить дополнительным импульсом для начала реализации новых проектов в рамках ГП. Согласно официальному отчету Центробанка, объем золотовалютных резервов Банка России на 7 января 2005 г. достиг максимального по величине уровня в истории России и СССР и составил 124,6 млрд долл.⁸ Таким образом, можно предположить, что растущие золотовалютные резервы России и благоприятная внешнеэкономическая обстановка позволяют говорить о новых финансовых возможностях России для реализации проектов в области разоружения и нераспространения.

Другим позитивным фактором является наработанная правовая база и конкретные механизмы сотрудничества по РИ, на основе которых будет легко выработать приемлемые соглашения с новыми донорами. В 2003 г. были заключены рамочные соглашения на производство соответствующих работ. Принимая во внимание, что решение проблемы РИ на территории таких стран СНГ, как Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Украина и Таджикистан, требуют непосредственного участия России, было бы целесообразно, в случае присоединения какой-либо из вышеперечисленных стран к ГП в качестве реципиента, направить собственные финансовые и технические средства на проекты по поиску и утилизации «бесхозных» РИ в этих странах. Это позволило бы не только укрепить собственную безопасность, но и послужило бы позитивным сигналом о готовности России участвовать в программе Глобального партнерства в качестве донора для «родственных» стран СНГ. Учитывая последние тенденции к расширению ГП именно за счет стран-реципиентов (Украина, Казахстан, Узбекистан и др.), что может произойти в ближайшем будущем, политическая и практическая польза от реализации такого сценария была бы весьма очевидна.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БИОБЕЗОПАСНОСТИ

В отличие от гипотетической угрозы радиологического терроризма, биологический терроризм – реален. Первым доказанным случаем биотерроризма считается инцидент 1984 г., когда в одном из американских городов произошло массовое заражение *Salmonella typhimurium*. С тех пор угроза терроризма с использованием биологических агентов и токсинов реализовывалась много раз. Последний крупный террористический акт с использованием биологического оружия произошел в конце 2001 г. в США. В результате распространения посредством почтовых отправок порошкообразного вещества, содержащего споры сибирской язвы, погибли пять человек, более сорока были инфицированы и несколько тысяч человек были вынуждены принимать сильнодействующие антибиотики.

Интенсивное распространение знаний в сферах науки и технологии создает предпосылки к тому, что террористы или иные негосударственные субъекты пытаются произвести и применить в своих целях опасные патогены. В докладе Службы внешней разведки России за 1993 г. отмечалось: «Наметившаяся тенденция к широкому распространению биотехнологий, трудности контроля над производством и применением биологических агентов и токсинов увеличивают вероятность использования биологического оружия (БО) странами «третьего мира» в локальных военных конфликтах, а также в диверсионных и террористических целях»⁹.

Согласно разработке рабочей группы стратегического планирования Центра контроля болезней (CDC, США), наиболее опасными и вероятными для использования в террористических целях биологическими агентами являются приведенные в *Таблице 1* вещества.

Таблица 1

Категории наиболее опасных биологических агентов¹⁰

Категория А (высокоопасные агенты, представляющие риск для национальной безопасности)*	Категория В (высокоопасные агенты)**	Категория С (опасные агенты, наиболее доступные, могут быть легко сконструированы)***
Variola major (натуральная оспа) Bacillus anthracis (сибирская язва) Yersinia pestis (чума) Clostridium botulinum (ботулизм) Francisella tularensis (туляремия) Флавивирусы геморрагических лихорадок: Эбола, Марбург Лихорадка Ласса Junin (аргентинская геморрагическая лихорадка)	Coxiella burnetii Brucella (бруцеллез) Burkholderia mallei Альфовирусы: венесуэльский энцефаломиелит, восточный и западный энцефаломиелит Ricin (Рицин) Clostridium perfringens (Эпсилон токсин) Salmonella Shigella dysenteriae Escherichia coli 0157:H7 Vibrio cholerae Cryptosporidium parvum	Nipah virus (болезнь Нипах) Хантавирусы Клещевые вирусы геморрагических лихорадок Клещевые энцефалитные вирусы Желтая лихорадка Мультирезистентный туберкулез

* Наиболее опасны в случае применения террористами; могут быть легко распространены или переданы от человека к человеку; вызывают высокую смертность; требуют специальной подготовки здравоохранения.

** Представляют значительную опасность; могут быть умеренно легко диссеминированы; вызывают умеренную заболеваемость и низкую смертность; требуют компетентной диагностики и усиленного надзора за заболеваемостью.

*** Доступны и перспективны; легко продуцируются и диссеминируются; представляют собой потенциал для высокой заболеваемости и серьезного удара по здоровью населения.

Следует отметить, что Россия располагает всеми из вышеперечисленных биоагентов, а также имеет уникальную коллекцию возбудителей натуральной оспы и некоторых других особо опасных болезней. Очень важно постоянно обеспечивать высокий уровень физической защиты подобных коллекций, так как их попадание в руки террористов представляет непосредственную угрозу для национальной и международной безопасности.

Основная проблема, мешающая противодействию биотерроризму, состоит в доступности, относительной дешевизне производства, простоте в изготовлении и транспортировке биологических агентов. В России и странах СНГ остро стоит и другая проблема – это люди, обладающие навыками создания биологического оружия, которые вносят вклад в их уровень образования и квалификации существование. По мнению председателя общественного фонда «Живая Ока» А.Д. Лаврищева, именно от решения последней проблемы зависит безопасность не только российских граждан, но и человечества в целом¹¹. Конвенция о запрещении биологического оружия 1972 г. (КБТО) стала первым международно-правовым документом, направленным против использования биологического и токсинного оружия в военных целях. Запрещение производства и накопления запасов целого вида ОМУ сыграло значительную роль в решении проблемы нераспространения БО и соответствующих технологий. Тем не менее выполнение и универсализация КБТО, наряду с другими уси-

лиями ведущих держав мира, оказались не способны противостоять использованию биологических агентов террористами. В ходе последней атаки на США международное сообщество пришло к выводу о необходимости активизировать международное сотрудничество в деле борьбы с биотерроризмом. Президенты России и США в 2001 г. приняли совместное заявление, в котором отмечалось, что обе стороны будут вести совместную работу по этому направлению. Тема объединения усилий в борьбе с биотерроризмом неоднократно обсуждалась на двусторонних и многосторонних встречах с участием представителей министерств иностранных дел, обороны, здравоохранения и науки¹². «Сегодня защита от актов биотерроризма – глобальная задача для всего мира», – считает зам. генерального директора оболонского Научного центра прикладной микробиологии (ГНЦПМ) В.В. Гусев¹³.

Глобальное партнерство «восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения четко определяет свои цели, в числе которых стоит задача помешать террористам в приобретении или разработке биологического оружия. Приоритеты ГП, определенные лидерами стран в Кананаскисе, известны: уничтожение химического оружия, демонтаж снятых с эксплуатации атомных подводных лодок, утилизация расщепляющихся материалов и трудоустройство бывших ученых-оружейников. Закономерен факт, что биологическое сотрудничество находится вне рамок сегодняшних приоритетов ГП. У России и стран-доноров есть более существенные проблемы, связанные с международными обязательствами, экологическими и нераспространенческими угрозами, которые требуют безотлагательных решений и значительных финансовых затрат. Тем не менее по мере движения ГП вперед и реализации проектов по приоритетным направлениям, акценты могут измениться. Вопрос в том, как скоро это может произойти?

На данный момент финансирование проектов по биобезопасности в рамках ГП подтверждено Францией (5 млн евро на 2003–2004 гг.) и США – 54,7 млн долл. на 10 лет для реализации проектов по физзащите лабораторий и нераспространению БО, а также около 10 млн долл. на проекты, связанные с трудоустройством специалистов, которые участвовали в военно-биологических программах. В начале 2003 г. французы одними из первых предложили конкретные направления сотрудничества в биологической сфере. В адрес МИД России были направлены проекты, в которых они предлагали начать разработку современных вакцин и производство идентифицирующих приборов на основе секвенирования ДНК. Проекты были рассмотрены в заинтересованных ведомствах. Но направленность французских предложений на совместные исследования, которые выходят за рамки основополагающих принципов ГП, а также желание Москвы концентрироваться на приоритетных направлениях не позволили начать практическое сотрудничество. Интерес французских специалистов к совместным исследованиям не случаен. Российская микробиология, несмотря на трудности финансирования, считается одной из сильнейших в мире. Обладая высоким запасом прочности в этой области, наши ученые добились значительных результатов в разработке рекомбинантных вакцин, которые способны продуцировать иммунитет против специфических патогенов. На практике такие вакцины отличаются повышенной стабильностью и способны обеспечивать защиту от всех болезнетворных разновидностей патогена. Все это могло бы использоваться в увеличении потенциала оборонительных мер – в случае применения БО террористами.

Другое направление возможного российско-французского сотрудничества – системы для обнаружения и идентификации биологических агентов и токсинов – связано с разработкой генетических методов идентификации. Классические и трудоемкие процедуры идентификации болезнетворных агентов на базе культивирования с последующим биохимическим анализом неэффективны в современных условиях. Российская ДНК-технология позволяет выявлять филогенетические связи и идентифицировать микроорганизмы на уровне штаммов и может быть использована для создания современных средств диагностики.

Учитывая отсутствие практического российско-французского сотрудничества в рамках ГП по приоритетным направлениям, французам для начала сотрудничества в биологической сфере необходимо обеспечить скорейшее выполнение политических обязательств принятых в Кананаскисе. Следует отметить, что на данный момент соглашения по ГП между нашими странами еще не подписано. Кроме того, что важным и очень чувствительным моментом для начала российско-французского сотрудничества в области идентификации и производства вакцин является необходимость четкого разграничения прав интеллекту-

альной собственности. Кроме того, России и Франции необходимо решить вопрос, связанный с ограничениями на транспортировку особо опасных патогенов за границу.

Реализация вышеперечисленных проектов могла бы вестись вне рамок ГП, но проблема заключается в том, что французское национальное законодательство не позволяет переориентировать финансовые средства на другие программы. Тот факт, что Франция продолжает активно искать приемлемые развязки для скорейшего начала практического сотрудничества, а также конструктивная позиция российской стороны говорят о реальности начала такого сотрудничества уже в ближайшем будущем.

США, в отличие от Франции, готовы оказывать содействие России в области биобезопасности по более традиционным направлениям:

- ☐ физзащита научно-исследовательских лабораторий и центров, работающих с опасными патогенами;
- ☐ улучшение безопасности коллекций опасных вирусов, бактерий и токсинов в России, Казахстане и Узбекистане;
- ☐ перепрофилирование центров микробиологии оборонного значения на фармацевтические и гражданские направления;
- ☐ совершенствование системы контроля и учета опасных биологических агентов.

Американо-российское сотрудничество в этих областях велось и раньше, но его масштабы и направленность были другими. Опыт взаимодействия по биобезопасности в рамках Международного научно-технического центра (МНТЦ) выявил ряд проблем, которые не смогли найти решения в контексте имеющихся договоренностей. Необходимо было адаптировать подходы обеих стран к современным угрозам и методам их нейтрализации, а также найти новые платформы для перспективных контактов в биологической сфере. После запуска программы «Глобальное партнерство» стало очевидно, что именно на этой основе можно наиболее оптимальным способом выстроить новую концепцию сотрудничества.

Создание российско-американского «Международного центра борьбы с биотерроризмом и новыми болезнями» может стать чрезвычайно перспективным направлением такого сотрудничества. Объединив усилия, например на базе российского научно-исследовательского предприятия «Вектор», можно было бы реализовать многие из двусторонних проектов в сфере биобезопасности. Концепция «Международного центра борьбы с биотерроризмом и новыми болезнями», предложенная США, включает сотрудничество как по предотвращению террористических актов с использованием биологических агентов, так и по минимизации последствий в случае применения биологического оружия.

Препятствием для развития подобного сотрудничества остается необоснованная претензия Вашингтона о «недостаточной транспарентности» российских биологических объектов и бывших советских биопрограмм. Очевидно, что прозрачность в любой из оборонозначимых областей не должна наносить ущерб защите национальных интересов государства. Эффективное сотрудничество по предотвращению попадания опасных патогенов в руки террористов и дополнительной защите российских лабораторий и исследовательских центров может и должно вестись без одностороннего контроля над соблюдением российских обязательств по КБТО. Более того, позиция США выглядит несколько странно, учитывая тот факт, что несколько лет назад американцы отказались завершить формирование многостороннего контрольного механизма в биологической сфере в рамках КБТО. Тогда, в связи с односторонними заявлениями Вашингтона, было сорвано подписание верификационного Протокола к Конвенции. Решение проблемы транспарентности лежит в русле применения симметричных стандартов контроля для объектов России и США, а также в четком разграничении между международно-правовыми обязательствами сторон по соблюдению КБТО и взаимовыгодным сотрудничеством двух стран в области борьбы с угрозами биотерроризма. Только в этом случае удастся соблюсти принцип равноправия сторон, обеспечить адекватную защиту российских интересов и наладить эффективное сотрудничество.

Суммируя все вышеизложенное, можно сказать, что для начала российско-американского сотрудничества в указанной области необходимо подготовить юридическую базу, адаптировать внутренние процедуры ввоза/вывоза опасных патогенов, решить вопросы доступа на режимные объекты и определить оптимальные сроки реализации проектов. Существенное влияние на динамику развития двустороннего российско-американского взаимо-

действия в биологической сфере будет иметь ход реализации идеи о создании «Международного центра борьбы с биотерроризмом и новыми болезнями». Кроме того, очень важно учитывать эффективность сотрудничества с точки зрения нераспространения, а не коммерческой выгоды. Принципиальное значение для развития сотрудничества будет иметь назначение российского исполнительного органа, способного координировать непосредственную работу по биопроблематике, американцы такой орган уже назначили.

В завершение хотелось бы отметить, что сотрудничество стран – участниц ГП в области биобезопасности подразумевает оказание помощи некоторым странам СНГ. В проекте документа по финансированию направлений ГП от 2 февраля 2004 г. – в части, касающейся США, четко прописано финансирование работ, связанных с обеспечением безопасности особо опасных коллекций патогенов в Казахстане и Узбекистане¹⁴. В связи с этим выделение средств на биобезопасность в странах центрально-азиатского региона следовало бы увязать не только с принятием потенциальными странами-реципиентами основополагающих принципов ГП, но и с подписанием рядом стран многосторонних документов в области контроля ОМУ. Так, например, Казахстан и Таджикистан не являются членами Конвенции о запрещении биологического оружия.

УТИЛИЗАЦИЯ ПЛУТОНИЯ

Утилизация избыточного плутония могла бы стать еще одним направлением сотрудничества в рамках ГП. Цель программы – создание гарантий того, что оружейный плутоний, высвобождаемый в процессе ликвидации ЯО, будет уничтожен и не сможет быть использован при создании новых ядерных боезарядов или попасть в руки террористов. В соответствии с документами Кананаскиса, решение этой проблемы рассматривается в качестве одного из приоритетов «Глобального партнерства». Большинство государств-участников ГП готово выделить средства на реализацию этого проекта. Однако количество требований и политических условий, связанных с проектом по уничтожению избыточного оружейного плутония, а также различия в подходах заинтересованных государств практически «заморозили» реальное сотрудничество по этому направлению. Несмотря на огромную работу, проделанную с целью согласования технических деталей и поиска компромисса, практическое взаимодействие пока отсутствует. Основными причинами «простоя» в уничтожении избыточного оружейного плутония являются: неопределенность финансирования проекта по строительству перерабатывающего завода, российско-американские противоречия по проблеме об освобождении от материальной/гражданской ответственности за ущерб, а также комплекс верификационных и технических проблем.

Реализация проекта по уничтожению плутония откладывается на протяжении нескольких последних лет. После того как в 2000 г. Россия дала принципиальное согласие на уничтожение 34 т оружейного плутония и определила метод уничтожения (сжигание в специально переоборудованных ядерных реакторах в виде МОКС-топлива – смеси оксидов оружейного плутония и урана), не удалось решить ни одной из основных проблем, препятствующих началу практической работы в рамках проекта. В соответствии с российско-американским межправительственным Соглашением об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области, которое было подписано 1 сентября 2000 г., планировалось построить в обеих странах заводы по производству МОКС-топлива и создать всю необходимую инфраструктуру, включая переоборудование реакторов, для последующего безопасного уничтожения плутония¹⁵. По предварительным расчетам, стоимость работ в России оценивалась в 2,1 млрд долл., в США – 4 млрд долл. На данный момент страны-доноры готовы предоставить около половины требуемой суммы. Хотя уже сейчас последние расчеты предполагают увеличение российской части расходов до 2,7 млрд долл.¹⁶

С большим трудом идет обсуждение проблемы касательно освобождения от ответственности. Американцы настаивают на использовании положений о юридической ответственности «зонтичного» соглашения, подписанного в 1992 г. в рамках программы «Совместного уменьшения угрозы» (СУУ). В соответствии с положениями Соглашения о СУУ, практически вся ответственность за выплату компенсаций и ущерба в случае аварии в ходе работ по ядерному демонтажу и радиационной и ядерной безопасности, осуществляемых в России

при помощи американского финансирования, лежит на плечах Москвы¹⁷. Позиция Государственного департамента США по этому вопросу весьма категорична: США и все американские подрядчики должны быть освобождены от какой-либо ответственности при осуществлении проектов в России. Для Москвы подобный вариант является неприемлемым, особенно после подписания в 2003 г. Соглашения МНЭПР. Двусторонние российско-американские консультации по вопросам ответственности, проходившие в октябре 2003 г. в Москве, не смогли разрешить имеющиеся противоречия. Для нахождения взаимоприемлемого компромисса принципиальное значение будет иметь встреча российских и американских экспертов в области международного права, договоренность о которой была достигнута в ходе московских переговоров. Много нареканий, связанных с утилизацией плутония в виде МОКС-топлива, вызывает возможность повторного извлечения плутония из отработанного топлива, а также высокие экологические риски. Против проекта выступают многие защитники окружающей среды. Доктор Э. Лиман, старший физик в организации «Union of Concerned Scientists», утверждает, что авария на реакторе, где работает подобная смесь плутония и урана, будет более чем серьезной, так как в случае выброса эти элементы намного токсичнее и радиоактивнее, чем элементы «обычного» уранового топлива¹⁸.

Оценка рисков нераспространения видится еще более сложной ввиду отсутствия открытой информации на этот счет. Известно, что в тупиковой ситуации находятся переговоры по верификационной деятельности предполагаемого сотрудничества. Россия отказывается «открывать» изотопный состав своего оружейного плутония, а также устанавливать высокий уровень транспарентности в отношении других технических характеристик. Следует отметить, что соглашение 2000 г. является пилотным. Речь идет о беспрецедентной акции по утилизации 68 т общих запасов оружейного плутония в России и США. В течение 17 лет планируется синхронно ликвидировать около 30% имеющихся запасов этого материала. Успешная реализация данного проекта позволила бы продолжить предметный разговор о дальнейшем сокращении избыточного плутония.

Однако прогноз о начале сотрудничества в ближайшее время не утешителен. В бюджетном плане администрации Дж. Буша для энергетического сектора, обнародованного в начале февраля 2004 г., говорится, что возведение завода по уничтожению американского плутония в Южной Каролине переносится с июля 2004 г. на май 2005 г. Конгресс США принял решение не выделять ассигнования в количестве 402 млн долл. на строительство американского завода по производству МОКС-топлива в 2004 г.. Исходя из того, что уничтожение плутония и строительство мощностей в России и США должно проходить синхронно, можно сделать вывод о том, что перспектива начала сотрудничества отодвигается как минимум еще на один-два года. Кроме того, следует учитывать, что планы по лицензированию и техническому обеспечению российской программы МОКС-топлива находятся на самом предварительном этапе и далеко отстают от программы США. Учитывая вышеизложенное, а также неоднозначность многих положений проекта утилизации плутония, следует сказать о том, что его реализация в ближайшем будущем видится маловероятной. Отдельные эксперты опасаются, что подобная работа так никогда и не будет начата.

Последние тенденции указывают на то, что впереди предстоит приложить еще много усилий для выработки взаимоприемлемых решений и урегулирования проблем финансирования. Остается надеяться, что данное Соглашение, несмотря на его несовершенство, все же будет реализовано в рамках ГП, в дальнейшем будут разработаны новые технологии утилизации плутония, а также ядерно-топливные циклы нового поколения, отличающиеся более высокой эффективностью и гораздо большей устойчивостью к распространению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Программа ГП все еще находится в стадии формирования своего фундамента – основы из твердой юридической базы, стабильного финансирования и количества утвержденных и реализуемых проектов по основным направлениям. Только завершив этот этап, можно говорить о развитии программы и расширении сферы сотрудничества.

Как отметил директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России А.И. Антонов, для более эффективного сотрудничества в рамках «Глобального партнерства» не хватает всеобъемлющей стратегии по реализации программы¹⁹. Зачастую

разнонаправленные интересы и некорректные взаимоувязки доноров сильно тормозят практическое взаимодействие. Необходимо создать четкое видение перспектив развития данной инициативы у всех государств – участников ГП и продолжать работу по переводу политических договоренностей на рельсы практического сотрудничества.

На прошедшей в Москве в апреле 2004 г. международной конференции «Глобальное партнерство «восемьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», организованной ПИР-Центром, российские специалисты по вопросам разоружения неоднократно подчеркивали необходимость концентрации финансовых средств на приоритетных направлениях сотрудничества. И действительно, трудно не согласиться с тем, что утилизация АПЛ и выполнение обязательств по уничтожению химического оружия требуют крупных вложений именно сейчас. Решение вопроса о финансировании этих направлений наиболее актуально для России и подразумевает целенаправленное выделение средств на строительство объектов по уничтожению химоружия и утилизацию АПЛ.

Может показаться, что на этом фоне ставить вопрос о начале сотрудничества по новым направлениям некорректно и преждевременно, однако, как показывает практика, между выражением намерений государств и началом реального сотрудничества обычно проходит не один год. Благородные цели сотрудничества по обеспечению биобезопасности, защите РИ и ликвидации излишних запасов оружейного плутония, направленные на то, чтобы сделать наш мир безопаснее, несомненно, заслуживают уважения и поддержки. Оптимальным видится вариант параллельного продвижения проектов ГП – подготовка платформы для начала сотрудничества по неприоритетным направлениям и полное, устойчивое финансирование приоритетных направлений. 10 лет, отведенных на реализацию ГП, – срок значительный, но не настолько большой, чтобы упускать время при пошаговом сотрудничестве.

Формирование истинно партнерских отношений со странами Запада, учитывающих в полной мере интересы России, позволило бы создать предпосылки для развития ГП и оптимизации сотрудничества. Общие интересы в области защиты от терроризма и ликвидации угроз, связанных с распространением ОМУ, видятся надежным гарантом того, что программа получит позитивный импульс развития. На мой взгляд, наиболее вероятными направлениями сотрудничества, которые расширят сферу деятельности «Глобального партнерства» уже в ближайшем будущем, должны стать:

- ☐ проекты в области биобезопасности;
- ☐ сотрудничество в области защиты, утилизации и создания надежной системы контроля РИ.

В соответствии с наиболее оптимистичным прогнозом специалистов относительно сроков начала реализации проектов в области биобезопасности и комплексного контроля РИ, согласование проектов по этим направлениям будет завершено к августу 2005 г. Стоит отметить, что сотрудничество по обеспечению комплексной безопасности РИ уже ведется, но оно не сопоставимо с масштабом проблемы в целом. В рамках ГП, с учетом наработок экспертов МАГАТЭ, можно было бы существенно ускорить сроки реализации проектов в этой области. Средства, необходимые на решение проблемы РИ, не столь значительны в сравнении со средствами, выделяемыми, например, на химическое разоружение. Это должно послужить еще одним аргументом в пользу того, чтобы подобное сотрудничество велось одновременно/параллельно с реализацией проектов по основным направлениям.

В отношении перспектив сотрудничества по биобезопасности можно сказать, что отрадным видится факт начала осуществления первых проектов в этой области. Как обозначено в докладе ГВУ по проблемам «Глобального партнерства», который был сделан в ходе саммита на о. Си-Айленд, проекты сотрудничества по биобезопасности реализуются, в том числе при участии Франции, Швеции и США²⁰. Это значит, что положено начало практическому взаимодействию в этой области.

Создание российско-американского «Международного центра борьбы с биотерроризмом и новыми болезнями» может стать перспективной базой для осуществления проектов по биобезопасности на двусторонней основе. Объединив усилия, наши страны могли бы вести сотрудничество как по предотвращению террористических актов с использованием биологических агентов, так и по минимизации последствий в случае применения биологического оружия. Скорейшее начало взаимодействия России и США на этом направлении

позволило бы значительно уменьшить риски, связанные с использованием биологических агентов в террористических целях.

Рассматривая перспективы сотрудничества по уничтожению избыточного плутония в рамках программы «Глобального партнерства», можно сказать, что практическое начало такого сотрудничества представляется маловероятным в ближайшие два-три года. Многие будут зависеть от решения целого ряда вопросов и разногласий, связанных с Соглашением²¹ и его финансированием. Ведущиеся с декабря 2002 г. переговоры по многостороннему соглашению о финансировании утилизации плутония пока результатов не дали. Как говорилось выше, остается надеяться, что, несмотря на несовершенство программы по утилизации избыточного плутония, Соглашение все же будет реализовано в рамках ГП, а в дальнейшем будут разработаны новые методы утилизации плутония, отличающиеся более высокой эффективностью и гораздо большей устойчивостью к распространению.

Меняющиеся условия, в которых должна выполняться программа ГП, могут внести коррективы в сроки начала реализации проектов и структуру взаимодействия. Однако процесс расширения сферы сотрудничества неизбежен. России необходимо определить те новые направления сотрудничества, которые будут реализованы в рамках ГП и видятся наиболее значимыми с точки зрения нераспространения и защиты национальных интересов. Принципиально важно, чтобы все новые проекты соответствовали основополагающим принципам ГП, а также чтобы весь потенциал сотрудничества использовался для решения конкретных задач в области нераспространения и ликвидации угроз, связанных с использованием ОМУ в террористических целях.

Примечания

¹ Gonzales J. Abel Security of Radioactive Sources – involving new international dimensions., IAEA Bulletin/ 2001. Vol. 43, No. 4. P. 41.

² IAEA Press Release, PR 2002/09., Inadequate Control of World's Radioactive Sources. 2002, July 25.

³ Материалы для изготовления радиологического оружия. Доклад КР, CD/1681 от 22.08.2002 г. ст. 3.

⁴ Охота на радиоактивных «беспризорников». *Sueddeutsche Zeitung*. <http://www.inosmi.ru/translation/151414.html>

⁵ Радиоактивная бомба для Балтики. Пресс-релиз <http://greenworld.org.ru/rus/proj/danger/radon/rad01.htm>.

⁶ Выступление Генерального директора МАГАТЭ на «Конференции по радиоактивным источникам». Документ № 2. 11.03.2003 г.

⁷ Ежегодный доклад СДЛ «восьмерки» Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения. Документ КР CD/1708 от 12 июня 2003 г. ст. 4.

⁸ Отчет Центробанка России за 7 января 2005 г. Пресс-релиз ЦБ РФ. 7 января 2005.

⁹ Новый вызов после «холодной войны»: распространение ОМУ. Открытый доклад СВР за 1993 г., <http://svr.gov.ru/material/2-1.html>

¹⁰ Щербаков Г. Источники и основные угрозы для национальной биологической безопасности. *Ядерное Распространение*. 2003. № 47.

¹¹ Биобезопасность и биопром: новые надежды подмосковных ученых. <http://ecopravda.km.ru/oka/mig7il.htm>

¹² Reducing the threats from weapons of mass destruction. Building a global coalition against Catastrophic terrorism, Safer World., Moscow. 2002.

¹³ Феклюнин Сергей. От сумы и от чумы. *Московский Комсомолец*. 2003, 3 ноября.

¹⁴ Global Partnership Funding Commitments. Документ СДЛ от 02.02.2004 г.

¹⁵ Соглашение об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области., от 1 сентября 2000 г.

¹⁶ Алимов Р.Т. Прогресс науки и техники для мира и процветания в 21-м веке. М.: М-Пресс, 2001.

¹⁷ Соглашение между РФ и США относительно безопасных и надежных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия от 17 июня 1992 г.

¹⁸ Реализация американско-российского плана по уничтожению оружейного плутония откладывается. *Infopressa (New-York Times)*, от 12 марта 2004 г.

¹⁹ Доклад А.И. Антонова на заседании ПИР-Центра. 2003 г.

²⁰ Доклад Группы высокого уровня. Материалы саммита 2004 г. ДС/246/а. Си-Айленд. Ст. 34.

²¹ Соглашение об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области, от 1 сентября 2000 г.

Роланд
Тимербаев

УРОКИ ЧЕТВЕРТОЙ ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДНЯО 1990 ГОДА

Читателям *Ядерного Контроля* хорошо известно, что каждые пять лет проводятся обзорные конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Их цель – подытожить, что сделано за последнее пятилетие и в более ранний период в плане выполнения положений Договора, а также выработать согласованные рекомендации на будущее в интересах дальнейшего укрепления международного режима ядерного нераспространения. Очередная такая обзорная конференция состоится в мае 2005 г.

В прошлом – а таких конференций состоялось уже шесть (в 1975, 1980, 1985, 1990, 1995 и 2000 гг.) – они проходили с большими трудностями и далеко не всегда завершались принятием согласованных решений, что, конечно, наносило ущерб нормальному функционированию ДНЯО и всего режима ядерного нераспространения. Как правило, главной проблемой, с которой неизменно сталкивались конференции, было невыполнение или недостаточно удовлетворительное выполнение, с точки зрения неядерных государств, статьи VI (о прекращении гонки ядерных вооружений и ядерном разоружении) ядерными державами-участницами Договора: США, СССР/Россией, Великобританией, Францией и Китаем¹.

При этом основное требование неядерных стран в первую очередь состояло в том, чтобы был заключен договор о полном запрещении испытаний ядерного оружия. Их не удовлетворяло, что в 1963 г. был заключен Московский договор о запрещении ядерных испытаний только в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой, оставлявший вне запрета подземные испытания. Не вызывало у них никакого энтузиазма и то, что хотя в 1974 г. и был подписан Договор между США и СССР о «пороговом» ограничении подземных испытаний уровнем мощности в 150 Кт, но подземные испытания ниже этого уровня продолжались.

Следует отметить, что из всех аспектов ядерного разоружения в ДНЯО специально выделен именно вопрос о запрещении ядерных испытаний – в преамбуле Договора говорится, что его государства-участники напоминают о «решимости, выраженной участниками Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 года в его преамбуле, стремиться достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия и продолжать переговоры с этой целью».

Четвертая Обзорная конференция по ДНЯО проходила в Женеве с 20 августа по 14 сентября 1990 г., и из-за противоречий между ядерными державами и подавляющим большинством неядерных государств по проблеме полного прекращения испытательных взрывов ядерного оружия завершилась без принятия заключительной декларации. На последнем заседании конференции 14 сентября ее председатель посол Перу О. де Ри-

веро объявил, что конференция, «несмотря на интенсивные консультации и значительные усилия, не смогла принять заключительную декларацию»².

О том, как проходили завершающие консультации по выработке решения конференции по вопросу о ядерных испытаниях, рассказывают мои дневниковые записи, сделанные по «горячим следам» через две недели после ее окончания. На конференции я был заместителем главы советской делегации, а после отъезда из Женевы ее руководителя заместителя министра иностранных дел В.Ф. Петровского замещал его.

«23 сентября 1990 года»

Решающим для IV Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия был завершающий день – 14 сентября.

К этому времени были полностью согласованы тексты Заключительной декларации Конференции по статьям III, IV, V, VII. Между делегациями США и Нигерии была согласована формулировка по «негативным» гарантиям безопасности неядерных стран, которая предусматривала возможность проведения в будущем международной конференции по этой проблеме. Между делегациями США и Египта при содействии советской делегации была также достигнута договоренность о формулировке по так называемым «позитивным» гарантиям безопасности неядерных стран, в которой предусматривается дальнейшее рассмотрение предложения Египта о выработке более конкретных обязательств ядерных держав в случае нападения или угрозы нападения на неядерные государства с применением ядерного оружия, в дополнение к Резолюции Совета Безопасности 255 (1968 г.).

Была, далее, достигнута принципиальная договоренность по тексту для Заключительной декларации в отношении статей I и II договора. Не было, правда, окончательного согласия по формулировке относительно Израиля и Южной Африки – как стран, представляющих угрозу с точки зрения опасности распространения ядерного оружия³. Однако имелось понимание, что в случае достижения договоренности относительно текста по статье VI оговорки по формуле в отношении Израиля и Южной Африки будут сняты.

Наконец, имелась также предварительная договоренность по статье X относительно проведения в 1995 г. единой конференции для рассмотрения действия договора и вопроса о его продлении. При этом имеется в виду, что такая конференция состоится в Нью-Йорке в марте–апреле 1995 г., подготовительная же работа к конференции 1995 г. началась бы либо в конце 1992 г., либо в начале 1993 г.

Итак, оставался несогласованным, в сущности, один раздел – по статье VI договора.

К середине дня 14 сентября в рабочей группе Главного комитета I было закончено согласование формулировок по тем частям раздела, касающимся статьи VI, которые относились к вопросам ядерного разоружения, в том числе к оценке соглашений в этой области, заключенных между СССР и США в период 1985–1990 гг. Вся эта работа проходила очень напряженно, но в целом конструктивно, под председательством главы делегации Канады посла по разоружению П. Мейсон. Когда стало ясно, что этот раздел практически готов, состоялось короткое совещание основных делегаций и было решено собраться для заключительного приступа в помещении миссии Швеции под руководством председателя Редакционного комитета Конференции Карла-Магнуса Хилтениуса (Швеция). В эту группу вошли представители следующих стран:

США – М. Хойнкес и позднее Б. Гордон; СССР – Р. Тимербаев и С. Бацанов; Великобритании – Т. Солсби и Р. Смит; Канады – П. Мейсон; Австралии – Д. Рис и Дж. Кортней; Новой Зеландии – Д. Маккай; Польши – Т. Струляк; Мексики – М. Марин-Бош; Ирана – д-р Солтанья; Индонезии – Х. Вайараби; Перу – д-р Кальдерон; Венесуэлы – Г. Артеага; Югославии – М. Косин.

Председательствующему оказывал весьма эффективную и полезную помощь С. Норен, советник шведской миссии при ООН в Нью-Йорке. Следует заметить, что незаметную, но существенную (в негативном плане) роль играл советник делегации США, не скрывавший, что он представляет Лос-Аламосскую лабораторию.

В центре внимания – проблема запрещения испытаний ядерного оружия. Представители неприсоединившихся стран во главе с Мексикой стремились увязать проблему запрещения ядерных испытаний и ее решение с возможностью продления Договора о нераспространении ядерного оружия в 1995 г. Мы, решительно поддерживая скорейшее решение проблемы запрещения испытаний, выступали, естественно, против каких-либо увязок. Эту нашу позицию поддерживали США, Англия, другие западные страны, Польша. Общими усилиями удалось внести расслоение в ряды неприсоединившихся стран, и представители таких государств, как Югославия, Индонезия, Венесуэла и другие, признали нецелесообразность включения в Заключительную декларацию формулировок, предусматривающих увязку этих проблем. Они согласились с идеей «конструктивного параллелизма», которую мы продвигали на конференции. В этих условиях М. Марин-Бошу не оставалось ничего иного, как молчаливо согласиться с исключением из текста увязочных формулировок.

28 сентября 1990 года

Вначале было решено согласовать текст, относящийся к конференции по внесению поправок в Московский договор 1963 года о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, которая должна состояться в Нью-Йорке в январе будущего года.

Представители неприсоединившихся стран во главе с М. Марин-Бошем добивались выработки текста, который предусматривал бы обязательство ядерных держав – депозитариев договора обеспечить положительный исход конференции, против чего, естественно, возражали делегаты США и Англии. После довольно длительной дискуссии удалось согласовать взаимоприемлемую формулировку, в которой содержится «настойчивый призыв ко всем участникам Договора 1963 года продемонстрировать свою неизменную приверженность этому договору, оказав поддержку конференции и действуя на ней в духе конструктивизма и доброй воли в направлении достижения договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия».

Далее участники совещания в шведской миссии приступили к консультациям по основной части раздела – о задачах в области запрещения ядерных испытаний в предстоящем пятилетии и обязательствах в этом отношении держав-депозитариев. М. Марин-Бош и его друзья продолжали настаивать на включении таких формулировок, которые предусматривали – в той или иной степени – увязку решения вопроса о продлении договора о нераспространении с достижением договоренности по проблеме ядерных испытаний.

Советские представители находились в довольно сложном положении, потому что, с одной стороны, наша принципиальная позиция предусматривает необходимость достижения скорейшей договоренности по проблеме запрещения испытаний ядерного оружия, а с другой – какая-либо увязка решения этого вопроса с задачей нераспространения могла бы поставить под угрозу само существование договора. Поэтому наша тактика состояла в том, чтобы, не вступая в полемику между двумя противоборствующими сторонами, подводить их к важности выработки такой общеприемлемой формулировки, которая, не предусматривая увязки, в то же время содержала бы четкое указание на необходимость достижения решения данной проблемы.

Дискуссии в группе продолжались в течение нескольких часов, иногда они прерывались для проведения консультаций в более узком составе. В конце концов на основании многочисленных бесед и консультаций председательствующий Хилтениус предложил текст, основанный на преобладавших мнениях и учитывающий пожелания, как он считал, всех сторон. Этот текст гласил:

«Конференция далее признает, что прекращение ядерных испытаний будет играть центральную роль в будущем Договора о нераспространении ядерного оружия. Конференция также подчеркивает существенное значение, которое будут иметь в течение ближайших пяти лет переговоры – как многосторонние, так и двусторонние – для заключения договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Конференция вновь призывает к скорейшим действиям в направлении этой цели на Конференции по разоружению в начале ее первой сессии 1991 года. Конференция настоятельно призывает к тому, чтобы специальному комитету по запрещению ядерных испытаний был дан соответствующий мандат для заключения договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия».

Большинство присутствующих, как было заметно, это предложение восприняли как открывающее путь к согласию. На совещании был объявлен перерыв, и все разошлись по соседним комнатам.

Мы с Бацановым также почувствовали, что в воздухе витает соглашение. Уединившись в одной из комнат и отбросив наши традиционные суеверия, стали прикидывать, как мы будем наутро докладывать в Москву о результатах конференции и о достигнутом соглашении по тексту Заключительной декларации. Рано утром Сергей собирался уезжать в командировку, и мы посчитали полезным воспользоваться имевшимся у нас в распоряжении временем, покуда в других комнатах продолжались консультации, чтобы набросать план нашего отчета. Но на этот раз чувство реальности нам изменило.

Когда мы вернулись в общую комнату, то сразу почувствовали, что соглашение уплывает из-под ног. Выражения лиц у основных участников переговоров стали жесткими. Появился старший американский представитель Б. Гордон. Среди западных делегаций было заметно явное замешательство.

Когда через некоторое время все уселись за столом, то американская делегация заявила, что она настаивает на том, чтобы в дополнение к тексту, предложенному Хилтениусом, включить формулировку, которую они предлагали на конференции ранее, а именно:

«Конференция далее принимает к сведению совместное обязательство США и Советского Союза приступить к поэтапным переговорам о дальнейших промежуточных ограничениях на ядерные испытания, ведущих к конечной цели полного прекращения ядерных испытаний как части эффективного процесса разоружения».

Хотя эта формула была в прошлом результатом договоренности между СССР и США (на встрече на высшем уровне в Москве 29 мая – 2 июня 1988 г.), совершенно очевидно, что в данном контексте она фактически сводила на нет суть компромиссной формулировки, предложенной Хилтениусом, и поэтому не могла быть приемлемой для неприсоединившихся стран. Это сразу всем стало ясно, когда Марин-Бош отклонил предложение США о включении указанного добавления.

Очень скоро стало очевидно, что соглашения не будет. Около 11 часов вечера, т.е. после семи часов непрерывной работы, председательствующий Хилтениус предложил прервать встречу, вернуться во Дворец наций и предпринять там, в присутствии всех делегаций, последнюю попытку достичь компромисса.

Я выразил с этим несогласие и предложил еще раз попытаться договориться здесь, в шведской миссии. Аргументировал тем, что в более узком кругу, среди тех, кто хорошо знаком с сутью возникших разногласий, было бы легче договориться, чем в присутствии всей конференции. Сослался на поздний час, на то, что до завершения конференции оставались считанные часы.

По существу главного противоречия между делегациями США и Мексики сказал следующее: «Предлагаемая США формулировка для включения в текст раздела о запрещении испытаний для Советского Союза, разумеется, приемлема, поскольку она отражает имеющуюся между двумя державами договоренность по ведению дальнейших поэтап-

ных переговоров. Этот согласованный подход обеих стран является фактом, является частью истории, и включение или невключение его в текст Заключительной декларации не меняло бы дела. В любом случае договоренность существует, и обе стороны обязались ее выполнять. Поэтому, – продолжал я, – мы готовы к тому, чтобы иметь этот текст в Заключительной декларации, готовы и не настаивать на этом». Однако обе делегации – и американская, и мексиканская – продолжали стоять на своем. Все согласилось с моим предложением продолжить работу в шведской миссии еще в течение получаса.

Но последовавшая дискуссия, к сожалению, ничего нового не дала. США настаивали на своем тексте, считая, что он в какой-то степени перечеркивал бы приведенный выше вариант Хилтениуса. Мексиканцы же возражали против включения этого текста, считая, что он неприемлемым образом ослабляет текст председательствующего.

В 23.30 было решено прервать встречу и вернуться во Дворец наций. Там возобновились интенсивные консультации между различными делегациями. Собралась группа западных стран, на заседании которой, как стало известно, между западными странами возникли расхождения, так как наиболее «убежденные» натовцы поддерживали США, а другие западные делегации призывали к компромиссу. Мы провели заседание восточноевропейской группы, на которой я вместе с польским послом Струляком рассказал о многочасовой встрече в шведской миссии, и на группе было решено совместными усилиями продолжать искать компромиссные решения.

Мои многочисленные беседы с руководителем американской делегации Б. Гордоном и его коллегами показали, что американская делегация не готова идти на уступки по вопросу о запрещении испытаний. Б. Гордон связывался с Вашингтоном и получил твердое указание возражать против любых вариантов, которые возлагали бы на США какие-либо обязательства вести переговоры о полном запрещении ядерных испытаний. В ходе этих контактов я спросил Б. Гордона, не стоит ли мне позвонить в Вашингтон и переговорить по телефону с директором АКВР⁴ Р. Леманом. Гордон просил меня этого не делать, тем более что Леман не имеет полномочий менять, как он выразился, принципиальную позицию США. Я уже подумывал о том, чтобы просить связать меня с самим госсекретарем Дж. Бейкером, но, поразмыслив, решил этого не делать, так как на проведение такого разговора у меня не было необходимых полномочий из Москвы.

В последний момент США пытались найти решение, подобное тому, какое было принято на III конференции по рассмотрению действия договора о нераспространении в 1985 г., когда по тому же вопросу был достигнут компромисс, состоявший в том, что в заключительной декларации были зафиксированы позиции как сторонников, так и противников запрещения ядерных испытаний. Однако на этот раз мексиканцы и стоявшие за ними неприсоединившиеся страны начисто отказались идти на такой компромисс.

Поэтому предложение председателя конференции перуанца О. де Риверо, внесенное под занавес конференции, о том, чтобы зафиксировать разногласия между сторонами, принято не было из-за возражений Мексики.

Итак, конференция подошла к концу, не приняв заключительной декларации.

2 октября 1990 года

Подводя итог, хотелось бы сказать, что, на мой взгляд, особенно оглядываясь сегодня на события трехнедельной давности, должен констатировать, что возможность достижения договоренности все-таки была. То, что США не пошли на предложенный Хилтениусом текст, является, наверное, их серьезной ошибкой. Почему? Потому, что через пять лет, в 1995 г., им придется заплатить гораздо большую цену. Тогда неядерным странам формулировки типа той, что была предложена Хилтениусом, явно будет мало. Они будут требовать – и с достаточным основанием – не просто обязательства вести переговоры о заключении договора об испытаниях, они будут требовать конкретных решений.

Уверен, что в предстоящие годы со стороны общественности и Советского Союза, и Соединенных Штатов, и других государств будут высказываться все более настойчивые требования в пользу прекращения ядерных испытаний. Так что и общий климат будет создавать больше предпосылок и оснований для решительных требований о введении запрета на подземные ядерные взрывы.

То, что конференция завершилась без принятия заключительной декларации, на мой взгляд, никак не принижает значения договора, не снижает его эффективности. Конечно, ситуация в области нераспространения является непростой, особенно с учетом того, что так называемые «окооядерные» страны все больше заостряют в своей оппозиции режиму нераспространения. Прежде всего это касается Индии, Пакистана, Израиля, а также Северной Кореи. Но сама по себе конференция довольно единодушно выступала за договор. И даже те, кто не допустил принятия компромиссного решения по запрещению ядерных испытаний, даже они проявили полную лояльность к договору.

Результаты конференции содержат и позитивный элемент – они не могут не послужить отрезвляющим для США и в определенной степени мобилизующим фактором. Ведь если бы на фоне действительно существующих и усиливающихся реальных противоречий по проблеме ядерных испытаний, особенно в общем контексте движения СССР и США в сторону ограничения и сокращения ядерных вооружений, получился вполне обтекаемый, но малосодержательный заключительный документ, то результатом этого явилось бы лишь состояние эйфории, успокоенности в Вашингтоне, а это никак не отвечает реальным потребностям предстоящего пятилетия».

Перечитывая сейчас свои дневниковые записи 1990 г., не могу не заметить, что произошедшее тогда представляется мне вполне актуальным и сегодня. Состоявшаяся спустя пять лет, в 1995 г., Конференция по рассмотрению действия и продлению ДНЯО была достаточно успешной. Договор был продлен бессрочно. И немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что тогда на Конференции по разоружению дело шло к завершению переговоров по заключению Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Этот договор был полностью выработан в 1996 г. и открыт для подписания в сентябре того же года. По состоянию на январь 2005 г. он подписан 174 государствами и ратифицирован 120 странами, включая Россию, Великобританию и Францию. *Но в силу он до сих пор не вступил.* По его условиям для вступления Договора в силу требуется участие в нем 44 государств, располагающих значительной ядерной деятельностью. Все эти государства перечислены в Договоре. Пока что только 33 государства из этих 44 ратифицировали Договор. Сенат США отказался ратифицировать ДВЗЯИ, а нынешняя американская администрация не намеревается добиваться утверждения Договора Сенатом. Не ратифицировал Договор и Китай.

Всё это, разумеется, не может не настораживать всех тех, кто заинтересован в успешном проведении Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года и в обеспечении дальнейшей жизнестойкости Договора о нераспространении ядерного оружия и всего международного режима ядерного нераспространения.

Примечания

¹ Последние две ядерные державы присоединились к ДНЯО в 1992 г.

² Док. NPT/CONF.IV/45/1.

³ ЮАР отказалась от ядерного оружия позднее – в начале 1990-х гг.

⁴ Агентство по контролю над вооружениями и разоружению. Несколько лет тому назад было сформировано и вошло в состав Государственного департамента США.

Ханс Бликс | РАЗОРУЖЕНИЕ ИРАКА
New York. Pantheon Books. 285 pp. 2004

Hans Blix | DISARMING IRAQ
New York. Pantheon Books. 285 pp. 2004

Рецензия – Геннадий Евстафьев

В 2004 г. на Западе вышло несколько очень интересных книг, посвященных крупнейшему международному кризису – иракской войне США и Великобритании. Последствия этого события до сих пор сотрясают как сам Ирак, так и внутривнутриполитическую жизнь основных игроков этой драмы. Достаточно сказать, что президент США Дж. Буш в интервью газете *New York Times* 27 августа 2004 г. вынужден был признать, что он неверно оценил обстановку в Ираке после вторжения сил так называемой коалиции, которые пренебрегли мнением мирового сообщества и нормами международного права и фактически поставили себя на одну доску с иракским диктатором.

Иракский кризис и события, предшествовавшие ему, еще долгие годы будут объектом глубокого исследования дипломатов, политиков и специалистов в области международных отношений. И в этом деле бесценную помощь окажет им последняя книга известного шведского дипломата, человека объективного и весьма щепетильного, возглавлявшего по поручению международного сообщества крайне ответственную миссию по инспекциям и разоружению Ирака перед самым нападением США и их немногочисленных союзников. В самом прямом смысле Х. Бликс, несмотря на свой возраст, долгое время находился в центре нараставшего урагана, который не только смел С. Хусейна и его режим, но и решительно изменил многие наши представления о добре и зле.

Х. Бликс не был новичком в вопросе об инспекциях по проблемам оружия массового уничтожения в Ираке, когда с 1 марта 2000 г. приступил к исполнению обязанностей руководителя вновь созданной комиссии ООН по Ираку United Nations Monitoring Verification and Inspection Commission (UNMOVIC). Будучи в течение 16 лет главой МАГАТЭ, Х. Бликс плотно сотрудничал с предшественницей UNMOVIC – Спецкомиссией ООН по Ираку (UNSCOM) и надо признать, что его подчиненные под руководством Д. Перрикоса добились важных результатов в раскрытии истинных масштабов и направлений иракской ядерной программы. Таким образом, объективности и профессионализма шведу было не занимать. Отметим, что к приходу Х. Бликса деятельность ООН по выполнению резолюции СБ ООН № 687 и других решений этой международной организации зашла в тупик и в течение многих месяцев была прекращена.

На то было много причин: и откровенный саботаж ее деятельности со стороны иракского режима, и то обстоятельство, что при предшественниках Х. Бликса, Р. Экеусе и австралийце Дж. Батлере, особенно при последнем, верификационно-инспекторский механизм ООН фактически превратился в разведывательный инструмент американских Центрального разведывательного управления (ЦРУ), Разведывательного управления Министерства обороны (РУМО) и британских разведывательных служб. Американский инспектор и одновременно ответственный сотрудник американских спецслужб С. Риттер впоследствии откровенно расскажет о полном засилье западных разведывательных организаций в процессе выполнения резолюций ООН. И решали они с самого начала зада-

чи не столько поиска оружия массового уничтожения (ОМУ) Ирака, сколько подготовки к свержению режима С. Хусейна и установления контроля над этой богатейшей нефтяной провинцией мира. В конце концов курс на противоборство и столкновение привел к тому, что Ирак потребовал отозвать всех американских инспекторов, чья деятельность стала «походить на конкретные военные операции» с несанкционированным применением самой совершенной разведывательной техники.

Все, кто в те годы был связан с иракской ситуацией, знают, что в одной из стран Персидского залива находился объединенный разведцентр при участии представителей спецслужб США, Великобритании и Австралии, который во многом определял и стратегию и тактику верификационной деятельности формально международного органа. А тут еще иракцы со своей тактикой «cheat and retreat» – своего рода игрой в «политические кошки-мышки» предельно запутывали и усложняли общую ситуацию. Но ключевым моментом, и об этом пишет Х. Бликс, явилось проведение известной операции «Desert Fox» («Лис пустыни»), в ходе которой свыше 100 крылатых ракет были выпущены по примерно 100 целям в Ираке. Мало того, что были поражены объекты, уже находившиеся под постоянным дистанционным мониторингом Спецкомиссии.

Иракцы политически использовали этот малопродуктивный и близорукий шаг для обоснования полного прекращения инспекций. В своей книге Х. Бликс подробно рассказывает о том, как ему пришлось скрупулезно и в то же время решительно исправлять ситуацию и фактически заново планировать и организовывать работу вновь созданной Комиссии ООН. Особенно это поучительно в части, касающейся подбора и использования инспекторов:

- ☐ инспекторы должны набираться на широкой основе и после этого они зачисляются в состав международного корпуса ООН с соответствующими обязательствами и лояльностью к задачам этой международной организации. Таким образом, подразумевалось прекратить использование так называемого «гратис персонала»¹, который преобладал за счет финансирования его содержания соответствующим правительством;
- ☐ UNMOVIC должна иметь отчетливое ооновское «лицо» и поэтому не должна управляться на расстоянии каким-либо государством и только тогда она получит должную международную легитимность;
- ☐ не должно быть никаких механизмов обмена инспекционной информацией на разведывательную;
- ☐ инспекции должны быть эффективными и могут быть весьма проникающими, но без особой на то необходимости не должны быть конфронтационными.

Не удивительно, что такой подход был разительным отходом от сложившейся практики и потребовал дополнительных кадровых решений, в результате которых был убран заместитель руководителя Комиссии американец Ч. Дюльфер. Надо обладать авторитетом и твердостью Х. Бликса, чтобы в доброжелательной и корректной форме лично осуществить эту деликатную миссию. Конечно, такие новации не понравились «большому брату» и ответные действия не заставили себя ждать. На словах основные игроки давали советы о том, что UNMOVIC должна стать неполитизированным и техническим механизмом СБ ООН, но Х. Бликс как никто другой понимал, что за кулисами идет работа по проникновению в аппарат комиссии «нужных людей» и дискредитации его линии. Первый же точный удар по «монополистам» в инспекционном процессе был нанесен по уже упоминавшейся разведывательной базе «Gateway» в Бахрейне, где «представители большого брата» неизвестно на каком основании проводили брифинги и дебрифинги инспекционных групп ООН². Ряд стран неоднократно ставил вопрос о прекращении этой практики еще перед Р. Экеусом, однако у этого шведа не хватило мужества, чтобы прекратить это безобразие. Обращает на себя внимание тот факт, что Х. Бликс провел переобучение сотрудников новой комиссии и, взяв все лучшее от предшественников, внес существенные коррективы в сам дух и манеру поведения, которой было рекомендовано следовать инспекторам.

Это, кстати, в немалой степени озадачило и обезоружило иракцев. 10 января 2002 г. Х. Бликс посетил Вашингтон, где подвергся достаточно «мягкой» обработке со стороны Р. Чейни, К. Пауэлла, К. Райс, Дж. Болтона и других высокопоставленных представителей американской администрации. Но общий фон для деятельности комиссии продолжал ухудшаться. Дж. Буш объявил о борьбе с «осью зла», а иракцы устами самого С. Хусейна называли инспекции «оскорбительными» и продолжали жить в иллюзиях 2000 г., когда им удалось максимально обыграть Запад, не потеряв программы «нефть в обмен на продовольствие».

Именно в этот период небезызвестный «ястреб» нынешней администрации П. Вулфовиц попросил ЦРУ провести расследование всей деятельности Х. Бликса на посту Генерального директора МАГАТЭ между 1981 и 1997 гг. Существует мнение, что П. Вулфовиц был крайне разгневан сбалансированными выводами ЦРУ и пришел к выводу, что «новые инспекции могут торпедировать планы Министерства обороны США относительно операции по свержению С. Хусейна. Именно в этот момент начинает возникать мысль о том, что главная цель администрации Дж. Буша не столько поиск иракского ОМУ, сколько изменения государственного строя государства – члена ООН силой оружия. Но каково! Если он делает не так, как мы хотим, «тогда мы летим Вас разоблачать, как ставленника враждебных делу настоящей, американской демократии сил». После этого явно с подачи таких вот демократов «чистой воды» Х. Бликс неоднократно подвергался нападкам и даже личным оскорблениям. И так действовали в отношении полностью прозападного человека.

К чести Х. Бликса, он мужественно выстоял и морально победил своих хулителей. Как известно, в апреле 2002 г. премьер-министр Т. Блэр установил планку, заявив: «Мы знаем, что С. Хусейн имеет большие запасы химического и бактериологического оружия. Мы знаем, что он пытался приобрести технологии, способные привести к созданию ОМУ».

Теперь-то мировое общественное мнение знает, что это была заведомая ложь, но тогда UNMOVIC должна была решить труднейшую задачу – в условиях обструкции иракцев, уже понявших неизбежность военного столкновения и из своих интересов проводивших крайне двусмысленную линию, — найти справедливый и точный ответ на этот животрепещущий вопрос: есть у Ирака ОМУ или нет? Как известно, ответ был найден, и не зря П. Вулфовиц был в такой ярости от назначения Х. Бликса руководителем UNMOVIC.

Иракское ОМУ не найдено до сих пор, несмотря на отчаянные попытки многих сотен инспекторов Пентагона, обшаривавших всю завоеванную страну. И Р. Чейни, и Т. Блэр со своим выдвигателем Дж. Скарлетом были посрамлены. Но, как говорила моя малограмотная бабушка, «им [...] глаза, а они говорят – божья роса». Потом пришлось придумывать и террористический след, а фактически проложить путь в Ирак в результате собственной агрессии тысячам боевиков «Аль-Каиды» и теперь бороться с ними до последнего иракца.

Якобы дело освобождения угнетенных шиитов от ига С. Хусейна кончилось уничтожением тысяч этих самых шиитов американскими войсками. А история с событиями в тюрьме Абу-Грейб и т.п.? Все это подтверждает вывод о том, что в политике, равно как и в дипломатии, одна ложь ведет к нагромождению их друг на друга и в конце концов к бесславию ее изобретателей. Отметим, что Х. Бликсу нельзя отказать в чувстве юмора. С неподражаемым скандинавским сарказмом он назвал последнюю главу своей книги: «После войны: оружие массового исчезновения» (After War-weapons of mass disappearance).

В своей книге Х. Бликс ставит несколько важнейших вопросов. И первый из них – была ли война в Ираке неизбежна? Думается, что на этот вопрос сам Х. Бликс вряд ли мог бы дать убедительный ответ. Видимо, если бы речь шла об обычной войне, то, пожалуй, «да», ее можно было бы избежать при наличии доброй воли участников конфликта. Но речь ведь шла о давно спланированной международной агрессии, и здесь нормальные приемы и компромиссы не действуют. Вообще, чтобы найти ответ на этот вопрос, заин-

тересованному аналитику параллельно с книгой Х. Бликса необходимо прочитать только что вышедшие откровенные книги знаменитого журналиста Б. Вудворда «Plan of Attack» (Simon&Schuster. New York/London, 2004, 467 p.); мемуары известного инспектора, сотрудника ЦРУ Д. Кэя, воспоминания Р. Кларка и других участников событий с американской стороны.

И все-таки наиболее показательны взятые Б. Вудвордом доверительные интервью с самим президентом Дж. Бушем, вице-президентом Р. Чейни, главой Пентагона Д. Рамсфелдом, К. Райс, К. Пауэллом и другими, включая ряд ответственных сотрудников американских разведслужб. Все начиналось в так называемом «Танк» – секретном бункере еще до инаугурации Дж. Буша. А уже 16 февраля 2001 г., т.е. через три недели после нее, был нанесен мощный авиационный удар по Ираку, причем о нем заранее не был оповещен даже шеф Пентагона Д. Рамсфелд. В общем, к власти в США пришла группа лиц, которая считала, что она не доделала работу по Ираку в 1990–1991 гг. в основном из-за личной слабости Дж. Буша-старшего. Теперь они «заказывали музыку», и Дж. Буш-младший был с ними.

Дело застопорилось из-за террористических атак «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 г. Когда же впервые был поставлен вопрос о нападении на Ирак и кто был первым «закоперщиком». 21 ноября 2001 г. Буш потребовал варианты Пентагона по войне в Ираке, что запустило тандем Д. Рамсфелд – генерал Т. Фрэнкс. Шеф Пентагона непрерывно требовал от генерала так называемых «исходных предположений» по Ираку, создавая атмосферу надвигающейся крупной военной операции. Уже 28 декабря 2001 г. в Крауфорде, на ранчо президента в Техасе, состоялось заседание «военного кабинета» Дж. Буша, на котором Т. Фрэнкс вручил президенту бумажную копию 26 слайдов брифинга, на каждой странице которой имелся ярко-красный гриф «Top secret. Polo step» – раздел специальной информации для проведения военных операций. Этого всего Х. Бликс, да и не только он, не знал и продолжал честно выполнять свой долг перед мировым сообществом. А механизм агрессии был уже неотвратимо запущен.

Книга Х. Бликса, как и другие публикации, посвященные иракской ситуации, является только началом серьезного обсуждения в мировом сообществе об уроках этого международного кризиса, расколовшего ведущие государства, прежде всего постоянных членов СБ ООН, по таким проблемам, как уместность и эффективность одностороннего применения силы, дозволенности использования упреждающих ударов по неразвернутому противнику, современного понимания понятия национального суверенитета и о многом другом.

Примечания

¹ «Гратис персонала» подразумевает принятие в состав инспекционных групп граждан соответствующих стран (незначительного количества членов ООН), которые могут позволить себе предложить своих специалистов с полной оплатой их услуг за счет национального финансирования.

² Дебрифинг – последующий детальный опрос инспекторов, которые проводили брифинги по результатам их инспекционной деятельности.

А.А. ШИЛИН. СТРАТЕГИЧЕСКИЙ БАЛАНС В ЮЖНОЙ АЗИИ. М.: Научная книга, 2004. 288 с.

Монография А.А. Шилина представляет собой по сути первое в отечественной науке комплексное исследование динамики и эволюции стратегического баланса в Южной Азии. Автор критически подходит к рассмотрению военно-политических проблем в регионе, анализируя как параметры вооружений Индии и Пакистана, так и факторы, обуславливающие их наращивание. При этом автор не ограничивается рассмотрением динамики отношений между двумя ведущими державами на субконтиненте, учитывая также фактор влияния на ситуацию в регионе со стороны внерегиональных «игроков» – США, России, Китая, Великобритании, Франции.

В работе прослеживается военная эскалация в регионе с самого ее начала в 1940-х гг. Особое внимание при этом уделяется событиям 1990-х гг. и начала XXI в. В числе важнейших новых военно-политических реалий в работе анализируется ядерный фактор. Автор намеренно не рассматривает ядерный фактор с точки зрения международного режима нераспространения, справедливо отмечая, что это является темой самостоятельного исследования. Главное внимание в книге уделяется анализу возможных будущих количественных и структурных параметров ядерных сил Индии и Пакистана и возможных сценариев их эволюции. Автор делает вывод о том, что усиление ядерных сил Индии и Пакистана будет продолжаться и в дальнейшем, как часть общей гонки вооружений между двумя странами, а также в качестве способа для этих стран усилить свои позиции в мировой политике, в том числе в отношениях с великими державами. По мнению автора, Индия в течение ближайших 10–15 лет войдет в число самых мощных в военном отношении стран мира (при сохранении некоторого качественного отставания от наиболее развитых военных держав). При этом сложность политико-экономической ситуации, в которой может оказаться Пакистан, содержит в себе опасность превращения его в *failed state*, что будет иметь существенные последствия для региональной подсистемы международных отношений. Автор также подчеркивает, что гонка вооружений в Южной Азии опасна не только для региона, но и для всего мира.

Книга А.А. Шилина рассчитана в первую очередь на специалистов, занимающихся изучением региональных проблем Южной Азии, специалистов по нераспространению ОМУ, региональным конфликтам, а также на более широкий круг читателей, интересующихся проблемами международных отношений и мировой политики.

PREVENTING NUCLEAR MELTDOWN: MANAGING DECENTRALIZATION OF RUSSIA'S NUCLEAR COMPLEX. JAMES CLAY MOLTZ, VLADIMIR A. ORLOV, ADAM N. STULBERG, EDITORS. Ashgate, 2004. 258 p.

Книга представляет собой сборник аналитических материалов, подготовленных ведущими российскими и американскими экспертами в области нераспространения, в кото-

рых они анализируют проблемы ядерной безопасности в контексте взаимоотношений между центром и регионами в современной России.

В одном из материалов сборника, авторами которого являются директор ПИР-Центра, сотрудник Женевского Центра проблем безопасности В.А. Орлов и член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, вице-президент Компании развития общественных связей (КРОС) Д.Г. Евстафьев, отмечается, что «текущая ситуация в России демонстрирует, что вопрос о сотрудничестве между центром и регионами в ядерном секторе не только не снят с повестки дня, но и является одним из наиболее актуальных». «В последнее десятилетие центр и регионы прошли через различные этапы взаимоотношений по поводу ядерного комплекса и научились быть партнерами – в некоторых случаях разделяя бремя ответственности и экономические выгоды от развития индустрии ядерной энергетики», – подчеркивают В.А. Орлов и Д.Г. Евстафьев.

В книге также имеются исследования по ключевым регионам, связанным с ядерной инфраструктурой: Дальневосточному, Уральскому, Сибирскому и Приволжскому федеральным округам. Помимо этого, в работе анализируется ряд других вопросов, включая такие, как региональная политика бывшего Минатома и роль иностранных программ содействия в развитии отношений между центром и регионами России в ядерной области.

Несмотря на то, что основная работа авторами книги была завершена в 2001 г. и с тех пор в России произошел ряд структурных изменений в системе государственного управления и федеративных отношений (включая реформу правительства РФ и принятие нового законодательства о порядке формирования исполнительной власти в субъектах федерации), представляется, что данная работа не потеряла своей научной актуальности и представляет интерес для широкого круга экспертов, занимающихся изучением проблем нераспространения.

JAPAN'S DISARMAMENT AND NON-PROLIFERATION POLICY. Directorate General, Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2004. 296 p.

Данное издание представляет собой «Белую книгу» по политике Японии в области разоружения и нераспространения оружия массового уничтожения. В работе рассматривается как исторический аспект японской политики в области нераспространения и разоружения, так и ее текущее состояние.

Актуальность этой публикации обусловлена тем, что традиционная политика Японии в области международной безопасности, формировавшаяся после окончания Второй мировой войны и нашедшая свое отражение, в частности, в Конституции 1947 г., которая запрещает использование силы в качестве средства разрешения международных конфликтов, в настоящее время претерпевает определенную трансформацию. Рассмотрение политики Японии в области разоружения и нераспространения обретает особую значимость как в контексте развития системы региональной безопасности в Северо-Восточной Азии (включая северокорейскую проблематику), а также с учетом возрастающей роли региональных держав в глобальных механизмах и институтах безопасности (включая СБ ООН, «Большую восьмерку», ИБОР и т.д.).

В работе детализируется политика Японии по отношению к международным режимам нераспространения ядерного, химического и биологического оружия, а также контроля над обычными вооружениями. Отдельно рассматривается комплекс региональных проблем нераспространения и разоружения, причем не только в Северо-Восточной Азии, но и в регионах Ближнего Востока и Южной Азии. Особого внимания заслуживает раздел, посвященный сотрудничеству России и Японии в рамках программы Глобального партнерства «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения.

К несомненным достоинствам публикации следует отнести доступный стиль изложения, а также большое количество справочного и иллюстративного материала.

ТАК НА КОГО ЖЕ НАЦЕЛЕНЫ РАКЕТЫ?

Главному редактору журнала *Ядерный Контроль* В.А. Орлову:

Уважаемый Владимир Андреевич!

Прежде всего большое спасибо за Ваш благородный труд по изданию очень содержательного и нужного журнала *Ядерный Контроль*. Главное в том, что журнал нашел свою нишу и специфику среди других изданий. Он несет полезную, а в ряде случаев уникальную, научно выверенную информацию, которую нельзя получить в других журналах и газетах. На наш взгляд, наиболее убедительными выглядят статьи В.А. Орлова, В.Н. Михайлова, М.И. Кенжетаева, А.Ю. Румянцева, Р.М. Тимербаева, М. Эльбарадея, И.А. Ахтамзяна, М.С. Виноградова, Б.В. Козюлина, Б.Р. Тузмухамедова, И.Г. Тюлина.

Однако предела совершенству нет. И видимо существует еще немало возможностей для дальнейшего совершенствования содержания журнала, для постановки в нем ряда острых, назревших вопросов, связанных с судьбой ядерного оружия (ЯО) и международным сотрудничеством.

В частности, по ряду проблем пора, видимо, перестать лукавить и определиться, как быть в дальнейшем с ядерным сдерживанием в отношениях между США и Россией. В настоящее время ядерное оружие практически всех государств (США, Великобритании, Франции, Китая) в конечном счете предназначается против нашей страны. Во всяком случае, нельзя сравнивать отношения таких ядерных стран, как США и Великобритания или Великобритания и Франция, с «ядерными отношениями» между США и Россией. На словах ракеты и бомбы с ядерными боеголовками «ни на кого не нацелены», а практически – в последнем случае – ядерные взаимоотношения и взаимоотношения совсем другие. В этих условиях несанкционированное или скрытое применение ядерного оружия «третьими странами» или террористическими организациями может спровоцировать ядерную развязку. Поэтому нужны совсем другие договоры и соглашения по хранению ЯО и организации боевого дежурства стратегических ядерных сил, а также по осуществлению взаимного контроля по обеспечению ядерной безопасности. В настоящее время не имеющие существенного значения так называемые «фланговые ограничения обычного оружия» контролируются более тщательно, чем запасы ЯО.

Наиболее целесообразный путь – это полное уничтожение ЯО, отказ от него, что предлагалось нашей страной в 1950–1960-е гг. Теперь к этому призывает бывший министр обороны США Р. Макнамара. Но при той «кулачной политике», которую в последнее время проводят США, ни Россия, ни Китай, да и некоторые другие страны, не могут отказаться от ядерного оружия. Получается заколдованный круг, из которого в будущем можно как-то выйти только путем коренного пересмотра политического курса ведущих держав на создание нового мироустройства и по отношению к России. Как это сделать?

Весьма острый вопрос – о расширении НАТО и приближении военных структур этой организации (располагающих тактическим ЯО) к границам России. Когда наши войска стояли в Германии, Чехословакии, Венгрии, говорили о «советской военной угрозе». В ответ создали НАТО, а через 6 лет после этого возник Варшавский договор. Уже более 10 лет нет

больше ни «советской военной угрозы», ни Варшавского договора, практически мало что осталось от советских (российских) Вооруженных Сил. В этих условиях с какими целями продолжает существовать и до каких пределов расширяется НАТО?

Если несколько утрировать, не придется ли после Украины и России всей ООН становиться в очередь для вступления в НАТО? А с точки зрения военной – может ли Россия вообще не реагировать на надвигающуюся на ее западные границы военную мощь? В последнее время стали говорить, что в России только сумасшедший может думать о возможности войны с 4–5-кратно превосходящими силами НАТО. Конечно, нам война не нужна. Но это зависит не только от нас. Войну, как это не раз бывало, могут навязать, причем в самых изощренных формах. И видимо, не мешает подумать уже сейчас, что тогда будем делать. Тогда у нас не будет другого выхода, как последовать примеру команды «Варяга», вступившей в неравный бой с 15 японскими кораблями.

Человеческое сообщество не может жить переменами и зигзагами в политике сменяющихся каждые четыре года американских президентов. ООН и другие международные организации должны разработать долгосрочную перспективу развития человеческого сообщества и мироустройства.

Т.С. Мальцев рассказывал как-то, что в 1929 г. он первым в Шадринском районе Курганской области приобрел велосипед. И поскольку во время езды, чтобы не наткнуться на камни, старался смотреть вниз, в результате приходилось часто падать. Потом приезжие рабочие посоветовали ему смотреть вперед, а не под колеса, и он начал уверенно ездить на велосипеде. В конце рассказа знаменитый агроном сокрушенно сказал: «То, что я тогда понял, руководители нашей страны до сих пор никак не могут понять». И если не заикливаться на частных вопросах (камешках на пути нашего движения), а научиться подальше заглядывать вперед и сделать упор на первоочередное рассмотрение фундаментальных проблем, то вопросы ядерного контроля, борьба с терроризмом и другие вопросы разрешатся сами по себе. ОМУ, терроризм и прочие подобные беды – не причины, а следствия нерешенности общих вопросов мироустройства.

Если всего этого не сделать, то, как говорил один мудрый человек, мы будем обречены на каждом шагу спотыкаться об эти общие вопросы, и все решения, соглашения, в том числе по ОМУ, будут носить паллиативный, временный характер, постоянно порождая кризисные ситуации.

Возникает и много других животрепещущих вопросов. Но почему-то принято прямо и откровенно обо всем этом говорить только в узком кругу. Не только на официальных встречах, но и в научных диспутах, статьях, к сожалению, немало лицемерия, недоговорок, объективная оценка действительности подменяется воспроизведением виртуальных «истин», сложившихся стереотипов и мифов. Поэтому суть проблем – в том числе и по ядерному оружию, терроризму – не только не проясняется, но еще больше запутывается, покрываясь непроницаемым туманом. Это, разумеется, относится не только и не столько к Вашему журналу. Такова общая тенденция инерционного развития нашего мышления. А следовательно, уяснение и разрешение назревших проблем будет постоянно отодвигаться до «лучших времен», пока где-нибудь (как 11 сентября 2001 г. в США) не грянет гром.

В связи с этим моя главная мысль сводится к тому, чтобы хоть в научном плане, в том числе на страницах журналов, мы не обходили наиболее острые актуальные вопросы, не маскировали их обтекаемыми фразами, поменьше играли в дипломатию, а максимально обнажали их и сосредоточивали внимание на обсуждении и рассмотрении таких вопросов, внося соответствующие предложения по их наиболее рациональному решению. Может быть, стоит подумать и о том, чтобы появлялись и новые авторы статей, в том числе из зарубежных стран. Не обязательно гоняться за статьями больших начальников. Все равно, как правило, они эти статьи не только не пишут, но и не читают.

Желаю Вам во всем этом больших творческих успехов.
С глубоким уважением,

Президент Академии военных наук, генерал армии
Махмут Гареев

*Академия военных наук
Россия, Москва, 119330, Университетский пр-т, 14.*

E D I T O R I A L

9 **The High-level Panel Did Its Job – "The Process is Underway"**

In 2004, UN Secretary-General Kofi Annan formed the so-called "High-level Panel" to evaluate the character of the changes going on in the world, and the new threats and challenges facing humanity. The goal laid before the Panel was to try to find a consensus opinion on the outlook for, and possible solutions to, many of the world's most critical situations; including one of today's most vital issues – the conditions for, and general appropriateness of, the use of force in international relations for the neutralization of threats to the stability and security of all peoples.

Now, after the presentations of Panel's report, it is clear that Kofi Annan succeeded in forming a sufficiently objective and balanced team consisting of 16 leading political and governmental figures from various countries, a team for which Russian President Vladimir Putin proposed Evgeny Primakov. The panel created an intellectually rich 100-page document. The document's stand is, naturally, a compromise one, but very convincing and helpful, including advice on how to make the UN a more effective instrument for the cooperative resolution of global problems. The report by the 16 "wise men," as they have now been christened, is titled "A More Secure World: Our Shared Responsibility."

In creating the High-level Panel, Kofi Annan took a knowing risk. One can already state that the risk has paid off. The High-level Panel has suitably fulfilled its mission, and gave considered answers to these and other questions. The High-level Panel did its job – it launched the process. Now, it is the duty and honor of the UN Secretary-General and his colleagues to correctly comprehend the intellectual impetus it received and apply it for the common good.

I N T E R V I E W

- 13 **"How Can One Speak of the Development of Nuclear Power and, meanwhile, Put Limits on its Development? – This is the Dilemma that Stands before the NPT Member-States" – Sergio Duarte** – What is the outlook for the 2005 NPT Review Conference, and what are the basic challenges to the nonproliferation regime, these questions are raised in an interview with the President of the Conference Sergio Duarte by the editor-in-chief of this journal, Vladimir Orlov. One of the possible mechanisms for strengthening the regime is giving the Additional Protocol obligatory status, making it mandatory for all non-nuclear states.

- 23 **"Issues of the War on Terrorism Hold the Central Place in the New National Security Concept of Russia" – Nikolai Spassky** – In an interview with Vladimir Orlov, Deputy Secretary of the Security Council Amb. Nikolai Spassky discussed the nature of the development of the Concept, how it differs from the 2000 Concept, measures for increasing the effectiveness of the war on terrorism, the outlook of the CFE Treaty, Russian-NATO relations, and the outlook of Russian-Iranian nuclear cooperation.

A N A L Y S I S

- 29 **The Security of Nuclear Weapons is a Long-Term Priority for Russia – Vladimir Verkhovtsev** – Using as his example the exercise "Emergency-2004", the Deputy Head of the 12 Main Directorate of the Ministry of Defense of the Russian Federation examines practical measures for securing Russia's nuclear arsenal, and comes to the conclusion that Russian protection measures are in accordance with the criteria for nuclear security adopted by the nuclear powers, do not fall below world standards, and in some areas (in particular, the criteria for immunity from unsanctioned use), exceed them. The article notes that to ensure reliable security for its nuclear weapons, Russia has, over the course of many years, cooperated with foreign partners, and has used the knowledge of foreign specialists with long practical experience in this area, both at the highest political level, and as the level of specialist issues.
- 41 **Indian Nuclear Security: Strategic Culture and Doctrine – Rajesh Basrur** – How balanced is India's nuclear strategy, and has India reached its stated objectives through its possession of nuclear weapons? In the opinion of the Director of Center for Global Studies (Mumbai), the future of India's nuclear weapons is unclear; in the first place, due to the risky strategy of the use of nuclear weapons as an element of policy toward Pakistan, which has shown its ineffectiveness and danger in practice. As a result, nuclear weapons will likely play a more modest role in India's security policy.
- 51 **Missile Defense After the ABM Treaty – Pavel Podvig** – Currently, it is impossible to predict all of the positive and negative consequences of the US decision to begin the development of missile defense. The Research Associate Center for International Security and Cooperation of Stanford University (CISAC) asserts, however, that the development of a missile defense system cannot ensure the resolution of those tasks that stand before the US, and it will not have a significant impact on US foreign policy. In the end, the missile defense system will, most likely, occupy a place similar to that of air defense – an important component of the armed forces, capable of providing a real impact on the course of one conflict or another, but not capable of changing the strategic balance in the relations between states.
- 65 **Will the PSI Become a Real Instrument for Counterproliferation Policy? – Alexander Kalyadin** – What place is there in the nonproliferation "arsenal" for the Proliferation Security Initiative (PSI), aimed at preventing the further spread of WMD? The Deputy Director, Center for Political and Military Forecasting of the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences proposes that the significant expansion of international support for the PSI reflects a new tendency in nonproliferation, in particular, in relations towards states that do not observe the norms of the WMD nonproliferation regime. Thus, Russia joined the PSI, as was required by its vital security interests. Becoming a member of the PSI "core," Russia can actively take part in the process of making concrete decisions, and enable a more effective use of the collective capability for strengthening the nonproliferation regime.
- 81 **The "Very Great Game": The U.S. New Frontier in Central Asia – Vincen de Kytspotter** – This article makes the proposal that US actions in the region after September 11th were aimed not only at solving short-term security problems, but also objectively enabled the establishment of definite stability in Central Asia. In the opinion of the author of this article, Major, French Armed Forces, however, US participation in

the region's problems is foremost pursuing long-term strategic tasks that could, likely, destabilize conditions in the region, leading to the creation of new challenges to the security of the states of Central Asia and to the region as a whole.

P O L E M I C S

- 103 **Mutual Assured Destruction: Is There an Alternative? – Aleksei Obukhov** – This article examines the current status of the key doctrine of nuclear deterrence – the concept of "mutually assured destruction" (MAD). Ambassador Obukhov is against attempts to return to the nuclear confrontation of the Cold War, and, in relating to today, to introduce the concept of "non-confrontational deterrence" and proposes that the US and Russia exchange the dangerous concept of MAD for a wide-ranging agreement on mutual security.
- 117 **The North Korean Nuclear Crisis and International Relations in North-East Asia – Yoshinori Takeda** – What influence has North and South Korea, China, Russia, the US and Japan exerted on the crisis on the Korean Peninsula, and what changes in the regional security system can be expected in the future? The author, a diplomat with the Ministry of Foreign Affairs of Japan and a Research Fellow at Georgetown University, comes to the conclusion that through most of the 1990's, the US with DPRK was, de facto, the only actor influencing the development of the North Korean crisis. The reason for Washington's "monopolization" of the Korean problem was, foremost, the fact that the DPRK did not pay much attention to relations with other governments and organizations. Furthermore, the other actors were not very active in the process of regularizing the problems on the Korean Peninsula, including the development of nuclear and missile programs.

C O M M E N T S

- 133 **The Threat of the Use of EMP Weapons for Military and Terrorist Purposes – Vladimir Belous** – Before long, terrorist acts using electromagnetic weapons, acting on various facilities with the aid of powerful electromagnetic pulses (EMP), are likely. The author, Lead Research Fellow at the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Major-General (Ret.), proposes that to neutralize this threat it is necessary to unite the efforts of scientists in different countries with the goal of discovering and neutralizing devices that could be used for the realization of such scenarios, as well as with the goal of developing methods for countering and protecting facilities from attacks with EMP weapons. It is not impossible that, in terms of importance for ensuring national security, such a program will, in the near future, become no less urgent than the creation of missile defense systems, and the importance of such programs will only grow with the passage of time.
- 141 **Nuclear Shipbuilding at the Beginning of the 21st Century – Mikhail Barabanov** – This article gives a short historical outline of, current conditions of, and outlook for nuclear military and civilian shipbuilding. The author, a Russian independent expert, notes that currently there is reduced enthusiasm in military fleets for the use of nuclear plants for military escort ships and cruisers. The article also analyzes the reasons for the continued use of nuclear power on American aircraft carriers.

R E V I E W

- 149 **On the Proliferation of Chemical and Biological Weapons in the States of the Middle East and North Africa – Vitaly Yurchenko** – In the opinion of the author of this article, an expert at the Institute for Israeli and Middle Eastern Studies, Colonel (Ret.), there is on-going work by countries of this region to develop and producing chemical and biological weapons under conditions of the utmost secrecy, including work in violation of officially accepted international responsibilities. Taking this into account, the relative accessibility of these types of WMD, the presence of the necessary infrastructure

and specialists as well as means of delivery all enable the possession of chemical and biological weapons by Middle Eastern and North African states.

- 159 **New Directions for the Global Partnership Program – Aleksei Shitikov** – The changing conditions in which the Global Partnership (GP) program should be fulfilled could require corrections in the time-line for beginning the realization of projects and the structure for cooperation, notes this article. The author, Attache, Department for Security and Arms Control Issues, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, notes that Russia needs to define new directions for cooperation within the GP and that look to be the most important from the point of view of nonproliferation and protecting national interests. It is of central importance that all new projects are in accordance with the underling principles of the GP, as well as that all of the cooperation potential is used for the resolution of concrete tasks in the areas of nonproliferation and the liquidation of the threat connected to the use of WMD by terrorists.

H I S T O R Y

- 171 **Lessons from the Fourth NPT Review Conference, 1990 – Roland Timerbaev** – Ambassador Timerbaev reconstructs, on the basis of his diary entries, the events of the final phase of consultation on the development of the concluding document of NPT Review Conference on nuclear testing issues. The article notes that the 1990 conference ended without the adoption of a concluding declaration, but this did not detract from the importance of the NPT or reduce its effectiveness. In this regard, its results served as a sobering and, to a certain degree, mobilizing factor for the US. Despite the historical character of the events, they have not lost their relevance today.

L I B R A R Y

- 177 **Disarming Iraq – Gennady Evstafiev** – In the pages of his memoir, the head of the UN Commission on Iraq Hans Blix further tells of the years and millions wasted on the search for signs of that which the author aptly christened "weapons of mass disappearance" in Iraq.
- 181 **New books – Daniil Kobayakov** – A review of the most interesting new books in the PIR Center's library.

L E T T E R S T O T H E E D I T O R

- 183 **Makhmut Gareev – What are the missiles pointed at?** – In this letter to the editor, the author, President of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation proposes that we stop beating around the bush, and define the future of nuclear deterrence in US-Russian relations; as, at least in theory, the missiles and bombs with nuclear warheads "are not targeting anyone" and practically speaking – compared to what they once were – nuclear relations and mutual perceptions are totally different.

- 185 S U M M A R Y

- 189 A B O U T T H E A U T H O R S

- 193 A D V I S O R Y B O A R D

- 197 S U B S C R I P T I O N I N F O R M A T I O N

Барабанов Михаил Сергеевич – независимый эксперт. Родился в 1971 г. В 1993 г. окончил Московский государственный университет культуры, работает в муниципальных структурах г. Москвы. Круг научных интересов: военно-морская история и современные ВМС. Автор многочисленных публикаций в журналах *Ядерный Контроль*, *Экспорт Вооружений*, *Арсенал*, *Военно-Промышленный Курьер*, *Независимое Военное Обозрение*, среди которых можно отметить статью «Перспективы атомного подводного судостроения в XXI веке». *Ядерный Контроль*. 2004. № 2, лето. Адрес электронной почты: admiralgrafspee@mail.ru

Басрур Раджеш (**Basrur**, Rajesh M.) – президент Центра глобальных исследований в Мумбае, Индия. Получил степень бакалавра, магистра и доктора философии в университете г. Дели. В 1994 г. – стипендиат Университета Симона Фрейзера (Канада); в 1995–1996 гг. – Университета Иллинойса (США). В 2001 г. стажировался в центре Г. Стимсона (США). В 2001–2002 гг. в Институте Брукинга в Вашингтоне. Сфера научных интересов – политика в области безопасности, включая вопросы, связанные с ядерным оружием, а также теория международных отношений. Является автором монографии «Security in the New Millennium». New Delhi: Research Press, 2001; «India's External Relations: A Theoretical Analysis». New Delhi: Commonwealth Publishers, 2000. Адрес электронной почты: rmbasrur@hotmail.com

Белоус Владимир Семенович – ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), генерал-майор (в отставке). Родился в 1927 г. В 1942–1945 гг. учился в Московской специальной артиллерийской школе, в 1945–1948 гг. – в Днепропетровском артиллерийском училище. В 1962 г. с отличием закончил инженерный факультет Военной академии РВСН им. Ф.Э. Дзержинского. С 1990 г. – в Центре научных исследований Комитета ученых за глобальную безопасность. Возглавлял Центр международных и стратегических исследований РАУ-Университета. С 2001 г. – ведущий сотрудник ИМЭМО РАН. Автор более 200 научных работ и публикаций, в том числе 8 монографий, по военно-техническим и военно-политическим проблемам, последние из которых «ПРО США: мечты и реальность». М.: Национальный институт прессы. 2001; «Ядерный терроризм: попытки уже были». *Независимое Военное Обозрение*. 2004, 8 октября.

Верховцев Владимир Николаевич – заместитель начальника 12-го Главного управления Министерства обороны РФ, генерал-лейтенант.

Гареев Махмут Ахметович – президент Академии военных наук, генерал армии (в отставке). Родился в 1923 г. В 1941 г. окончил Ташкентское пехотное училище, в 1950 г. окончил военную академию им. М.В. Фрунзе. В 1957 – 1959 гг. – слушатель Военной академии имени К.Е. Ворошилова (с 1958 г. – Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР). С ноября 1959 г. и по сентябрь 1970 г. последовательно занимал должности: заместитель командира гвардейской мотострелковой дивизии, командир гвардейского учебного мотострелкового полка, заместитель командира

гвардейской учебной танковой дивизии, командир той же танковой дивизии, наконец, начальник штаба – первый заместитель командующего общевойсковой армией. В 1989–1991 гг. – советник президента Демократической Республики Афганистан по военным вопросам. С 1993 г. – президент Академии военных наук. Доктор военных наук и доктор исторических наук, автор более 250 научных работ, одна из последних: «Полководцы Победы и их военное наследие. Очерки о военном искусстве полководцев, завершивших Великую Отечественную войну». М.: Инсан. 2003.

Дуарте Серхио (**Duarte, Sergio**) – посол Бразилии по вопросам разоружения. Работал послом Бразилии в Канаде. В 1999–2000 гг. председатель Совета управляющих МАГАТЭ. В 1999–2001 гг. – постоянный представитель Бразилии при МАГАТЭ. Советник-посланник, заместитель специального представителя делегации Бразилии на Конференции по разоружению. В мае 2005 г. приступит к исполнению обязанностей Председателя Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Являлся начальником управления СВР по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада «Распространение ОМУ – новый вызов после «Холодной войны». С 2000 по 2003 гг. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор и соавтор публикаций: «Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски». *Ядерный Контроль*. 2004. №1, весна; статьи «Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах». *Ядерный Контроль*. 2004. № 3, осень. Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

Калядин Александр Николаевич – заместитель заведующего Центром политических и военных прогнозов Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук. В 1956 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1976 г. ему была присуждена степень доктора исторических наук. Действительный член Академии военных наук. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор и соавтор многочисленных книг и публикаций по вопросам международной безопасности и контролю над вооружениями, среди которых: «Проблемы выполнения Россией Конвенции о запрещении химического оружия». Ежегодник СИПРИ 1998. М.: Наука, 1999; «Проблема своевременной ликвидации запасов химического оружия бывшего СССР». *Ядерный Контроль*. 2001. № 3, март–апрель; «Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения». *Ядерный Контроль*. 2003. № 3, осень. Адрес электронной почты: av5522@comtv.ru

Китспоттер Винсен (**de Kytspotter, Vincen**) – майор вооруженных сил Франции. В 1993–1994 гг. в составе Миротворческих сил ООН по охране (UNPROFOR) в Сараево. В 1997–1999 гг. в составе Стабилизационных сил (SFOR) в Сараево. Имеет магистерскую степень по истории, кандидатскую степень в области международных отношений университета Экс-ан-Прованса. В 2003–2004 гг. прошел программу повышения квалификации в Женевском центре политики безопасности в рамках Международного курса повышения квалификации. Его научный доклад, сделанный в рамках этой стажировки, был отмечен в качестве лучшего.

Обухов Алексей Александрович – Чрезвычайный и Полномочный Посол. Родился в 1937 г. Окончил МГИМО в 1961 г. В 1962–1963 гг. по студенческому обмену находился в Чикагском университете. С 1965 по 2002 г. работал в МИД СССР/России. Кандидат исторических наук. В 1987–1988 гг. – глава советской делегации на переговорах с США по ядерным и космическим вооружениям. С 1988 по 1990 г. – заведующий отделом США и Канады. В 1990–1991 гг. – заместитель министра иностранных дел СССР. С 1992 по 1996 г. – посол РФ в Дании. С 1996 по 2002 г. – посол по особым поручениям РФ. Автор

монографии «Философия политики силы». М.: Международные Отношения, 1972. Адрес электронной почты: moscowsuper@mtu-net.ru

Подвиг Павел Леонардович – научный сотрудник Центра международной безопасности и сотрудничества Стэнфордского университета. Родился в 1964 г. В 1988 г. окончил Московский физико-технический институт (МФТИ), в 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию в Институте мировой экономики и международных отношений. С 1991 по 2004 г. – сотрудник Центра по изучению проблем разоружения при МФТИ. В период с 1992 по 2004 гг. работал в Программе по изучению вопросов безопасности Массачусетского технологического института и Программе «Наука и всеобщая безопасность» Принстонского университета. В 1995–2001 гг. являлся руководителем проекта, результатом которого стало издание книги «Стратегическое ядерное вооружение России». М.: ИзДАТ, 1998, Cambridge: The MIT Press, 2001. Автор многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях, посвященных противоракетной обороне, стратегическим вооружениям и российско-американским отношениям. Среди них можно отметить «Лабиринты противоракетного сотрудничества». *Известия*. 2003, 24 июня; «История и современное состояние российской системы предупреждения о ракетном нападении». *Science and Global Security*. 2002, Vol. 10, No. 1, «Russian Early-Warning System and Danger of Inadvertent Launch». *Physics and Society*. 2003, Vol. 32, No. 1, January. Адрес электронной почты: podvig@stanford.edu

Спасский Николай Николаевич – заместитель Секретаря Совета безопасности Российской Федерации. Родился в 1961 г. В 1983 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. В системе МИД с 1983 г. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате Министерства. В 1992–1994 гг. – заместитель, первый заместитель директора, с февраля 1994 г. – директор Департамента Северной Америки. С декабря 1995 г. – член Коллегии МИД России. В 1998 – 2004 гг. посол Российской Федерации в Итальянской Республике и Республике Сан-Марино по совместительству. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1-го класса. Доктор политических наук, кандидат исторических наук.

Такэда Ёсинори (**Takeda**, Yoshinori) – сотрудник МИД Японии и научный сотрудник Джорджтаунского университета. Родился в 1973 г. В 1996 г. окончил политико-экономический факультет Университета Васэда (Токио, Япония). С 1996 по 1999 г. – аспирант юридического факультета Токийского Университета (Япония). В 1998 г. защитил диссертацию в области политической истории СССР и получил степень магистра. В 2000 г. поступил на службу в МИД Японии. В 2000–2002 гг. – сотрудник российского отдела в Европейском департаменте. С 2002 по 2004 г. – студент российского отделения магистратуры по международным отношениям МГИМО. С августа 2004 г. – научный сотрудник Джорджтаунского университета. Автор научных работ по вопросам внешней политики России и безопасности в Северо-Восточной Азии. Адрес электронной почты: y_takeda0815@hotmail.com

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета. В 1949 г. окончил МГИМО МИД СССР. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР/России. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России в международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: ПИР-Центр, 2000. Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: ПИР-Центр, 2000

X
A
P
O
T
B
A
O

и 2002. Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М.: ПИР-Центр, 2001; монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». М.: ПИР-Центр, 2001, работ «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*, 2001, № 17, «Международный контроль над атомной энергией». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2003. №22 и «Режим нераспространения на современном этапе и его перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2004. № 25. Член Редколлегии журнала *Ядерный Контроль*. Адрес электронной почты: timerbaev@pircenter.org

Шитиков Алексей Валерьевич – атташе Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ. Родился в 1978 г. В 2003 г. окончил Российский университет дружбы народов. Принимал участие в Программе повышения квалификации молодых специалистов, организованной ПИР-Центром в марте 2004 г. Сфера научных интересов – проблемы стратегической стабильности, вопросы, связанные с тактическим ядерным оружием, программой Глобального партнерства. Адрес электронной почты: achitikoff@hotmail.com

Юрченко Валентин Петрович – эксперт Института изучения Израиля и Ближнего Востока (ИИИБВ), полковник запаса. Родился в 1948 г. В 1974 г. закончил Военный институт МО СССР по специальности переводчик-референт арабского и английского языков. С 1975 по 1979 гг. проходил службу в качестве военного переводчика. В 1970–1972 и 1975–1977 гг. находился в служебной командировке в Сирии. С 1979 по 1998 гг. на различных должностях в Генштабе ВС СССР/РФ. Работал старшим научным сотрудником в различных НИИ МО РФ. Автор монографии «Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.)» М.: 2003. Автор многочисленных статей по политическим и военным проблемам Ближнего Востока в сборниках ИИИБВ и российских периодических изданиях, среди последних: «Военно-политическая обстановка в Ираке (ноябрь 2004 г.)», 2004, 7 декабря; «О деятельности частных охранных и военных фирм в Ираке», 2004, 1 декабря.

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 25 января 2005 г.)

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., МИД РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, член-корресподент РАН, Центр политических и военных прогнозов, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент РАН, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Беляева Марина Павловна, Федеральное агентство по атомной энергии, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Булочников Анатолий Михайлович, Центр по проблемам экспортного контроля, Москва, Россия

Бухарин Олег, д-р, Комиссия по ядерному надзору США, Вашингтон, США

Виноградов Михаил Сергеевич, генерал-лейтенант (в отставке), Комитет ученых за глобальную безопасность, Москва, Россия

Волландер Селест, д-р, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США.

Володин Юрий Георгиевич, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина» (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, Администрация Президента, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, Институт Акроним, Лондон, Великобритания

Дьяков Анатолий Степанович, к.ф.-м.н., Центр разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института, Долгопрудный, Россия

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., КРОС, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., Казахстанский филиал Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Алма-Ата, Казахстан

Есин Виктор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник командующего Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), Москва, Россия

Зведре Евгений Константинович, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Зобов Андрей Иванович, Ядерное общество России, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., Москва, Россия

Калядин Александр Николаевич, д.и.н., Центр политических и военных прогнозов, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Козюлин Вадим Борисович, к.п.н., Москва, Россия

Козлов Виктор Васильевич, д.э.н., Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, генерал-майор (в отставке), проф., Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Кривохижа Василий Иосифович, д.п.н., Аппарат Совета Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Крючков Эдуард Феликсович, к.т.н., Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, академик РАН, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), Группа *Глобал Консалтинг*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, Правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия

Льюис Патриция, д-р, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Макиенко Константин Владимирович, Центр АСТ, Москва, Россия

Манилов Валерий Леонидович, генерал-полковник (в отставке), Аппарат Совета Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Маргелов Михаил Витальевич, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Мисюченко Владимир Федорович, к.ф.н., Аппарат Совета Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Михайлов Виктор Никитович, академик РАН, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Хромов Геннадий Константинович, Москва, Россия

Цыгичко Виталий Николаевич, проф., академик Российской академии естественных наук, Институт системного анализа РАН, Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, Московское бюро, *BBC* Всемирная Служба, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, Министерство информационных технологий и связи РФ, Москва, Россия

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

Журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке)
выходит четыре раза в год
Стоимость подписки на 2005 год – **3000 руб.**

Оформление подписки для резидентов РФ

Реализацией издания на территории России и СНГ занимаются:

- **Агентство «РОСПЕЧАТЬ»**

Информация о подписке на 2005 г. находится в *каталоге «ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ»*. Индекс издания – **79280, с. 589**

- **ООО «ТРИАЛОГ»**

Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный подписной купон вместе с квитанцией об оплате следует направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

Оформление подписки для нерезидентов РФ

ПИР-Центр принимает к оплате чеки зарубежных банков в долларах США. Чеки на имя **Center for Policy Studies in Russia** просьба направлять по адресу:
P.O. Box 137, 121019, Moscow, Russia, Trialogue Company

В этом случае стоимость подписки на журнал «Ядерный Контроль» на 2005 г. составит:

Журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке) **100 долл. США**

Реализацией журнала за рубежом занимаются агентства:

Swets Blackwell

tel.: +31-252-435-111
fax: +31-252-415-888
e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com
<http://www.swetsblackwell.com>

East View Publications

Представительство в России
тел.: +7-095-777-6558
факс: +7-095-318-0881
<http://www.eastview.com>

***По всем вопросам оформления подписки
следует обращаться к партнеру ПИР-Центра по изданию и распространению
компании «Триалог»***

по тел.: +7-095-764-9896

факс: +7-095-234-9558

e-mail: info@trialogue.ru

121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

<http://www.trialogue.ru>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

☐ «Ядерный Контроль», журнал на русском языке

Ф. И. О. получателя (полностью)

Организация, должность

Период подписки: ☐ 2005 год

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Количество экземпляров

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

☐ «Ядерный Контроль», журнал на русском языке

Наименование организации

Период подписки: ☐ 2005 год

Юридический адрес

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Р/с

ИНН

Количество экземпляров

Извещение

Форма №ПД-4

ООО «Триалог»

(наименование получателя)

ИНН 7729422765

ИНН получателя платежа

№ р/сч 40702810738250120106

(номер счета получателя платежа)

Люблинское ОСБ №7977, г. Москва

(наименование банка и банковские
реквизиты)

к/сч 30101810400000000225

БИК 044525225

Подписка на журнал

(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа

_____ (руб.) _____ (коп.)

Квитанция

Форма №ПД-4

ООО «Триалог»

(наименование получателя)

ИНН 7729422765

ИНН получателя платежа

№ р/сч 40702810738250120106

(номер счета получателя платежа)

Люблинское ОСБ №7977, г. Москва

(наименование банка и банковские
реквизиты)

к/сч 30101810400000000225

БИК 044525225

Подписка на журнал

(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа

_____ (руб.) _____ (коп.)

Количество экземпляров _____

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)